СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пенские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1–3
2022

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Пенские зори

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2022 — 1-3(66)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА
Жалует царь, остальные посмеиваются: след в русской литературе. К 235-летию со дня рождения видного русского литератора и филолога Николая Ивановича Греча (1787—1867)..... 3
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК
Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 21
Борис Григорьев. Рабы с Востока: Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945) (главы из очерка)..... 33
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Евгений Асташкин. Клад в угловом доме..... 44
Эдуард Георгиевский. Важный разговор (Из серии «Уличные зарисовки)..... 51
Аркадий Польшин. Наумыч..... 56
Николай Макаров. Сорок лет спустя (Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)..... 65
Абдуллох Абдумоминов. Похитители времени..... 73
Петр Любестовский. Не жалею, не зову, не плачу... 75
Игорь Карлов. Арабески..... 81
Михаил Смирнов. Долгая песня курая..... 85
Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье»..... 92
Сергей Криворотов. Смотри в глаза..... 107
Александр Петренко. Я женщина, мне можно! 115
Владимир Жуков. Медвяная падь..... 119
Владимир Пахомов. Крест на высоком берегу..... 126
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Андрей Новиков. Морфемы..... 137
Николай Тимохин. «Сегодня ты мне открываешь двери...»..... 143
Надежда Доронина. Пущино — Хельсинки..... 146
Анна Буторова. Купальня Афродиты..... 148
Елена Казлова. Это канун Покро́ва..... 151
Виталий Кузнецов. Тула..... 153
Яков Шафран. «Много раз слетали листья кленов...»..... 157
Валерий Акимов. Нашему Нижневартовску — 50 лет..... 161
Владислав Бусов. Белоствольные символы России..... 165
Людмила Свирская. «Апрель был продолжением февраля...»..... 169
Михаил Афонин. Красно-синее..... 172
Василий Тараканов. Избранное..... 174
Владимир Шугля. Заворожен матушкой-зимой (цикл стихов)..... 177
Евгений Харитонов. Летняя ночь..... 180

Мария Шадрина. Карета подана, мадам! 182
Анатолий Арестов. Осенняя печаль..... 184
Андрей Канавщиков. Михаилу Исаковскому..... 186
Валерий Румянцев. «Память моя бескрыла...»..... 188
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Александр Балтин. К 210-летию со дня рождения И. А. Гончарова..... 190
Алла Новикова-Строганова. «О вечном примирении и жизни бесконечной...»
(К 160-летию создания романа «Отцы и дети»)..... 192
Валерий Румянцев. По страницам поэзии Михаила Анищенко..... 203
Вадимир Трусов. Сердца несуетного тепло (о поэтическом творчестве Ольги Беспаловой)..... 211
Валентин Огнев. Купцы Нечаевы города Ефремова..... 217
Евгений Трещев. Последний бой (рецензия)..... 226
Татьяна Михеева. Рецензия на книгу Николая Макарова «Лето в деревне»..... 230
«Почему же нельзя быть красивой такой?» (интервью для журнала «Приокские зори»)..... 231
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 234

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:
Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Москва) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «День литературы» (Москва)
— поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
http://www.pz.tula.ru
http://www.tro-spr.ru

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

© «Приокские зори», 2022

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Вниманию читателей и авторов: настоящий выпуск выходит строенным № 1—3, 2022, поскольку журнал первую половину 2022-го года находился на переучреждении — ввиду юридической ликвидации организации, являвшейся прежним учредителем. С настоящего выпуска журнал выходит ежеквартально, издается Тульским отделением Союза писателей России, в электронной форме публикуется на сайтах: http://www.pz.tula.ru и http://www.tro-spr.ru. В выпуске публикуются материалы, присланные до 01.01.2022 г.

ЖАЛУЕТ ЦАРЬ, ОСТАЛЬНЫЕ ПОСМЕИВАЮТСЯ: СЛЕД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К 235-летию со дня рождения видного русского литератора и филолога Николая Ивановича Греча (1787—1867)

Портрет из Википедии©

...Несколько моих статей были отвергнуты ареопагом, отринуты французскими фразами и с насмешливыми взглядами на мой стереотипный наряд. Жестокое испытание! — Нет! сто раз лучше терпеть голод и стужу, нежели презрение людей, хотя б оно вовсе было незаслуженное! Впрочем я должен исключить из этого моих товарищей: они всегда сохраняли дружеское ко мне расположение, но не могли защитить меня от неизбежной судьбы бедности и несветского воспитания.

Н. И. Греч «Записки о моей жизни: Воспоминания юности»

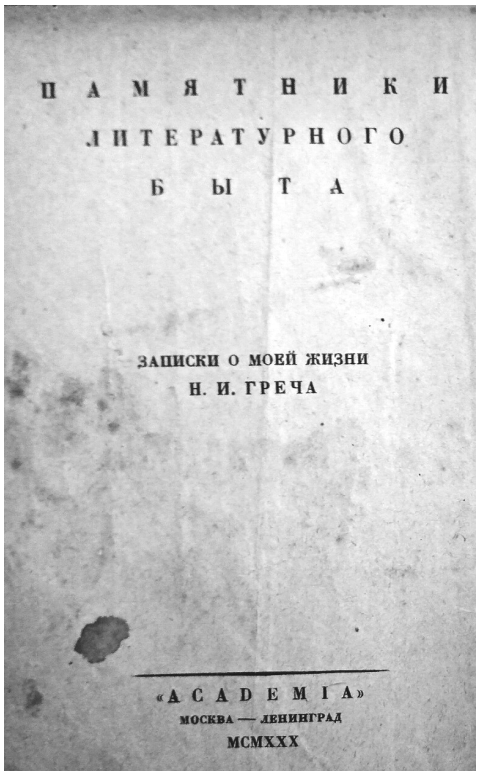
♦ Со школьных уроков литературы, относящихся к русской словесности первой половины XIX века, осталась память о странной фигуре Николая Ивановича Греча. Обычно в сочетании с Фаддеем Бенедиктовичем Булгариным (1989—1859). Причем первый родом из прусских немцев, другой из поляков. Но оба однозначно позиционировались как русские писатели и активные участники литературного процесса в России. Как раз происхождение их какого-либо акцентирования не требует: обрусевшие немцы со времен Петра Первого играли видную роль во всех сферах русской жизни. Что уж здесь говорить о поляках — с последней трети XVIII века подданных Российской империи. Тем более, что после каждого из многочисленных восстаний

шляхты (народ, в массе своей, жизнь в империи вполне устраивала), дворяне частично отправлялись на поселение в Сибирь, другие расселялись по губернским городам и обеим столицам. Откройте любой роман девятнадцатого века, того же Достоевского и Лескова, и увидите среди персонажей «неизменных полячков» — чиновников и литераторов преимущественно. Даже польские ордена Станислава и Белого Орла были в 1831 году включены в число русских орденов... Но — вернемся к нашим школьным литературным урокам, из которых так следовало, что Греч (опять же с Булгариным) являлся в первой половине девятнадцатого века, но особенно в первой его трети, главным врагом и ненавистником передовой русской литературы, доносчиком и едва ли не тайным агентом III отделения графа Бенкендорфа. А комизму и дуумвирату Греча и Булгарина придавали вес известные строки из «Кукушки и Петуха» И. Крылова, в которых «не боясь греха, Кукушка хвалит Петуха», а «тот Кукушку хвалит». Вот что школьник выносил в памяти по части литературы о Николае Грече.

И хотя по прикидкам литературоведов возможное полное собрание сочинений Греча составило бы не менее двадцати объемистых томов, но даже специалисты помнят только две его книги: «Записки о моей жизни» и «Пространная русская грамматика» (*см. иллюстрацию*). Так получилось, как обычно говорят библиофилы, словно оправдываясь, что обе эти книги находятся «под рукой». На фотографии мы их и видим: изящный толстенький томик, в каковом формате в 1920—30 гг. московско-ленинградское издательство «*Academia*» печатало свои книги — литературные памятники разных эпох и стран (*см. иллюстрацию*),— самая (и единственная!) известная в прошедшие полтораста лет книга Николая Греча «Записки о моей жизни» 1930 (MCMXXX) года издания в серии «Памятники литературного быта». Как этот экземпляр со штампом Бобруйской городской библиотеки им. А. С. Пушкина (по сохранности и чернилам штампа — именно 30-х годов) попал в Тулу, где и попался мне давненько на глаза в букинистическом магазине? — пути книг, как и их читателей, неисповедимы...

Книги Н. И. Греча (слева направо): «Пространная русская грамматика» и «Записки о моей жизни»

Если канонические в русской литературной мемуаристике воспоминания Е.Н. Водовозова «На заре жизни» (соврем. изд. 1987), А.В. Григоровича «Литературные воспоминания» и В.А. Панаева «Воспоминания» (тот же год соврем. изд.), Андрея Белого «Начало века» (1990...) относятся к литературному процессу России второй половины XIX века и началу века двадцатого, то «Записки» Греча единственны в своем роде: воспоминания активного очевидца о становлении русской литературы начала девятнадцатого века, но — об этом подробнее ниже.


П А М Я Т Н И К И

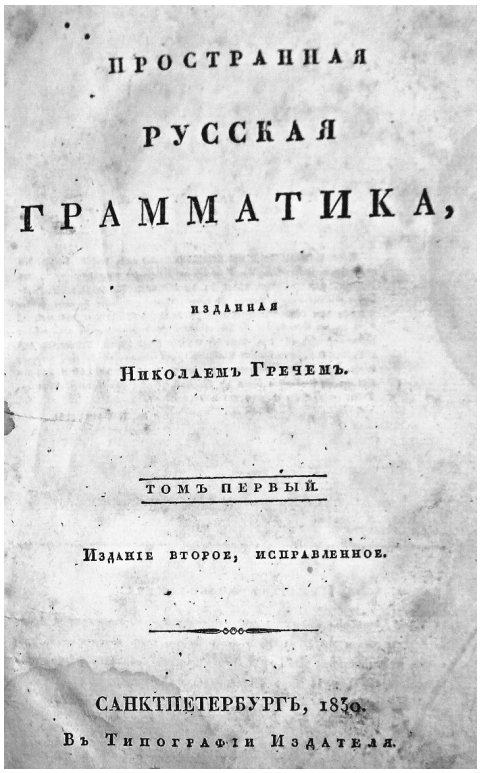
Л И Т Е Р А Т У Р Н О Г О

Б Ы Т А

ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ
Н. И. ГРЕЧА

«A C A D E M I A»
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
MCMXXX

Фронтиспис книги Н. И. Греча «Записки о моей жизни»


ПРОСТРАННАЯ

РУССКАЯ

ГРАММАТИКА,

ИЗДАННАЯ

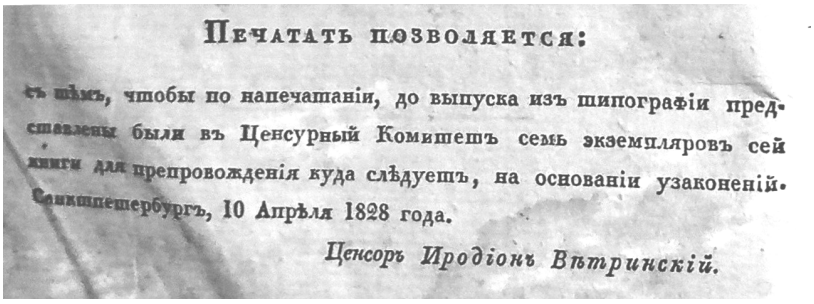
Николаемъ Гречемъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе второе, исправленное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1830.
Въ Типографіи Издателя.

Титульный лист книги Н. И. Греча «Пространная русская грамматика» (первый том) — второе издание 1830-го года


Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

Санктпетербургъ, 10 Апрѣля 1828 года.

Цензоръ Иродіонъ Ватринскій.

Отметка на обороте титульного листа книги Н. И. Греча «Пространная русская грамматика» о цензурном разрешении на печатание

...Еще более интересен «путь» «Пространной русской грамматики» — в истории этой книги всего два издания 1827 и 1830 (*см. иллюстрацию*) — второй том так и не был издан; см. также отметку на обороте титульного листа о цензурном разрешении на печатание: великолепный образец высокого канцелярского штиля!

Этот экземпляр книги, которому немного не хватает до двухсотлетия, в полукожанном (полиграфический термин), с золотым, совершенно не потускневшим! виньеточным тиснением названия на торце, напечатанный на белейшей, без намека на «двухвековую желтизну», бумаге с водяными знаками (технологическая сетка и год производства бумаги «1827») на знаемом мною пути связан с селом Порецким — оно на берегу Суры — в Чувашии. Порецкое — старинное русское село с многовековой историей, со времен послезолотоордынского вхождения поволжских финно-угорских и тюркских (те же чуваши, но впоследствии принявшие православие) народов в состав Руси. Торговое село на судоходной Суре, водный путь из Пензы в Нижний Новгород.

Население большого, раскинувшегося на нескольких холмах высокого, то есть западного, берега Суры, села значительно увеличилось в Первую мировую войну (тогда ее именовали Отечественной, в советское время — Империалистической, что намного справедливее...) за счет переселенцев из Западной Белоруссии. Сочтем необходимым дать пояснение. Каждый знает, а старшие поколения по рассказам своих родителей и дедов — очевидцев и участников знакомы, о коллективном подвиге советского народа — эвакуации на Восток промышленности с оккупируемых противником территорий. Менее известно, что эвакуация происходила не стихийно, но по разработанным до войны генштабом и совнаркомом планам. В свою очередь, они использовали опыт подобной эвакуации в годы Первой мировой войны: с территорий Польши, Прибалтики, западных частей Украины и Белоруссии, с которых русская армия отступала перед натиском германских войск (на австрийском фронта таких территорий не имелось, наоборот, был Брусиловский прорыв на Венгерскую равнину...), эвакуировались не только предприятия, вузы*, продовольственные и промышленные товары и материалы, но и в массовом порядке перемещалось в глубь России население (в Великую Отечественную войну массовую эвакуацию населения осуществить не удалось по объективным причинам).

В литературном отображении эта эвакуация — на примере латышей — основательно и развернуто показана в романах классика латышской советской литературы Вилиса Лациса, в пятидесятые годы Председателя Президиума Верховного Совета Латвийской СССР.

...Вот и в Порецкое прибыли вынужденные переселенцы из Западной Белоруссии, из Белостока и других городов, сел и деревень. Прибыли, прижились, там и остались. Словом, потомок этих переселенцев и подарил мне этот экземпляр «Пространной русской грамматики», пояснив, что он, наряду с несколькими другими книгами восемнадцатого и девятнадцатого веков издания, достался ему от своей бабушки, учительницы из Порецкого. А ей, в свою очередь, сразу после революции и Гражданской войны, книги эти принесли ученики: по соседству народ «приватизировал» помещичью усадьбу. По словам моего дарителя, многие из этих любовно переплетенных в кожу и шелк книг имели надпись на форзаце: «Из книг Якова Ульянова», по всей видимости, владельца усадьбы в годы указанных изданий. Не исключаю, что это был один из дальних — по времени и линии — родственников симбирских Ульяновых: по отцовской линии Владимир Ильич из тех же мест.

...На этом завершим усладу библиофила: литературно-историко-краеведческие изыскания, и вернемся к неоднозначной фигуре Николая Греча.

♦ На безрыбье и рак рыба — эта пословица в данном случае не к месту, если со-

* Так Варшавский университет был вывезен (оборудование, профессура, студенты) в Ростов-на-Дону, а Варшавский же политехнический институт в Новочеркасск. Там они и остались — в преемственности состава — до настоящего времени.

слаться на отсутствие в 2022 году круглых дат русской литературы, в отличии, например, от года предыдущего: 200-летия Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова и другие юбилейные даты. Да и Николай Иванович Греч, как бы его не затушевывали в тех же школьных программах, вовсе не в статусе ракообразного на фоне зоологического ряда рыб... хотя бы сейчас рыба полностью исчезла из нашего пищевого рациона. Это к слову, но прекращение пополнения организма фосфором имеет далеко идущие последствия.

Говоря без обиняков, 235-летие со дня рождения Греча, приходящееся на этот год, есть просто извинительный предлог обратиться к такому своеобразному и такому напрочь забытому представителю русской словесности, а тем более русского литературного процесса первой половины XIX века как Николай Греч. О забытости, вне всякого сомнения, свидетельствует практическое отсутствие в последние полтора века переизданий его сочинений. Те же «Записки о моей жизни», кроме указанного выше издания 1930-го года, публиковались в начале двухтысячных годов в одном из московских издательств. И только; другие художественные, филологические, публицистические произведения (повторимся: на двадцать томов их набегает) в эти полтора века не переиздавались. Так и остались в сладостном для библиофилов качестве прижизненных изданий... да, еще А. С. Суворин, «издатель всея России», выпустил в 1886 году те же «Записки о моей жизни». Теперь уж точно «и только».

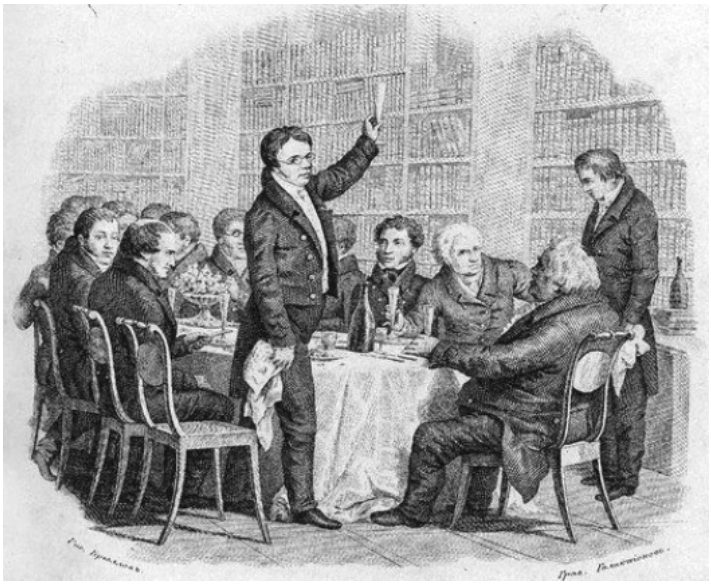
Что-то из книг Н. И. Греча размещено в интернете на сайте <русской> классической литературы, но кто же будет читать его там? Разве что курсовые работы украшать «цитатами из Греча» придет в голову иному студенту-отличнику (остальные отыскивают готовые рефераты...) журфака или филфака? А из лекций по русской литературе девятнадцатого века в Литературном институте касательно Греча помню только горьковатую, но провидческую шутку, что, мол, в следующем веке (то есть в нынешнем двадцать первом) те же Карел Чапек и *наш* Николай Греч останутся в исторической памяти лишь как изобретатели слов «робот» и «паровоз», соответственно. Что и сбылось с точностью до промилле (это не по части гаишников...).

Но в первой трети девятнадцатого века, когда собственно только и складывался русский литературный базис, словесность становилась общественным, социальным явлением, имя Греча, как писателя, значилось в самом первом ряду. Взгляните на известную виньетку (то есть рисунок) Александра Брюллова (1798—1877; брат Карла Брюллова), на которой изображены члены «Арзамаса», с которым неразрывно связано творчество Пушкина (*см. иллюстрацию*). Именно с «Арзамаса» и начался тот период великой русской литературы, что по праву называется феноменом словесности. И Николай Греч в этом собрании первородных талантов пера далеко не из последних.

Судьбе с ее исторической насмешкой вольно было распорядиться, чтобы двое из изображенных здесь литераторов стали предметом насмешек как в девятнадцатом, так и в двадцатом веках (наш век — «а нынешние нут-ка») — это Николай Иванович Греч и Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), самый близкий друг нашего великого полководца А. В. Суворова*, его родственник — муж родной его племянницы, княжны Аграфены Ивановны Горчаковой, граф Сардинского королевства (по протекции А. В. Суворова), действительный тайный советник (чин II класса Табели о рангах!), член Синода и Сената, но более всего Хвостов полагал себя поэтом. И был несомненным дарованием, но поскольку избрал архаичную к тому времени ложноклассическую манеру стихосложения, то являлся предметом общих насмешек. Особенно язвили в его адрес Державин и Пушкин. Опять же Дмитрий Иванович — постоянный персонаж литературных анекдотов первой трети XIX века... было на Руси время, когда предметом нескрываемых насмешек и анекдотов являлся носитель выс-

* А. В. Суворов. Письма / Издание подготовил В. С. Лопатин.— М.: Наука, 1986.— 808 с. (Серия «Литературные памятники»). Из 700 помещенных в книге писем А. С. Суворова наиболее частыми адресатами являются Потемкин и Хвостов...

шего в империи чиновного звания! (чины I класса, то есть канцлера, в девятнадцатом веке почему-то не практиковались...). Да и Греч ненамного от Хвостова в чинах отстал: тайный советник — III класс Табели!



Виньетка А. Брюллова из сб. «Новоселье». (Слева направо: Жуковский, Воейков, Греч, Крылов, Смирдин, Хвостов, Пушкин, Вяземский; речь произносит Николай Греч)

Мы к тому в параллель ставим Греча и Хвостова, непременных участников «Арзамаса», что специфика начального складывания любого социумного сообщества, в данном случае организованного литературного действия — определенная «идейная веротерпимость»: зачинателей всегда бывает мало, поэтому они щадят друг друга, не занимаются «выискиванием блох» (так у нас в Литинституте именовалась мелочная придирчивость). Но вот проходит пара десятков лет, сообщество литераторов расширилось, заняло общественные позиции... вот здесь-то и начинается «ты кто? — а ты сам кто?» И пути «арзамасцев» разошлись. Уже в 1843 году сатирик Н. И. Куликов пишет свою пародию «Братья журналисты», в которой Булгарин якобы рассказывает про Греча:

Он в Петербурге всех стыдился
И путешествовать пустился;
Сюда статейки присылал,
В них русским льстил, чужих ругал,
Но тем не выиграл у трона,
Лишь за границею стяжал
Он имя русского шпиона...

А собственно что здесь постыдного: ведь русский шпион в Европе, а не английский, скажем, в России? Разведчик для своей страны — благое дело. Никто ведь чуть позднее не упрекал Тургенева, по уверенному общественному мнению являвшегося резидентом русской *политической* (не шпик примитивный!) разведки в Западной Европе? Не только Пушкин писал эпиграммы на Хвостова, бывшего брата-арзамасца. Но все из той же компании на рисунке Александра Брюллова баснописец Крылов на века «обессмертил» басней «Кукушка и Петух» (*см. иллюстрацию*) имя своего друга

Иллюстрация к басне Крылова «Кукушка и Петух», изображающая Греча и Булгарина (Из сборника «Сто русских литераторов», т. II)

Николая Греча... А если окунуться в мемуаристику литературного мира первой половины того века, то вряд ли обнаружим хотя бы одну «пару» из числа изображенных на рисунке, в составе которой не чередовались бы доброжелательство и противоположные им качества...

К указанному эффекту «начального складывания» добавим не менее существенное, вообще присущее литературному кругу, как говорится, всех времен и народов, свойство: не пересиливаемая никакой воспитанностью и образованностью, глубочайшей добродетельностью и высочайшими моральными качествами души, извинительной <всех и всея> гуманностью и пр. и пр. взаимная подозрительность. Таково свойство всех творческих натур, но особенно мощно, вплоть до гротеска, оно выражено в писательской среде (а у поэтов подозрительность перерастает в ненависть!). Если эти строки читает литератор — поморщится от такой нелицеприятности, но согласится. Остальным же рекомендую обратиться к авторитету Михаила Афанасьевича Булгакова и перечитать «Мастера и Маргариту» — и именно те главы, в которых мастерски (извините за тавтологию) описываются эти «взаимные» отношения в среде литературного сообщества, из идейной разобщенности первой четверти двадцатого века, особенно в послереволюционной России, перешедшие в РАПП, а далее в полнейшей «целостности» и в горьковско-сталинский Союз писателей СССР. В последнем подковерная борьба «всех против всех» намного усилилась: стали награждать орденами, Сталинскими*, Государственными и Ленинскими премиями: возрос волчий денежный аппетит.

Во времена же активной литературной деятельности Николая Греча, то есть первой трети века, само писательство еще не декларировалось специальной профессией, когда на доходы от литературного творчества и существовал писатель, к предметам сугубо творческого взаимонедоброжелательства добавлялась и материальная база этого существования: наличие доходного имения у писателя из дворян-помещиков, успешность продвижения «по рангам Табели» у литераторов из чиновников. В то время остальные сословия к словесности еще не преблизились...

Таким образом, во многом специфика взаимоотношений в среде литераторов периода «Арзамаса» объяснялась, в сущности нашего рассмотрения, не столько особенностями Греча, как писателя, активного участника зарождающегося в России литературного движения — издателя журналов, публициста и достаточно успешного

* Опять же школьное объяснение, что при Хрущеве Сталинскую премию заменили Государственной, логически неверно. Сталинская премия являлась не государственной, а *личной* (частной, как бы сейчас сказали) — из личных гонораров за публикации Вождя. Кстати, в СССР только два вуза — ВПШ и Литинститут — являлись де-юре не государственными, поскольку оба входили в структуры общественных организаций: КПСС и Союза писателей СССР...

чиновника, сколько самой атмосферой тогдашней жизни в России на сломе 1825-го года: от либеральных надежд александровской эпохи к тридцатилетнему периоду царствования Николая Первого.

Еще заметим в существенном дополнении: взаимная недоброжелательность в среде литераторов первой трети XIX века являла собой характер частной «разминки», на смену которой пришло уже идейное противостояние 40—50-х годов, мощным стартом которой явилось противостояние Белинского и Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»). Писарев и Добролюбов, Герцен... — это уже война перьев. «И дольше века длится бой».

♦ Вкратце окинем взглядом литературную, общественную и служебную жизнь Николая Греча — именно в подтверждении (всякому вольному воля — иной сочтет возможным и опровержение...) обозначенных выше доводов: от объективного к субъективному; в художественном творчестве логика доказательств зиждется на дедукции.

От почитания до равнодушия и забвения, так трансформируя «от великого до смешного», если не один шаг, но в литературной сфере достаточно скоро происходит. Так и с Николаем Ивановичем Гречем.

В 1810—20-х годах имя Греча во всех областях русской литературы значилось в первых ее разрядах. Еще далеко не всеми было знаемо творчество Пушкина, но образованные люди России, не только в столицах, читали с похвалой путевые заметки Греча о поездках в посленаполеоновскую Францию, а его журнал «Сын Отечества» более десяти лет, до начала 1820-х годов, являлся действительно признанным по новизне и содержанию заглавным в русской периодике. И два десятилетия Греч прочно и небезосновательно удерживал за собой и своим творчеством пьедестал нарождающейся в России массово читаемой литературы. Известный историк русской литературы Михаил Лонгинов (1823—75), автор основательного исследования «Новиков и московские мартинисты», писал: «*В то время Греча в Петербурге знали все от мала до велика... известность Греча, не только литературная, но и просто личная, была почти всеобщая*». Сохранилось множество других, подобных по характеру, отзывов о Гречe годов его признания (Шредер, Делакруа, Жихаров, Дашков, Дмитриев, арзамасец П. А. Вяземский и др.), но — ограничимся цитированием Лонгинова.

Издательскую деятельность Греч начал в 1807 году с очень либерального публицистического журнала «Гений времен», настолько «вольного», что скоро был закрыт цензурой. До Наполеонова нашествия Греч успел, правда, короткое время, издать «Журнал новейших путешествий» и «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света». Сами названия говорят о широте просветительских и журналистских устремлениях молодого Греча. В те же годы он публикует и первые свои труды по русской грамматике. Итак, двадцатилетний Греч основательно заявил о себе как об издателе, писателе, филологе, публицисте. И тогда же был замечен и власть придержащими: подарок от Александра I за переводы. А появившийся у него меценат граф С. С. Уваров — будущий министр народного просвещения (его формула: православие, самодержавие и народность), бессменный президент Академии наук и, увы, ставший затем врачом Греча — благословил его на основание и издание своего собственного (предыдущие имели соредакторов) журнала «Сын Отечества», ставшего во главе русской литературной жизни. Державин и Карамзин, Жуковский и Батюшков, Гнедич, Вяземский, Василий Пушкин (Александр Пушкин еще лицейские стихи сочинял...) — основные авторы журнала. Такой популярностью журнал был обязан другому, просвещенному меценату Греча — Александру Николаевичу Оленину (1763—1843), директору Императорской публичной библиотеки, крестному отцу Греча в литературе.

...Оно и сейчас меценаты, правда редкие, играют весомую роль в литературном становлении писателя, но в первой половине XIX века, в продолжении традиции века

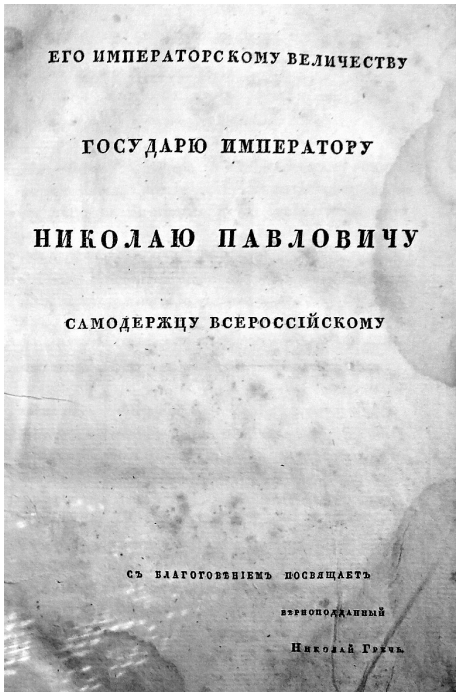
предыдущего, меценатство не то, что не полагалось этаким кумовством, но приветствовалось в литературном мире. Оленин же покровительствовал талантливому юношу еще со школьного его обучения. И то, что в дальнейшем Греч изрядно поупражнялся над своим благодетелем в каламбурных издевках — опять же в духе того времени: наивного и неблагодарного, когда люди относительно рано взрослели: юность насмешлива и язвительна в отношении старости, ибо еще не поимела житейской мудрости. Опять же и других «арзамасцев» в таком качестве вспомнить можно, того же Пушкина...

Итак, к Отечественной войне 1812-го года Греч был на вершине литературной славы, а время это и иначе как блестящий эпохой «Сына Отечества» не называли в литературных и читательских кругах. По убеждениям — искренний и восторженный либерал александровской поры, близок к «Арзамасу» (*см. иллюстрацию выше*), а «Сын Отечества» щедро предоставлял свои страницы арзамасцам — почти что орган этого литературного сообщества. В переписке Вяземского, А. И. Тургенева, Карамзина, И. И. Дмитриева и многих других виднейших писателей той эпохи о Гречe — только благожелательные отзывы: душа передового общества и посильный движитель русской словесности. Даже масонство Греча — ложа «Избранного Михаила» — это бонтон тогдашнего либерализма и передового мышления. В структуре этой ложи Греч принял самое активное участие в создании ланкастерских школ — практика передовой педагогики тех лет.

Словом, остановись Греч на достигнутом — и в советских школах имя его благославлялось бы наряду с Белинским, Добролюбовым с одной стороны, с наиболее видными арзамассцами с другой. Но вот эпоха александровского либерализма сменилась на разломе восстания декабристов казенным администрированием царствования Николая I. И Греч уже предваряет свою книгу по грамматике русского языка следующими словами (*см. иллюстрацию*).

...Можно ли это полагать корыстным низкопоклонством? — Вряд ли, поскольку в начале царствования Николая Павловича, несмотря на декабрьские события его воцарения, казни и ссылки участников *вывода* войск на Сенатскую площадь (солдат ведь не наказывали: они команду отцов-командиров выполняли, путая присягу законному наследнику Константину с какой-то Конституцией!), многие полагали нового монарха благородным и откровенным. Вот и сейчас издаются книги наврoде «Рыцаря самодержавия» (вроде как в серии ЖЗЛ) пера одного из бывших ректоров Литинститута...

Почему-то Александра Сергеевича за подобное же не упрекает литературоведение последних двухсот лет, только извинительно замечают: доверчив, мол, был Пушкин. Имеются в виду его стансы «Друзьям» (1828) с искренней похвалой Николаю Первому. И другие бывшие арзамассцы здесь отличились. Опять же и традиции предыдущего века еще не забылись: ведь мало кому придет в голову упрекать Ломоносова, Державина, тем более


ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ

СЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

ВѢРНОПОДДАННЫЙ

Николай Гречъ

Посвящение императору Николаю I на форзаце в книге Н. И. Греча «Пространная русская грамматика»

Тредиаковского и Сумарокова за его «Оду Е. И. В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743», Хераскова за «Россиаду» — за их многочисленные оды царствующим самодержцам? Ведь на Руси испокон веку неизживаемо: царь (как бы он не назывался) — отец родной, жалованную грамоту народу дал, да злые бояре-чиновники ее выкрали и в землю закопали...

И все тому же Пушкину, если по сути (не по сменяющимся «политическим веяниям» в литературоведении) разобраться, грех особый жаловаться на Николая Павловича: придворное звание камер-юнкера невысокое? Так проживи дольше, стал бы и камергером, как Тютчев, а может и гоф-маршалом. Да Пушкин и был честен — не злословил в тех же эпиграммах на Николая Первого (а вот об Александре I не сдерживал свое перо: «...Властитель слабый и лукавый над нами царствовал тогда... плешивый щеголь, враг труда...), который относился к поэту благосклонно, понимая величие его таланта, в том числе для пользы России («Клеветникам России»). Один факт, что после гибели поэта царь выплатил тридцать тысяч долга Пушкина и позаботился о его семье, о многом говорит... чтобы там исторические сплетники не подалдыкивали.

Еще более существенным следует полагать «личное цензорство» царя в отношении Пушкина. Здесь смешно опять же школьное утверждение, что этим Николай Первый «душил музу поэта». Совсем наоборот, он давал этим торную дорогу его творчеству, оберегая Пушкина, при его вспыльчивой натуре, от необдуманных слов и влияний хитроумных недругов. Опять же иметь «личным цензором» императора — это ли не признание исключительности творчества поэта?

...Верноподданность и Пушкина и Греча — это от искренности, ну-у, может и от первых впечатлений нового царствования. *Несомненно, это уважительность к конкретному человеку, хотя бы и царю, но не социальной и политической системе*. А это глубоко разные понятия. Еще раз вернемся к словам Наполеона, уже не трансформированным: от великого до смешного один шаг. Не следует уважительное отношение к царю (не к власти!) тех же Пушкина, Греча, да и многих других литераторов прошлого переносить на более утилитарные времена новейших эпох. От души, искренне смеяться хочется, когда берешь в руки книгу автора «губернского уровня», только и мечтающего о звании почетного горожанина (чтобы быть погребенным на почетной аллее городского погоста что ли?), где в предисловии или отдельной колонкой восхваляются достоинства местоблюстителей провинциальной власти...

Граф М. Д. Бутурлин в известных своих «Записках» пишет: «*В Английском клубе я познакомился с Н. И. Гречем. Там, за обедом, он был, так сказать, гуслями, соловьем: заслушиваемся, бывало его. В одном только отношении разговор его делался приторным, а именно в неразборчивости и утрировке его восхищения всем тем, что говорил и делал государь... Разве только к царскому чиханию не применялось опошлевшее восклицание: какой-де государь у нас молодец!*»

Что здесь сказать? Скорее всего следующее: Греч до конца дней своих не изменил своего отношения к Николаю Первому, а вот Бутурлин «писал в стол», его воспоминания о сороковых годах были опубликованы только в самом начале XX века («Русский Архив»). Не буду настаивать в уверении, что «давши слово, крепись», но в честности своих мнений и воззрений Гречу отказать трудно.

И сам император не сомневался в честности писателя, что видно из письма Бенкендорфа к Гречу (его приводит Иванов-Разумник в предисловии к изданию 1930-го года «Записок о моей жизни»): «*Милостивый государь Николай Иванович! Я имел счастие обратить всемилостивейшее внимание его императорского величества на многолетние полезные труды Ваши и благонамеренное направление литературных сочинений, Вами издаваемых, и, вместе с тем, всеподданнейше доводил до высочайшего сведения о постоянном усердии Вашем, готовности к составлению и изданию*

поручаемом Вам от меня статей и о той пользе, какую приносят Ваши занятия. Государь император, удостоив с благоволением принять таковое всеподданнейшее мое представление, высочайше повелеть мне соизволил: объявить Вам особенное монаршее удовольствие за полезные Ваши труды. Причем его величество изволит надеяться, что и на предбудущее время Вы, с тем же усердием, будете продолжать занятия Ваши, тесно соединенные и с пользами просвещения, и с намерениями правительства. С особенным удовольствием сообщая Вам, милостивый государь, таковой высочайший отзыв его императорского величества, с совершенным уважением и преданностию имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой — Граф Бенкендорф» (С. 19—20 указ. кн.).

Письмо это, впервые опубликованное Ивановым-Разумником (см. выше со ссылкой), было с восторгом воспринято советским литературоведением как — якобы — прямое доказательство доносительного по характеру, тесного сотрудничества Греча с III Отделением. Как говорится, не было бы этого письма, его следовало придумать для окончательного приговора. Спешим огорчить: как всякий чиновник на службе, да еще недурственный словесник, досконально знающий литературную среду, он выполнял именно те поручения министерств и департаментов, а III Отделение тот же департамент! которые касались организации литературно-просветительской деятельности в империи. Одним из таких заданий (это неявно отмечено в письме Бенкендорфа), например, было активное участие Греча в составлении нового цензурного устава 1828-го года. Причем тут пресловутая «доносительность»? Никому ведь в голову не придет обвинять автора «Обломова» и «Фрегата «Паллады», который в 1858-м году по службе был назначен главным цензором Российской империи, в этом самом «доносительстве»?

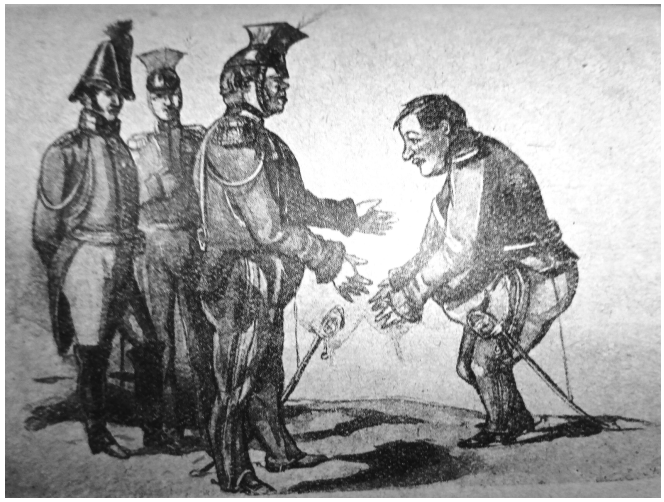
Греч всю свою жизнь служил чиновником, «достигнув степеней известных», что не мешало ему служить и литературе. И если эти две стороны его деятельности пересекались, то явно к пользу дела общественного. ...Слава богу, что в имеющихся источниках даже самые откровенные недоброжелатели Греча не решились обвинить его в том, чего не было: в том же доносительстве, шпионаже за литературными коллегами, подхалимаже и прочих грехах, за которые «бьют шандалами». Был он прямолинейно честен и безотказен, как истинный русский немец.

♦ Злой рок в лице Булгарина во многом, если не в основном, создал Гречу нелицеприятную репутацию. Причем не столько при жизни, сколько в последующей литературной памяти. Истинно говорится: с чертом свяжешься — не отвяжешься. Фаддей Бенедиктович Булгарин (1789—1859), если поискать ему родственного по характеру литературного персонажа, более всего напоминает Остапа Бендера: кипучая натура и делячество не столько ради наживы, денег, но для самого процесса. Греч в своем отдельном очерке-воспоминании «Фаддей Булгарин» — наиболее объективном, отнюдь не в стиле упомянутой басни Крылова, так определил сущность натуры Булгарина: «*Я не видел, что в этом скрывалась только исключительная жадность к деньгам, имевшая целию не столько накопление богатства, сколько удовлетворение тщеславию. Фридрих II сказал однажды о поляках: «нет подлости, которой бы не сделал поляк, чтоб добыть сто червонцев, которые он потом выбросит за окно». К тому должно еще прибавить... вражденные свойства его, и хорошие и дурные, с годами крепнут и возрастают. Так было и с Булгариным*» (С. 691 указ. кн).

...Здесь в чем-то шляхетский характер коррелирует с русской присказкой: украсть вагон спирта, продать его, а вырученные деньги пропить. Фееризм жизненного пути Булгарина начался с его службы лейб-уланом в России, как подданного империи, поляка по происхождению — из Царства Польского в составе России. Но в 1807 году Александр I и Наполеон заключили Тильзитский мир, который в русской, затем в советской историографии полагается позорным и не выгодным для России. Однако, отриная эмоции и пр., следует признать, что это был единственный в проявлении

Александра I правильный геополитический шаг: выступить в союзе с Наполеоном против вечных врагов России — Англии и Пруссии. Но он же, «властитель слабый и лукавый», сам все и испортил, не выполнив условия Тильзитского мира, чем и спровоцировал Наполеона на Московский поход... Подумайте сами.

Наполеон и Булгарин. Карикатура Н. А. Степанова (Из собрания Пушкинского Дома)



Константин Павлович и Булгарин. Карикатура Н. А. Степанова (Из собрания Пушкинского Дома)

И вот после замирения Булгарин из русских лейб-уланов переходит в польский легион армии Наполеона, где и служит в 1809—14 гг. (*см. иллюстрацию*). Заметим — это не являлось предательством, учитывая на момент перехода Булгарина во французскую армию мир между Россией и Францией, а также его польское происхождение; Герцогство Варшавское тогда принадлежало Франции. Но в 1812—14 годах он воевал *против* своего отечества, был взят в плен. Эти годы жизни Булгарина живописно, с умеренной сатирой описаны Гречем в упомянутом очерке «Фаддей Булгарин». Затем начинается второй период пребывания Булгарина в России — уже на всю оставшуюся жизнь. И новые карикатуры на него (*см. иллюстрацию*). Не будем оста-

навливаться особо на литературной жизни Булгарина (романы «Иван Выжигин», «Петр Иванович Выжигин», «Памятные записки Чухина», «Воспоминания» и другие — вскорости напрочь забытые); а вот его след в издательской деятельности: «Северный архив», «Сын отечества», «Литературные листки», «Детский собеседник», «Эконом», «Русская талия», «Северная пчела».— Впечатляет? — Конечно, и именно в издательской деятельности состоялось пересечение Греча с Булгариным, его злым гением. В цитированном выше очерке Греч сохраняет объективность: «*При жизни одни его хвалили, другие терпели: третьи ненавидели, многие спорили, бранились с ним... Но по смерти сделался он предметом общей злобы и осмеяния*» (С. 665 указ. кн.).

...Когда читаешь очерк Греча о Булгарине, а параллельно с ним статью А. С. Пушкина «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов»*, тотчас вспоминаешь романы русских писателей XIX века, уже упомянутых выше в этом аспекте Достоевского и Лескова, в которых непременными персонажами являются русские поляки, шляхетский гонор которых не претит им ловко вращаться в чиновной, литературной и иной среде в столицах и в провинции, умело устаивая свои гешефты. Это не те польские бунтари, что наряду с русскими каторжанами и кавказскими «кровниками» (вспомните Ибрагима-Оглы из «Угрюм-реки» В. Я. Шишкова), в течении девятнадцатого века составила население Сибири. И не те, которые со звенящим в душе полонезом Огинского покидали Царство Польское, уезжая в европейские страны и Америку. А было то особое «племя» на русской службе, но не считавшее Россию своей родиной. Опять же — см. у Достоевского в особенности.

Итак, послужив у Наполеона до 1812 года в Испании, а затем в корпусе маршала Удино, действовавшего в Литве и Белоруссии, далее отступая с французской армией — переправляясь через Березину, вел (по его словам) лошадь с седоком Наполеоном,— в кампанию 1814-го года был взят в плен пруссаками, передан русским. После окончания войны Александр I объявил безусловную амнистию полякам из армии Наполеона. А Булгарина даже лично принял Константин Павлович (*см. иллюстрацию выше*) — брат императора и его наместник в Варшаве. Отказавшись от предложенного Великим князем чиновного места в Царстве Польском, Булгарин сделался ходатаем по судебным делам двух польских магнатов и — выиграл почти безнадежное дело! Далее — Петербург и начало литературной деятельности (И Остап Бендер писал «Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей»).

В столице он мигом оброс кругом полезных знакомцев. Дошла очередь и до Греча — тогда в зените известности и литературного признания. Как пишет сам Греч: «*В начале февраля 1820 года явился у меня в кабинете человек лет тридцати, тучный, широкоплечий, толстоносый губан, порядочно одетый, и заговорил со мною по-французски...*» (С. 684 указ. кн.).

Коль скоро Греч тогда номинировался «отъявленным либералом» (это его слова), то и Булгарин аттестовался таким же. «*В моем доме он узнал Бестужевых, Рылеева, Грибоедова, Батенькова, Тургеневых и пр.— цвет умной молодежи!*» — пишет далее Греч.

Со всеми он мигом наладил добрые отношения, а с Грибоедовым и вовсе подружился. Действовал он по правилу старой присказки: пан или пропал, хотя пан — явный поляк. Испробовав ряд издательских мероприятий, Булгарин сузил цель до использования Греча, уговорив того в 1824 году совместно с ним издавать «Северную Пчелу», которая имела четвертьвековой заметный успех — от похвального до скандального. И получилось, что Греч стал финансово зависимым от Булгарина. Он и говорил, что порвать с ним отношений он не мог, не поставив семейное свое благо-

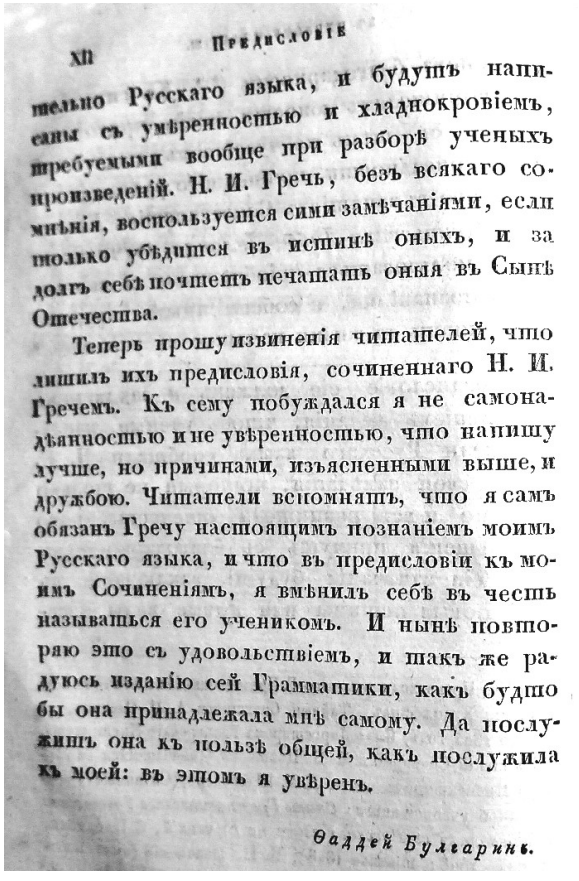
* Пушкин А. С. Избранное / Сост. П. А. Николаева.— М.: Советская Россия, 1980.— С. 304—310 (Серия «Библиотека русской художественной публицистики»).

состояние под угрозу. Греч пишет об этом: «*...Когда я, в 1847 году, собираясь долее пожить за границею, хотел передать мои дела в «Пчеле» в собственность моему сыну при моей жизни, Булгарин объявил свое согласие, под тем условием, чтоб я за эту передачу заплатил ему, Булгарину, десять тысяч рублей. Разумеется, что после этого передача не состоялась*» (С. 721 указ. кн.).

Вот и весь секрет их тесных взаимоотношений, или как ловкий поляк Булгарин привязал к себе денежной цепью несколько наивного и прямодушного немца Греча! Что же касается «кукушкино-петуховских» взаимных предисловий к книгам визави, то и здесь важно не скатываться к примитивному: ты мне, а я тебе. Прочтите окончание предисловия Булгарина к «Пространной русской грамматике» (*см. иллюстрацию*): здесь все правда: явившись после своих армейских похождений и сутяжничества по искам двух польских помещиков в Петербург, имея целью попрактиковаться на литературном поприще, Булгарин не очень уверенно владел русским языком. Сочинения свои он писал с помощью квалифицированных помощников. А сблизившись с Гречем, консультировался у него. Поэтому и пишет Булгарин, что «*Я вменил себе в честь называться его учеником*». Что правда, то и есть правда: «*Читатели вспомнят, что я сам обязан Гречу настоящим познанием моим русского языка*».

А поскольку Греч взялся за грамотность Булгарина, то и счел своим моральным долгом предварять публикации книг Булгарина — ответственность учителя. Междометия и сослагательные наклонения здесь излишни.

♦ Греч оказался учителем не только Булгарина в части русской словесности, но, в определенном смысле, и всей страны. В той же литературной и политической газете «Северная Пчела», редактируемой и издаваемой им в партнерстве с Булгариным, Греч преимущественно вел разделы зарубежных новостей и русской грамматики. Учитывая же всероссийскую популярность, влиятельность газеты, имя Греча тесно связывалось с выработкой нормативности русской грамматики. Это являлось требованием времени. Опять же на рубеже двадцатых-тридцатых годов, редактируя также «Журнал Министерства внутренних дел», а в середине тридцатых годов — журнал «Русский Вестник», Греч и в этих изданиях находил возможным и полезным касаться вопросов упорядочения грамматики русского языка. «Пространная русская грамматика» явилась результатом многолетних трудов Греча. Она же до 60-х годов XIX века являлась практическим руководством по изу-



XII Предисловіе

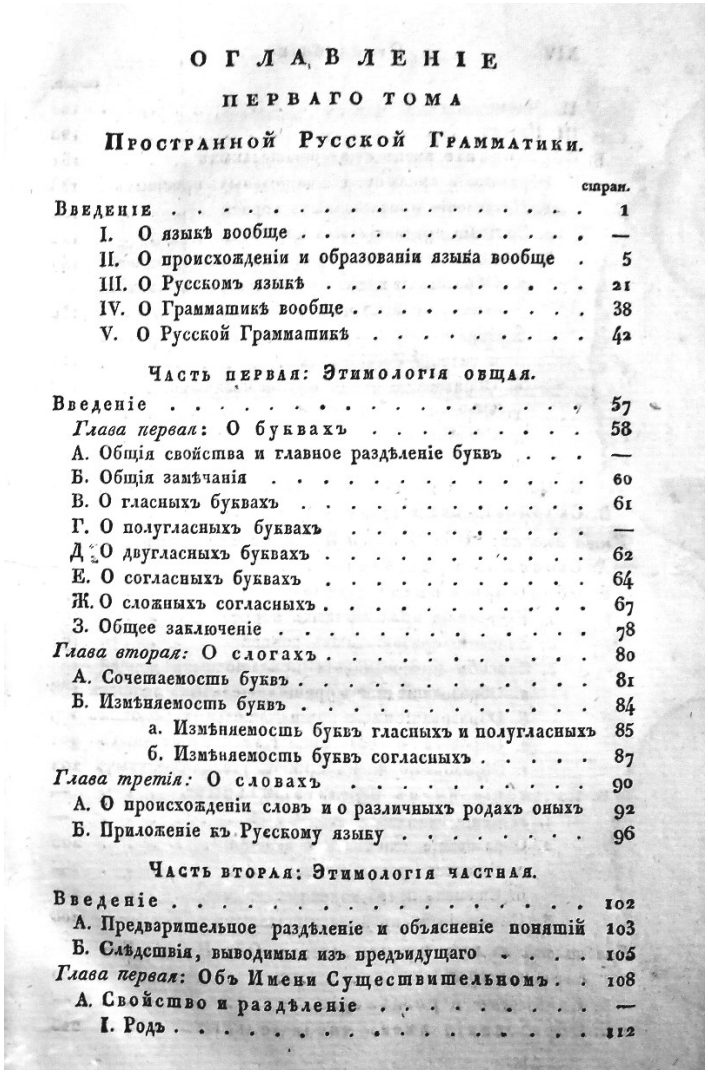
шельно Русскаго языка, и будутъ написаны съ умѣренностью и хладнокровіемъ, требуемыми вообще при разборѣ ученыхъ произведеній. Н. И. Гречь, безъ всякаго сомнѣнія, воспользуется сими замѣчаніями, если только убѣдится въ истинѣ оныхъ, и за долгъ себѣ почтетъ печатать оныя въ Сынѣ Отечества.

Теперь прошу извиненія читателей, что лишилъ ихъ предисловія, сочиненнаго Н. И. Гречемъ. Къ сему побуждался я не самонадѣянностью и не увѣренностью, что напишу лучше, но причинами, изъясненными выше, и дружбою. Читатели вспомнятъ, что я самъ обязанъ Гречу настоящимъ познаніемъ моимъ Русскаго языка, и что въ предисловіи къ моимъ Сочиненіямъ, я вмѣнилъ себѣ въ честь называться его ученикомъ. И нынѣ повторяю это съ удовольствіемъ, и такъ же радуюсь изданію сей Грамматики, какъ будто бы она принадлежала мнѣ самому. Да послужитъ она къ пользѣ общей, какъ послужила къ моей: въ этомъ я увѣренъ.

Ѳаддей Булгаринъ.

Окончание предисловия Фаддея Булгарина к книге Н. И. Греча «Пространная русская грамматика»

чению русской грамматики и вообще сыграла значительную роль в развитии научного изучения языка. Из <начала> оглавления этой книги (*см. иллюстрацию*) видна именно научная постановка изучения предмета. По какой причине Греч не издал второй том своей грамматики, что он обещал «издать в течение нынешнего года» в кратком авторском предисловии «К второму изданию»? — мы ответа на это не нашли ни у самого Греча в его публикациях, ни у наиболее известных литературоведов. Может просмотрели...



ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

Пространной Русской Грамматики.

	стран.
Введеніе	1
I. О языкѣ вообще	—
II. О происхожденіи и образованіи языка вообще	5
III. О Русскомъ языкѣ	21
IV. О Грамматикѣ вообще	38
V. О Русской Грамматикѣ	42
Часть первая: Этимологія общая.	
Введеніе	57
Глава первая: О буквахъ	58
А. Общія свойства и главное раздѣленіе буквъ	—
Б. Общія замѣчанія	60
В. О гласныхъ буквахъ	61
Г. О полугласныхъ буквахъ	—
Д. О двугласныхъ буквахъ	62
Е. О согласныхъ буквахъ	64
Ж. О сложныхъ согласныхъ	67
З. Общее заключеніе	78
Глава вторая: О слогахъ	80
А. Сочетаемость буквъ	81
Б. Измѣняемость буквъ	84
а. Измѣняемость буквъ гласныхъ и полугласныхъ	85
б. Измѣняемость буквъ согласныхъ	87
Глава третія: О словахъ	90
А. О происхожденіи словъ и о различныхъ родахъ оныхъ	92
Б. Приложеніе къ Русскому языку	96
Часть вторая: Этимологія частная.	
Введеніе	102
А. Предваритьльное раздѣленіе и объясненіе понятій	103
Б. Слѣдствія, выводимыя изъ предъидущаго	105
Глава первая: Объ Имени Существительномъ	108
А. Свойство и раздѣленіе	—
I. Родъ	112

Начало оглавления к книге Н. И. Греча «Пространная русская грамматика»

И снова Гречу не совсем повезло в его филологических трудах: при всем теоретико-лингвистическом и практическом признании и пользовании грамматикой Греча, начиная с середины XIX века, отзывы известных в то время филологических авторитетов (Востоков, Сухомлинов и др.; публиковались в «Истории российской Академии») на этот труд все более становились отрицательными. Что ж, любая наука не догма и всегда имеет стимул к дальнейшему развитию. Это диалектика познания.

Тем более, что все эти отзывы никак не препятствовали известности «Пространной русской грамматики» и ее практической применимости. Более того, в начале 30-х годов переработанная Гречем в краткий учебник грамматики, книга и стала базовым учебником для различных типов учебных заведений. Именно этот учебник, изданный массовым тиражем, на много лет обеспечил и безбедное существование Греча с семейством. Оба романа его, «Поездка в Германию» и «Черная женщина», в котором использован литературный прием смещения временных плоскостей, при выходе имели успех «занимательного чтения», а это есть гарантия скорого забвения. Все же и по преимуществу Греч являлся литературным публицистом и филологом, редактором и издателем, чего не скажешь утвердительно о беллетристической стороне его многоплановой деятельности.

♦ Николай Греч так вспоминает о своих взаимоотношениях с Пушкиным (в очерке «Фаддей Булгарин»): «*Мы раз как-то встретились в книжном магазине Белизара (ныне Дюфура). Он поклонился мне неловко и принужденно, я подошел к нему и сказал, улыбаясь: «Ну, на что это походит, что мы дуемся друг на друга? Точно Борька Федоров с Орестом Сомовым». Он расхохотался и сказал: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда он был доволен чем-нибудь). Мы подали друг другу руку, и мир был восстановлен. В конце 1831 года, вознамерившися издавать «Современник», он приезжал ко мне и предлагал мне участие в новом журнале. Я отвечал, что принял бы его предложение с величайшим удовольствием, так не знаю, как освободиться от моего польского пса. Пушкин сам сознался, что это невозможно, и прибавил, смеючись: «Да нельзя ли как-нибудь убить его?»* (С. 703 указ. кн.).

В том же году (1831) Пушкин печатает в журнале «Телескоп» указанную выше статью «Торжество дружбы...», начиная ее словами (прямо как Крылов в «Кукушке и Петухе»): «*Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н. И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем (выд. А. С. Пушкиным.— А.Я.). Ф. В. посвятил Николаю Ивановичу своего «Димитрия Самозванца»; Н. И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою «Поездку в Германию». Ф. В. написал для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное придисловие; Н. И. в «Севреной пчеле» (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об «Иване Выжигине»...* (С. 304. указ. кн.).

Из сопоставления сказанного Гречем и Пушкиным следует, что личной вражды между ними не было, только небольшие размолвки, которые неизбежны в творческой среде. А вежливое приглашение Гречу стать участником планируемого Пушкиным «Современника» (за пять лет до начала его издания) свидетельствует о понимании им как творческих достоинств Греча, так — и особенно? — роли его в общероссийском литературном движении. Иначе говоря, Пушкин, уже с позиции руководителя «Современника», четко осознавал: участие Греча будет способствовать широкому признанию нового издания, и будет странным, если журнал будет выходить без его участия. Но это было именно *вежливым* приглашением, поскольку Греч был связан соредакторством с Булгариным в издании «Северной пчелы». О чем Александр Сергеевич «сам сознался, что это невозможно».

В то же время Пушкин пишет достаточно язвительно о дуумвирате Греча и Булгарина. Однако, если подумать хорошо, особенно в контексте сказанного выше о специфике литературной жизни того времени, то слова Пушкина вовсе не так и обидны в отношении Греча, зависимость которого о Булгарина Александр Сергеевич понимал: «сам сознался...» и «ловким своим товарищем».

И главный вывод из приведенного сравнения таков: исторически закрепившийся упрек Гречу, что-де скоренько из «отъявленных либералов» (это его же слова) перескочил в верноподданные, несостоятелен. Как не имеет оснований и (возможный) упрек Пушкину. У обоих либерализм был «детской болезнью», неизбежный для литературной юности и молодости преходящий и закономерный этап. А о подлинном содержании «верноподданничества» Греча достаточно было сказано выше.

♦ Роль Греча в формировании всероссийского литературно-общественного процесса несомненна, существенна и отличительна. Именно последняя характеристика не нашла вовсе отражения в историческом литературоведении. Вместо этого Греч заслужил только нелицеприятные отзывы в последующие полтораста с лишком лет. Тот же, упомянутый выше, Иванов-Разумник пишет: «*...Вот в какое болото понемногу скатился Греч после своего душевного надлома в 1820 году и после начала своего знакомства с Булгариным. Раболенство перед правительством с одной стороны, литературное торгашество с другой — вот к чему пришел былой «отъявленный либерал» александровских времен. Скажи мне с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты — говорит известная поговорка. Ее можно видоизменить и так: скажи мне, кто твой герой, и я скажу тебе, кто ты. Греч был «знаком» с Булгариным, а его «героем» был — Николай I. Этого более чем достаточно для полной его характеристики*» (С. 24 указ. кн.).

Что здесь скажешь? Автора этого «приговора», обязанного подчиняться (1930 год на дворе) выводам комиссии Луначарского-Крупской, определившей на семьдесят лет «круг чтения» советских людей и изъявших из этого «круга» десятки, сотни имен представителей русской словесности XIX — первой четверти XX вв., в том числе имя Николая Ивановича Греча, опровергать не следует. Кто музыку заказывает, тот девушку и танцует — ответим с допустимым легкомыслием. Но сейчас вроде как к литературе, особенно с полутора-двухсотлетней историей, никому никакого дела нет. Тем более, что некогда мощный и общественно-влиятельный класс литературоведов если в мизере-мизерерос и сохранился, то всего лишь в наивном воображении и памяти людей старшего поколения.

Литературное движение формируется, поддерживается при одновременном наличии базиса — активно работающих талантливых, творчески одаренных писателей и организаторов этого процесса: публицистов, литературоведов, журналистов, издателей, в особенности периодики. Базис и организация, что особенно характерным являлось для русской литературы первой половины девятнадцатого века, могут пересекаться как в индивидуальностях, так и в творческих объединениях.

Ярким примером последнего являлся «Арзамас». Николай Греч как раз и относился к числу «пересекающихся», но с преобладающим тяготением к организационной стороне процесса; в поле жнец и на дуде игрец — это большая редкость в сфере словесности; просто степень такой «асимметрии» может быть различной. Опять же Достоевский и Лесков (надеемся, что не утомили читателя однообразием примеров и имен в них...), хотя бы уже во второй половине XIX века, типичные примеры преобладающего литературного, беллетристического таланта, но, хотя и в несколько меньшем ареале, в то же время и заметные организаторы: «Дневник писателя» — публицистический альманах Достоевского, он же (вместе с братом М. М. Достоевским) издатель журналов «Время» и «Эпоха»; многочисленные статьи и очерки Н. С. Лескова в ведущих российских газетах и журналах — непременно на злобу дня, актуальные, сугубо объективные и принципиальные.

Еще один существенный момент. Как сугубо художественные произведения в последующем могут трактоваться неоднозначно, так — и особенно! — деятельность организаторов литературного процесса со стороны ушедшего вперед времени, особенно при меняющихся общественно-социальных установках и ориентирах, с легко-

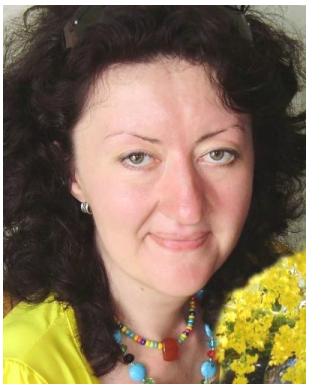
стью может быть отнесена к негативной. Оно и понятно: будущее всегда «глядит» на прошлое укрупнено или, как принято в психологии, *с акцентом сдвига мотива на цель*. Вот в такую ситуацию и попал Греч: что называется, раз и навсегда «без суда и следствия». Ведь чтобы уяснить роль его в создании такого общественного явления как всероссийский литературный процесс — в формировании, движении и развитии вширь и вглубь,— следует ни много, ни мало, но поставить себя... на место Греча в 1820—1840 годах. Это не примитивный эвфемизм, а всего лишь призыв к объективности. Как раз примитивно разделение — в историческом плане — литературы на либеральную и консервативную. Тем более в начальный период ее социумного признания. Иначе будет как в реформации русской истории в 1920-х годах профессором Покровским, что-де разбойник Стенька Разин и самозванец Емельян Пугачев были провозвестниками Октябрьской революции. Опять же с какой стороны смотреть: ликвидации института частной собственности или стихийного социального взрыва «сарынь на кичку!»

...Подведем итог наших «рефлексий». В памяти историко-литературной сама фигура Греча и его роли в этой истории однозначно отложились как негативные. Хотя единственный, неотрицаемый с позиций традиционной морали (сейчас она иная), «недостаток» Николая Греча — это его чисто немецкое неравнодушие к деньгам. И если современники называли это жадностью, то только сравнивая с несравнимым: с русской широтой души, для которой деньги есть дело второстепенное (по Достоевскому).

Именно разносторонняя деятельность Греча — а за двумя зайцами не угонишься! — создала эффект распыленности его творчества: плодотворность по многим путям, увы, редко остается в исторической памяти.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)



АРХИТЕКТУРА РАЯ
Главы из романа

Родилась в Туле. Училась в художественной школе им. В. Д. Поленова. Как художник, работает в жанре станковой живописи. Также занимается художественным оформлением книг, член редакции литературного журнала «Приокские зори». Публиковалась во многих журналах. Является одним из авторов двухтомного сборника «Мантрици» (изд-во «Карпатська вежа», Украина). С 2012 года пишет в соавторстве с писателем Виталием Ковалевым. В издательстве ZA-ZA Publishing (Дюссельдорф) вышли их совместные книги: «Побережье наших грез» и «Дневник Адама».

Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.

Максимилиан Волошин

1. ДВЕ ЛУНЫ*

В эту ночь были две луны. Такое случается два раза в год. И обычно толпы народу собираются на улицах и площадях, высыпают на балконы и крыши. Радуются, устраивают вечеринки с танцами и выпивкой.

Но странность заключается в том, что на самом деле две луны — это всего лишь оптический обман. Некий мираж в небе. Что-то происходит в атмосфере, и начинает казаться, будто луна раздваивается. Но людям мало, и они «догоняются» «расширителем сознания». На инструкции к применению написано: абсолютно безопасна. Но, попробовав один раз, я больше к этому «расширителю» не притрагиваюсь. Весьма специфические ощущения. Словно все нутро начинает прорастать волосяным покровом. Потом неделю невозможно избавиться от этого и хочется чесаться. Но, увы, не помогает. Как можно почесать желудок или печенку?!

Конечно, когда догонишься расширителем, первые часа три пребываешь на пике блаженства. Все кругом наполняется каким-то особым светом и чувством счастья. Мир преображается, становится ярче. А если посмотреть на небо, окунаешься

* Из части первой «Эвкаиф».

в такой космический калейдоскоп сияний, что, кажется, ничего нет на свете прекраснее этого.

И все это великолепие отражается на зеркальной поверхности *Конуса* — нашего Эвкаифа.

А теперь попытайтесь представить, что творится с людьми. Именно в эти дни больше всего несчастных случаев, травм, падений с высоты. Праздник праздником, но радости от него в последние годы я не испытывал. Не вызывал он у меня доверия, а лишь усиливал чувство тревоги. Словно я всегда осознавал, что именно в такой день жизнь моя изменится раз и навсегда.

Так и произошло. Именно в этот день я потерял работу. Конечно, я жил не на самом верху. Но и не внизу. Люди, знаете ли, цепляются за *ярусы*, как грешник за душу. И раз уж ты волею судьбы и по праву рождения оказался на срединном уровне, то уж держись. Ни шагу назад! Вернее — ни метра вниз. Только вверх.

Конечно, на самый-то верх тебя никто не пустит. Но радуйся, что ты не внизу. Трущобы — верная смерть. Ну, может, и не смерть, но... Кому ж хочется нищеты и голода?!

2. ЭВКАИФ

Однажды меня послали в командировку на Пятый ярус (я-то живу на Четвертом, посередине). Чуть отступлю от темы. Четвертый уровень, или ярус, как вам будет угодно, является наиболее благоприятным для жизни основной массы, населяющей Эвкаиф. Судите сами. Ярусов — семь. А Четвертый, откуда ни считай, всегда останется Четвертым. Отсюда и экономическая стабильность, и уверенность в завтрашнем дне. Ох, нет! Уверенность? Сам себя насмешил. Какая уж тут уверенность, когда тебя выперли с работы в пять минут без выходного пособия. Но все вещательные источники вопят о стабильности Четвертого уровня, об «уверенности вас и вашей семьи в завтрашнем дне». И все в это свято верят, и держатся за иллюзию, пока...

Отступил, отступил от темы. Мысль несется, едва успеваю записывать. Пишу-то я сейчас старинным способом: на бумаге, ручкой. А это, знаете ли, сложно, когда ты с детства приучен к *воздушке*.

О, еще вспомнил! Был же в школе урок, в начальных классах. Но считался он эдакой экзотикой. Потому выбирался по желанию: хочешь занимайся, хочешь нет. Никто не принуждал. Урок рукописания. Я выбрал. Я вообще падок на все неординарное. Учили нас писать от руки. Хохотали, помню, когда бумагу и ручки выдали. Многие слиняли потом, а я да еще двое странных остались.

В общем-то, спасибо учителю — сейчас есть возможность буквы выводить, мысль оживлять. Я ж, как меня уволили, без воздушки остался. Воздушка — благо цивилизации, благо мегаполиса — выдается при рождении и, как заявляют вездесущие вещательные источники, является неотъемлемым благом граждан. Ха! Не смешите меня! Еще как отъемлемым. Едва из офиса директора вышел, меня тут же в специальную комнату отвели, в затылке покопались и воздушку отключили. Все! Теперь тебе ни *визор* посмотреть, ни с друзьями пообщаться.

Но я же начал-то про командировку. О чем хотел сказать? Ну да, Эвкаиф описать. Его ж толком-то, целиком, никто никогда не видел. Говорят, те, нижние, имеют большее представление. Снизу виднее. А нам, срединным, что верх, что низ, все едино. Им грандиозность видится, а нам — стабильность. А стабильность — это благо, это каждый вам скажет.

И вот командировка. Посылают на Пятый ярус. Туда только по воздуху. Говорят, есть лифт. Но не знаю. Слухи только. На легенду похоже. Вроде как сверху донизу центр Эвкаифа пронзает туннель — лифт. Сел — и мгновенно на другом ярусе оказался. Но это опять же для избранных. Для *вершников*. Они власть, им все открыто. А

нам и нашего яруса хватает. Известно, что никто из смертных на другие уровни так просто не попадет. Туда особый пропуск нужен. Мне такой сделали. Перед этим, правда, две недели мурыжили тестами. Но я прошел. Все честь по чести.

Все гадал, как же меня на тот ярус отправят. Оказалось, по воздуху. *Крестоверт*, ни много ни мало. Видать, важные документы, а от них подпись требовалась живая — никакой воздушкой передавать нельзя. Вот меня и выбрали — как самого ответственного работника.

Крестоверты мы часто видим. Парят в воздухе. Красота! Заглядишься, бывало, размечтаешься — вот бы хоть разок в небо. Какое там! И не мечтай. Крестоверты только *вещателям* позволено иметь — рекламу снимать, да *презренцам* — чтобы за порядком следить.

А тут такое дело — сам в салоне сидишь, всеми благами наслаждаешься. На столике меню озвучил, а тебе тут не только виноградное с Третьего яруса, но и розовое с Пятого. Увидел даже *лапсы*, но не решился заказать. Слишком уж нереально. Розового, конечно, бокальчик выпил, а закусил обычной *маной* с персиками. Но это я уже потом закусывал и выпивал. Поначалу от визора не в силах был оторваться. Как увидел, что твердая поверхность уплывает, уменьшается — и страх взял, и восторг. Никогда ж в жизни не летал! Такое, скажу вам, пережить не каждому дано. Все-таки мир наш чудесная штука. Столько всего люди изобрели! И конца этим изобретениям нет. И все на благо цивилизации. «Только вверх, ни шагу вниз...» — это девиз Эвкаифа и начальные слова нашего гимна.

Вижу, как удаляются зеленые аллейки наших крыш, как становятся все меньше и меньше пики *молекул*. А в каждой молекуле семья, не меньше. Дети, жены, мужья — все уменьшается, все сейчас кажется мне мелочным, неважным, потому что открывается передо мной нечто такое, что затмило все красоты, знакомые мне.

Крестоверт рванул ввысь, отдалился на десяток километров в сторону, и увидел я наш Эвкаиф, да и то не весь. Нижние уровни в кольце облаков прячутся, вершину, как ни старался, не разглядел — она тоже в облаках. Солнце так и слепило глаза. Но понял я, как огромен наш мир, как велик наш Эвкаиф. Творение человечества, возводимое не одну сотню лет.

Какова же высота Эвкаифа? Пытаюсь вспомнить школьную программу. Самая высокая гора, где-то около двенадцати тысяч метров над уровнем моря. В древние времена это была высшая точка мира. Теперь же Эвкаиф затмил собой все горы. И поднимается он ввысь на двадцать тысяч метров, не меньше.

3. КОРПОРАЦИЯ «ОБЛАКО»

Я работаю в рекламе. Вернее, работал. Работал... Ох, эта последняя «*л*»! Как ушедшая от тебя любовь. Любовь?..

Любил ли я свою работу? А что значит любить? Любить — это когда жить без этого не можешь, когда все мысли, все дела — только источнику любви. И что? Что получается? Без работы не жизнь? Крах! Теряешь все. О работе все мысли, даже в единственный выходной думаешь о завтрашних проектах. И делаешь ты только то, что нужно для работы. Черт! Это что же получается — я любил свою работу? Да я ее ненавидел! Ненавидел как только мог. И в то же время был одним из лучших работников. Что за парадокс!

Рекламу на облаках изобрели давно. Несколько столетий назад. В те времена пользовались примитивными методами. Зато раздолье было рекламщику. Его поднимали в небо на крестоверте, со специальными приборами. А он уже творил. Делал все, что называется, от руки. Наводил цветные проекции на облачную дисперсию. В архивах корпорации сохранились старинные *визоны*. В свободное время я позволял себе разглядывать их. И часто восхищался не только мастерством, но и искусством

рекламщиков прошлого. Было время, когда разрешали работать свободно и поощряли свободный подход. Именно поэтому рекламы прошлого так ценятся нынешними коллекционерами. В тех рекламах всегда было что-то неожиданное. Тогда еще не умели «крепить» облака, они свободно парили, подчиняясь лишь природе: ветру и дождю. Сейчас все по-другому. На основательно «укрепленных» облаках тончайшие цветные пленки рекламы с подсветкой, которая сверкает ярче солнца даже днем. Да и сами рекламы теперь не создаются. Давно уже разработанные *трансфонаборы* шаблонов лежат в памяти визоров. Реклама делается скучно. И ты практически не видишь результатов своей работы. Да и не очень-то это интересно. За пятнадцать лет работы в корпорации глаз «замылился» настолько, что воспринимает все единым цветным пятном.

Сверху присылают сводку цифр. Я, сидя за визором, выуживаю трансфошаблоны, свожу их в одном поле — и готово. Можно отсылать в нижние цеха, где уже начнут изготавливать *цифропленку*, которую распылят без участия рекламщика на утвержденном и основательно «закрепленном» облаке.

«Закрепленное» облако обычно живет дня три. При хорошей погоде может и неделю провисеть. Но это случается редко. А если неделю, то рекламодателю несказанно повезло. Не надо обновлять заказ и платить огромные суммы. А наша корпорация на том и держится. Я так подозреваю, наш президент только и мечтает о дожде и буре. Тогда можно и раз в несколько часов обновляться. А это уже серьезные деньги.

Хотя деньги (мы-то, простые сотрудники, денег не получаем) это прерогатива верхушки. Говорят, только на Пятом ярусе могут пользоваться деньгами. А у нас все за баллы. Так вот, наша поощрительная система баллов от прибыли не зависит. Мы зависим от прихоти начальства. А начальство, в свою очередь, от своего настроения. Хотя, судя по моим баллам, у моего начальства затяжная депрессия.

Вот, например, откуда я знаю высоту Эвкаифа? И то приблизительно. Вы, видать, сильно удивились, когда я уверенно назвал число. Вам-то этого в школе не преподают. А в нашей — Высшей Дизайнерской — были всякие предметы. В том числе приблизительная статистика. Это такая наука, которая в общих чертах описывает, можно сказать, широты и глубины нашей эвкаифской жизни. Там как раз и сообщили о приблизительной высоте Эвкаифа. И даже на одном «специальном» уроке, перед которым нас зверски «тестировали» на неразглашение, нам выдали расстояния, опять же приблизительные, между Четвертым и Третьим ярусами и между Четвертым и Пятым. Внушительные цифры, скажу я вам. Причем, как я начал догадываться гораздо позже, чем выше ярусы, тем больше расстояние между ними. Ходят слухи, что Седьмой ярус на такой немыслимой высоте, что ни один крестоверт не осилит. А это еще раз доказывает существование лифта на оси Эвкаифа. Хотя, конечно, кому ни скажи, все твердят, что это, мол, слухи, причем нелепые. Мол, зачем Эвкаифу лифт, бессмыслица!

Может, меня из-за этого и выперли? Я слишком был любопытен. И слишком часто позволял себе разговоры «по душам» с коллегами во время обеда. Они вроде и поддерживали меня, и мы вместе все это переводили в шутку. Но кто-то выдал.

По роду своей профессии я много знаю. И пусть нам преподавали лишь приблизительную статистику, всегда можно в приблизительном найти некую середину и уловить суть. А теперь я со всеми этими знаниями оказался не только неугодным, но даже и опасным жителем Четвертого яруса.

После того как меня «почистили» от воздушки, со мной провели беседу и вновь тестировали. Пытались выяснить «глубину» знаний. Я тут повел себя по-умному, а именно — прикинулся дурачком. Мол, знаю много, а может, и больше, чем вы думаете. И начал приводить такие несуразные цифры и факты, что комиссия быстро успокоилась и выпустила меня на «волю».

4. МОЛЕКУЛЫ

Почему я вообще начал писать? Ну, во-первых, потому что меня выперли. А это, скажу я вам, тот еще стресс. А во-вторых, меня сейчас одолевает неизвестная мне прежде эйфория. Я свободен! Пятнадцать лет мой мозг работал только на корпорацию. Пятнадцать лет мое тело функционировало как хорошо отлаженная программа. Подъем в шесть утра, пробежка по *микроярусу*, душ, завтрак, работа. Вечером обсуждение планов жены на улучшение нашего быта. Сон.

О, моя жена чудесная женщина во всех отношениях! Она энергичная, целеустремленная. Она умна и прозорлива, как только могут быть умны и прозорливы женщины. В ее мозгу, по-моему, успешно работают одновременно все извилины. В моем мозгу, я знаю точно, одновременно может работать только одна извилина. Если я делаю какое-то дело, я полностью погружаюсь в него и концентрируюсь на нем. Жена же моя может делать сразу несколько дел.

Обычно мы видимся вечером, потому как ночью спим. Хоть и в одной постели, но спим. А с утра на работу. Итак, вечером мы возвращаемся со своих работ, усаживаемся в кресла. Иногда позволяем себе немного местного пива и начинаем строить планы. Вернее, жена строит, а я лишь внимательно запоминаю, что от меня требуется.

— В этом месяце с тебя сняли двадцать пять баллов. Придется брать сверхурочные. Ты же знаешь, нам необходимо купить *светоножницы*. Я уже устала стричь газончики на балконе по старинке. Да и соседи смеются. У них идеальные поверхности, не придерешься. А я, чтобы добиться такой идеальности, вынуждена проводить за стрижкой весь выходной.

— Хорошо, дорогая,— я отпиваю глоток пива, и мысленно убиваю свой следующий выходной.

— Иногда, между прочим, мог бы и помочь. Я за выходной успеваю тысячи дел сделать. Езжу в «Семейную молекулу», ищу нужные для дома вещи, выгадываю каждый балл. Ты думаешь, это просто — держать нашу молекулу на уровне? Я ведь тоже устаю на работе.

— Хорошо, дорогая,— смиренно отвечаю я, делая еще один глоток, и мысленно убиваю еще один выходной.

Теперь уже добровольно, по собственному желанию. Лучше проведу выходной на работе, чем в «Семейной молекуле» или за стрижкой газончика.

— Ты такой вялый! В тебе нет энергии. Как можно так жить! — возмущается жена, одновременно делая маникюр и что-то рассматривая в визоре.

Я тихо поднимаюсь из кресла, выхожу на балкон, мой взор упирается в очередную навязчивую облачную рекламу. Кажется, будто облако увидело меня и подтянулось ближе, и распухло, заколыхало холмами и взгорьями, засверкало буквами. Я невольно прочитал: «Ярус за ярусом. Стремление вверх. Нет в нашей жизни больших утех». И тут же другое облако: «Больше тратишь, меньше платишь!»

Чушь какая-то! Кто сочиняет подобное?

Я допил пиво.

Зачем же я пишу? Вдруг захотелось оставить след. Может, найдется кто-то в будущем, кому станет интересна наша жизнь. Нет, я пишу не для современников. Во-первых, современники не читают печатные (за исключением, конечно, рекламы), а тем более рукописные тексты, а во-вторых, им и так известно все, что я здесь пытаюсь описать. Поэтому так подробно и описываю окружающую меня жизнь.

Например, что есть молекулы?

Это наши жилища. У каждой семьи своя молекула. Кстати, последние триста лет существует непререкаемый закон: жить только семьей. Одиноких людей быть не должно. Если ты встретил человека, который тебе по душе, считай, тебе повезло. И

таких семей много. Я, можно сказать, из их числа. Мне нравится моя жена. Я привык к ее характеру и научился мириться с ее «штуками». Она тоже довольна мной. Во всяком случае, ее устраивает моя система баллов. Когда же случается так, что один из супругов умирает, данные другого автоматически попадают в поисковик, и там уже быстро находится замена. Все честь по чести. Учитывают все мелочи и предпочтения. По статистике (это не та, приблизительная, тут все точно) 99,7 процентов жителей Четвертого яруса довольны этой старой доброй системой. Я же говорю — наш Четвертый ярус славится своей стабильностью.

Ах да, вот еще! Ходят слухи, что если... ну, вдруг для кого-то не находится пары на нашем уровне, партнера могут доставить из соседнего. А тут уж кому как повезет. Учитывают буквально все. И твой послужной список, и заслуги, и промахи. Если плюсов больше, а твой партнер на верхнем уровне, тебя тоже могут доставить наверх. Если минусов больше, тут уж, извини, будь добр вниз.

Молекулы расположены в *каскадах*. Их строят вдоль окружности яруса, у основания зеркальной башни — оси. Каждый каскад длиною десять километров. Устроено все так, что при желании можно вообще не покидать свой каскад. Здесь можно найти все: и магазины, и фирмы, и муниципальные учреждения. В выходные можно подняться на *Верхнее плато* и насладиться природой. С искусственно возведенными растениями и источниками, озерами и водопадами. Все стерильно. Не то что в дикие доэвкаифские времена.

На работу я обычно добирался по движущейся скоростной ленте, или попросту *платформе*. У нас есть как внутренние, так и внешние платформы. По внешним можно добраться до соседних каскадов. А внутренние, соответственно, нужны для перемещения по каскаду. Мне нравится ездить на внешней платформе, защищенной от края яруса прозрачным куполом, и ощущать скорость, рассматривать город, поднимающийся уступами вверх. Особенно люблю солнечные дни. Иногда солнечные лучи преломляются сквозь цветные облака и отбрасывают на все радужный свет. Один из плюсов облачной рекламы.

Детей у нас нет. Так случилось. Я с этим давно свыкся. Жена, думаю, тоже. Во всяком случае, я никогда не замечал в ее глазах тоски. Говорю же, она очень сильная женщина, да к тому же трезво мыслящая. Она знает, что на Пятый ярус мы, как ни старайся, не выберемся. Какими бы мы ни были идеальными гражданами, а семья неполная. Тут уж извините!

Детей нет, вот она и перенесла всю энергию на улучшение нашего быта, что тоже немаловажно. Наша молекула близка к идеальной. Жена регулярно отслеживает новые, модные тенденции и раз в три месяца делает ремонт. Обычно я участвую лишь в качестве баллопартнера. Она сама все организует. Ремонтная фирма, в которую мы обращаемся уже несколько лет, зарекомендовала себя с наилучшей стороны. У нас там уже стабильная система скидок, регулярные подарки. С работы я обычно возвращаюсь уже в абсолютно обновленную молекулу.

Вообще с этими ремонтами создается впечатление, что жизнь наша не стоит на месте. Ты словно оказываешься в новой молекуле. Вот только вид из окон все тот же. Хотя нет. Ведь облачная реклама работает отменно, и в солнечную погоду на нашу постель проецируются все новые и новые радуги.

5. ДОБРОВОЛЬНЫЙ УХОД ИЗ ЖИЗНИ

Что-то изменилось. Сначала не мог понять что. Потом дошло. Новая мода. Ввели серый цвет. Восхищения посыпались со всех визоров. Все, кто в авангарде тенденций, кинулись менять все, что можно. Через неделю наш каскад «пестрел» всеми оттенками серого. Жена, конечно, тоже включилась. Уже сделала заказ на новый дизайн молекулы.

И тут-то меня выперли. Бюджет треснул, как туго натянутые штаны на заднице.

— Лучше бы ты умер! — воскликнула моя любимая, узнав эту новость.— Как мне теперь делать ремонт? Есть только один способ все исправить! — В ее голосе зазвенели оптимистичные нотки.— Добровольный уход из жизни!

Объясню.

Есть такое в юридических дебрях Семейного кодекса. Можно выбрать «добровольный уход из жизни». Если один из партнеров выбирает этот пункт, он спасает второго от дальнейших житейских проблем. То есть второй партнер ничего не теряет, автоматически становится вдовцом и попадает в поисковую систему. Ему быстро находят замену. Говорят даже (ну, по слухам), что пострадавшей стороне положены в этом случае льготы и поощрения. И вполне возможно, ему найдут партнера из верхнего яруса и переправят туда. Вообще, согласитесь, справедливая система.

Так вот, тот, кто выбирает добровольный уход из жизни, он, конечно, не убивает себя, и никто не лишает его жизни. Просто он подписывает документы о том, что отказывается от всего имущества и не будет иметь дальнейших претензий.

Его просто вычеркивают из системы, но и тут все справедливо. Дают еще целую неделю на «осознание». За это время партнеры могут передумать и отозвать заявление. Ну а если не одумаются, то, по крайней мере, есть неделя, чтобы не сразу, так сказать, на улицу в чем мать родила.

Я подал заявление и уехал на целый день на Верхнее плато. Бродил среди искусственно разбитых парков, любовался фонтанами, радовался искусственно выведенным цветам.

Вернулся поздно ночью. Свет в прихожей не включал. Осторожно прошел в спальню, разделся, лег и сразу уснул. Проснулся рано утром. За окном, по всей видимости, дождь. Я не заметил радужных теней на нашем одеяле. Тени были серыми. Я сел в постели и осмотрел спальню. Меня окружали всевозможные оттенки серого. Серые стены, светло-серая мебель, серо-холодный оттенок пола, серо-матовый пододеяльник с вкраплениями светоотражающих серых объемных кубов.

Светло-пепельные волосы жены (когда она успела перекраситься?!) разметались на серо-стальном шелке подушки. С плеча спустилось легкое светло-серое кружево ночной сорочки.

Она успела сделать новый ремонт.

Я встал, выглянул в окно. На меня медленно двигались грозовые тучи. В чистом голубом небе ярко сияло солнце. Приглядевшись, я понял: на тщательно «закрепленные» облака нанесена цифропленка различных оттенков серого. Искусные сочетания цвета профессионально выделяли названия фирм и их призывные девизы.

6. МУЗЫКАНТ ИЗ ПРОШЛОГО

Прошла неделя. Жена сияла серыми нарядами и часто гляделась в зеркало. Ее несказанно радовало и вдохновляло, что глаза у нее от рождения серого цвета. Глядя в зеркало, она каждый раз, видимо, убеждалась в этом и все больше излучала флюиды счастья. При разговоре она неосознанно расширяла глаза, чтобы собеседник мог оценить натуральный серый цвет ее радужки. Другим приходилось заказывать цифропленку, а она стоила не меньше сорока баллов. Не особенно разбежишься.

Моя Лили была великолепна. Я искренне желал ей счастья с новым партнером. Перед моим уходом она не выдержала и радостно объявила:

— Мне нашли с Пятого яруса! С Пятого! Ты можешь себе представить? Я и мечтать не смела!

Ее глаза увлажнились и стали прекрасны. Я был рад, что в конце концов смог сделать ее счастливой.

По закону мне не позволено было забирать что-либо из молекулы, но, находясь в

прекрасном расположении духа, моя Лили расщедрилась и разрешила порыться в кладовой.

— Там все равно все на выброс.

Кладовая, как и все у нас, была в идеальном состоянии. Здесь хранилось не так много вещей. В основном что-то очень старое, относящееся к юности и детству. Хранилось как воспоминание. Лили не страдала сентиментальностью, но тем не менее сохранила свое платье школьницы. Она часто вспоминала те годы с теплотой: в школе она всегда была впереди и на хорошем счету. Платье висело на плечиках на стене, рядом пара визонов с выпускного. Лили, лучезарная молоденькая девушка, смотрящая вверх на воображаемую вершину Эвкаифа.

Здесь же хранилась моя *светоситра*. В последних классах я что-то там пытался изображать из себя. Знал все аккорды и неплохо ими пользовался. Даже сочинял. Одна из популярных песен была у меня об Эвкаифе. И слова были такие:

Назад не смотри,
Вниз не заглядывай:
Сзади стена,
Внизу пустота.
К небу стремись,
О небе загадывай,
Жизнь наша —
Лестница
В облака.

Надо же, вспомнил весь текст. Эта песня нас и свела с Лили. Мне кажется, она поначалу даже влюбилась в меня. А я не переставая думал о ее груди. Почему я в школе хотел быть музыкантом? Помню, ходили тогда слухи о некоем странном певце. И вроде толком никто его не слышал и тем более не видел, но всегда находился кто-то, у кого друг, а у того тоже друг якобы видел его и чуть ли не дружил.

Были даже тексты. И вот их-то я начал записывать на бумагу после того, как выучился рукописанию. Сейчас я пытался найти эти записи. Листы хранились у меня в *цифропакете* с изображением черного силуэта мужчины с *ситрой* через плечо. Он стоял на фоне закатного неба у основания зеркальной стены Эвкаифа. Этот рисунок я сделал сам, вогнал в цифру.

Наконец я нашел среди старых визонов свой цифропакет. Изображение до сих пор было «живым». Ни один ядропиксель не сдох. На закатном небе медленно движутся облака, легкий ветер развевает длинные волосы человека с ситрой. Если провести пальцем по изображению, слышатся тихие аккорды, разносимые эхом. Аккорды, конечно, мои. Никто не слышал его музыки. Были лишь тексты, передаваемые устно. Мне лишь пришло в голову переписать их от руки, что я в свое время и сделал. Цифропакет был достаточно вместительным, и мои нынешние записи, что читаете вы сейчас, я положил внутрь.

Ходили слухи, что того певца после одного концерта быстро спустили вниз. Он пропал. Но тексты остались.

Мне хотелось оживить их, и я взял на себя смелость и сочинил для них свои мелодии. Все они до сих пор хранятся в светоситре.

Почему его спустили вниз? Говорят, потому что он пел о безысходности. Да, в его тестах полно подобного, но отчего-то они приковывали к себе и завораживали. Казалось, этот человек знает нечто большее о нашей жизни и пытается донести до слушателя. Может, он и был депрессивным, но, говорю же, он знал нечто большее. И я чувствовал: где-то он прав. Его песни на свою музыку я никому не пел. Только уединившись и убедившись, что меня никто не слышит, я бормотал их едва слышно под нос и наслаждался каждой фразой.

Эй, дружище, что ты видишь?
Кто проходит в твоих снах?
Слепит солнце,
Слепит солнце,
Ты ослеп в его лучах.
Посмотри себе под ноги,
Ты увидишь
Пустоту.
Сделай шаг в конце дороги,
Смело прыгай в темноту.

Насколько его тексты отличались от моих! Какие мы были разные! Меня поощряли в школе и даже приглашали участвовать в концертах. Я неосознанно чувствовал «правильное» настроение и писал «нужные» тексты. Поэтому его тексты я лишь бормотал себе под нос, когда никто не слышал.

Говорят, его спустили в туннеле и он пропал навсегда. Сгинул в той темноте, о которой так громко пел.

Я взял ситру, сунул во внутренний карман цифропакет и вышел в прихожую. Лили с кем-то общалась по визору. Не прерывая разговора, она небрежно махнула рукой на прощание. Я вышел из молекулы.

На этом я перестал вести свои записи. Жизнь резко повернула направление и изменила меня...

7. ВЕРХНЕЕ ПЛАТО

Хотелось уехать подальше, сменить обстановку. Глаза устали от вездесущего серого. Единственное место, где можно укрыться,— Верхнее плато. Я решил сделать большую дугу по ярусу. Времени у меня было теперь хоть отбавляй. Я сел на внешнюю платформу, которая следовала на дальние направления, и готов был ехать до вечера. Чем дальше уеду, тем лучше.

Между каскадами тянулась зеленая зона, называемая *Дикие места*. Туда, насколько мне известно, никто никогда не ездил. Да и остановок там не было. Дикие места считались опасными, там водились дикие звери и росли дикие деревья. Все было нестерильно. Это место играло роль легких. И, надо сказать, буйная растительность прекрасно справлялась с этой ролью. Качество воздуха на нашем ярусе считалось выше нормы на 0,5. Это, по данным приблизительной статистики, в несколько раз лучше, чем в нижних ярусах. Я слышал, что Первый ярус не может справиться с ядовитым смогом. Их экономика не позволяет завозить землю с *Запустынья*. Это весьма дорогое удовольствие. Как они там живут?

Выдался теплый солнечный день, но облачная реклама в центре города скрыла свет, и город освещался как-то зловеще. Словно ожидались гроза и буря. Свет солнца, преломляясь сквозь серую цифропленку, рассеивался на здания мутной зеленью. Чем дальше удалялся наш каскад, тем меньше попадалось облачной рекламы. Самый неприятный участок был на выезде, в нескольких километрах от Диких мест. Облаков было меньше, и солнечный свет выстреливал мощными лучами между ними. То слепил свет, то накрывала тень. Я невольно закрыл глаза и отвернулся в сторону.

За пять часов внешняя платформа преодолела почти четыре тысячи километров. Насчитав пятнадцать каскадов, я сбился со счета. Каждый каскад — это своего рода мегаполис в себе, так что, можно сказать, я проехал больше пятнадцати городов. Чем дальше, тем лучше, думалось мне. Не то чтобы я был зол на кого-то. Я пока еще не мог понять своих чувств. В груди учащенно билось сердце. Но отчего? Оттого ли, что оказался внесистемником, или оттого, что, наконец, свободен?

Из каждого каскада на Верхнее плато идет лифт, так что я мог выходить в любом месте. Сейчас мне хотелось тишины, пения птиц, журчания воды.

Время близилось к закату, и я решил сойти на следующей остановке. Все каскады похожи между собой как близнецы. Стандартные строения, уходящие ввысь правильными, постепенно сужающимися уровнями. Верх каждого уровня — дороги с движущимися платформами. У основания уровня обычно располагаются магазины, кафе, рестораны. Выше идут офисы, а на самом верху — молекулы. Кругом стерильная чистота. Каждый свободный сантиметр отдан клумбам с цветами. Но все же лучше всего на Верхнем плато. Там ты попадаешь в особый мир, наполненный своими звуками и красотой. В ширину плато составляет более десяти километров. Так что судите сами, какова ширина всего яруса. Говорят, что верхние ярусы не так велики. Оттого там и меньше людей живет. Но их образ жизни невозможно сравнить с нашим. Там и понятие работы практически отсутствует. Например, на Пятом ярусе работает только обслуживающий персонал, но и он живет качественно лучше, чем мы. И молекулы у них более просторные, и от системы баллов они почти не зависят.

Я вышел в город, почувствовал, что проголодался: утром лишь выпил *кану* и закусил маной. Я выбрал первое попавшееся кафе, заказал стандартный обед. Официант привычно посветил на меня воздушкой. На его лице я заметил удивление. Он вновь посветил и удивился еще больше.

— Вас нет в системе,— произнес он с глуповатой улыбкой.

И тут до меня дошла вся комичность, а может, и трагичность моего положения. Вытурив с работы, меня отключили от воздушки, а когда я подписал документы о «добровольном уходе из жизни», меня «вычистили» из системы. Теперь я не мог пользоваться баллами, а значит, не мог себе позволить ничего — ни купить еды, ни снять молекулу. Да и вообще, на что я надеялся, когда подписывал документ? Я же прекрасно знал, что так будет. С другой стороны, не подпиши я его, как бы сложилась жизнь Лили? Она же ни в чем не виновата. Я не мог подвергнуть ее свалившимся на меня испытаниям.

Вот так! Я теперь не только свободен, оказалось, что меня просто не существует. Ну что же, отправлюсь на Верхнее плато. У нас транспорт бесплатен для всех. Это единственное, чем я мог теперь пользоваться.

Широкий, прозрачный лифт, в котором прозрачен даже пол, быстро поднимал меня наверх. Под собой я видел площадь с многочисленными магазинчиками, людей, делающих покупки. Все сверкало, отражалось, преломлялось в зеркальных стенах. Если расслабиться, то на мгновение можно представить, что я действительно возношусь в небо, как какой-нибудь прадревний святой.

Наша история — история Эвкаифа — берет начало с его основания. А тому минуло уже много веков. Я точно уверен, что до нас тоже существовала жизнь со своей историей. Но, увы, ни в школе, ни потом никто нам не преподавал прадревнюю историю. Но, если ты любознателен, можно ощутить ее отголоски в нашем языке, в словах. Например, откуда известно про святых? Кто-нибудь задавался вопросом? Однажды в отпуске я позволил себе посетить *Альфа-визор*. Как же вам объяснить, что это такое? У каждого из нас есть свой визор. Каждый, как я уже писал, подключен к воздушке. Нам доступна любая информация обо всем, что когда-либо происходило в Эвкаифе. Хотя я давно подозревал, что она зачем-то кем-то «подчищена». Тем не менее в общих чертах, так же как и в приблизительной статистике, можно узнать обо всем. Так вот, когда я со своего визора решил разузнать, кто такие святые, поисковик не нашел ничего, кроме маленького изображения, поразившего меня, даже несмотря на размер. Сначала мне показалось, что я вижу искаженный визон. До меня никак не доходило, почему человек на визоне выглядит странно. Пропорции лица, шеи, рук чем-то едва уловимым отличались от привычных пропорций людей. Увеличив изображение, я вдруг ощутил непреодолимое желание вглядеться в его черты. Мне пока-

залось, что он тоже смотрит на меня. Даже скорее не на меня, а куда-то внутрь, за глаза, куда-то чуть выше глаз, между бровями. Я едва оторвал взгляд от него. Даже голова закружилась. Никакой подписи под изображением не было. Лишь информация: «более подробно можно узнать, обратившись в Альфа-визор».

Он находился в одном из каскадов. Если сесть на внешнюю платформу и ехать на север, можно оказаться там через пару часов. Зная, что это дорого, я все же поехал туда. Лили потом, конечно, устроила скандал: она копила баллы на очередной ремонт. Но я сделал это. Я оказался там. Огромное помещение с мягкими шезлонгами, уютно расположенными вдоль прозрачных стен, сквозь которые видна площадь. В каждом шезлонге имелся встроенный «вход» и выдвигалась *цифропанель*, на которую поступала нужная информация. Я заметил, как безлюден зал. Кроме меня никого не было. Сотрудник не смог скрыть своего удивления, увидев меня. Видимо, тут не привыкли к частым посетителям.

Сотрудник набрал код на панели и пригласил устроиться поудобнее. К моему удивлению, он спросил:

— Какой вопрос вы будете вводить в Альфа-визор?

— А я должен отвечать?

— Да, таковы правила пользования,— вежливо ответил тот.

Я несколько замялся. Почему-то не хотелось рассказывать, но другого выхода не было. Но все же, несколько схитрив, я решил назвать область поиска в общих чертах.

— Хотел бы почитать о праистории.

— Вы имеете в виду доэвкаифскую историю?

Я вновь заметил крайнее удивление на лице сотрудника.

— Именно.

Теперь он замялся и сказал:

— Ну что же, это ваше право. Но вы наверняка в курсе, что история вашей работы на Альфа-визоре будет сохранена?

Я этого не знал, но ответил, что я в курсе.

— Тогда приятной работы!

Мы вежливо расстались. Тогда я не очень принял во внимание этот странный диалог. Теперь же, после всех перипетий, мне вдруг подумалось, а не был ли поход в Альфа-визор одним из минусов, занесенных в мой послужной список? Хотя это никакого отношения к работе не имело, все мы знали, что за сотрудниками наблюдают. Любая мелочь могла быть истолкована по-своему и внесена в реестр резюме как нежелательное действие.

Я ввел запрос: «Доэвкаифская история. Кто такие святые?»

Результат меня разочаровал. Информации вышло совсем мало. Статей для чтения не было вовсе. Только изображения. Мужчины и женщины в красивых одеждах. Я снова не мог понять, почему их пропорции отличаются от нормальных. Лица узкие, глаза большие, взгляд глубокий. Пальцы и ладони вытянутые. Я не находил ответа. Тогда я выбрал один из визонов и вновь задал вопрос: «Что это?»

Мгновенно выпавший ответ еще больше запутал меня.

«Прадревнее изображение людей, нанесенное художником на деревянную или иную поверхность с помощью пигментов цветной глины».

Я невольно вспомнил старинные визоны с изображением первой облачной рекламы. Тогда изображение тоже наносили, но не на дерево, а на облако, и не глиной, а объемными ядропикселями. Было ли между этими способами что-то общее, не берусь сказать. Может, только то, что изображение делали от руки. Одно цепляет другое. Искал про святых и наткнулся на новое слово. Очень оно заинтересовало меня. Художник!.. Кто это?

Я вновь ввел в поиск вопрос. Но тут тихо подошел сотрудник и вежливо попросил завершить работу.

— По правилам Альфа-визора вы не имеете права за один сеанс вводить несколько запросов. Вам необходимо оплатить новый абонемент.

Надо сказать, меня это сильно огорчило, но покупать новый абонемент я уже не мог. Решил тогда, что на следующий год, в очередной отпуск, вновь смогу приехать сюда. Но, увы, не случилось...

На Верхнем плато было безлюдно. Может, оттого что поздно. Но, скорее всего, людям казалось это малоинтересным. Ни ресторанов, ни магазинов, ни других развлечений. Я давно это заметил. Говорят, в прошлом столетии сюда поднимались чаще и гуляли целыми семьями, устраивая пикники у озер, наслаждаясь природой. Но это было давно. С одной стороны, грустно немного, а с другой, я всегда мог найти здесь тишину и уединение.

Лили тоже не очень любила бывать здесь, предпочитала проводить выходные в торговых центрах. Я же каждый выходной старался подниматься сюда, бродил, слушал птиц, сидел у водопада, наслаждаясь звуками падающей воды. Почему меня это притягивало, а других нет? Что во мне не так? В юности часто чувствовал себя изгоем. Друзья зависали в клубах, конечно же, звали меня с собой. И я старался быть с ними, но чувствовал, с каким бы удовольствием покинул грохочущие от музыки залы и окунулся в тишину.

Мягкие песчаные дорожки привели меня к круглому озеру. Неподвижная гладь воды отражала начинающийся закат. Здесь было чуть меньше облачной рекламы. И она особо не досаждала. Можно было насладиться заходящим солнцем. Меня всегда привлекала полоса на горизонте. Иногда ее скрывали пустынные бури, но в ясные дни ломаная линия голубела, словно матовый драгоценный камень. Я подолгу мог глядеть вдаль и строить в воображении неясные картины. Говорят, это горы. Я никогда не видел гор. Я никогда не видел моря.

Как представить то, что никогда не видел? Порою мне снились цветные сны. В них у меня всегда был визон. И я видел во сне горы и видел во сне море. Я снимал удивительные визоны. Но жаль, что все это было во сне.

Сейчас, сидя у озера и смотря вдаль, я чувствовал непреодолимое желание попасть туда — за этот дымчато-голубой горизонт. Как это возможно? Разве можно покинуть Эвкаиф? Место, где ты родился и вырос. Но сейчас я жалел, что у меня нет крыльев.

Я часто видел огромных птиц, порою они кружили у нашего яруса. Большие и свободные. Но они никогда не садились на плато. Они всегда улетали в ту голубую даль.

Солнце медленно скрылось. Стало темно. Только сейчас я почувствовал, что ужасно голоден. Но как раздобыть еды? Я не знал. Решил заночевать у озера. Это единственное место, как мне думалось, где я могу переждать ночь. Но я ошибался.

За спиной послышались шаги. Подошли двое сотрудников плато.

— Вы Адан М-1? — вежливо поинтересовался один из них.

— Да.

— Просим вас проследовать с нами.

Я послушно встал, пошел за ними. Меня привели к небольшому светящемуся в темноте зданию. Видимо, здесь располагалась охрана. Усадили в удобное кресло. Один из охранников извлек что-то из шкафа, подошел сзади и мягко коснулся моего затылка.

— Пожалуйста, не бойтесь. Это не больно,— услышал я и провалился в сон.

Борис Григорьев
(г. Москва)

РАБЫ С ВОСТОКА
Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)
Главы из очерка

Родился в 1942 г. в с. Порой Рязанской (Липецкой) обл. После окончания средней школы поступил на переводческий ф-т 1 МГПИИЯ им. М. Тореза. В 1965—1996 гг. сотрудник нелегальной разведки ПГУ КГБ (потом СВР РФ), работал в Дании, Швеции и на Шпицбергене. Сейчас полковник СВР в отставке. Владеет немецким, английским и скандинавскими языками, имеет 30 публикаций в российских и шведских издательствах. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2022 год.

Моему отцу и его товарищам по немецкому плену в Норвегии посвящается.

10. КВЕСМЕНЕС И ШИБОТН

После отступления из Финляндии 6-я дивизия вермахта сосредоточила на берегах Люнгенфьорда, вокруг крошечного поселка Квесменес, около 8.000 советских военнопленных, которые должны были принять участие в строительстве оборонительного вала под названием «линия Люнген», а также в сооружении других оборонительных объектов (дороги, мосты и пр.). Отступая в рамках т.н. операции «Nordlicht” из Финляндии и оставляя норвежские провинции Финнмарк и Тромс, немцы планировали занять оборону на этой линии. Тут были сосредоточены большие силы немцев: до 220 тысяч солдат и 60 тысяч лошадей и мулов.

При содействии 664 саперного полка в каньоне Китдал была построена двухстанционная подвесная дорога и прорублена наверх извилистая узкая тропа. По ней пленные поднимали цемент, древесину, пушки, пулеметы и другое оборудование и продукты. Строительство продолжалось вплоть до апреля 1945 года, когда бои велись уже вокруг Берлина. Линия Люнген была готова, но советские части на этом направлении так и не появились. К концу войны наши командиры кое-как научились беречь солдат.

Когда американский подполковник медицинской службы Э. Росс Дженни, посетивший этот район в мае 1945 года, спросил командира 664 саперного полка, зачем они продолжали бессмысленное строительство до последнего дня войны, тот ответил: «Мы просто не получили никаких указаний на прекращение работ». *«Слова не передадут впечатлений о трудностях* (строительства, Б.Г.)»,— пишет Дженни.— «*Вряд ли кто выдержал бы сцену того, как здесь работали замерзшие, голодные и изможденные люди. Спотыкаясь о скалы в непроглядной ночи арктической зимы, русские военнопленные продолжали работать».*

Немцы такие сцены выдерживали.

Пленные для строительства оборонной линии были привлечены из близлежащих лагерей и располагались в наскоро построенном примитивном убежище рядом с линией. Два десятка кое-как и кое из чего сколоченных бараков-хибар на самой верхо-

туре строительства служили убежищем для пленных. Они были рассчитаны на 10 человек, а немцы в них запихивали по 60. Стены хибар насквозь продувались ледяным пронизывающим ветром — от щелей спасал только снег. Но и он проникал сквозь лохмотья, которые висели на пленных. Отпадали отмерзшие уши, на отмороженных руках и ногах появлялась гангрена, но люди шли работать. Каждое темное утро их поднимали на перекличку, и они шли, потому что тех, кто не мог поднять кирку или лопату, ждала пуля. В суровые декабрьские морозы плохо одетые и голодные пленные работали в буквальном смысле на износ. Сколько их там погибло, выбилось из сил и пристрелено — точно не известно. Некоторых, кого не пристреливали на месте, свозили в лагерь смерти «Малльнитц».

Эпизод: пленный Алексей Похвалов должен был поднять бревно, но не смог. Тогда его избили и дали другую команду, но он и с ней не справился. Немцы назвали его лентяем и выстрелили ему в лицо. Когда они увидели, что пленный еще жив, они сделали контрольный выстрел в лоб. Мертвый Похвалов пролежал целый день на снегу, пока его не отвезли в какую-то братскую могилу. Из 272 пленных, работавших здесь, выжили всего 67 человек, из них сразу после освобождения, от истощения и побоев, умерли еще 25 человек.

Вероятно, чтобы ускорить процесс избавления от «лишних» пленных, немцы применили здесь ноу-хау «мягкого» истребления людей: они делали им смертные инъекции, используя в качестве яда керосин.

Убыль рабочей силы наверху пополнялась прибытием новых партий военнопленных из долины, снизу. Потом советские офицеры-следователи выяснили, что именно самых слабых и «непригодных» немцы поднимали наверх, чтобы выжать из них последние дешевые калории. *«Это был процесс, задуманный как эффективная утилизация избыточной рабской трудовой силы»,*— пишет Дженни,— *«выжимание губки, прежде чем ее выбросить на свалку. Система была санкционирована в высоких штабах. Нам торжественно предъявили соответствующий приказ, как будто он что-то объяснял».*

Умерших, забитых, пристреленных немцы собирались спрятать в массовых могилах. И прятали... Они заставляли пленных рыть глубокие ямы, засыпать тела погибших камнями и землей, а сверху — сажать молодые березки, призванные, очевидно, скрыть преступления от грядущих победителей. К счастью для победителей, этот «процесс» вермахт завершить не успел. К тому же, к несчастью для побежденных, несмотря ни на какие их ухищрения, некоторые жертвы немецких зверств выжили и поведали союзникам секреты Китдала. Участвовавший в расследовании этих зверств Дженни был удивлен, как хорошо работала память этих несчастных.

Расследовали преступления немцев в этом лагере норвежцы и союзники. Они направили материалы следствия в Нюрнберг, где проходил процесс над главарями рейха, но ответственный за лагерь «Малльнитц» генерал Лотар Рендулич по какой-то странной случайности или ошибке Нюрнбергского суда остался ненаказанным. По всей видимости, кабинетным судьям норвежские события на фоне «грандиозных свершений» нацистов в Дахау или Бухенвальде показались незначительными.

Шведский и норвежский патологоанатомы, участвовавшие в расследовании немецких преступлений в лагерях в губернии Тромс, были удивлены: почки, печень и селезенка погибших людей были на одну треть меньше, чем у нормальных людей. С подобным феноменом ранее им никогда не пришлось сталкиваться. У убитых был целый букет болезней, и врачи не могли представить, как мог человеческий организм выдержать все это. Большинство тел имели следы побоев или огнестрельные раны в голову, грудь или спину. Но попадались тела с простреленными половыми органами: перед расстрелом немцы заставляли свои жертвы становиться на четвереньки. В трех случаях на телах погибших были обнаружены срезы мускулистых частей тела — следы людоедства.

Раскапывать 104 трупа из общей могилы лагеря Малльнитц заставили немцев. Роли поменялись. Все, что рассказали выжившие пленные, подтвердилось до последней мелочи, пишет Дженни: кто и каким способом был убит, когда и сколько их было и т. п. При поднятии из ямы 3 трупов, на которых были срезы мускульных частей, стоявшие рядом свидетели плакали и только повторяли:

— У нас не было выхода, у нас не было выхода...

«Они внимательно наблюдали, как переводчик переводил нам их рассказ,— пишет Дженни,— и я чувствовал, как они сомневались, что мы их поймем — мы, обутые в тяжелые ботинки и с шапками на головах».

В июне эксгумированные трупы были перезахоронены. Оркестр г. Тромсе играл похоронный марш Шопена, звуки печальной мелодии, будто на хлопьях неожиданно выпавшего снега, улетали в долину Китдал и отзывались эхом в скалах... Угрюмые молчаливые немецкие солдаты гроб за гробом опускали в братские могилы — по 30 гробов в каждую. На импровизированной штанге развевался импровизированный советский флаг. Рядом с ним с обнаженными головами стояли оборванные оставшиеся в живых товарищи...

О зверских преступлениях немцев во время войны широко известно. Менее известны их бесчеловечные деяния в Норвегии. Норвежские Дахау и Освенцим располагались в северной провинции Тромс в лагерях вокруг поселков Квесменес и Шиботн. Как и в других местах Европы, это не были злодеяния, совершенные отдельными немецкими администраторами — это была политика центральных властей рейха. Норвежский майор Л. Крейберг, представлявший норвежскую сторону в северных губерниях Норвегии по делам советских военнопленных, оставил отчет о посещении лагерей. Вот некоторые выдержки из него: «*Лагерь для военнопленных Дундерланд. 477 русских, из них 330 больные, 40 больны туберкулезом...100 человек сильно ослаблены, не могут ходить... Лагерь Стурволлен. 422 русских, из них 300 больных, 23 — туберкулезом, после 26 марта 30 человек умерли... Лагерь Бъяркосен. 918 русских, из них 430 больных... Лагерь Наббвольден. 426 русских, из них только 20 здоровых и работоспособных. Лагерь был просто ужасным...*».

Профессор и д.м.н. Антон Ервелль, главный врач больницы в Тенсберге в 1945 году, так описывает туберкулезный лагерь на о-ве Могере (Неттертей):

«Здесь условия для пленных с запущенным туберкулезом не поддаются описанию. Лагерь был изолирован колючей проволокой, а немецкая охрана не имела разрешения заходить на его территорию. Не было ни уборных, ни каких-либо приспособлений для принятия пищи... 116 военнопленных были сразу эвакуированы в госпиталь в Вествольде, и 20 из них скоро там скончались...».

В губернии Тренделаг, где при освобождении оказалось 11200 советских военнопленных, положение было не лучше. В лагере Чюрксэтерера было около 180 советских военнопленных, только в период между летом 1942 и весной 1943 г.г. здесь умерли (или были убиты) 28 человек. Тронхеймская газета «Адрессеависен» от 13.06.1945 года рассказывает о том, как один из военнопленных был убит охранником лопатой только за то, что тот от упадка сил не мог держать строй.

Преступные действия немцев в Норвегии были расследованы сразу, что называется, по горячим следам. Но в силу различных причин они не получили такого широкого резонанса, как в других местах. Возможно, это случилось потому, что о них постарались позабыть.

Сохранился «Неформальный отчет» комиссии по расследованию военных преступлений в губернии Тромс, работавшей весной и летом 1945 года в долине Китдален и возглавляемой капитанами (британской армии?) МакДжиллом и Галлахером. Медицинскую часть возглавлял американский врач, вышеупомянутый подполковник медицинской службы Э.Росс Дженни. Им помогали шведский паталогоанатом, профессор Лундского университета, Шевалль и врач Государственного госпиталя Нор-

вегии в Осло Свенсен, советский дипломат Велья, местный полицеймейстер Лунд, местный врач Хагенрюд, два бывших советских узника-офицера, офицеры норвежской армии и переводчик. Вся или почти вся собранная комиссией информация исходила от бывших советских военнопленных, находившихся на реабилитации в госпитале Эвергорд*. Часть информации сообщили местные жители, а еще меньшую часть — сами преступники, немцы.

О преступлениях немцев, как уже заметил читатель, кричат факты, о какой стороне жизни советских военнопленных мы бы ни говорили. С некоторыми эпизодами читатель уже ознакомился. И везде одно и то же: голод, побои, издевательства, унижения, болезни, непосильный физический труд, расстрелы...

Работа комиссии по сбору информации, поиску могил массового захоронения, эксгумации и транспортировке трупов, проведению аутотопсии, перезахоронению, определению виновных немцев и их арестам происходила слаженно, быстро и без задержек. На всех стадиях 143 случаев аутотопсии присутствовали немецкий патологоанатом, немецкий военврач и адвокат. Интернированные германские военные 6-й горнострелковой дивизии предоставили в распоряжение комиссии карты, фотоаппараты, фотопленку, легковые и грузовые автомобили, шоферов, бензин, различные инструменты и приспособления, медицинские халаты и перчатки, гробы, а также сообщили комиссии свои соображения о деталях предстоящей работы. С их стороны не последовало ни одного протеста или знака недовольства действиями комиссии. Полномочия комиссии никакого сомнения у них также не вызвали.

Эксгумацией трупов из могил занимались немцы. Они работали партиями по 20—40 человек под руководством немецких же лейтенантов и под контролем капитана МакДжилла. Трупы возили тоже немцы на своих грузовиках и складывали их в здании на берегу Стурфьорда. Аутопсию проводили Шевалль и Свенсен. Кандидатов на арест немецких офицеров и доставку их к местам преступлений готовил майор норвежской армии Дюкер (Dycher). Сначала планировались аресты целых немецких подразделений, предусматривались опознания преступников их жертвами, советскими военнопленными, а также очные ставки, но судьба этих планов осталась за рамками отчета Комиссии.

Результаты аутопсии однозначно свидетельствовали, что все эксгумированные умерли насильственной смертью, и что смерть для них не являлась актом милосердия: все они могли выжить и жить. Все указывало на то, что жертвы о предстоящей своей смерти не предполагали, потому что при них был найден рабочий инструмент, с которым они шли на работу. 5 пленных пытались, вероятно, бежать и были убиты с расстояния. Двоих немцы добивали прикладами. После акта расстрела все трупы были сброшены в яму, облиты бензином и сожжены. Эти данные были подтверждены местным полицеймейстером Лундом.

Поскольку масштабы немецких преступлений в губернии Тромс и Тренделаг были велики, а массовых захоронений было слишком много, то понадобилось бы несколько комиссий, чтобы с ними можно было справиться. Поэтому комиссия МакДжилла-Галахера решила сосредоточить свое внимание только на 4 из них. В своих выводах «Неформальный отчет» указывает также на отсутствие из союзнической верхушки четких директив и инструкций на проведение аналогичных следственных действий, что дало капитану Галлахер повод сомневаться, имеет ли он формальное право на аресты немецких преступников. Это также затрудняло работу комиссии в Тромсе. Западные союзники в Норвегии слабо представляли последствия немецкой оккупации Норвегии в целом и результаты «деятельности» немцев в отношении советских военнопленных, в частности. Впрочем, они, возможно, и не горели

* Госпиталь был построен немцами в январе 1944 года для лечения своих раненых, поступавших с финского и норвежского фронтов войны, но после их капитуляции госпиталь был отдан под реабилитацию советских военнопленных.

желанием слишком глубоко «влезать в частности». Их больше беспокоили советское присутствие на севере Норвегии и скорые способы вытеснения Советской Армии из района Киркенеса.

Высший орган союзников по этому вопросу — War Crimes Commission (Комиссия по расследованию военных преступлений) — блистал в Тромсе своим полным отсутствием. КРВП, кажется, полностью устранилась от своих прямых обязанностей в Норвегии, уповая на то, что этим должны были заняться гражданские власти Норвегии. Эта идея, по мнению авторов «Неформального отчета», совершенно не отвечала ни масштабам предстоящей работы, ни мировому значению проблемы военных преступлений. Добавим, что упование союзников «спихнуть» свою работу на норвежские власти было просто безответственным. Они не могли не понимать, что норвежское правительство испытывало в это время известные трудности: оно только что вернулось из эмиграции, и работу по управлению страной нужно было еще наладить. Нужно было рассчитаться с коллаборационистами и предателями в собственном населении. Так что заниматься проблемами советских военнопленных одним норвежцам было просто не по плечу.

Вслед за расследованием немецкий преступлений в Тромсе намечалось провести подобное мероприятие в г. Харштаде, но проводилось ли оно и с какими результатами, тоже не известно. *«Не ясно, будет ли Россия или другая какая страна проводить расследование и организовывать суды в связи со своими гражданами»,*— говорится в отчете. Насколько нам известно, советская сторона таких расследований в Норвегии не проводила.

Э. Росс Дженни во время работы комиссии посетил 8 филиалов печально известных лагерей Квесменес и Шиботн, в которых находилось 2.188 советских военнопленных при 22 офицерах, а также был частым гостем в госпитале Эвергорд, комендантом которого был все еще немецкий лейтенант Деметри Корски. 558 советских пациентов занимали в госпитале 8 секций. Их обслуживали 4 советских врача, бывшие узники лагерей, в том числе тбилисец Клементий Гогия, взятый в плен под Сталинградом. Им помогали немецкие врачи и 2 норвежские сестры. Пища и медикаменты поступали из запасов немецкой армии. Часть пациентов — 147 человек — страдали от туберкулеза, каждый день умирали по 3—4 человека. Многие страдали и умирали от гангрен конечностей. Некоторых, согласно Гогии, можно было спасти с помощью хирургии в Советском Союзе. В целом у пациентов был представлен такой букет болезней, с которыми врачи не успевали справляться. Несмотря на болезни, самым большим желанием русских было поскорее вернуться домой.

Во время работы комиссии советский дипломат Велья получил данные о других массовых захоронениях: в Рогнане (300 человек), Тронденесе/Харстад (1.800 трупов, 600 из которых были расстреляны, а остальные заморены голодом). Свидетельские показания о преступлениях немцев в районе Харстада давал норвежский майор Хейен, до 1943 года работавший инженером в этом городе. Допрошенные комиссией немецкие офицеры из 6-й горнострелковой дивизии и 664-го саперного полка утверждали, что урезание пищевого рациона советских военнопленных происходило по приказу из Берлина, что средств на их медицинское обслуживание объективно не хватало, а о расстрелах или убийствах пленных они якобы ничего не слышали.

Судьба «Неформального отчета» не ясна. Во всяком случае, в работах норвежских исследователей мы пока не встретили ни одной ссылки на него. Как мы понимаем, он должен был быть представлен союзнической Комиссии по делам военных преступлений в Норвегии и появиться и на Нюрнбергском процессе, но сделано ли было это и с какими последствиями, тоже не известно.

Массовые захоронения советских военнопленных, судя по всему, были не только на севере Норвегии. Типичным примером того, как по свежим следам относились к сигналам о преступлениях немцев в Норвегии, является эпизод, связанный с лагерем

Сумармюр. Местные жители осенью и зимой 1944 года видели, как немцы несколько раз увозили пленных в ближайших лес, а потом слышали оттуда то пулеметные очереди, то ружейные залпы. Никто из норвежцев потом не видел, чтобы пленные возвращались из леса обратно.

Сразу после войны местный полицейский Мартин Осланд опубликовал об этом в газете «Ставангерен» статью, а 25 июня 1945 года он взял с собой двух коллег и отправился в упомянутый лес. В лесу их остановили немецкие охранники (таковы были порядки, установленные англичанами и американцами в Норвегии после капитуляции Германии!), которые под предлогом охраны важного склада с боеприпасами и во исполнение полученных от союзников инструкций преградили им путь.

Норвежцы на этом не успокоились и доложили обо всем союзнической администрации в Ставангере, но никаких расследований с их стороны не последовало. Союзники, якобы, были по уши заняты другими важными расследованиями преступлений немцев в Норвегии, они пообещали проверить обстоятельства трагедии в Сумармюре позже, но так к этому делу и не вернулись. Теперь и норвежцы пишут, что никакого массового захоронения рядом с Сумармюром не было, и что все это дело возникло в результате заблуждений местных жителей.

11. МИР

В понедельник 7 мая 1945 года в лагере Фольквард, Санднес, после обеда начали циркулировать слухи: война окончилась! Слухи были похожи на правду — куда-то исчезли охранники вместе со своим ненавистным начальником, и уже 2 дня подряд заключенных не выгоняли на работу. В половине четвертого слухи подтвердились — наступил мир. Все узники переоделись во все лучшее, что у них было, построились, как всегда, в две длинные шеренги, но уже без охраны, и пошли к Санднесу. По пути они приветствовали норвежцев, плакали, махали им руками и что-то кричали. На площади в городе уже собрались норвежцы, и военнопленные присоединились к ним, чтобы вместе отпраздновать такое долгожданное событие.

Когда они поравнялись с железнодорожной станцией, кому-то пришло в голову сесть на поезд и поехать в Ставангер. Так и сделали. Железнодорожники прицепили к поезду еще 3 вагона и разрешили им съездить в главный город губернии бесплатно. По пути в Ставангер бывшие теперь военнопленные снова и снова приветствовали из окон вагонов радостных норвежцев. В конце этого дня радостные, усталые и голодные они вернулись обратно на свои нары в Фольквард.

Примерно так советские военнопленные в южной Норвегии встретили День Победы. Но в некоторых лагерях, например, в Рисейе, пленные до 10 мая находились по-прежнему за колючей проволокой. Охрана по-прежнему осуществляла контроль за пленными, но не препятствовала им беседовать через забор с норвежцами. Пока было не ясно, кто возьмет ответственность за порядок в лагерях. Англичане не торопились брать все в свои руки. Был период, когда в некоторых лагерях совместную охрану осуществляли и немцы, и норвежцы из Народного фронта.

Бывший сотрудник Милорга* в Бускерюде Оскар Хасселькниппе, ответственный за советских военнопленных в районе Хенефосс, вспоминал:

«У нас для этих дел не было ресурсов, и единственное, что мы могли сделать, это попросить военнопленных о том, чтобы они взялись за управление лагерями сами. Они выбрали из своей среды доверенных лиц, и несколько недель сотрудничество с ними было отличным. Трудности возникли, когда в лагерях появились советские офицеры. Один раз возникли волнения. В одном лагере совершили самосуд над пленным, который сотрудничал с немцами. Его осудили на смерть, убили и похоронили. И мы ничего не смогли предпринять».

* Военизированная организация норвежского Сопротивления.

В лагере Сула немецким офицерам разрешили оставить при себе личное оружие, чтобы якобы препятствовать эксцессам между бывшими охранниками и заключенными. Но один из офицеров воспользовался этой возможностью для того, чтобы застрелить двух военнопленных в момент, когда они поправляли могилы своих похороненных товарищей.

Первые представители союзнических сил в районе Ставангера появились 9 мая — это была десантно-парашютная часть, т.н. «красные береты», под командованием подполковника Р. А. Эллиота. Наконец, 10 мая представители Народного фронта в Ставангере приняли решение взять лагерь под свой контроль, о чем и договорились с комендантом лагеря. Местные коммунисты соорудили красный флаг и вывесили его в лагере. Впавшие чуть ли не в истерику от радости заключенные собирались вокруг флага. В местной школе военнопленным устроили праздник с угощением. За праздничным столом с речью выступил майор Советской Армии Тимошенко. Потом выступали норвежцы и благодарили бывших советских военнопленных, а те, в свою очередь, благодарили за всю помощь и доброту норвежцев. Потом приехал оркестр, и под музыку бравурного марша военнопленные, представители Народного фронта и рядовые норвежцы вышли на улицу.

При освобождении пленных из лагерей в Норвегии, в том числе и на юге страны, было обнаружены сотни безнадежно больных туберкулезом и прочими заболеваниями, вызванными антисанитарными условиями проживания, побоями, истощением от хронического голодания и физическим перенапряжением.

21-летний Петр Сабугин 2 июня 1945 года был госпитализирован в Рогаландскую больницу с повреждением левой ноги. 7 Апреля 1944 года во время работы в каменоломне он тяжело повредил голень ноги, нога распухла, и он был вынужден ходить на костылях. В течение года ни один немецкий врач не оказал ему какой-либо помощи, пока его ногой не занялись норвежские врачи.

32-летний Александр Морозов 15 мая 1945 года был госпитализирован в той же больнице с резкими болями в области желудка, от которых он страдал с октября 1944 года.

22-летний Владимир Куличенко оказался в указанной больнице 26 мая 1945 года с грыжей, с которой он жил с декабря 1942 года, пока она не выросла с большой апельсин, но ни один немецкий врач не обратил на это внимания.

Список таких больных, выявленных только в одном месте — Рогаланде, коммуна Ставангер — можно было бы продолжить. А сколько таких случаев было по всей Норвегии, особенно в северной губернии Тромс, где смертность среди советских военнопленных была предельно высокой и не шла ни в какое сравнение с цифрами, зарегистрированными в средних и южных губерниях страны?

При освобождении пленных из «благополучного» лагеря в Мадле норвежцы были шокированы тем, что они увидели в бараках — в таких помещениях и скотине было бы неуютно, не говоря уж о людях. Пока норвежцы круглосуточно праздновали победу, изможденные от голода и больные военнопленные сидели взаперти в бараках и все еще охранялись немецкими солдатами — правда, сильно присмиревшими и заявившими, что они не нацисты. Когда некоторые из норвежцев вспомнили о советских военнопленных и побежали в Мадлу, навстречу им вышли тени плачущих и рыдающих людей, со следами побоев на теле, одетых в лохмотья, кишащие вшами, блохами и прочими насекомыми-паразитами.

Кроме примитивной обстановки, они обнаружили там нескольких умиравших от голода и туберкулеза узников, среди которых был 46-летний украинец Дмитрий Андриевич. Предложение норвежцев немедленно поместить его в госпитале Св. Франциска было встречено с большим недоверием — пленные боялись, что их обманут, и что они уже никогда не увидят своего товарища. Тогда один из норвежцев, Мартин Шэвеланд, спросил у своей беременной жены, согласна ли она побыть заложницей на

то время, пока больные будут находиться в госпитале. Эльса Шэвеланд сказала «да», и госпитализация при посредничестве другого военнопленного по кличке «Пруссак», говорившего немного по-немецки, состоялась. Вместе с Андриевичем в госпитале оказались еще 8 тяжелобольных. Андриевич, измученный побоями, болезнью и голодом, вскоре умер. Перед смертью с ним беседовал священник, который знал русский язык.

То, что тяжело больной туберкулезом лежал рядом с другими военнопленными и заражал их, было само по себе уже преступлением, писали норвежцы. Пока больные лечились, Эльса Шэвеланд сидела в лагере заложницей. «Здоровые» пленные снимали одежду и показывали ей на теле следы побоев, которые наносили им вечно недовольные охранники. Многие молодые выглядели стариками. Позже она рассказывала, что это время показалось ей вечностью. Но она всю жизнь гордилась тем, что могла хоть чем-то помочь несчастным советским пленным.

Мартин Шэвеланд вступил в контакт с представительницей Красного Креста фру Гримнес Мауритцен и предложил оказать пленным в лагере немедленную помощь, в первую очередь вывезти их из лагеря и поместить в городе. Госпожа Мауритцен была другого мнения: она считала, что нужно было ждать, когда англичане высадятся в Норвегии... Никакие доводы, в том числе смерть Андриевича, на представительницу Красного Креста не действовали.

Тогда Мартин обратился в полицию. Знакомый полицейский дал Мартину и Эльсе связки ключей от лагеря и сказал, что они могут предпринять все возможное, что в их силах, чтобы помочь пленным. Супруги раздобыли автомобиль, набили его продуктами и поехали в Мадлу. Продукты они сдали повару, а сигареты раздали пленным. Когда супруги приехали на следующий день в лагерь, довольные пленные показали им, какую еду им приготовили из норвежских продуктов. При этом никто из них не притронулся к пище, пока не приехали их благотворители и не откушали кашу и суп вместе с ними. Чтобы избежать эксцессов, норвежцы предупредили пленных сразу не наедаться, а принимать пищу малыми порциями. На следующий день Мартин и Эльса Шэвеланд приехали в лагерь снова. Потом лагерь перешел в ведомство союзников, и пленных перевели в транзитный лагерь Ватне. Места бывших советских военнопленных в Сауде, Сандэйде, Форусе, Нэрланде, Мадле и Слеттебе заняли 5000 немецких солдат.

14 мая 145 бывших узников лагеря Русенберг написали письмо со словами благодарности всем норвежцам, которые помогали им в трудную годину, поддерживали морально и физически и не давали умереть. Они просили опубликовать письмо в местной прессе, что и было незамедлительно сделано. *«Мы никогда не забудем норвежских детей!»* — писали они.— *«Мы расскажем о них всем людям в нашей огромной стране, России. Мы расскажем всем русским детям, как они всем своим детским сердцем ненавидели тиранов, немецких фашистов, и что мы видели тысячи примеров того, как они помогали нам».*

При освобождении их заверили, что английские военные распорядились о направлении в лагерь достаточно провианта и сигарет, но с момента освобождения прошло уже более 2 недель, а положение со снабжением лагеря все не улучшалось и оставалось по-старому. Адвокат М. Воланд наскреб где-то немного сигарет и передал их в лагерь, но этого явно не хватало. Положение военнопленных изменилось только после того, как их перевели в транзитный лагерь Ватне. Скарстен и Стокке пишут, что военнопленные, которые имели все основания быть недовольными медленными действиями норвежских и английских властей, тем не менее, выразили своим вышеупомянутым письмом трогательную благодарность, и это норвежцы оценили.

Норвежские авторы пишут, подводя итоги сказанному, что положение советских военнопленных в первые дни освобождения было не таким уж и безоблачным. Они ходили в той же рваной, ненавистной одежде и питались также впроголодь. Радость

освобождения быстро прошла, для советских военнопленных снова начались будни. Некоторые ни за что не хотели возвращаться в свои лагеря и неприкаянные бродили по улицам, другие, наоборот, предпочитали другим помещениям свои насиженные места. Подача еды в лагерях на эти переходные дни прекратилась вовсе: немцы «умыли руки», а норвежцы и англичане еще не вошли в курс дела.

Во избежание всякой анархии Красный Крест, английские военные и норвежские власти старались как можно быстрее организовать военнопленных, оказать им медицинскую и другую помощь и разместить в более-менее приличных условиях. Один из руководителей Милорга адвокат Клуге уже 9 мая освободился из концлагеря Грини и активно включился в работу по упорядочению дел с освобожденными советскими военнопленными. В этих целях ставангерское отделение Милорга организовало специальный рабочий комитет и он начал действовать вместе с английской комендатурой Ставангера. Сначала комитет назывался «Комитетом по делам освобожденных иностранных военнопленных», но поскольку других иностранных пленных, кроме советских, в районе Ставангера не было, то он стал называться «Комитетом по делам советских военнопленных». В него вошли только что вышедший из Грини адвокат Герхард М. Воланд (председатель) и жители Санднеса Арне Нильсен и Сигурд Й. Эглэнд (члены). Среди населения начался было сбор одежды для советских военнопленных, но потом выяснилось, что одежды много на немецких складах. Бывших пленных просили оставаться на местах и для переговоров с новыми властями выбрать доверенных лиц.

В обстановке эйфории освобождения случилась беда: бывшие советские пленные вместе с норвежскими друзьями «отметили» праздник употреблением древесного спирта. 85 человек немедленно отправили в больницу, но, к сожалению, шестеро из них скончались от отравления, а некоторые ослепли.

Бывшие советские военнопленные были приглашены принять участие в праздновании дня 17 мая, государственного праздника Норвегии. Они вместе с норвежцами маршировали с советскими флагами по улицам местных городов, участвовали в митингах и собраниях, слушали речи норвежцев, произносили свои, получали угощение.

Со стороны бывших советских военнопленных отмечались попытки мщения бывшим охранникам, но они были единичными: на первые дни после капитуляции англичане предупредительно оставили немцам оружие, а, во-вторых, английская военная полиция и норвежские власти все такие попытки пресекали.

12. ЛАГЕРЬ В ВАТНЕ

Транзитный лагерь в Ватне был построен под надзором Комитета по делам бывших советских военнопленных в провинции Рогаланд. Постепенно туда переводили всех бывших узников из лагерей этой южной провинции Норвегии. Он был переоборудован из помещений бывшей немецкой артиллерийской части (конюшня на 250 лошадей, солдатские бараки на 800 человек, офицерский барак на 40 человек, 6 домиков для старших офицеров, вахтхаус, кинозал, санитарный барак, столовые, комнаты отдыха и т. п.) под насущные потребности репатриантов и по сравнению с бывшими лагерями выглядел настоящим домом отдыха.

Первые советские военнопленные появились в лагере 17 мая. Их привезли из лагеря в Санде. К июню их там собралось около 1300 человек. Комендантом лагеря стал бывший узник тюрьмы Грини норвежец Берре Берресен, а его помощниками — тоже норвежцы, в том числе ученики старших классов гимназии. Среди последних был изучавший в гимназии русский язык Томас Лоотц. Переводчиками выступали органист Фредрик Саген и Карин Индрехус. Доверенным лицом лагеря был избран Михаил Аренберг, ему помогал еще один советский лейтенант из военнопленных.

Они организовали выбор старост бараков, а Берресон быстро установил контакты с ними и так же быстро и эффективно начал управление лагерем.

Советскую сторону в Ватне на первых порах представляли бывшие военнопленные майор Иванов (руководитель группы), майор М. Сашил, капитан Бущенко и ст. лейтенант Борис Верниковский. 27 мая группа Иванова по согласованию с норвежцами и союзниками взяла на себя общее управление лагерем. Ей предоставили помещения лагеря, а потом Иванов со своими офицерами построил военнопленных на плацу. У многих бывших пленных глаза были полны слез: впервые за долгие годы ими командовали советские офицеры! После торжественного акта передачи Иванов дал интервью местной прессе, в котором, отвечая на вопрос, каково ему управлять лагерем, ответил:

— Порядок будет военный. Время будет использовано на военную подготовку, физические упражнения и развлечения.

Обитатели лагеря были очень довольны теми условиями, которые им предоставили в Ватне. По свидетельству норвежского обслуживающего персонала, все жители лагеря хотели вернуться на родину и никаких опасений по поводу своей судьбы или поползновений к тому, чтобы попытаться остаться в Норвегии, не проявляли.

Поводом для недовольства большинства советских военнопленных стало появление 7 июня в лагере 237 «остарбайтеров» из лагеря Саудашеен. Их обвинили в том, что они добровольно работали на немцев. Впрочем, недовольство удалось погасить, но норвежской охране лагеря на всякий случай выдали автоматы.

В дополнение к лагерю в Ватне норвежцы организовали еще один маленький лагерь на 135 человек в Фольквордe, куда собрали «остарбайтеров», главным образом женщин, детей и семейных.

В Ватне норвежцы часто устраивали праздники с употреблением алкоголя, который в изобилии хранился на бывших немецких складах и контролировался английским подразделением MDU (Military Disarmament Unit). Обычно пленные с одним из норвежцев ехали в офис MDU и проверяли, «хороший» ли майор находился на дежурстве или «плохой». Когда дежурил «плохой» англичанин, «делегация» возвращалась в лагерь ни с чем. Когда же им попадался «хороший» майор, то они смело заходили к нему в кабинет и просили спирт. Тот выписывал накладную, и пленные ехали с ней на склады, отоваривались и устраивали в лагере праздник. Естественно, перепадало кое-что от этого спирта и норвежцам.

На территории лагеря постоянно находились норвежцы, в том числе и молодые девушки. Все посетители должны были покинуть лагерь не позднее 23:00. Между молодыми и здоровыми русскими парнями и норвежскими девушками завязывались романы, так что зрелище укрывавшихся в ближних кустах парочек было вполне обычным. Как пишут Скарстен и Стокке, «вытащить» норвежек из лагеря было не так просто. Они прятались от норвежской охраны и возвращаться домой не хотели. Наши парни, узнав, что в лагере Фольквord хранились немецкие парашюты, устраивали туда по ночам рейды, «реквизировали» драгоценный в те времена шелк и дарили его своим норвежским подружкам. Подружки шили себе из него юбки и платья и щеголяли в обновах в лагере. Иногда англичане заставали воров на месте, но без всякого наказания возвращали их в Ватне.

У многих норвежцев от этих визитов остались памятные дневники и альбомы, куда бывшие пленные записывали слова благодарности и пламенные патриотические обращения в стихах и прозе.

В Ватне оказалось много немецких велосипедов, и бывшие военнопленные часто ими пользовались. Многие ездить на велосипедах не умели, а катались на них верхом с горки, соревнуясь, кто дальше проедет. Норвежцы с удивлением смотрели на русских парней, которые с растопыренными ногами лихо мчались со спуска. Скарстен и Стокке пишут, что за этим занятием военнопленные проводили целые часы.

Часто они играли в футбол. Первый матч между сборной лагеря и одним местным норвежским клубом состоялся в Ватне 4 июня. Победила, как говорится, дружба. Норвежцы говорили, что если бы русских футболистов подкормить и как следует потренировать, то им бы не было цены. Потом русские футболисты играли против норвежцев на стадионе в Ставангере. Чтобы как-то занять скучавших без работы бывших пленных, майор Иванов организовал им выезды на поля местных фермеров — в порядке оказания безвозмездной помощи.

Скоро в Ватне стала процветать всякого рода художественная самодеятельность: люди доставали инструменты и собирались в оркестры, танцевали, пели и делали инсценировки. Перед отъездом на родину жители лагеря 13 июня 1945 года устроили прощальный двухчасовой концерт, о чем в Ставангере и в округе были развешаны объявления. Вход на концерт стоил 1 крону, половина сборов шла в пользу Фронта Освобождения. Гвоздем программы концерта стал русский хор, русские народные танцы и пляски и оркестр балалаек. Концерт стал выражением искренней благодарности *«за каждую дружескую улыбку, за каждое дружеское рукопожатие и за каждую корку хлеба, которую норвежские дети и взрослые дали нам».*

1 июля в лагере был устроен «отходной» праздник.

Проводить русских пришли тысячи норвежцев с окрестных городов и поселков. У многих в лагере были свои старые друзья. Конечно, опять был непременный концерт художественной самодеятельности и танцы. От норвежцев выступил Воланд, а от советской стороны — майор Сашил. Выступление майора на ломаный норвежский язык переводил М. Аренберг. Потом выступил Клуге, который, в частности, сказал: *«Страдания, которые нацистские палачи причинили русским военнопленным, были восприняты нами как наши собственные. Надеюсь, вы возьмете с собой в Россию чувства и симпатии, которые испытывает к вам норвежский народ. Давайте запомним тяжелые времена, через которые мы прошли вместе и попытаемся лучше понимать друг друга в будущем».*

Проводы завершились танцами.

В начале июля 1945 года пленных из Ватне отправили поездом из Санднеса до шведского города Евле. Оттуда шведы перевозили их по морю в Финляндию. Первый поезд из Сандеса перевозил 45 больных туберкулезом, а 3 июля отошел поезд из 14 вагонов, где за главного начальника был старший лейтенант Б. Верниковский. Этим поездом были транспортированы 520 бывших военнопленных и 282 «остарбайтера», включая женщин и детей (младшему из последних было всего 2 месяца). В одном из вагонов под надзором шведского персонала были размещены еще 33 больных туберкулезом. Шведы в количестве 25 человек (старший прапорщик Ларссон) располагались в отдельном вагоне. По соглашению с союзниками, шведы отвечали за доставку военнопленных через свою территорию.

4 июля отошел второй и последний поезд с 593 жителями Ватне.

После этого лагерь опустел и 6 июля был закрыт.

7 июля союзники в зоне Ставангера выпустили по этому поводу краткий заключительный документ, в котором была сделана лаконичная приписка о том, что «*весь персонал желал возвратиться на родину».* После отъезда норвежцы неподалеку от лагеря обнаружили труп советской женщины — по всей вероятности, след пребывания там нелюбимых «остарбайтеров».

А территорию лагеря норвежское государство выкупило и передало в распоряжение своих военных.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Евгений Асташкин
(г. Омск)

КЛАД В УГЛОВОМ ДОМЕ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. Лескова.

Неожиданно нагрянувший под вечер Славка Сарафанов вызвал Генку из дома с многообещающим прищуром опытного заговорщика; застыл в сенцах и шепотом:

— Возле калитки стоят две официантки из ресторана. Что скажешь на это безобразие?

Генка прекрасно знал, что на такого красавчика все поголовно девчата западают, и с дурнушками он якшаться не будет, уже достаточно избалован.

— Подавай-ка их сюда! — тут же отреагировал Генка, увидев, как довольно блеснул карий глаз приятеля перед тем, как он вынырнул на улицу. Генка в этот субботний вечер как раз скучал в одиночестве на своей окраинной улице Набережная, где даже прохожие в зимнее время очень редки. Днем топил баньку, мылся, сейчас там мать стирала белье.

В полумрак веранды, где из экономии висела самая слабая лампочка, вошли две фемины в аляповато цветастых пуховиках. Генка повел их дальше, в свою комнату, и лишь теперь получше разглядел. Одна, мявшая в руках беретку, оказалась владелицей пышной блондинистой шевелюры, излишки которой ниспадали на плечи. У другой в проеме капюшона виднелись темные космы. Есть во внешности эдакое, что безошибочно сигнализирует о принадлежности особ к ресторанному клану. Бросив в угол свои пуховики, обе сразу притулились у печки. Отодвинув в сторону самый маленький кружок, стали прицельно выдувать в образовавшуюся щель сигаретный дымок, успевая перебрасываться мудреными словечками, понятными лишь самим.

Славка незаметным жестом изобразил перед взором хозяина алкогольную емкость, зная, что здесь всегда найдется запасец в пару декалитров. Генка смиренно отправился на кухню и вернулся в сопровождении стеклянного перестука в руках. Наскоро изобразил и закуску, ловким манером сместив с журнального столика все бумажное, не соответствующее обстановке.

— Далеко забрался твой друг,— с долей небрежной сожалительности заметила темненькая, ловко отправив в топку окурок.— Здесь случайно медведи не проходят мимо?..

— Только мамонты,— в тон ей подыграл Генка.

— Посади одного на цепь, хоть полюбуемся...

Слово за словом, и Славка выдал в который раз свою фирменную штучку, счет которой ведет не только Генка, но и, наверно, все другие его приятели:

— Вы не смотрите, что у меня спина колесом. Зато у меня грудь впуклая...

После заключительного ударного словца непременно следовал общий смешок, уже испытано. Незамедлительно обзнакомились. Блонда почему-то назвалась Натали, а не среднестатистической Натальей, маленькое безобидное пижонство, вполне простительное в молодости. А смугленькая оказалась Зарифой. Это уже что-то инопланетное, веет другими цивилизациями, хотя по виду и не скажешь.

Пока Генка всматривался в ее лицо, сопоставляя его с таким экзотическим именем, она понятливо откликнулась:

— Определяешь национальность? Все равно не угадаешь...

— Татарочка?

— Сказала же, не угадаешь...

— Башкирка? Таджичка? Туркменка? Алтайка? Ну не казашка же...

— До самого утра будешь гадать — и все мимо...

— Что-то уж совсем впуклое, как выражается Славка?

— Каракалпачка. Небось, не встречал таких?

— Действительно... Я даже не знаю, где это на карте...

— Далеко, отсюда не видать. Среди пустынь...

— Как ты здесь очутилась?

— Приезжала с матерью по делам, да так и осталась. В нашем ауле хуже, чем здесь. Я хоть работу нашла...

Уселись за столиком — крепить знакомство креплеными напитками. Девчонки расположились где помягче — на диване, парни довольствовались табуретками. Пока девчата со сноровкой накладывали каждому на тарелочки закуску, Славка, с задумчивым видом вынув пачку «Опала», кивнул Генке, и тот двинулся за ним следом в ледяную веранду. Чиркнув зажигалкой и сделав первую затяжку, Сарафанов с охотничьим азартом внес конечную ясность в намечаемом предприятии:

— Я «заторчал» с Зарифой, а ее подруга по твою душу. Она посменно топчется за барной стойкой. Специально для тебя привел, чтобы не скучал. Оцени...

— Обе хорошенькие. Должно быть, приезжие. То-то я их никогда не видел...

— Ты же не ходишь по ресторанам. Они снимают квартиру возле больницы.

Славке надо было не столько покурить, сколько верно сориентировать друга, а то он все больше разговаривает с общительной смуглянкой.

Снова уселись за столиком. Блонда отмалчивалась, непонятно было, насколько ей пришелся по душе хозяин хаты. А Зарифа по-прежнему обращалась преимущественно к Генке.

— Вижу, карта висит на стене, такая большая. Это зачем?

— Наша область. Хочу ее изучить. Побывал в половине районов. А вот здесь на севере Сарыкопинские озера — огромная территория, почти безлюдная. Мой дядька собирается туда следующим летом поехать на рыбалку, потом расспрошу обо всем. Там проще пареной репы заблудиться среди этих озер и камышей, поэтому нужен хороший проводник. Никаких заправок нет на сотни километров, надо прихватывать бочки с бензином. Может, дядя Кузя пригласит и тебя, Славка, туда надо двигать целой бригадой, не на одной, а на трех машинах. Вдруг у кого-то поломка случится, чтобы потом тянуть на прицепе.

Зарифа, хрустнув диванными пружинами, привстала и заинтересованно подошла к карте. Поводила по ней пальчиком с розовым ногтем.

— А вот и ваш Типчак...

Генка встал рядом с ней.

— Сейчас покажу хохму. Вот ближний совхоз, это тридцать километров от нас. Славка, что здесь не так? Ты же шофер, везде мотаешься. Посмотри и скажи...

Теперь и Сарафанов стал всматриваться в указанный участок на карте.

— Да я там сто раз проезжал...

— Ну? — поторапливал Генка.— Ничего подозрительного?

— Да вроде все нормально...

— Тогда почему элеватор Шестого разъезда переехал на левую сторону железной дороги? Он же всегда был за полотном, а теперь почти в совхозе...

— Точно! — удивился Славка.— И вот этот элеватор в соседнем районе зачем-то передвинут почти на километр.

В карту намеренно была внесена путаница. Только для какой цели? На случай войны, что ли? Чтобы запутать противника. Как будто вражеские спутники не зафотографировали все здешние просторы в хорошем разрешении.

— Вы, наверно, шли сюда по улице Пушкина? — поинтересовался Генка, когда снова стали чокаться рюмками.

— Да,— кивнули обе девицы с вопросом в глазах: какое это имеет значение? И в чем подвох?

— Значит, проходили мимо углового дома. Заметили, какой там обширный гараж — почти на весь огород? Целых пять секций под одной крышей.

— Видели, конечно,— быстро отреагировали гостьи.— И что дальше?

— Это было нечто! — пустился Генка в воспоминания.— Можно сказать, вызов обществу. У кого здесь имеется аж пять легковушек? Нет таких и не будет. И за одной-то люди годами стоят в очереди. Славка, ты помнишь того дельца, который купил угловой дом и все это наворотил?

— Савката? Конечно. Даже помогал ему перебирать мотор бортового «газика».

— Савкат хотел развернуться по полной программе и тоже разбавлять водку во всех этих отсеках. Мало ему было одного «Гастронома». То-то дядя Кузя, помню, хлопнет рюмашку водки, потом посмотрит на бутылку и говорит: «Вода водой!..» Я думал, он так проспиртовался, что его уже и сорокаградусная не берет...

Эта история с разбавленной водкой наделала фурора в поселке. Приезжий «делавар» организовал прямо в подсобке «Гастронома» цех по уменьшению градусности «Столичной». Водку по ночам наполовину разбавляли водой и снова закупоривали алюминиевыми пробками с помощью ручной машинки. Стали принимать у населения пустые бутылки из-под водки. «Подмазали» все руководство райотдела милиции, чтобы прикрывали. Так продолжалось два года. Потом информация просочилась в столицу, оттуда подослали под видом бомжа спеца, который тоже помогал разбавлять водку и даже ночевал в подсобке вместе с другими бичарами.

— Этот Савкат однажды наехал на меня, когда я проверял сигнализацию в «Гастрономе».

— Ты что, тоже работал в ментуре? — недовольно нахмурила Зарифа почти монобровь.

— Я по молодости работал электриком сигнализации во вневедомственной охране,— стал оправдываться Генка.— На складе «Гастронома» зацепили ящиками проводок шлейфа, ну я и отыскивал место обрыва, лазая под потолком. Савкат ходил рядом, потом как накинется на меня, чуть не выгнал за то, что я так долго копаюсь. Теперь-то я понимаю, он боялся, что я замечу что-нибудь подозрительное. А у меня и в голове не укладывалось, что возможен такой бизнес.

— Мы с дружками тоже покупали такую паленую водку, дундуки,— расплылся Славка в своей фирменной самоироничной улыбке.— Помогали Савкату сколачивать капиталы.

— Кстати, Славка немного побыл у меня помощником. Устроился на лето после девятого класса подзаработать. Вместе проверяли сигнализацию в магазинах. Раз за

нами увязалась какая-то двадцатипятилетняя дурында, вся ухоженная и размалеванная под француженку. Не может оторвать глаз от Славки. Мы проверили хлебный и идем в хозмаг, она — следом. Из хозмага в дежурный — она опять за нами. Славке всего шестнадцать, еще совсем невинный. Говорит: «Фи, ходит за нами хвостиком...» А я ему: «Что-то за мной никто так не ходил раньше, это — из-за тебя...»

Посмеялись над превратностями извека непостижимой женской натуры. Генка, вспомнив наставление друга, повернулся к Натали и попытался разговорить ее, но она отвечала через раз, с налетом ложной детскости в голосе и мимики. Такая манера ему претила, он знал по опыту, что если девица начинает так говорить, на более внятный тон она уже не перейдет, а вот с другим собеседником может преобразиться до неузнаваемости. Что ж, учтем. После очередного тоста Генка решил не то что покрасоваться, а произвести маленький, аккуратный эпатаж, чтобы развлечь девчонок. Он поднял вверх обе руки, призывая к вниманию:

— Что я вам скажу! Не поверите! Я мог с легкостью стать миллионером...

Гости даже перестали работать челюстями, вилки почти синхронно стукнулись о край тарелок. Славка сначала подумал, что приятель выдаст очередную шутку, которую он еще не слышал, но Генка перешел на вполне серьезный тон:

— В том угловом доме поселился Савкат, стал почти соседом. Вижу, строят ему что-то непомерно длинное, затоптали весь огород. А вскоре Савкату повязали руки. Но он успел замуровать в фундаменте старого дома клад. Неужели ты не слышал об этом, Славка?

— Да как-то нет...

— Мы с соседом Борькой потом лазали в этой заброшке, там шпана уже проделала щель в заборе. Заглядывали в окна — все комнаты пусты, у Савката не было мебели, наверно, собирался свалить подальше с хорошей деньгой. Даже клумбы выложены по кругу силикатным кирпичом. Борька мне помогал таскать оттуда этот кирпич под ногами, все равно цветы без полива засохли. Кирпич не купишь — строительных рынков поблизости нет. Но я насобирал его на целую баню, в основном по свалкам. Туда после строек вывозили мусор, среди которого попадалось немало целых кирпичей. Еще вывезли за город целую груду хлама после пожара, а там закопченные кирпичи. Я их отмывал и пускал в дело. Когда уложил наверх шпалы, чтобы сделать крышу, оказалось, нечем замуровывать их по бокам — кончились кирпичи. Вот я и вспомнил про этот заброшенный дом. Я ходил мимо окон и не знал, что совсем рядом спрятано несколько килограммов золотых украшений.

— И как все открылось? — поторапливал Славка.

— Через два года дом продали как выморочное имущество. Новые жильцы однажды ночью услышали, что за окном в сторону Набережной словно кто-то скребется. Хозяйка сначала ничего не заподозрила, у нее двое пацанят еще ходили в школу. Светили фонариком во дворе, вроде никого. На следующую ночь опять за окном кто-то скребется. Потихоньку открыли дверь и заглянули за угол. А там какая-то старая женщина в длинном черном платье на пару с молодкой скребут стену чем-то острым. Хозяйка прикрикнула, и они сразу убежали в ту щель, что в заборе до сих пор. Позвонили в отдел, приехали двое на мотоцикле. Служивые сразу смекнули, в чем дело. Давай простукивать стены. Так и обнаружили в фундаменте схрон. Вынимали оттуда золото целыми горстями, да еще впридачу было несколько пачек со стольниками — в целлофане. Все изъяли и сказали, что сдадут государству. Так потом всем соседям рассказывала новая хозяйка того дома.

— А ты только хлопал ушами! — неодобрительно высказался Славка и от накатившего волнения аж заходил по комнате туда-сюда.— Вислоухий. Не хватило тяма. Таскал какие-то кирпичи, а рядом, в двух шагах были настоящие сокровища. Тебе бы этого добра хватило до самой пенсии...

— Мне в таком никогда не везло. Ни разу ничего ценного не находил. Пару раз

попадались в канавах рваные рубли, их обменяли в сберкассе на целые. И это все! А сокурсник на моих глазах подобрал с асфальта довольно увесистую цепочку, когда шли с ним по Оренбургу. Думал, бижутерия. Зашел в ломбард проверить, и выходит оттуда с веером крупных купюр в руке, машет перед моим носом. Оказалось, аж двадцать грамм золота. Правда, потом он раздал эти деньги нуждающимся. Опасался оставлять у себя — всевышний накажет за присвоение чужого. Бог дал — бог взял...

Генка, конечно, немного переигрывал, чтобы занять публику. Если бы ему попал в руки такой клад, он бы сам не на шутку растерялся и по природной деликатности не решился бы его присвоить, хоть и оказался бы в проигрыше. Приманка о том, что нашедший клад получит от государства четверть стоимости в качестве награды, если сдаст его, на деле не работала или давала сбои.

— А какой срок получил этот Савкат? — заинтересовался Сарафанов.

— Без понятия,— пожал плечами Генка.— Никто ничего не знает.

— Вышку! — вдруг четко произнесла Зарифа.

— А ты откуда знаешь?

— Знаю,— твердо произнесла она.

— Понятно, сорока на хвосте принесла,— не очень-то поверил этому Славка. Мало ли чего набрешут в поселке. Один одно, другой совсем другое...

Генка вспомнил этого водочного магната. Небольшого роста, метр с кепкой, но видный из себя. Всегда при костюме в клетку, аккуратные тонкие усики. Взгляд самоуверенный и нагловатый. Имя какое-то не здешнее. Но это даже придавало ему дополнительного шарма. Когда он развернул непонятное строительство в угловом доме, за версту было видно, что здесь нечисто. Где он доставал кирпичи, было непонятно. В то время строили интернат, скорее всего, разживался там. Можно было остановить машину, везущую на стройку кирпич, и за дюжину бутылок уговорить шофера выгрузить его в чужом дворе. Савкат надеялся, что в глухомани ему ничто не угрожает в бизнесе — все сойдет с рук.

— И все-таки я такого не понимаю,— гнул свою линию Генка, хотя пора было закруглять этот разговор, иначе не хватит времени на ухаживания за дамами.— Ведь Савкат толком и не пожил. Ему и тридцати, поди, не было — и вот тебе расстрел...

— Через неделю ему бы исполнилось тридцать пять,— опять выдала Зарифа совершенно личную информацию.

Все устремили вопрошающие взгляды на нее: это что за ясновидящая?..

— Зато он взял от жизни все! — отчеканила чернявка.

— И ты такое поддерживаешь? — не мог понять Генка.— Ты что, тоже знала его?

— Ну, ты даешь! — неожиданно взъерошилась Зарифа и с вызовом добавила: — Это был мой брат.

Ничего себе! Кто-то остолбенел, кто-то не поверил своим ушам. Нет, не послышалось...

— Н-да. не знали... Но ведь его больше нет на свете,— все допытывался Генка, уже по инерции, почувствовав, что на него нашло косноязычие.— И как это?..

— Ну и что! — отстаивала свое Зарифа.— Вы не видели, как он отрывался. Отсюда поедет к морю на «Жиге», разобьет ее там, а возвращается назад на новенькой «Волге». Представляете, сколько денег у него было в карманах? И нам с матерью помогал. Потом матери прислали его одежду. Бывалые люди подсказали, что так делают после приведения в исполнение приговора, хотя родственникам не сообщают.

— И ты считаешь, что вся эта водочная авантюра стоит жизни? — не унимался Генка, пораженный ее взглядами.

— Он пожил в свое удовольствие. Другой и за несколько жизней не увидел бы

такого. Менял женщин, как перчатки. Сколько из них от него родили, я даже затрудняюсь сказать.

Да, такую не переубедить...

Повисла вынужденная, тягучая тишина — без четко различимых очертаний. Каждый задумался о своем, даже напрочь забылось о наполнении рюмок.

— И вы думаете, все золото, что припрятал на черный день мой брат, менты сдали государству? — кипятилась Зарифа, видя, что не все разделяют ее точку зрения.— Как бы не так! Хотела бы я посмотреть на таких бессребреников. Все давно поделили между собой. Дело-то давно закрыто. А эти побрякушки нигде не числятся, Савкат скупал их в ломбардах. Прежних следаков пересажали, а новые продолжают хапать...

Генка уже молчал. Никто не ожидал, что разговор повернется в такую сторону. Даже находчивый Сарафанов жевал губами, не зная, как разрулить обстановку. Собирались погулять на славу, а сейчас у всех такое растрепанное состояние...

Видимо, и подруги осознавали, что хеппи-энд может и ускользнуть. Тогда Зарифа решила все взять в свои руки — с присущей ей наступательностью. Она вдруг оторвала взгляд от заставленного снедью столика и, прохладно чиркнув темным зраком по фигуре ухажера, словно он чем-то разочаровал ее, прямолинейно произнесла:

— Давайте поменяемся!..

Получилось даже с восклицательным, а не вопросительным знаком. Для Сарафанова такое оказалось громом среди ясного неба. Он, похоже, всерьез заинтересовался этой чужачкой, что-то в ней нашел сокровенного — и вдруг она предпочла не писаного красавчика, а его друга с самой обычной, даже, можно сказать, невыразительной внешностью. Впервые Генка обошел избалованного Сарафанова. И это было продемонстрировано, объявлено во всеуслышание, без всякой дипломатичности, положенной в таких интимных случаях.

Генка тоже сначала растерялся, не зная, как реагировать. Увидел, как словно скукожился и без того сутуловатый приятель, переживая в душе нанесенное оскорбление, пусть и не намеренное. Генка искательно скосился в сторону блонды. Та даже не пикнула, видно, ее вполне устроил бы обмен партнерами. Что ни говори, задевает даже такая мелочь, а каково теперь Славке?..

Теперь будет неудобно перед ним. Ему совсем не в масть такой форс-мажор. Значит, все-таки имеет чувства к темненькой официантке. Она вполне грамотно строит речь, никакого акцента, вполне подкована, словно жила не в селе, а крупном городе. Славка хотел развлечь свою новую подружку, позаботился и о друге, а его пассия взяла и переметнулась к другому...

Сарафанов допил свою стопку, молча налил еще и тоже в одиночестве приговорил. Как-то неуклюже задрал манжет рубахи, изучая циферблат командирских часов.

— Пора по домам. Мне завтра везти начальника в область, Генке тоже с утра в командировку...

Последнее он приплел по своему обыкновению. В застольях друзья понимали все без слов и подыгрывали друг другу согласно обстановке. Нет, он не обидится на Генку — он-то ни в чем не виноват, никого не отбивал...

Девчата как-то тяжело поднялись, выудили свои пуховики из затемненного угла за шифоньером. Стали скрипеть синтетикой и ширкать молниями.

За калиткой скупо и безнадежно распрощались, комкая случайные словечки.

Вот и снова он один, да еще придется убирать мусор, оставшийся от гостей. Генка стал наводить марафет, прокручивая в голове все, что сейчас случайно выяснилось и что оставалось додумать. Да, столько всего неожиданного! Получается, именно Зарифа с матерью тогда ковыряли фундамент, чтобы выудить запрятанное добро. В этом она не призналась за столом и никогда никому не доверится. Специально прие-

хали издалека, когда все улеглось. Значит, дальновидный братец на всякий случай рассказал им о золотой заначке. Видно, довольно сложно расковыривать фундамент так, чтобы в доме ничего не услышали. Ничего не получилось, все сорвалось. Мамаша вернулась в свои края, а Зарифа решила остаться здесь.

А доблестная милиция неплохо погрела руки. Свалилось с неба такое богатство! Что-то нигде в прессе не было пропечатано, что сдано государству столько-то драгоценных украшений на такую-то сумму с множеством нулей. Обычно такое всегда доносят до читателей, чтобы продемонстрировать достижения местного РОВД. Даже отведена в местной районной газетке специальная ежемесячная полоса под названием «На страже». И — ни строчки о кладе! Полное радиомолчание, как выразились бы в подобном случае подводники...

Эдуард Георгиевский
(г. Тула)

Член Союза писателей России, главный редактор альманаха «На крыльях «Пегаса» журнала «Приокские зори», Заслуженный врач РФ. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2022 год.

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР
Из серии «Уличные зарисовки»

Вадим Петрович, довольный тем, что в парикмахерской очень хорошо «разобрались» с его отросшими волосами на голове и бороде — виноват дачный «курорт» — медленно шел к перекрестку, держа в левой руке сумку с продуктами, купленными в универсаме до появления в парикмахерской, а правой рукой он опирался на трость, с которой пришлось ему столкнуться впервые в жизни.

Дело в том, что на даче Вадим Петрович оступился и упал на «пятую» точку. Хорошо еще, что земля была мягкая, да еще и густая трава на ней. Однако, в момент «приземления» Вадим Петрович почувствовал, и ему даже показалось, что он услышал, как позвонки в пояснице по очереди толкнули друг друга от копчика вверх. Несколько дней он чувствовал отдаленную боль в пояснице, а затем в одно прекрасное утро ощутил боль в левой ноге. «Защемился нерв»,— подумал Вадим Петрович. В дачной аптечке было все что нужно для снятия болей, через неделю, казалось, что все закончилось. Однако, спустя пару дней, начала болеть правая половина поясницы, поэтому лечение продолжилось, и, спустя неделю, боль стала «тупой», но ходить, опираясь на правую ногу без посторонней помощи, было невозможно. Так у Вадима Петровича появилась его помощница — трость. Деликатно сказано: ее называют кто палочкой, а кто костылем. Тем не менее, с ней Вадим Петрович чувствовал себя более комфортно, что позволило ему более-менее активно передвигаться.

И вот он идет к своему перекрестку, чтобы перейти через трамвайную линию на пешеходном переходе, а там и дом недалеко.

Когда Вадим Петрович оказался на противоположной стороне, уже в безопасности, он двинулся к дому. Едва он сделал первые шаги, как к нему приблизился молодой человек — высокий, стройный, в полуспортивном костюме, с пепельными волосами и серыми ясными глазами — и вежливо спросил:

— Простите, у вас не будет закурить?

Вадим Петрович опешил: такого он не припомнит, чтобы ему, пенсионеру с большим «стажем», задавал вопрос такой совершенно незнакомый юнец, поэтому пенсионер внимательно посмотрел на него, и сразу вспомнил свою молодость: тогда он был такой же свежий, что называется, кровь с молоком. «Боже,— подумал Вадим Петрович,— как же это было давно!»

— Не курю, и вам не советую,— произнес Вадим Петрович.

— Жаль, так хочется покурить,— упавшим голосом произнес ясноглазый юноша.

— А вы что, не знаете, что курить — это здоровью вредить? — удивленно спросил Вадим Петрович, намереваясь сделать еще несколько шагов к своему дому.

— Да я совсем чуть-чуть. Встретились с другом в парке, немного выпили за встречу, потом разошлись, а мне почему-то захотелось курить,— откровенно признался юноша. Вадима Петровича как педагога с 35-летним стажем работы — бывших учителей не бывает — это признание юноши задело, и он спросил, как того зовут. Оказалось, зовут Сергеем, ему 15 лет, учится в поселковой школе в восьмом классе, без троек.

— Да я просто так, иногда. Курить начал с 13 лет, правда, не каждый день.

Вадим Петрович вот уже больше 20 лет на пенсии, мог бы пройти мимо, сказав, что не курит, но что-то ему подсказало, что этот чистый, с алыми губами и белоснежными зубами юноша находится в начале пути. Только какого? Очевидно, в начале жизненного пути и в начале зависимости от легких наркотиков. Вадиму Петровичу стало жаль Сергея, и он спросил:

— Ты спортом занимаешься?

— Да. Я люблю футбол,— вежливо пояснил Сергей.

— Вот видишь, футбол и курение никогда не идут в ногу, правильно?

— Да, я понимаю, но иногда тянет,— ответил юноша, опустив голову.

— Вот и затянет тебя в такое « болото», из которого едва можно выбраться, если только с чьей-то помощью,— назидательно заметил Вадим Петрович.— У тебя отец есть?

— Я живу с отчимом. Мама меня родила, когда ей было 16 лет.

— А отец кем был?

— Я его не помню. Мать о нем ничего мне не рассказывала.

— А отчим курит? — допрашивался Вадим Петрович.

— Курит много лет. Все собирается бросить, но силы воли не хватает. И мама тоже иногда покуривает,— с досадой проговорил юноша.— А что, им можно, а мне нельзя? Я уже почти взрослый. На следующий год паспорт получу.

Вадим Петрович наверняка знал, что каждый курильщик мечтает бросить курить, но... только мечтают. Ладно, считают они, сегодня еще выкурю пару сигарет, а завтра — брошу. Но приходит завтра, и все повторяется. И так часы собираются в дни, дни — в недели, недели — в месяцы, а месяцы — в годы. А итог бывает зачастую печальный. А ведь можно обойтись без этого. Друг перед другом подростки стараются выглядеть более взрослыми, и не только мальчики, но и девочки. Какое ложное представление о взрослости! Понять, что к вредным привычкам надо отнестись с понятием — вот это ближе к взрослости.

— А девушка у тебя есть? — допытывался Вадим Петрович. При упоминании о девушке Сергей расцвел в счастливой улыбке, сверкнув белоснежными рядами зубов.

— Есть! Юля. Она меня любит, и я ее люблю и собираюсь на ней жениться через несколько лет, когда сам встану на «ноги». Я в своей школе подрабатывал в качестве уборщика и на накопленные деньги купил своей любимой золотое колечко, которое очень понравилось ей. Это колечко — в знак нашей будущей совместной жизни.

— А она знает, что ты иногда, как ты говоришь, покуриваешь?

— Знает. Она тоже считает, что курить вредно. Но я считаю это скорее забавой,— ответил Сергей.

— Это вовсе не забава. Твоя девушка хочет жить с любимым человеком, у которого нет вредных привычек. Это — раз. Она заботится о твоем здоровье— это два. Ты это понимаешь? Судя по всему, у тебя хорошая девушка, но может случиться так, что ты ее потеряешь. Это — три. Все в жизни — и плохое, и хорошее — начинается с первого шага. Сделаешь первый шаг, затем второй, третий и так далее,— получишь хороший результат, если идешь к хорошей цели; и, наоборот, можешь заблудиться в

жизни, как в незнакомом лесу, или провалиться в болото, если вовремя не остановиться,— душевно разъяснил Сергею Вадим Петрович.

— Простите, а как мне Вас называть? — наконец спросил юноша, внимательно слушавший Вадима Петровича. Вадим Петрович представился.

— А сколько вам лет? — спросил юноша.

— Лет мне много, скоро юбилей, исполнится 85 лет,— ответил Вадим Петрович.

— Ничего себе! — восхищенно воскликнул Сергей.— Мне кажется, что я не доживу до такого возраста. Вы довольны своей жизнью? — спросил он, почему-то понизив голос.

— Не будешь курить и злоупотреблять алкоголем, доживешь, может быть, даже еще больше проживешь. Будешь думать о хорошем и делать добро — у тебя все получится.

— А жизнью своей я доволен. Человек, достигнув сорокалетнего возраста, оглядывается назад, подводя итог этому отрезку своей жизни. Что я успел сделать к сорока годам? Отвечу так. Окончил среднюю школу; три года отслужил в армии; окончил педагогический институт в Москве: женился и три года проработал по направлению на Камчатке, где у нас с женой родился первенец — мальчик; вернулся в свой родной город и поступил на работу в школу, где учился. Преподавал русский язык и литературу. Вот так. Много это или мало, для кого как, но у меня так сложилось, и я это ценю,— закончил свой монолог Вадим Петрович.

— Вадим Петрович, большая у вас семья? — неожиданно спросил Сергей.

— Мы прожили с женой 55 лет, надеемся дожить до 60. У нас три сына, два внука и пять внучек,— с чувством гордости произнес Вадим Петрович.

— Ого! — восхитился Сергей.— Вам можно позавидовать. Вот бы мы с Юлей так прожили! А сейчас вы на пенсии, чем занимаетесь?

— Я ушел на пенсию в 61 год, уже будучи Заслуженным учителем РФ. Надо сказать, что у меня долго зрела способность к литературному творчеству, и только в 56 лет вышел первый сборник стихов. Через год вышел второй сборник. В 2007 году меня приняли в Москве в Союз писателей России. К этому времени у меня вышел еще один сборник рассказов, альбом песен на мои стихи с нотами и два диска песен на мои стихи.

К сегодняшнему дню у меня в активе 7 сборников стихов и прозы: работаю над 8-ой книгой. Как главный редактор литературно-художественного и публицистического альманаха, выпустил, начиная с 2005 года, 20 номеров и 10 сборников стихов и рассказов для детей.

— А какое-нибудь стихотворение вы можете прочитать сейчас? — полюбопытствовал Сергей.

— Любишь поэзию? — поинтересовался Вадим Петрович.

— Да, и моя девушка тоже,— откровенно признался Сергей.

«А парень-то неплохой» — подумал Вадим Петрович

— Хорошо. Слушай! Я прочитаю тебе стихотворение философско-диалектического смысла.

Сергей кивнул головой в знак согласия, а потом вдруг спросил, сможет ли Вадим Петрович прочитать наизусть.

— Я могу прочитать более десятка стихотворений и ни разу не сбиться,— уверенно пояснил Вадим Петрович. Когда я еду в автобусе на свою дачу, а потом обратно домой, про себя читаю стихи. Так быстрее время в пути проходит.

— Тогда я — весь внимание,— произнес Сергей.

Вадим Петрович несколько секунд стоял молча, а потом отошел в сторонку — и Сергей за ним — и, понизив голос, стал читать стихотворение:

Сияют купола, играя позолотой,
поют колокола, ушел из жизни кто-то.
По ком звонят они, какие греют души?
А ты на крест взгляни, мелодию послушай.
Все звуки нараспев, высокого вокала,
остынуть не успев от медного накала,
плывут куда-то ввысь, за купола цепляя.
Ты здесь остановись, о жизни размышляя.
Все вечно на земле, все на земле не вечно,
поют колокола о жизни быстротечной.
И надо все успеть: и насладиться счастьем,
и много песен спеть, и отвести напасти,
и написать стихи для милых и любимых,
и замолить грехи всех чувств нетерпеливых.
Сияют купола, играют позолотой,
Поют колокола. И вот родился кто-то...
И надо все успеть!..

— Понимаешь теперь, что в жизни надо все успеть? Иначе проживешь впустую,— закончив, спросил Вадим Петрович Сергея.— И добавил:

— Ну, что скажешь? Понравилось?

— Супер! — оценил Сергей.

— А теперь тебе хочется курить?

— Вы знаете, у меня это желание совсем пропало,— улыбнулся Сергей.— Вы меня убедили и вдохновили на хорошие дела. С вас можно брать пример. Мы с Юлей постараемся что-нибудь в этом духе. Со мной никто еще так не говорил. Спасибо вам большое-пребольшое. Разрешите пожелать вам еще лет 20—30 плодотворной жизни. Я крепко жму вашу руку,— он протянул Вадиму Петровичу руку для рукопожатия, но заметив, что Вадим Петрович стоит, опираясь на трость, положил свою горячую юношескую руку на правую руку Вадима Петровича.

Левой рукой он вынул из кармана брюк смартфон золотистого цвета и стал набирать чей-то номер. Потом, сделав секундную паузу, он спросил Вадима Петровича, не проводить ли его до дома, на что Вадим Петрович улыбнулся, и, сказав, что ему осталось три минуты ходьбы, поблагодарил Сергея. Сделав пару шагов, вдруг услышал громкий восторженный голос юноши:

— Юля, привет, моя дорогая! Я познакомился с таким человеком, с таким человеком! Побольше бы таких. Я тебе все расскажу.

Вадим Петрович не спеша подходил к своему дому, и про себя подумал о том, что еще одна душа станет светлее, и мысленно пожелал счастья Сергею и Юле.

ДРУЖБА

Она прибежала на газон, обнюхивая каждый сантиметр его, пока не нашла нужного ей места, и улеглась на мягкую траву, согретую дневным солнцем. Уложив морду на передние лапы, она чутко прислушивалась к городскому шуму — ее остроконечные светло-коричневые уши, казалось, надежно охраняли ее отдых. Черный, мокрый нос вдыхал пахнувший выхлопными газами воздух, а язык иногда красной лентой выпрыгивал изо рта, когда она зевала. Через минуту — другую собака в неге повалилась на правый бок, и тогда Вадим Петрович увидел на ее белесом брюхе два ряда темных пятен. «Девочка»,— про себя решил Вадим Петрович.

Он стоял на тротуаре на остановке в ожидании своего автобуса, который задерживался, вероятнее всего, из-за «пробок» где-то в пути. Взгляд его был направлен то

на пешеходный переход, то на поток машин, то на угол, из-за которого должен был показаться ожидаемый автобус, то на собаку. Она была похожа на молоденькую лань. Ее светло-коричневая гладкая шерсть отливала на солнце, хвост был зажат между задними лапами. Она тихо, размеренно дышала, и, казалось, спала чутким сном.

Вдруг она приподнялась, отряхнулась и стала передними лапами «умываться». Голова ее повертывалась то на проезжую часть, то на пешеходный переход.

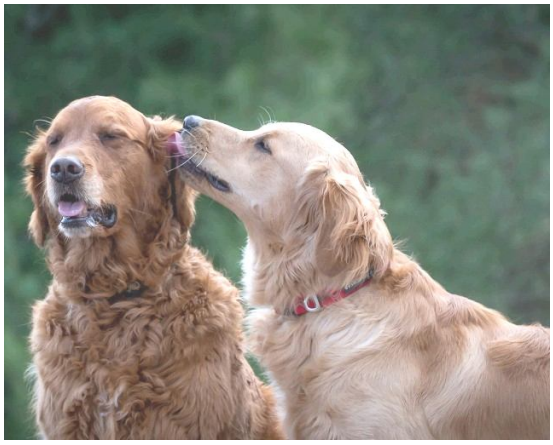
Вадим Петрович мгновенно увидел только хвост проскользнувшей между его ног собаки. Она металась туда — сюда, стараясь перебежать на противоположную сторону, но поток машин мешал ей это сделать.

Наконец, зажегся зеленый сигнал светофора, и собака в потоке пешеходов ловко перебежала на другую сторону проспекта. Вадим Петрович часто посматривал на часы, но автобуса еще не было. Он стал уже забывать про собаку, как вдруг она снова появилась в пешеходном потоке и очутилась на том самом месте, откуда она несколько минут назад исчезла. Она вернулась, но уже... не одна. За ней, выше ее в холке, весело играя хвостом, послушно следовал светло-серого цвета «мальчик» с удивительно лохматой мордой. Вадим Петрович с искренним удивлением наблюдал за этой веселой парочкой. Чего они только ни выделывали! То клали головы на передние лапы и так несколько минут — нос к носу — тихо лежали. То вскакивали и старались передние лапы положить друг другу на «плечи». То смешно бегали вокруг себя, стараясь поймать свой хвост.

Наконец, натешившись, они стали покидать газон. Впереди медленно шествовал светло-серый «мальчик», за ним покорно шла «девочка». У обоих хвосты находились в горизонтальном положении. Через минуту они скрылись в дворовом лабиринте. «Друзья, наверное,— решил Вадим Петрович.— Вот так бы и люди дружили».

Автобус, хоть и с опозданием, но подошел. Вадим Петрович втиснулся в битком набитый автобус, и, стоя и переминаясь с ноги на ногу, поехал на свою дачу.

Через неделю Вадим Петрович также ожидал свой автобус. Его взгляд остановился на газоне, где... мирно лежали, иногда переворачиваясь с бока на бок, греясь на солнышке, ему уже знакомые «мальчик» и «девочка».



«Ну, это уже серьезно,— подумал Вадим Петрович.— Настоящие верные друзья. Может быть, у них любовь?»

Аркадий Польшин
(г. Лебедянь Липецкой области)

Член Союза писателей России с 1995 г., действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург) и Академии литературной документалистики (г. Москва). Автор поэтических сборников: «Где-то там, за грозой» (1993), «Воля» (1996), «Берег» (2015), «Дом у берез» (2018). Опубликовал шесть поэм: «Воля», «Настоящие волки», «Вечное Поле», «Князь Федор», «Монах», «Купец». На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» (г. Данков).

НАУМЫЧ

С Субботниковым Игорем Наумовичем я познакомился достаточно давно — в начале семидесятых прошлого века еще пацаном. Он был дружен с моим дедушкой — Польшиным Алексеем Спиридоновичем. Историю их дружбы я не знал, но понимал, что она тянется с войны, с фронта. Полностью познал я ее только в 2009 году и подробнее позднее — в 2016, когда записывал видеоинтервью с Игорем Наумовичем. Почему так получилось, трудно сказать: дед, пока был жив, не любил рассказывать о войне. Спросишь его — в ответ буркнет: «Потом!» Тогда, в семидесятых — восьмидесятых годах прошлого века на машзаводе было много ветеранов войны, окопников, но все они не любили рассказывать о фронте. Почему? Сейчас я понимаю почему: не хотели вспоминать, и День Победы для них действительно был праздником со слезами на глазах. Ведь война в их понимании — это кровь, боль и слезы. Это потом, чтобы правда не канула в лету и не замаралась, бойцы и командиры стали более разговорчивыми на эту тему. А тогда было так: клещами не вытянуть! История этой дружбы обросла легендами в конце шестидесятых и в начале семидесятых в Лебедяни: об этом писали и говорили по радио. В преддверии дня рождения Игоря Наумовича я хочу вспомнить эту историю!

Мой дед и Субботников познакомились на войне: они вместе освобождали Одессу, Харьков, Ворошиловград (ныне Луганск), Запорожье, освобождали Белоруссию, вместе бились за Польшу. В своем видеоинтервью (рассказ ветерана ВОВ Субботникова И. Н.) Наумович много рассказывает об этом, и ему очень обидно, что на Украине и в Польше, где земля полита кровью наших солдат, забыли про своих освободителей. Он очень понятно и четко говорит, кто такие бандеровцы и власовцы: «Были хуже немцев!» Я иногда думаю: хорошо Спиридонович (мой дед) этого не видит! Он попал в подразделение, которым командовал Игорь (тогда молодой командир девятнадцати лет) на Украине. Дед (до войны) был работником цирка и смог доставить на фронт некоторый реквизит: костюм нанайской борьбы и другие цирковые приспособления. Все эти вещи, весом до пяти кг., он носил в вещмешке на спине вместе с автоматом, шинелью и т.д., и никто их у него не отбирал (особисты и пр.). Зачем он их таскал на себе?! Ответ: в перерывах между боями Польшин Алексей Спиридонович показывал бойцам цирковые номера: нанайскую борьбу, фокусы, хо-

дил по проволоке и жонглировал. И прозвище ему дали подходящее — Артист! Кстати, на войне, по воспоминаниям ветеранов, очень уважали талантливых людей: поэтов, певцов, музыкантов, артистов, тем более воевавших вместе с тобой плечом к плечу. Это и было настоящее ИСКУССТВО!

В одном из боев санитар Алексей Польшин вынес с поля боя 17 бойцов вместе с оружием (есть в архивах документ). Был ли среди них Субботников — я не знаю, а Наумович не помнит. Но он хорошо помнит свое ранение под Одессой — второе или третье (всего шесть!), и как дед мой его вытащил и перевязал. Так они и воевали больше года вместе — Артист и командир: бои, ранения и искусство... «Когда пришли в Польшу, из батальона, шагавшего от Сталинграда (от сталинградского состава), осталось всего пяток человек, а от всего батальона тридцать»,— вспоминает Игорь Наумович. Первый свой бой рядовой Субботников принял под Сталинградом в 1942 году в составе бригады морской пехоты, когда моряки, атакуя, скидывали с себя ватники и шапки, оставаясь в тельняшках и бескозырках. Ведь морская форма для моряков — это святое! Потом были командирские курсы, разведка, командование взводом и ротой, но он всегда находился вместе с бойцами в одном окопе.

На Магнушевском плацдарме (на берегу Вислы) батальон был атакован танками, и боец Алексей Польшин получил осколочное ранение. Теперь уже Субботников его перевязал, но вынести не смог: была ночь, и кругом немцы. «Кагакали, как гуси, по-своему»,— вспоминает Игорь Наумович. «Взял я Артиста и спрятал, накрыв ветками, но когда немецкую атаку отбили, его нигде не было: все подумали, наверное, фашисты забрали»,— это тоже слова из рассказа ветерана в 2009 году, который (запись 2016 года) можно прослушать и увидеть в интернете. Так командир и думал восемнадцать лет, дойдя до Берлина и послужив в армии (в Германии). А через восемнадцать лет он совершенно случайно встретился с Алексеем Спиридоновичем Польшиным на поселке машзавода, у колонки (в районе бывшего ателье). Он не помнил имени однополчанина, а помнил лишь Артиста, которого и окликнул. Можно представить, что это была за встреча! Война, лихоманка, развела, а Лебедянь, судьба, соединила! Интересно, что в Лебедянь они переехали из других мест. Еще до видеоинтервью по рассказу Субботникова Игоря Наумовича в 2009 году мною было написано стихотворение «Поход».

Воинам 74 гвардейского стрелкового полка,
27 гвардейской стрелковой дивизии,
8 гвардейской армии

ПОХОД

Был цирк. Был дом. Была она...
Потом ударила война!
Плечо военкомата —
На фронт идут ребята.

Идут стрелки! Стрелки-штыки.
Все те же легкие полки.
На языке колонны —
Наумыч, Спиридоныч...

Два сердца, нерва... Два бойца:
Он санитар, а ты пацан.
И на привале быстром
Его зовут Артистом.

Был бой — лихой. Потом другой...
Опять ходили на убой.
Штыком крестили сволочь
Наумыч, Спиридоныч...

Печали вон! Сомненья прочь!
Друг другу главное — помочь.
И пополам патроны,
Сухарь... и почтальоны.

В сорок четвертом, на плацдарм —
На Вислу бросили, а там
Осколком сбит Алеша,
Наумыч ранен тоже.

Перевязав друг другу дух,
Нашел навечно друга друг.
Но разошлись, однако,
На восемнадцать с гаком...

Как свитерок, заштопан дед,
В расцвете сил, в расцвете лет.
Продолжил службу в труппе
Он в пролетарском клубе.

Пускай не цирк, а все же честь.
Серьезный зритель тоже есть.
Есть первый ряд с орлами —
Ребята с орденами.

Друг Игорь бился до весны:
Награды, доблести, чины.
И встретились земляне
Однажды — в Лебедяни.

Спасали Русь, спасали мир
Артист и мудрый командир.
Как водится — умело —
Всех помянули белым.

Прошло с тех пор полсотни лет,
От ран давно скончался дед.
Наумыч ходит тяжело.
Кому же больше повезло?..

Из рассказа Субботникова Игоря Наумовича
о деде — Польшине Алексее Спиридоновиче

9.07.09. Лебедянь

С днем рождения и низкий поклон от всех земляков Вам, уважаемый Игорь Наумович!!!

Наумычу — 01 ноября 2019 исполнилось 96 лет. УРА!

P.S. 05.06.21 Наумовича не стало! Донес я его от кладбищенской ограды до могилы.

Круг замкнулся?..

Пока я нес гроб — это метров 150, в голове промелькнуло много чего — о чем можно было бы подумать человеку пишущему, мыслящему.

Перед тем, как забить домовину, один незаметный член партии сунул в нее партийный билет на имя Субботникова Игоря Наумовича. Зачем? Большой вопрос, требующий внимательного рассмотрения, на мой взгляд.

Наумович был настоящим коммунистом. А идеи эти схожи с идеями христианства. Какими методами и кем утверждали этот коммунизм — вопрос другой! Ну так вот: Субботников никогда не отрекался от своих убеждений, которые вынес с войны и был в этом тверд, как сталь. Такой подход, согласитесь, достоин уважения в наше суетное время. Мы с ним иногда спорили по идейным соображениям, но никогда не ссорились. Он умел привести мощные факты, подтверждающие его точку зрения, которые меня, честно говоря, частенько ставили в тупик. Понятно... не всем нравились его высказывания. Но что поделать — ветеран, орденоносец и прочее... Наумович не был анархистом и т.д. Он был патриотом! У него все формулировки были в рамках приличий, но мнение он свое имел, что в наше время большая редкость. Он, в частности, очень переживал о ситуации на Украине, где они с моим дедушкой воевали. Донецкая, Луганская, Одесская земля — вот их фронтовой путь, усеянный костями наших солдат, наших братьев. Его не могло оставить равнодушным отношение к могилам, памятникам нашим воинам и правде о Великой Отечественной и Второй мировой со стороны польских властей. Ведь он воевал на польской земле вместе с моим дедом в одном подразделении (Магнушевский плацдарм). В его видеоинтервью есть об этом фрагмент! Поляки были запуганы и унижены фашистами: искали у наших бойцов рога на голове и жили в своих домах в подвалах, в отличие от немцев, обосновавшихся в их квартирах. По словам ветерана, польский народ встречал советских солдат как освободителей, помогал в т. ч. разведданными, например, в Познани.

Анализируя все это, задаю себе вопрос: кому же больше повезло — Наумовичу или Спиридоновичу, который этой страсти не увидел? Настоящим ветеранам очень трудно было бы осознать и понять вышесказанные события. Как объяснить вчерашним фронтовикам, что наши союзники по Второй мировой войне — уже нам не союзники, а на Украине профашистский режим, который они поддерживают, а в странах Балтии маршируют СС и их последыши. Как такое объяснить? Поруганы идеалы, сама суть! Можно было бы им рассказать, что такова наша судьба, и так было всегда с глубины веков: русские, российские солдаты, всегда отдавали свои жизни за других, и плоды их побед часто сводились на нет. Девиз Поля Куликова: «Положить живот за други своя» — никуда не делся, он актуален и сегодня!

Да, мы могли бы сказать всем фронтовикам об этом, подняв их из могил и заглянув в их пустые глазницы, но этого мало, этому нет оправдания. Можем — для очистки совести — хотя бы попросить прощения, что я, пользуясь случаем, и делаю! А Наумович? Наумович — последний из могикан — пропускал свозь себя, впитывал в себя всю эту беду. За всех стоял!

Пролистывая книгу Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» (изд. 1972 г., стр. 641), наткнулся на такие слова: «Открыв банкет, я предложил тост за победу антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. Затем выступил маршал А. Теддер, за ним Ж. Делатр де Тассиньи, генерал американских ВВС К. Спаатс. После них выступали советские генералы. Каждый говорил о том, что наболело на душе за все эти тяжелые годы. Помню, говорилось много, душевно, и выражалось большое желание укрепить навсегда дружеские отношения ме-

жду странами антифашистской коалиции. Говорили об этом советские генералы, говорили американцы, французы, англичане, и всем нам хотелось верить, что так оно и будет».

Вот что написал человек, стоявший у рычагов антигитлеровской коалиции! И что случилось с нашими союзниками, хотя воды с тех пор утекло не так много по меркам земной цивилизации, мы все хорошо видим.

Мой дедушка — Польшин Алексей Спиридонович — не дожил до пенсии 1 год, умер в 59 лет — столько и мне на момент написания этих строк, но до пенсии мне 3,5 года... Недавно узнал от сына Игоря Наумовича — Славика, что мой дед умер у него на руках: испустив дух... после искусственного дыхания и массажа сердца, сделанного Славиком, прибежавшим на помощь. Вячеславу Игоревичу тогда было 16 —17 лет или 20, точно не знаю, но познания в медицине у него были, если взялся искусственное дыхание делать... Скорая помощь и тогда была нарасхват... Сердце!

Конечно, сердце! Да еще осколок с Магнушевского плацдарма, который так и остался в плече, напоминая о последней встрече с Наумовичем, там, на фронте.

Потом... Алексей Спиридонович очень переживал за людей, в том числе и фронтовиков, за их, порой, неустроенность в жизни. И тогда хватало всяких трубадуров, которые на фронте никогда не были, но кричали с трибун, что война о-го-го, даешь кузькину... Такие говоруны в итоге и великую страну проговорили...

Мой дед работал директором клуба: выступал перед фронтовиками (все как на фронте), перед жителями поселка и молодежью, вел цирковой кружок. Мы в 5-ом классе знали о войне очень много. Славик, кстати, ходил в этот кружок и ему Спиридонович прочил большое будущее в цирке, куда он ездил на просмотр.

Теперь о партбилете... Игорь Наумович был крещеным — он мне сам об этом сказал, и отпевание было, как положено, и на фронте к верующим относился с уважением: и к христианам, и к мусульманам. Это видно из его видеорассказа: «Никто никаких амулетов не запрещал!». И так было по всему советско-германскому фронту. А как они под Сталинградом переживали о замерзшем на посту узбеке и согревали этих теплолюбивых ребят! Такое отношение к верующим было на всем его фронтовом пути — от Сталинграда до Берлина. По словам ветерана, богобоязненные бойцы были, в основном, из сельской местности, а молодежь — наоборот. Но молодежи только так казалось... На самом деле Господь всегда был с ними — рядом, на уровне подсознания! Наумович 6 раз ранен и ни разу не убит, до 97 прожил. Как такое возможно без Всевышнего промысла?

Подтверждение этому можно найти у липецкого поэта-фронтовика Панюшкина Сергея Порфирьевича, которого я хорошо знал:

Я когда-то видел в храме фрески:
Ангелы-хранители крылаты...
Ныне — из Кронштадта
на Карельский
Я лечу на крыльях
маскхалата.
1941
(лыжный отряд моряков)

Заметьте, лыжный отряд моряков — это своего рода спецназ! Туда набирали самых проверенных и политически грамотных. А стихотворение христианское! Порфирьевич тоже с партбилетом был, как и многие другие морпехи, но Бог был в их сердцах, был в их душах. И строчки эти — тому подтверждение!

Воспоминания, в том числе и этих людей, вошли в основу стихотворения «Штык», две части которого я написал достаточно давно, а также песни на эти слова

в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» из города Данкова. Третью часть планирую написать после посещения города-героя Волгограда-Сталинграда. Хочу посмотреть воочию Мамаев курган, переправу, заводы, музей, пропитаться сталинградским духом. Когда-нибудь я доживу до пенсии!..

ШТЫК

1

Бушлаты, бушлаты, бушлаты...
Травят прожектора хобот.
Солдаты, солдаты, солдаты...
Волгой крадется пехота.
На переправе — засада!
...Идет морская бригада.

Баржою, усталой и древней,
Как будто славянские други,
Струятся ребята на древки —
В пасти тяжелых орудий.
Ныряют бойцы куда надо —
На широту Сталинграда.

Братишки кемарят, как дома.
Опасность им — сладкая брага.
И там, на корме у старпома,
Не дрейфит вчерашний салага.
Мальчишки слагают молитвы
И где-то партийные ритмы.

Ударило слева и справа!
Накрыла фугасом полночным
Немецкая та переправа
Вчерашних крестьян и рабочих.
...Рабочие в рост за штыками,
Крестьяне, как за топорами.

Такая братишкам работа...
Идет морская пехота!

2

С Богом они... И «без» Бога...
С Курска, Москвы и Тамбова...
Плачет тельняшками Волга,
Крепчает русское слово.

Лейтеху подрезал снайпер.
Упал он, как парус рваный.
И видит братишка Каспий,
И видит лейтеха маму.

Лежат они, словно глыбы!
Синего моря кольчуги!

В небе — крестовые рыбы,
Сзади — горящие струги.

Лежат они в благовесте
На переправе стабильной.
В кармане дедовский крестик,
А где-то билет партийный...

Живые идут, не прячась,
Штыками дырявя воздух.
Кому-то — опять удача!
Кому-то — на холмик звезды...

А Волга в тельняшках плачет.
Где, Волга, твои солдаты?!
Солдаты! Те, без удачи,
Услышьте мой стих горячий
На широте Сталинграда.

(окончание следует)

О Сталинграде хотелось бы вспомнить еще одну историю... От одного липецкого литератора я узнал, а он слышал рассказ от своего деда, воевавшего, бравшего город-крепость Кенигсберг в Восточной Пруссии — ныне город Калининград.

Во время допроса немецких военнопленных был и такой вопрос: зачем им живые помощи на животах? Те отвечали, что видели такие у русских в Сталинграде, и что Бог даровал им победу...

Но вернемся к партбилету: так, наверное, Господь распорядился, что Наумовичу в гроб билет положили. Сделал это один местный активист из КПРФ: активист на бумаге, на мой взгляд, на стуле, на котором не одни штаны протер, будучи депутатом городских созывов во все времена. Лично я ни одного слова от этого человека никогда не слыхал. Одно время мне казалось, что он немой! Но как «немой» может быть депутатом городского созыва, мне не совсем понятно?! Однако... партбилет в домовину опустил, значит, не зря свой партийный хлеб ест! По-моему, у таких неприметных субъектов, как этот, и списки есть для лучших времен...

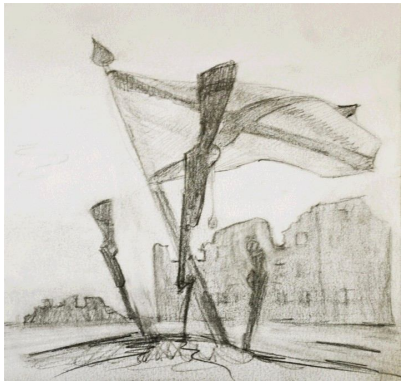
У Бога, в чем я глубоко убежден, все равны: и партийные, и беспартийные, и коммунисты, которые в церковь ходят, и просто люди с улицы. Но там пред Ним придется ответ держать! И Игорь Наумович выдержит этот экзамен, но билет ему точно не понадобится, да и положить будет не во что...

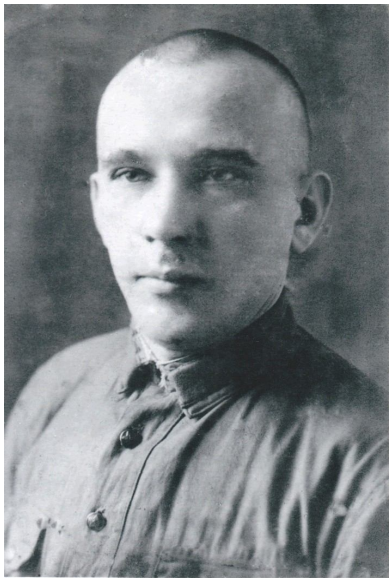
Незадолго до смерти ветерана я к нему заходил, и он жаловался, что видит какие-то тени (будучи полностью слепым). Может быть, это были тени бойцов, лежащих в украинской земле и вопиющих о справедливости? Но это сейчас я додумываю, а тогда, недолго размышляя, я сгонял домой, благо живу рядом, и принес баклажку святой воды, которой напоил и умыл ветерана. Ему стало легче! Оставил воду сиделке, но после обмена мнениями... понял — бесполезно... Собравшись уходить, предложил фронтовику привести достойного священника (отца Бориса из церкви под горой). Игорь Наумович как будто ждал этого предложения: весь просиял, заулыбался, какая-то тяжесть с души его упала, как мне тогда показалось. Мы условились на следующий день! Договорившись с отцом Борисом, позвонил Наумовичу на городской телефон... В ответ сиделка, а она с ветераном недавно, ответила: никаких, мол, священников — Славик запретил, и меня пущать тоже не велено. Вот и дела?! Посмотрел бы Слава и остальные видео со своим отцом, которое я записал, может быть, чего-то и понял бы. А так?!

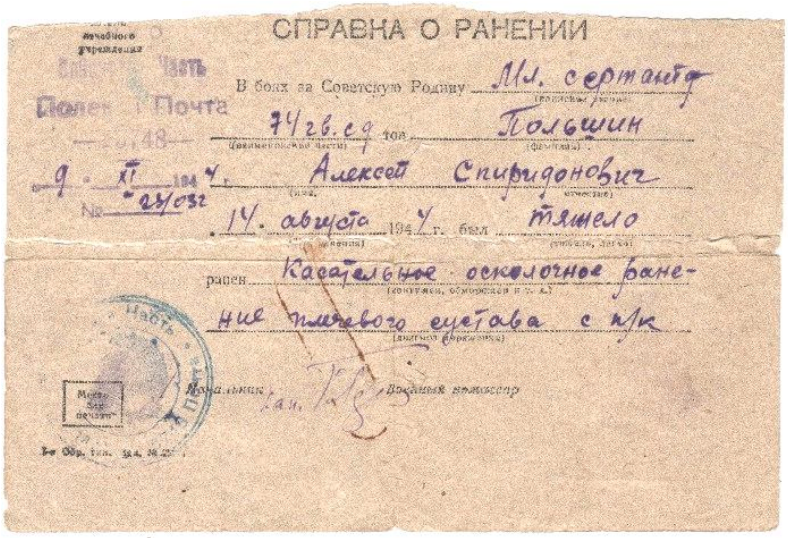
За две недели до смерти я разговаривал с Субботниковым Игорем Наумовичем в последний раз по телефону. Он сказал: «Мы вместе!» Наумович всегда считал меня своим — не по партийной принадлежности (в партии я никогда не состоял), а по духу. Он знал о моем даре, которого нет у других (в т.ч. и у членов партии), а именно — видеть и чувствовать слово русское. Зайти я не мог: домоправительница... только через дверь со мной разговаривала. Конечно, Игорь Наумович давно себе не принадлежал, но не до такой же степени охранять старика. Опять же, от кого?.. В такое же положение попал и мой знакомый — соратник Субботникова по партии — парень хороший и честный!

На кладбище все прошло чинно и благородно: присутствующие в большинстве своем о чем-то мило беседовали, как на пикнике. У меня же слеза накатила, ведь хоронили последнего окопника Великой Отечественной войны, о том же напомнил почетный караул выстрелами в воздух из автоматов. На похоронах родственники меня сторонились, и на поминки я не пошел, потому что никто не сказал: где и во сколько. Парень тот... сам узнал, звал, но я не сподобился... То же самое было и на 40 дней!

Круг замкнулся? Думаю — нет! «Штык» предстоит дописать — в память о Наумовиче.







СПРАВКА О РАНЕНИИ

В боях за Советскую Родину Мл. сержант

74 гв. сд тов. Польшин

Алексей Спиридонович

14. августа 1944 г. был тяжело

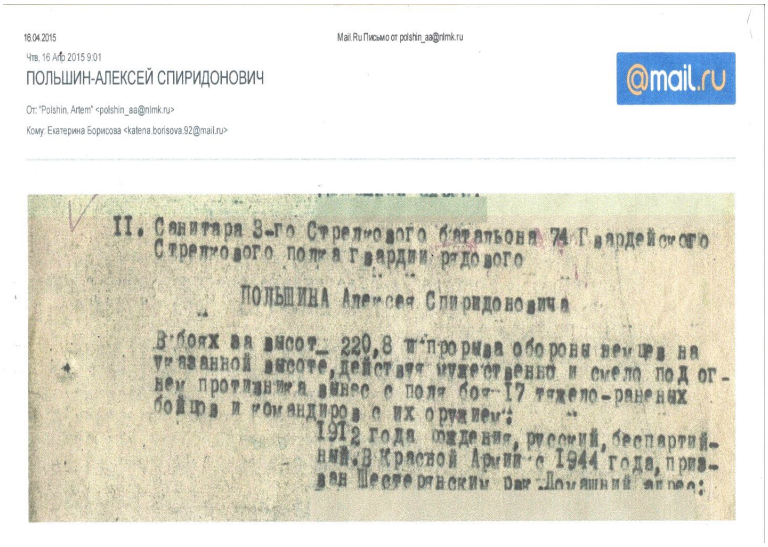
ранен Касательное осколочное ранение плечевого сустава с п/к

Начальник ... Военный комиссар

Часть Почта

№ 23/032

Место для печати



16.04.2015 Mail.Ru Письмо от polshin_aa@nlmk.ru

Чтв, 16 Апр 2015 9:01

ПОЛЬШИН-АЛЕКСЕЙ СПИРИДОНОВИЧ

@mail.ru

От: "Polshin, Artem" <polshin_aa@nlmk.ru>

Кому: Екатерина Борисова <katena.borisova.92@mail.ru>

II. Санитара 3-го Стрелкового батальона 74 Гвардейского Стрелкового полка гвардии рядового

ПОЛЬШИНА Алексея Спиридоновича

В боях за высоту 220,8 т прорыва обороны немцев на указанной высоте, действуя мужественно и смело под огнем противника вынес с поля боя 17 тяжело-раненых бойцов и командиров с их оружием:

1912 года рождения, русский, беспартийный. В Красной Армии с 1944 года, призван Шестерянским рвк. Домашний адрес:

Николай Макаров
(г. Тула)

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ
(Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Да-да, прошло именно сорок лет с того момента, когда я последний раз ходил по улицам своего родного села Ново-Тарбеево. И все эти сорок лет меня не покидало желание, усиливающееся год от года, посетить свое родное село, село своего детства.

Сорок лет Моисей водил свою паству по пустыне, чтобы евреи напрочь забыли свое прошлое, свои корни, а забыл ли я?..

...Дорожный знак на окраине села показал, что села Ново-Тарбеево больше не существует, Джипиэс моментально подтвердил эту информацию.

Новое Тарбеево — кому-то в голову пришло (вернее, стукнуло) изменить одну букву и убрать дефис. Кому-то другому придет в забубенную головушку изменить или убрать целое слово из названия села, а еще лучше — совсем стереть это название, совсем вытравить из сознания и памяти не только название, но и само село.

В Туле до 2016 года выходил литературный сборник «ИВАН-ОЗЕРО», затем это название «умники» из Союза писателей заменили на «ТУЛЬСКОЕ СЛОВО». Иван-озеро — из него берет начало великая русская река Дон, а «Тульское слово» — газета тульских анархистов начала XX века.

...Царапая машину ветками кустов, с обеих сторон окруживших проселок, оказались на центральной улице. Вот и родной дом — бывшая ЦПШ (Церковно-приходская школа; не путать с Центральной партийной школой) — отреставрированный, с жилым вторым этажом дом рачительного хозяина; огромный двор, сараи, амбары, загоны для скота и птицы, сельхозтехника неподалеку и... старый, покосившийся сарай прямо напротив дома. Сарай, которому более не только сорока, но и более пятидесяти или, может даже — шестидесяти лет.

— Уж, очень добротный и большой в сарае погреб,— поясняет новый хозяин дома, дома, в котором жили три семьи учителей: наша семья (пять человек; три комнаты), семья завуча школы Чеканова Сергея Ильича (четыре человека; две комнаты) и семья учителя начальных классов Богоявленского Михаила Андреевича (четыре человека; две комнаты).

В этот погреб, отдыхая у бабушки и дедушки, падал один из трех внуков — мой сын Алешка, сыновья средней сестры Татьяны Дениска и Егорка. Доставала непутевого всего в слезах, но без каких-либо повреждений, Егорку моя младшая сестра Ольга.

Чуть дальше от нашего (нашего, нашего — жив курилка) дома — мост через ручей, заросший с обеих сторон непролазной чащей из всевозможных кустов, лебеды и крапивы в человеческий и выше рост: воды совсем не видно. Но не только ручей зарос, все свободное пространство в селе и за околицей в отсутствии стада (да что ста-

да — единичные экземпляры крупнорогатого скота и те встречаются редко, а о блеющих и говорить-то нечего) коров, овец и коз медленно превращается в первозданные джунгли средней полосы России.

В то далекое время моего детства мост, вернее, не мост, а этот ручей служил индикатором весенних каникул. По расписанию школьные весенние каникулы проходили между третьей и четвертой четвертью. В нашей школе каникулы зависели от этого ручья, в паводок своими разбушевавшимися водами затопляя дорогу с обеих сторон моста, что, естественно, отрезало дорогу в светоч знаний. И каникулы иногда в очень сильный паводок могли длиться более семи положенных дней.

Теперь — штришок о мосте из моего отрочества...

...Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год (7476 год по арийскому календарю). Сентябрь. Конец месяца. Три часа, ночи ли, утра ли? Три часа.

Весь окрест сотрясающие раскаты грома заставили нас (меня и Раиску Попову, училку английского, мою ровесницу) выползти из шалаша. Над нами безлунное, безоблачное (!) небо, звезды; потянуться получше, рукой достанешь. И... раскаты грома. И... молнии, сплошной стеной падающие в землю около моего дома (от шалаша до дома ровно двести пятьдесят три метра — специально измерил на следующий день).

Рядом с моим домом, метрах в двадцати, протекает неширокий и неглубокий ручей, прямо перед домом — горбатый мостик без перил, соединяющий дорогой две сельские улицы. И в этот мостик, и в этот ручей, в землю вокруг мостика с безоблачного (!), звездного неба, жутким грохотом падали зигзаги молний. Падали не стремительно, неуловимо, не как бросок кобры, не вонзались огненным кинжалом в землю, а именно падали. С отчетливо различимыми зигзагами. Сплошной частокол стоял из этих молний. А мне идти домой. Не компрометировать же училку, мою будущую несостоявшуюся невесту, и не играть перед ней труса.

И я пошел.

Пошел в неизведанное. В неизбежное. В неотвратимое. Страшно! Жутко! Кошмарно! Ужасно! Но в то же время меня тянуло, притягивало что-то неведомое к этому злополучному мосту, к этой электрической вакханалии.

Слышалось, по мере моего приближения, шипение воды от попадавших в ручей молний, через адский грохот доносилось даже это зловещее шипение.

Вот — молнии рядом. Они, эти гигантские змееподобные, огненные чудовища рядом. Запах концентрированного озона, почти раскаленный воздух. Я делаю еще шаг и... молнии передо мной раздвигаются, образуя неширокий коридор. Я передвигаюсь на полусогнутых. Волосы в электрическом поле стоят дыбом, потрескивая от статистического (или там какого?) электричества. Но я живой, я продолжаю в полшага пробираться, продираться вперед.

Центр моста. Я оказываюсь в сплошной полосе сплошного огня: справа, слева, впереди, сзади, сверху — одни молнии. Я глухой от грохота...

Наконец, мост пройден. Сзади — продолжающийся грохот и сполохи молний. Впереди — сплошная темнота, одно светлое пятно: светящееся кухонное окно моего дома.

Отец никогда не ложился спать, пока я не приходил домой с гулянок. Оторвавшись от чтения (читал-то, читал-то, вернее, как и вся настоящая русская интеллигенция, не читал, а перечитывал Гоголя, «Вия» перечитывал), поправив очки, осмотрев меня с головы до ног, он недоуменно констатировал:

— Почему ты — сухой?

Я не понял, не врубился: почему я сухой, почему не мокрый...

— На улице ведь дождь, гроза: гром, молнии...

...За мостом, метрах в шестидесяти — школа. Вначале — двухэтажная деревянная, затем — большая одноэтажная, теперь — опять двухэтажная, но вся из кирпича.

Нет, соврал — не школа, а недостроенный каким-то новым, не то сверхновым «русским» кирпичный монстр.

Нет школы — нет учеников, или, нет учеников — нет и школы. 15 (пятнадцать детишек)!!! со всего села возят за десять километров в еще уцелевшую сельскую десятилетку.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов прошлого века в Ново-Тарбеевской школе выпускались от шести до восьми классов по сорок человек в каждом. Не считая вечерней школы.

...Школа. Двухэтажная деревянная сельская школа. В нашем наборе, наборе пятьдесят пятого года, было два первых класса и пять (пять!) десятых. По сорок и более человек в каждом классе.

В нашу школу-десятилетку ходили учиться из пяти-шести соседних сел и деревень, где были только четырех— и семилетки (в то время выпускными классами были седьмой и десятый). Это только печально знаменитый «кукурузник» влез и в образование своим грязным сапожищем — или ООНовским ботинком? — и сделал выпускными восьмой и одиннадцатый; я тоже попал под «раздачу» — единственный одиннадцатилетний выпуск в школе и «смерть фашизму» на вступительных экзаменах в институт, где конкурс среди школьников — восемнадцать с половиной человек! На одно место.

...Подъезжая к селу, вышел на обочину дороги (шоссе Мичуринск—Липецк) и окунулся в тридцатипятиградусное пекло. Пекло — не городское с привкусами выхлопных газов и ядовитых испарений асфальтовых покрытий, а пекло — обволакивающее целебным запахом полыни и подсолнухов, растущих на бескрайних частных полях по обе стороны дороги, ласковым теплом, достающее до самых «печенок». Пекло... да, и не пекло вовсе, а свое, родное, давно забытое ощущение счастливого деревенского детства, ощущение, заставляющее наворачиваться слезам на глазах.

Рядом, вон, на том пригорке, стояли вагончики монтажников, тянущих две нити ЛЭП «Волгоград — Москва». Туда все пацаны села ходили за кусками алюминиево-стальных толстых проводов, чтобы потом из них сооружать подобие сетки «рабица» и огораживать свои приусадебные участки от всюду пролезающих цыплят.

Чуть дальше стояли вагончики строителей нефтепровода «Дружба», где в полевом магазинчике продавали всяческие деликатесы. Но мы покупали там только ситный хлеб — большие караваи пшеничного (белого) хлеба, которого не пекли ни в самом селе, не привозили из Города (так именовался у нас Мичуринск — Город).

...Наконец — долгожданная встреча трех Колек: Колька Макаров — автор этих строк, Колька Грезнев — на два года моложе автора, Колька Климанов — на два года моложе Грезнева. В этой компании не хватает Бэна Джойса — Тольки Жданова, на два года старше автора.

...Бэн Джойс!

Имя это я вначале услышал, а потом прочитал «Остров сокровищ». Но это было ни имя, ни прозвище, ни кличка. Так звали Тольку Жданова из того самого 5 «А». А кличка, дразнилка у него была другая: «Бык».

Коренастый, упрямый, несокрушимый ни в драках, ни в играх Бык. И в справедливости, в честности несокрушимый. Б-ы-к!

Из простой крестьянской семьи, с детства приученный (да, как и все из нас) к тяжелой сельской жизни. Но учился плохо; двойки-тройки. Не успевал он учиться. Все хозяйство держалось на нем: отца не было (не помню почему, врать не буду, но знаю точно, семью отец не бросал), мать больная, младшая сестра Валентина училась со мной в одном классе.

Уважали его все: и взрослые, и сверстники, и младшее поколение. В десятом классе бегал на лыжах по первому разряду.

После десятилетки задумал он поступать в военное училище (это-то с его от-

метками, но... но первый разряд по лыжам, он и в Африке — первый разряд). А его невзлюбил завуч (Чеканов Сергей Ильич, преподаватель истории; его никто не то что не любил, а мало кто и уважал; не было таких, практически). Невзлюбил за упрямый, открытый характер и пообещал, что наш Бэн Джойс закончит школу без аттестата, т. е. по истории у него будет не более двух баллов, и прощай, училище.

Отец всегда неравнодушно относился к Бэн Джойсу. Наверное, и у него такое же было детство (да не наверное, а точно такое, безотцовское, детство). И всегда, чем мог, помогал ему. Помогал, вплоть до последнего экзамена. Ну, не су... собака ли эта судьба-злодейка: в день экзамена по истории (последнего выпускного экзамена!) отца вызывают в Мичуринск в РОНО (Районный отдел народного образования) по каким-то неотложным, сверхсрочным делам (а не козни ли это завуча — пришло мне в голову только сейчас, когда пишу эти строки).

«Закон подлости» не подвел и в этот раз: по истории у Бэна Джойса — «двойка». Бэн Джойс без аттестата. Выпускной вечер без Бэна Джойса. Без нашего Тольки Жданова.

Конечно, на отца донесли, стукнули куда следует за исправленный экзаменационный протокол по истории (как-никак, директор школы — председатель экзаменационной комиссии, имеет право).

Донесли!

Донесли за выданный Бэну Джойсу Аттестат Зрелости.

Последний раз я, лейтенант медицинской службы, встречался с Бэном Джойсом, с гвардии майором Анатолием Ждановым, слушателем военной Академии имени М. В. Фрунзе, неоднократным призером первенств страны по самбо, в далеком семьдесят четвертом году в мае, случайно, у метро «Парк Культуры».

Где он сейчас? Бэн Джойс... Из моего детства...

...Колька Грезнев — Грезнев Николай Васильевич, прошедший за тридцать девять лет путь от простого рабочего до директора крупнейшего завода по производству заслонок для газовой отрасли в Усть-Каменогорске, лично знакомый с президентом Казахстана Назарбаевым. Грезнев и заехал за мной из Москвы, где живет после выхода на заслуженный отдых.

— Моя секретарша, имея высшее филологическое образование,— стоя напротив бывшей школы рассказывает Грезнев (Пузанок — его детский «псевдоним»),— перед тем как приносить мне на подпись, тщательнейшим образом проверяла и отбраковывала за любую грамматическую или там какую другую ошибку документы. Поясняя при этом: «Я не хочу быть уволенной из-за ваших ошибок! Николай Васильевич учился русскому языку и литературе у Самого Алексея Дмитриевича Макарова!».

— Да, твой отец,— обращаясь ко мне, продолжает Грезнев,— давал нам капитальнейшие знания. А вот мать математике нас, и меня в том числе, не научила.

И, видя мое недоумение:

— Твоя мать доводила нас до восьмого и в девятый класс передавала Коту — Бородину Владимиру Дмитриевичу, никудышнему и никчемому математику даже по сельским меркам.

— У матери не было высшего образования, поэтому ее потолок — семи-, затем — восьмилетка.

...Мать всегда (!), к каждому (!) уроку за всю свою педагогическую деятельность писала подробные планы уроков. Всегда!

И кучи тетрадей. Кучищи! Монблан! Эверест! Тетрадей учеников — с домашними заданиями, с контрольными работами (к следующему уроку все должны быть проверены, с разбором каждой ошибки). И не у одного класса, а у трех-четырех. Каждый день! Отец никогда планов не писал, черкнет пару строк — и готов к занятиям. Он в основном преподавал в вечерней школе (вечерняя школа — это после двух дневных смен, где занимались нормальные по возрасту ученики, по вечерам приходи-

ли те, кто не успел получить образование (семи — или десятилетки) в войну, в тяжелые послевоенные годы, т. е. простые советские колхозники разных возрастов (помните многосерийный фильм «Большая перемена»? Все точно так же происходило — только со скидкой на время и место). И он там тоже преподавал. На уроках его (как говорили ученики) слышно было, как летают мухи по классу, как вибрируют стекла в окнах от малейшего ветерка.

Как жаль, что мне не пришлось учиться в его классе, хотя, по большому (!) счету, вся его жизнь для меня была уроком. Отца в школе не боялись. Нет! Мать боялись — на ее уроках тоже стояла тишина. Но... Другая тишина. Отца не боялись. Директора школы не боялись. Что такое директор школы в большом селе? В середине двадцатого века? Третий человек в сельской иерархии: председатель сельсовета, председатель колхоза, директор школы. А учитывая его военное прошлое, его орден, на всю округу всего два Красных Знамени, его высшее образование (по-моему, в те времена — только одно на весь колхоз) плюс его постоянное депутатство в Сельском Совете, непререкаемый авторитет среди сельчан. Со всеми бедами и радостями шли к нему со всего села. Занесет кого-то судьба из его выпускников с заоблачных высот (а для села того времени — работа в Москве, служба в армии — большая высота!) в родные просторы, обязательно приходят к отцу.

И что характерно (по своей природе дети жестоки, безкомпромиссны в своих суждениях, их на мякине не проведешь), в школе у всех (до самого последнего сторожа) были клички, дразнилки, устный фольклор, своей безжалостной точностью и меткостью характеризующих каждого. В письменном виде это творчество появлялось везде (на стенах туалетов — естественно, удобства, как и во всем селе, на улице), на партах, на деревьях, на стенах классов и коридоров.

Еще раз повторю: у всех учителей (у всех!) были клички. У отца, за всю его педагогическую деятельность, никогда (н-и-к-о-г-д-а!!!) не было кличек. У него одного на всю школу. А может — и на весь район...

...При каждом приезде в родное село Грезнев обязательно посещает погост и наводит порядок на могилах, где похоронены его родители и двоюродный дед, все с фамилией Грязнев.

— Половина нашей семьи носит фамилию Грязнев, половина, в том числе, и я — фамилию Грезнев. В сельсовете разные сидели «писарюги».

И продолжает с гордостью.

— Через Интернет нашел своего деда, вернее, его могилу во Львове, где он погиб в Первую мировую войну в пятнадцатом году.

...У Кольки Климанова — Николая Григорьевича Климанова, подполковника в отставке — в селе свой дом. Здесь, то есть в селе, он родился, здесь вырос, здесь поступил в Камышенское высшее военное строительное командное училище. По увольнении из Армии и получив квартиру в Воронеже, он по несколько раз в год приезжает в село, где у него имеется небольшой огородик и такой же небольшой дворик.

— Половина команды — чемпионы Тамбовской области по эстафете четыре по сто — в сборе,— обнимаясь со мной, он смахивает слезу и поясняет Грезневу,— на чемпионате ДСО «Урожай» Макаров бежал первый этап, передавая мне эстафетную палочку; на третьем и четвертом этапах бежали также наши, новотарбеевские школьники.

— Нет,— поправляю Климанова,— у меня — два чемпионства. Ты — числился трактористом, а я проходил комбайнером широкого профиля.

...По приезду на летние каникулы в родное село спорткомитет Мичуринского района трижды приглашал меня выступать на первенстве области по легкой атлетике за спортобщество «Урожай». Естественно, в документах я значился комбайнером колхоза имени Ленина, куда входило и село Ново-Тарбеево.

Так как в Мичуринской школе № 8 и Рязанском мединституте я тренировался у профессиональных тренеров, то тренировки бегунов по приезду на соревнования в Тамбов входили в мои обязанности. И в Мичуринске, и в Рязани в самой престижной эстафете четыре по сто метров мне всегда доверяли первый этап — у всех выигрывал стартовый рывок.

В Тамбове мне тоже пришлось бежать первый этап, но в этой эстафете первый и третий этапы бежали мужчины, а второй и четвертый — девушки. На тренировках самым сложным элементом оказалась передача эстафетной палочки от первого этапа, то есть меня, второму этапу, то есть девушке из соседнего колхоза «Рассвет».

И в очередном тренировочном забеге, как обычно, на максимально возможной скорости передаю палочку правой рукой в ее левую руку и она...

Она, получив палочку, резко берет вправо и левой стопой попадает под мою шиповку на правой ноге. Стопа пропорота насквозь в трех местах, кровищи — ужас. От девчушки — не помню ее имени-фамилии — ни слез, ни стонов. К счастью, ни сухожилия, ни кости не задеты.

Срочно четвертый этап переставляем на второй, а на четвертый этап ставится спортсменка из запаса.

Финальный забег даже в таком ослабленном составе мы выигрываем с рекордом области. Меня приглашают войти в сборную области на первенство России ДСО «Урожай» в Волгограде. Я скромно отказываюсь, не называя причины,— числился в то время по рязанскому «Буревестнику».

...Перекусив с дороги, наше трио Николаев среди зарослей тех же кустов, крапивы и лебеды выдвинулись на речку. Речка, кстати, река Воронеж, к сожалению, являла собой тоже удручающее явление. Только небольшой пятачок чистой воды и незаросшего берега, на Джипиэсовской карте именуемый «пляжем», манил нас более-менее какой-то свежестью и прохладой.

По дороге Климанов нас предупредил, что в селе отмечается нашествие змей — гадюк и медянок, поэтому ходить необходимо с оглядкой и осторожностью. Да-а, в детстве в лес по грибы и ягоды ходили, не обращая внимания на змей. И в лес-то дорога, как и все сельские дороги, была в приличном состоянии. Сейчас же в лес и пройти-то можно с превеликим трудом: от речки до первых деревьев сплошные заросли многолетней сухой травы в человеческий рост и никаких дорог.

Искупались, вспоминая заплывы на противоположный берег за арбузами и дынями, созревающими на обширных колхозных полях, вспоминая, как мой отец здесь ловил рыбу.

Возвращаясь с купания в село, Климанов закурил, а я вспомнил свое первое и последнее знакомство с этой «дрянью».

...В детстве курить, наверное, пробовали все деревенские, а может и городские, мальчишки.

Не обошло и меня это увлечение.

После весенних каникул — в большинстве сел и деревень каникулы соответствовали весеннему паводку — в одно солнечное воскресенье ватага сельской ребятни собралась на уже просушенном заливном лугу.

Разожгли костер из сухих водорослей, нашли корни какого-то болотного растения, похожие на стебли бамбука, смастерили из них подобие курительных трубок и... и набили эти трубки растертыми до порошка сухими водорослями.

Стали курить. Дошла очередь и до меня — глубокий вдох... Мои легкие вывернулись наизнанку — кашель, слезы, сопли: минут пять длилось это мое первое и последнее знакомство с курением.

На всю жизнь осталось это отвратительнейшее состояние организма, отбив напрочь возможные будущие попытки курения.

...Вечером я пошел в гости к своей детской подруге, однокласснице Нинке Ткачевой — Нине Григорьевне Ткачевой. На другой конец села.

На центральной улице — асфальт, где лучше, где хуже; на обочине улицы стоят мусорные контейнеры; в каждом доме — газ и вода, у кого-то — и канализация, электричество — это естественно; на некоторых домах — тарелки телевизионных антенн. Но многие дома пустуют, многие разрушены, огороды в непролазных зарослях из все тех же кустов, крапивы и лебеды.

...В памяти всплывает зима: по Цельсию — ниже тридцати. Март пятьдесят третьего. Пятое число. Растерянные, осунувшиеся лица, красные флаги с черными лентами.

Мы (наша семья — отец, мать, сестра Татьяна и я) живем в деревне, вернее, в селе.

Село Ново-Тарбеево — в двадцати километрах западнее Мичуринска, на берегу реки Воронеж, в ту пору полноводной широкой реки.

Отец и мать — учителя. Окончили Мичуринский учительский институт. Мать (Макарова Татьяна Сергеевна) так всю жизнь и писала во всех анкетах в строке образование: «незаконченное высшее» (не среднее и не высшее), специальность — математика. Отец после учительского, в пятидесятом заочно окончил Тамбовский педагогический (что автоматически подразумевало на пиджаке ромбик высшего образования — «поплавок»); русский язык и литература.

Март пятьдесят третьего. Начало месяца. Утопающие в сугробах дома. По улицам только санные следы, укатавшие дорогу до асфальтовой твердости («асфальтовая твердость» — тогда в селе такого и понятия-то не было; это из нынешнего времени такие ассоциации). Электричества нет и в помине. Вода в колодцах, «удобства» — во дворе. Радио проведут только через несколько лет.

На все село пять радиоприемников (громадные агрегаты с тяжелыми угольными батареями питания и антеннами на крышах; у нас был радиоприемник «Искра»).

Кто имел эти чудо-машины (по тем временам в сельской местности так оно было на самом деле): в сельсовете; в правлении колхоза (колхоз имени Ленина — середнячок-колхоз по всем показателям во все времена, но «железный» середнячок); в школе; у директора школы; у нас (отец в ту пору был уже завучем — вторым человеком в школьном табеле о рангах).

И у этих очагов культуры собрались все жители нашего села. Все!!! Даже женщины (сельские замордованные непосильным трудом бабы) с грудными младенцами. Все!!! Все внимали жутким, страшным словам диктора: «Умер Сталин»...

Умер Сталин...

И я этот день помню. Помню!!! Отчетливо помню этот день — было мне всего чуть больше пяти лет...

...Не успел я открыть калитку усадьбы, как с крыльца дома сбегает Нинка и бросается ко мне в объятья. Среди поцелуев шепчу ей на ухо:

— Муж-то — не ревнивый?

Она смеется тем таким далеким детским смехом четвероклассницы Нинки Ткачевой, а у меня екает под сердцем:

— Не бойся — не ревнивый,— и продолжает, видя спешащего ко мне с такими же объятиями мужа, Виктора, на три года раньше нас окончившего школу,— ты такой же циник, какой и был.

— Врачи все по определению — циники.

...Первый класс сельской школы.

Белоснежная рубашка, только вчера купленная матерью в сельпо, опрометчиво оставленная без защиты снятого пиджачка; гвалт большой перемены, напоминающий многократно увеличенное броуновское движение и...

И столкновение с Нинкой Ткачевой, моей соседкой по парте; вернее — не с ней, а с ее огромной пластмассовой чернильницей.

Результат, ясное дело, оказался до безобразия предсказуем: рубашка от ворота до ремешка брюк — вся фиолетовая; слезы на лице Нинки, размазанные испачканными ладонями, тоже фиолетовые.

В классе мгновенно устанавливается зловеще-звенящая тишина, нарушаемая всхлипываниями виновницы «торжества». Как же — испорчена рубашка сына самого директора школы. В еще несмышленых головах первоклашек возникают кошмарные видения наказания моей соседки — вплоть до исключения из школы.

Вместе со звонком на третий урок в классе появляется моя мать — учитель математики старших классов, награждает меня увесистым подзатыльником — сам, мол, виноват, смотри куда летишь,— успокаивает уже рыдающую навзрыд Нинку, уводит ее из класса.

Через долгих десяток минут в класс, спросив разрешение, входит улыбающаяся, умытая, причесанная, с большой конфетой в руке моя соседка.

Со мной «разбор полетов» продолжался дома, в узком кругу. Впоследствии что бы не происходило в классе, что бы не случилось — всегда оказывался виноватым я — сын самого директора школы — никакого спуска мне родители не давали...

...На кухонном столе чистого уютного домика сельские разносолы (все со своего огорода) и яства (городские колбасные и другие нарезки), своего производства алкогольсодержащие напитки от легкого вина до неподражаемого деревенского коньяка (пятизвездочный «Арарат» отдыхает в сторонке).

Естественно, налегаю на только что выкопанную и сваренную картошку, посыпанную зеленью, малосольные огурчики, маринованный чеснок, разрезанные на куски огромные желтые и красные помидоры, дыню и арбуз, также выращенные на своем огороде.

— Нин, ты изменилась...— выдерживаю паузу,— на чуть-чуть. Сними очки — и вот она, девчонка с озорными глазами моего детства.

— А ты — такой же сельский, наш сельский пацан — не директорский сынок, не городской зазнайка и выскочка, а наш — новотарбеевский.

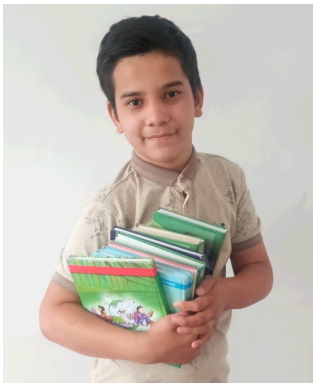
Взяв лопату, пошли с Ниной в огород, я вырыл небольшую ямку, руку погрузил в тамбовский жирный чернозем и насыпал пяток пригоршней в приготовленный для этого мешочек.

— Давно хотел привезти в Тулу горсть родной земли.

— Что и не говори: Мать — сыра земля.

Так прошел один день моего пребывания в родном селе спустя долгих сорок лет...

Абдуллох Абдумоминов
(г. Ташкент, Узбекистан)



ПОХИТИТЕЛИ ВРЕМЕНИ

Первая публикация молодого дарования; 13 лет. Юный художник. Место учебы: 102-я школа, 7-й класс.

Абдуллах, который живет по соседству, и я — очень близкие друзья. Мы не только соседи, мы и учимся вместе. Однажды вечером мы не знали, чем заняться, и начали что-то мастерить из большого куска дерева. Отец мой проснулся от внезапного шума и, сидя с еще полуоткрытыми глазами, сказал:

— Да вы похитители времени! Вы зря теряете время.

Я не понял значения слов «похитители времени». Когда я хотел спросить отца, он уже опять уснул.

— Мы, должно быть, воры ,— дрожа от страха, сказал мой друг Абдуллах и пошел к себе домой. Я заснул от волнения.

Когда взошло солнце, я вспомнил, что надо торопиться в школу, быстро вымыл лицо и руки и поспешно выпил чай. Я боялся опоздать в школу, но оказалось, что урок еще не начался.

Как только я сел на место, вошла учительница.

— Дорогие ученики! Я рада вас видеть. Моя радость безгранична.

Когда наша учительница уже объясняла нам новую тему урока, вошел мой одноклассник:

— Учитель, мне очень жаль, что я сегодня опоздал.

— Данияр, не опаздывай. На этот раз я прощаю тебя, но в следующий раз накажу. Уважаемые ученики, вы должны построить новый Узбекистан и в то же время оправдать доверие своих родителей, которые готовы пожертвовать своей жизнью ради вас. Если кто-то из вас станет знаменитым, я с гордостью скажу, что учила этого ученика,— сказала наш учитель.

Эти слова произвели на меня особое впечатление и повысили мою уверенность в себе.

В какой-то момент в классе начались всевозможные перешептывания. «Ты придешь завтра на мой день рождения?»

Было очевидно, что наш учитель услышала эти слова.

— Похитители времени,— сказала учительница. Острый взгляд ее на учеников был полон сожаления.

«Похитители времени»... Я услышал вчера эти слова от отца, когда играл с другом. Вот почему я не так сильно удивился, снова услышав их. Зато мои одноклассники были ошеломлены. Даниер дрожал от страха, как и мой друг Абдулла.

— Даниер, почему ты дрожишь? — спросила в тот момент учительница.

— Вы назвали нас ворами, не так ли? Разве за воровство виновников не наказывают?

— Вы причиняете вред себе. Время накажет воров.

— Учитель, я не понимаю всего смысла этого предложения, но расскажите нам о краже времени.

— Обычно тех, кто ворует, наказывают. Воры времени — исключение. Правда, похититель времени не понесет наказания. Он даже не несет ответственности перед законом. Но тратить время сейчас равносильно краже вашего времени, вашего будущего. Если вы будете проводить все свое время в учебе, вы сэкономите время и станете лучше в будущем.

Слова учителя воодушевили Даниера. В этот момент Даниер понял, что такое «похититель времени». Он даже к нам в дом очень спешил:

— Анвар, ты здесь? Отныне я понимаю цену времени, правда?!

— Да, Даниер и Абдуллах, вы понимаете, что мы не зря теряем время, мы просто учимся.

В будущем мы будем такими, какими учит быть нас учитель.

Я, Абдуллох АБДУМОМИНОВ, ученик 7-го класса школы № 102 города Ташкента, согласен с этим. Не тратьте время зря! Я всегда буду помнить, что оно бесценно!

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ...

Родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работал учителем и преподавателем. Живет на Брянщине, в г. Сельцо. Публиковался во многих изданиях периодики. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов. Автор десяти сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Руководитель литературного объединения «Парус» (г. Сельцо).

Весть о том, что Виталика Осокина привезли из военного госпиталя обезноженным, мигом облетела Сосновый бор. В поселке знали, что Осокин воевал в Чечне, где в одном из боев получил тяжелое ранение. Уникальная операция по удалению осколка из позвоночника, которую провели военврачи, сохранила Виталику жизнь, но надежды на подвижность практически не дала. «Благодари Господа, что остался в живых,— сказал при выписке Осокину убеленный сединой хирург.— Мы сделали все, что могли, остальное за тобой. Надежда на то, что будешь ходить, пусть и призрачная, в таких случаях всегда остается, а пока надо думать об инвалидной коляске».

Осокин жил с матерью в частном доме на окраине поселка. Отец умер вскоре после того, как Виталика призвали на службу в морскую пехоту. Спустя полгода Осокин заключил контракт на три года, что позволило получать хороший оклад, материально помогать матери и посылать подарки любимой девушке Ларисе Звягиной, которая обещала его ждать.

На втором году службы подразделение, в котором служил Осокин, направили в «горячую точку». Морские пехотинцы дрались, как львы. Фортуна благоволила им, но везение не бывает бесконечным. Тот бой под Ведено был жестоким. Морпехи зачистили Веденское ущелье, заняли позиции, но неожиданно оказались под шквальным огнем и понесли потери. Один из снарядов боевиков попал в окоп, где держали оборону «черные береты». Двое бойцов погибли на месте, а командира отделения сержанта Осокина друзья вынесли с поля боя без сознания...

Была поздняя осень. Темное небо сеяло холодным дождем, но в дом Осокиных то и дело заглядывали гости. Приходили друзья, соседи, учителя, интересовались здоровьем Виталика, обстоятельствами, при которых он получил ранение, сочувствовали, приводили примеры, как в подобных случаях люди преодолевали себя, вставали на ноги. Уходя, обещали навещать, но вскоре все куда-то исчезли, перестали заходить, звонить.

Когда в доме стало тихо, Виталик, сдерживая волнение, сказал матери:

— Я ожидал, что друзья могут прийти отметиться и забыть. Их можно понять — у них своих забот полно. Но очень печально то, что Лариса не показала глаз. Это для меня полнейшая неожиданность...

— Сынок, это я виновата,— с грустью в голосе сказала Анна Михайловна.— Когда позвонили из госпиталя, я тут же собралась к тебе и позвала с собой Ларису, но она сослалась на то, что сдает сессию. А когда я вернулась, она примчалась, стала расспрашивать о ранении, об операции, и о том, какой прогноз дают врачи. Я не стала скрывать, сказала — надежды, что Виталик встанет на ноги, нет. В лучшем случае — инвалидная коляска.

— Мам, ты все правильно сделала. Нельзя обнадеживать человека. Пусть устраивает свою жизнь. Зачем ей возиться с калекой. Она молодая, красивая, имеет право на счастье. Я ей это счастье дать не смогу, поэтому не осуждаю ее. Но навестить-то могла. Ведь два года встречались, любили друг друга...

— Выбрось ее из головы, сынок. Лариса испугалась трудностей. Люди поговаривают, что она уже встречается с Ромкой Корсаковым, сыном главы поселка. Ромка ее на своей шикарной машине катает.

То ли слова матери больно ранили сердце, окончательно перечеркнув таившуюся в глубине души надежду на встречу с любимой, то ли осознание того, что остатки жизни предстоит доживать беспомощным инвалидом, но Виталик тяжело застонал, на глаза навернулись слезы.

— Ну что ты, сынок? Крепись, я буду помогать тебе до конца своих дней. А даст бог, может, еще поправишься, в колясочке буду катать.

— Мам, мне сегодня особенно худо,— с горечью произнес Виталик.— Сходи, купи бутылку белой. Хочу выпить, унять душевную боль...

— Хорошо, сынок, сейчас схожу в магазин. А ты успокойся, поспи пока.

Рано утром к Осокиным заглянул Генка Теребилов. С Генкой Виталик дружил с малых лет. Вместе учились, вместе призывались в армию. Оба мечтали о службе в ВДВ, и Генку определили в десантники, а Виталика в морские пехотинцы. После армии Теребилов поступил на службу в батальон внутренних войск и упорно готовил себя к службе в спецназе.

Виталик спал, когда Генка вошел в его комнату и увидел у кровати друга недопитую бутылку водки.

— Ну, дружище, так дело не пойдет. Не с того начал,— с нескрываемым возмущением сказал Теребилов.— Это удел слабаков, а ты всегда отличался сильным характером, подавал нам пример, был всегда на шаг впереди — и в спорте, и в учебе. Не зря тебя определили в морпехи, не зря направили в «горячую точку», где ты проявил свои лучшие качества и заслуженно получил «Орден Мужества». Мы все тебе завидуем, а я особенно.

— Друг Аркадий, не говори красиво! Не надо этих высокопарных слов. Нашел кому завидовать,— возмутился Виталик.

— Да, завидую и твердо знаю, что, имея такой сильный характер, ты обязательно победишь свой недуг и встанешь на ноги. И Лариска твоя, как говорит моя Наташка, еще ой как пожалеет — будет локти кусать.

— Передавай привет своей Наташке — замечательная девушка у тебя.

— И у тебя будет замечательная, только надо потрудиться,— твердо сказал Генка.— Ты же знаешь, что самое ценное приходит через тяжелый труд, а то, что дается легко — ценится дешево. Я вот принес тебе резиновые жгуты. Сейчас закреплю на спинке кровати. Начинай с них. Нагрузки не форсируй, через боль не работай. Почувствуешь себя плохо — прекращай. Сегодня же дам задание ребятам, чтобы изготовили для тебя блоки. Чертежи у меня уже есть. Будешь тренироваться по пособию. Там все расписано.

— Спасибо, друг,— дрожащим голосом сказал Виталий и протянул Генке руку.— Я думал об этом, но не знал, с чего начать. Ты вдохнул в меня силы.

— Благодарить будешь позднее, когда встанешь на ноги,— слегка пожал протянутую руку друга Теребилов.

Как только Генка скрылся за дверью, вошла мать. Виталик показал рукой на бутылку:

— Мам, убери ее. Прости мою слабость. Больше этого не позволю...

Первые тренировки давались очень тяжело. Виталик быстро уставал, хотя качал в основном руки и плечевой пояс. Стоило только перейти к спине и прессу, как боль давала о себе знать, и лоб покрывался испариной. За неделю освоил несколько упражнений, повторял их десятки раз.

В выходной день, когда редкое зимнее солнышко, пробившись сквозь белую мглу, заглянуло бледными лучами в комнату Осокина, на пороге вновь появился Теребилов. Увидев, как друг работает со жгутом, отметил:

— Вижу, что начало положено. Первые тренировки самые трудные. Идет адаптация организма. Смотри только, не переусердствуй. Береги спину, поясницу и ноги. На болях не работай — это опасно.

Генка достал из сумки гантели и блоки с кронштейнами.

— Сейчас закреплю блоки, объясню принцип действия, и не спеша начинай работать. Чередуй упражнения со жгутом, гантелями и блоками. Проси мать, чтобы надевала ремни на ноги и снимала после тренировки. Будь предельно осторожен, чтобы, не дай бог, не задеть спинной нерв, иначе — парализация. Вот тебе пособие,— протянул тоненькую, изрядно потрепанную книжку Генка.— Автор сам был спинальником, знает, о чем пишет. Изучи и свято следуй его рекомендациям. Они уже многим помогли. Здесь все расписано предельно ясно. Пока не чувствуешь ноги — посылай им мысленные сигналы. Давай команду, чтобы ноги наливались теплом, пытайся мысленно шевелить пальцами. В дальнейшем подумаем о массаже ног. Не переутомляйся. Буду следить, как идут дела. Наташа шлет тебе привет. Мы с ней верим в тебя.

Чуть свет Виталик уже проводил первую тренировку с блоками. Ног не чувствовал, были легкие боли в пояснице и спине. Сделав несколько усилий ногами, Виталик решил, что на первый раз достаточно. Он хотел позвать мать, чтобы освободила ноги от ремней, но тут услышал незнакомый голос — мать с кем-то тихо разговаривала на кухне.

Голос был чистый, звонкий, словно весенний ручеек, звучал призывно, как хрустальный колокольчик. Виталик поймал себя на мысли, что ему приятно слушать этот голос, от которого, словно от волшебной мелодии, сладко сжималась сердце, утихала душевная боль.

Голос смолк, и в комнату вошла мать. Виталий обратился к ней:

— Мам, освободи мои ноги от ремней. Кто это был у нас?

— Это Света Голубкина заскочила, дочь нашей соседки Надежды Васильевны, которая работает в больнице санитаркой. Лекарство и баночку малинового варенья принесла. Света — душечка, мне помогала, пока ты был в армии и в госпитале. Картошку копали вместе, ухаживала за мной, когда я захворала, на хозяйстве оставалась. И сейчас выручает, то в магазин, то в аптеку бегает.

— Она же девчонкой сопливой была, когда я на флот призывался,— с удивлением произнес Виталик.— Неужели так быстро выросла?

— Сынок, ведь с той поры прошло четыре года. Ей уже девятнадцать. В медицинском училище учится на медсестру. А красавица какая! Но, главное, душа у нее, как у сестры милосердия.

Виталик глубоко задумался. Мать ушла и вернулась. Принесла завтрак.

— Мам, ко мне Свету пока не пускай. Не хочу никого видеть, кроме тебя и Генки. То, что рана, полученная в бою, болит — это одно, но еще сердечная кровоточит...

Генка наведывался часто. Видя, что все идет, как задумано, одобрял усилия друга:

— Вижу, что поверил в успех. И есть уже результаты. Но очень прошу, прислушивайся к организму, не переусердствуй. Выправлять будет сложнее.

— Я не враг себе,— сказал Виталик.— Хочу иногда прибавить нагрузку, но зная, чем это чревато, сдерживаю себя. В книге, которую ты дал, есть предостережение от ошибок при работе с тяжестями.

Еще несколько раз забегала Света. Виталик слышал ее нежный, звенящий голосок, наслаждался им. Не раз мысленно просил ее, чтобы задержалась подольше, поговорила бы о чем-либо с матерью. Возникало желание позвать ее в комнату, но он считал, что еще не пришло время.

Двадцать третьего февраля Виталик проснулся, услышав призывный звон серебряного колокольчика, и ему так захотелось увидеть Свету, что он едва сдержался, чтобы не позвать ее. Но, известно, что мысли материальны и передаются на расстоянии. Тотчас в комнату к нему вошла мать.

— Виталик, дорогой сыночек, с праздником тебя! — Анна Михайловна нежно поцеловала сына, вручила подарок, спросила:

— Света тоже хочет поздравить тебя с праздником. Разреши ей зайти.

— Пусть войдет,— сказал Виталик,— решив, что это перст судьбы...

Света вошла и смущенно замерла у порога. Светлая, пухленькая, курносенькая, с выразительными глазами, до краев наполненными синевой, как утреннее небо весной. От нее пахло снегом, и в то же время Виталику показалась, что к нему в комнату до срока заглянула сама весна.

— Ну что же ты робеешь — ты ведь будущая медсестра? Проходи, присаживайся,— с улыбкой произнес он.

— Виталий, поздравляю тебя с Днем защитника Отечества! — несмело шагнула она к кровати.— Желаю, чтобы выздоровел, чтобы сбылись твои мечты! Вот тебе мой скромный подарок — одеколон и бритвенный прибор.

Он взял ее за руку. Рука была теплой. Виталик коснулся руки губами.

— Спасибо! Зачем ты тратилась?! Ты ведь еще не на своих хлебах.

— Я сейчас на практике. Немного подрабатываю, дежурю у больных.

— Это другое дело,— заметил он.— А я решил, что ты у мамы деньги взяла. Можно было поздравить и на словах. Мне и так было бы приятно.

— Но это не все,— сказала Света.— Я достала тебе книжечку одного известного спортсмена, ныне писателя, под названием «Верить!». В ней он рассказывает, как во время соревнований поднял тяжелую штангу над головой, и она повела его в сторону. Пытаясь удержать ее, получил травму позвоночника. Ему сделали операцию, извлекали раздробленный позвонок и вставили металлические пластины, а спустя время сделали новую — по удалению пластин. И он, запакованный в гипс с головы до пояса, вновь учился сидеть, вставать, ходить.

— Это интересно. За это отдельно благодарю тебя,— улыбнулся Виталий.

— А между физическими упражнениями он укреплял силу духа волевыми настроями — формулами воли. Придумывал их и повторял в ходе тренировок. Вот я записала их для тебя,— протянула Света листок Виталию.

Он пробежал листок глазами и сказал:

— Какая же ты умница! Мне это очень пригодится. Потом снова заглянул в листок и с улыбкой заметил:

— А ведь мне знаком этот округлый почерк. Я хорошо его запомнил! Так это ты прислала мне в госпиталь трогательное письмо без обратного адреса? А я терялся в догадках, кто это проникся сочувствием ко мне и верой в то, что я способен преодолеть все испытания, выпавшие на мою долю.

Он посмотрел на нее. Лицо ее зарделось. В глазах блеснули слезы.

Виталик нежно погладил руку девушки:

— Спасибо тебе, дорогая Светлана! У тебя большое и доброе сердце. Правильную профессию ты себе выбрала. И мне повезло, что у меня теперь такая надежная, заботливая подруга.

— Можно я буду приходить к вам чаще и делать тебе массаж ног? — тихим голосом, не поднимая глаз, спросила Света.— Это очень необходимо тебе, да и мне нужна практика по уходу за больными.

— Спасибо, что моей матери помогала и помогаешь. Приходи, когда пожелаешь, буду только рад. Чувствую, что нас не случайно свела судьба,— посмотрел на нее Виталик с нескрываемой симпатией.

Света встала, поцеловала его в щеку и убежала.

Она приходила теперь каждый день. Анна Михайловна вся светилась от счастья, когда на пороге появлялась Светлана:

— Проходи, голубушка, проходи, наше солнышко. Мы тебя заждались. Виталик уже не раз просил: «Мам, посмотри в окно, не идет ли Света?»

Светлана приносила лекарства, витамины, следила, чтобы Виталик принимал их вовремя, справлялась о самочувствии друга, делала ему массаж ног. Она первой замечала перемены к лучшему в состоянии Виталика. А он с неподдельной радостью сообщал ей, что стал частично чувствовать ноги, даже может слегка шевелить пальцами.

Как-то утром к Осокину заглянул Генка и, застав Свету за массажем, посмотрел на улыбающегося Виталика, дружелюбно подмигнул ему.

— А я-то смотрю, почему твои дела так резко пошли в гору? Оказывается, ты нашел себе ангела-хранителя в лице этой курносой голубоглазой красотки. Вот она-то точно поставит тебя на ноги.

— Да я, в общем-то, и не искал,— ответил довольный Виталий.— Небеса послали мне в награду это милое создание, хотя никак не могу понять, за какие заслуги. Ты был прав. Я, наверное, в самом деле, везунчик...

Света встала, смущенно сказала:

— Ладно, ребята, мне пора. Не буду вам мешать. Она подошла к Виталию, поправила одеяло, мило улыбнулась ему, чмокнула в щеку.

— А меня? — спросил Геннадий, показывая пальцем на щеку.

— Тебя пусть Наташа твоя целует. Кстати, передавай ей от меня привет. Мы с ней дружили в школе, а потом наши дорожки разошлись. Она пошла в педучилище, а я — в медицинское.

Виталик торопился, хотелось быстрее встать на ноги, хотя его предостерегали и Геннадий, и Светлана, и мать. Сильно вдохновляли волевые настрои, которые он заучил наизусть и часто повторял вслух. И однажды он чуть не навредил себе. Попытался встать у кровати без посторонней помощи, но боль пронзила тело, и он упал на пол без сознания.

Анна Михайловна страшно испугалась. Трясущимися руками поднесла к носу сына ватку с нашатырем, протерла виски. Виталик пришел в себя. Она подложила ему подушку под голову, сказала: «Подожди, сынок, я сейчас». Позвонила Светлане, и та примчалась быстро. Вдвоем подняли Виталика на кровать. Он был бледен, лоб покрылся испариной, глаза мутноватые.

Светлана вызвала врача. Она приехала, прописала уколы и запретила дальнейшие нагрузки. От первых же уколов, которые делала Света, ему стало лучше. И вскоре Виталик вновь приступил к тренировкам...

Весна пришла ранней, яркой, звонкой. Отзвенела капель, отшумели ручьи. Буйно зацвели сады. По поселку плыли сладкие дурманящие ароматы. Света каждый день вывозила Виталика во двор на коляске, замечая, как он набирается сил. Он уже мог вставать, но делал всего несколько шагов. Они не спешили торопить события, считали, что надо закрепить достигнутое. Анна Михайловна следила за ними из окна, и слезы радости застилали ей глаза. Она смогла рассмотреть под свободным халатиком Светы ее заметно округлившийся животик, и была вне себя от счастья.

На этот раз Светлана привезла Виталика к лавочке в саду, укрытом белоснежным

покрывалом. Они присели, и Виталик попросил ее принести гитару. Настроив инструмент, он проникновенным голосом запел:

«Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым...»

Света слушала и тихонько шмыгала носом.

«Я теперь скупее стал в желаньях. Жизнь моя? иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...»

— Ты знаешь, Виталик, мне вспомнилось сейчас, как ты на этой лавочке сидел с Ларисой, как играл и пел ей свои трогательные песни, а я наблюдала за вами из своего сада. А потом вы целовались, а я пряталась за яблоней и плакала...

— Ах, ты мое милое, несмышленое дитя! Ведь малявкой еще была.

— Не скажи. Мне шел уже шестнадцатый год,— возразила Света.

— Я тогда никого не замечал. Для меня была она одна... На вот, прочти, вчера вечером мальчишка принес,— протянул Виталик листок Светлане.

«Виталик, прости меня! Я испугалась, что ты уже никогда не встанешь на ноги. А ты нашел в себе силы, чему я очень рада. Я по-прежнему люблю тебя, и стоит тебе только позвать, я приползу и буду валяться у твоих ног...».

Заметив слезы в глазах любимой, Виталий обнял ее, нежно поцеловал, шепнул на ухо:

— А теперь для меня только ты одна на всем белом свете!

Игорь Карлов
(г. Москва)

АРАБЕСКИ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

А пальмы, похоже, стали меня узнавать! Едва вышел за ворота, чтобы, перейдя через Тридцатое шоссе по пешеходному мостику, из Пятого блока района Даиа попасть в Четвертый (а тут и ходу-то минут пять), едва успел пройти метров двадцать, поеживаясь от прохладного ветра, дующего с Залива, как вот уже машет мне приветственно короткой мясистой многопалой ладонью подросток-крепыш, который скоро уже дождется первых своих фиников. Привет, тинейджер, привет!

Прошел еще метров с полста, а там издалека благосклонно кивают гордыми кронами роскошные молодые пальмы — настоящие королевские, в точности такие же, какую выбрали для своей эмблемы короли Саудовской Аравии. С королевским достоинством, но душевно приветствует меня эта чета пальм, увенчанная роскошными зелеными венцами. Да и как иначе? Мы ведь старые знакомцы, видимся иной раз дважды-трижды в день. И даже не в том дело, что встречаться приходится часто, но пальмовые король и королева, наверняка, чувствуют мое к ним хорошее отношение и платят ответным расположением. И я невольно улыбаюсь в ответ на их поклоны, улыбаюсь, как старым знакомым, как будто знаю в подробностях всю их жизнь.

Однако своим стал я не только для благовоспитанных деревьев Аравийского полуострова, выведенных в свет садовником, но и для редких в пустыне саморосовдичков. Вот кланяются в пояс скромные желтые цветочки, нечто вроде пастушьей сумки или гулявника нашей Средней полосы. В России-то это незаметные, тонущие в океане зеленой травы крестоцветы, а здесь скромный цветок смотрится красой и гордостью песчаных обочин.

И даже странный древесный фрик, корявый выродок с загнутыми вверх и назад узловатыми ветвями, высаженный на разделительной полосе проезжей части, радостно завывает, завидев меня,— то посвистывает ветер в мерзкого вида безлистых отростках, которые пытаются ухватить себе кусочек неба, и весенняя просинь во всклокоченной прическе городского дурочка смотрится, будто голубые муаровые ленты, вплетенные в серые нестриженые космы. Что за урод, какого роду-племени — не поймешь. Только вялые кудряшки на концах скрюченных сучьев позволяют опознать в нем акацию. Кора дерева треснула, поэтому с одной стороны ствола виден вроде как дубленый морщинистый кожух, а с другой — гладкая древесина. Словно нагольный тулуп накинул на себя этот юродивый... Кто другой, может, брезгливо поморщится, обогнет уродца дальней дорожкой, я же, проходя мимо, сочувственно поглаживаю его шершавый бок. Знаю, понимаю, что пришлось ему вытерпеть, отчего безумен он, отчего треснула кора, отчего не родятся более его листочки — обожжен аравийским солнцем, пережил местное лето, претерпел такую страшную пытку, ко-

торой не выдержит ни душа, ни тело, пусть даже тело — бревно. Настрадался. И ума лишился, и облика древесного. Пожалеть его надо.

И все эти растения — мои друзья, без различия их положения в ботаническом бомонде. Все друзья, но любоваться хочется пальмами. Хочется подойти и тихонечко обнять их... Оно, вроде бы, мне, русскому, положено березки обнимать. Да и обнял, обнял бы! Пусть банально, пусть слащаво это может показаться со стороны... Но нет здесь берез, природа же, какая ни на есть, достойна любви и преклонения. Это понятие каждому человеку свыше дано — и Ивану, и Али.

Солнце в осаде. Целый день. Пожалуй, лишь ранним утром оно, восходя на свой трон, успело во всю ширь оглядеть Аравийскую землю, и сделало это по-королевски: в меру строго, притом благосклонно, с достоинством хранителя и защитника веры. Поднимавшаяся ему навстречу прозрачная дымка испарений светилу не помеха, ибо придворная фронда не мешает уверенному в себе государю, напротив, изящно подчеркивает выгоды просвещенного абсолютизма.

А затем... чем выше поднималось солнце над горизонтом, тем гуще кучились облака. Грудились легкой кавалерией, летучими отрядами обкладывали небо со всех сторон. Скуднее стал ниспадающий на землю свет, ниже спустились встревоженные птицы. Солнце не уступало, продолжало щедро осыпать подданных пригоршнями блистающих самоцветов, однако все чаще перехватывала монаршие дары нагрянувшая из пустыни серая пыльно-песчаная мгла, все меньше доставалось людям сиятельной милости.

Борьба за будущее этого дня покуда оставалась борьбой великодушных поединщиков. В просветы хмар солнечные лучи блистали уверенно, мощно охватывая небосклон, даря животворящие вспышки дольнему миру. Облака же с уважением расступались перед скопленьями солнечных лучей, придавали пучкам светлых стрел объемность, делали зримой их светозарную силу. Эта-то рыцарственная почтительность и сами тучи превращала в драгоценную сапфирово-жемчужную субстанцию, сквозь причудливые прогалины отрывающую взгляду непостижимую разумом высоту, горящую радужным светом.

Итак, в первой половине дня мы наблюдали за единоборством двух благородных соперников. Так могли бы сражаться Саладин и Ричард Львиное Сердце.

Но миновали времена джентельменских дуэлей! Вслед за ратью облаков-мамлюков притащилась армада грозовых туч, начала изнуряющий обстрел неба и земли. Канонада громыхала долго, то удаляясь, то приближаясь. Иногда поблескивала молния, иногда проливался дождь, но не обильный ливень-удалец, способный влагой своей резко освежить воздух, разрядить разлитое в атмосфере томительное напряжение,— мелочный сквалыга, дрожащий над каждой растраченной капелькой. А солнце все не сдавалось, держало осаду.

Тогда коварные налетчики использовали гнуснейший прием: призвав на помощь знойный ветер из самого сердца пустыни, они вместе с дождинками бросили в бой тучи песка. Скупо ниспадающая влага не могла прибить к земле и сотой доли этой массы песчинок, которые вместе с облаками закрывали дневное светило, пытались заставить его померкнуть.

Едва пробивающееся сквозь песчаную бурю солнце осветило мир подленьким желтоватым светом. На виллы, пальмы, мечети, на слегка изогнутые полосы шоссе, на плиты набережной, даже на само море лег раздражающий отсвет тусклого золота, померкшего от пролитой на него крови. Такое золото достается предателю, открывшему врагу врата осажденной крепости. Такое золото получает в качестве контрибуции жестокий завоеватель, таящий планы дальнейших захватов.

Солнце и в эти тяжелые часы не покидало своего престола, но за двойным фильтром дождевых облаков и летучего песка являло вид дряхлого, доживающего

последние часы эмира, на которого из уважительного сострадания уже не глядят визири и наибы его.

Не приведи Всевышний видеть солнце столь немощным! Зрелище не для глаз смертного! Именно такой наша звезда стояла в небе над вымирающими динозаврами, почти не освещая конец их мира. Именно таким солнце тускло глянет в очи тем, кто (не дай Бог!) останется на планете коротать ядерную зиму. Страшное это было солнце, но оно было. Оно не сдавалось.

И непобежденным ушло в иные сферы, когда наступило время ночи. Ушло под грохот отдаленных, но страшных громовых раскатов, под редкое шлепанье ленивых дождевых капель, под чавканье песчано-пыльной слякоти.

Впрочем, с его уходом борьба стихий не окончилась! Но людям уже не дано было улицезреть следующий акт вселенской драмы. Лишь по приглушенной канонаде грозы в глубине полуострова они догадывались, что где-то далеко продолжается борьба света и тьмы.

Все, все — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

А. Блок

Еще вчера гаджет погоды бодро уведомлял: «Кувейт, +40, солнечно». А сегодня с утра: «Кувейт, +32, пыльная буря».

Не пробиться солнечным лучам к земле. Пыль, пыль и пыль. Выглядывать в окно не веселее, чем смотреть на дисплей электронного устройства. Серость, клубящаяся серость. Безлюдны улицы, безмашинны шоссе — всех держит в заточении пыльная буря, все заперлись, закрыли окна и даже кондиционеры не спешат включать, ибо всюду проникает мельчайшая пыль. Наверное, так же будет происходить через много-много лет, когда люди создадут колонии на других планетах. Раздастся сигнал: «Пылевая буря!» — и опустеют марсианские супермаркеты, и поспешат в ангары марсоходы, и в стальных сферических коттеджах закроются, сипя вакуумными запорами, герметичные двери и окна. Надо укрыться, надо переждать.

А сколько ждать? Пыль бесконечна. Столько ее на нашей планете, что может она годами виться вокруг твоего дома, скрывая солнце, ограничивая видимость тремя десятками метров, запорашивая и без того уже покрасневшие глаза, забивая ноздри, садня носоглотку, оседая в легких. Годами.

Бессилен человек перед пылью. Ничего не в силах противопоставить венец творения вьющемуся по ветру праху. Ни-че-го. Окажись он сейчас в пустыне — верная смерть. Да и все человечество со всеми его дворцами и небоскребами существует ровно до тех пор, пока пыль клубится в одном только месте. К вечеру на ступеньках у подъезда уже собрались приметные сугробики пыли, и даже вода в бассейне отсвечивала под фонарем, как масло — даже на воде лежала тончайшая пылевая пленка. А что будет за два дня? За десять, за пятьдесят дней владычества хамсина? Город станет похож на мертвое древнее селение, открытое дотошным археологом.

Земля наша — Земля Пыли, сколь ни грустно это признать. Из праха мы созданы и в прах обратимся. Значит, прах был прежде человека и пребудет после исчезновения человечества. Прах один вечен и всепобедителен.

В самом центре города, на Сальмии, за автостоянкой торгового центра, чудом уцелевший осколок прошлого — квартальчик из пяти — шести трехэтажных домов, выстроенных, пожалуй, полвека назад. Вокруг заброшенных, обветшавших, отключенных от коммуникаций зданий — буйные заросли тростника. Подозрительный в своей неожиданности уголок дикой природы в двух шагах от главной улицы мегаполиса. А по соседству — улетающие в небо клубящиеся кремово-розовые бетонные

облака высоток столь вычурной архитектуры, будто то не человеческое жилье, но предназначенные для фей и эльфов пуки приторной сахарной ваты с бельведерами на крышах. А по соседству — устремленные в олимпийскую высоту многоэтажки с псевдоклассическими колоннами и фронтонами, махины фисташкового оттенка, отсвечивающие панорамными стеклами. А по соседству — серо-черные небоскребы хайтековского стиля.

За роскошью фешенебельной застройки не сразу заметишь пяток облупившихся трехэтажек, похожих на пятно лишая на лице зажиточной столицы нефтедобывающего эмирата. Непонятно, как уцелели эти домишки во время урбанистического бума, непонятно, кому принадлежат и зачем сохраняются. Как и непролазный тростник, достигающий подоконников второго этажа, покачивающий верхушками над оградой, будто бы одним только этим забором сдерживаемый от того, чтобы ринуться на сити, в несколько часов захватить его весь, превратить в живописные дебри.

За растрескавшейся бетонной стеной тростник под порывами налетающего ветра колышется так шумно, так по-хозяйски, что представляешь, как в такую же весеннюю пору здесь, в пустыне, по берегам пресных источников буйно взрастала зелень еще в те времена, когда никто и не помышлял о закладке города. А вот возник-таки город, разросся и оставил тростнику лишь захудалый ненужный клочок земли, где растения содержатся будто бы в плену, будто бы в заключении, подобно преступникам или изгоям. Только и радости тростнику, что ловить плоскими листьями свежий ветерок, лепетать что-то, вспоминая былое...

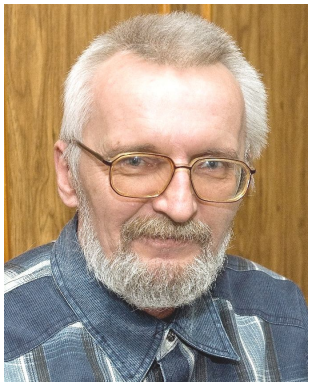
Точно так же шумел тростник, пропуская мимо экспедицию деловитых британцев, предположивших наличие под песками нефтеносных пластов и задумавших теперь обосноваться здесь надолго. Точно так же шумел тростник, встречая штандарты Османской империи, утвердившейся (казалось, навечно утвердившейся!) на берегах Залива. Точно так же шумел тростник при правителях шумеро-вавилонского царства... И вот все правители, все империи с их величием и мощью канули в Лету, а шелест тростника остался. Так что же значимо в подлунном мире? Что имеет в нем большую ценность?

Шелестит тростник, готовый рассказать слушателю, буде найдется таковой, о Гильгамеше или о Синдбаде, о многих героях мифов, легенд.

Но никто не слышит этого многозначительного шелеста: шорох шин по дорожному покрытию, нетерпеливые клаксоны, самодовольное урчание двигателей дорогущих автомобилей, шаги пешеходов, спешащих окунуться в веселье столичного вечера, заполняют Сальмию. Никому не нужны легенды и мифы.

Так выдворяет человек из своей жизни природу, загоняет в мрачные резервации, где она тихо умирает бездомным маргиналом. А сам человек надеется жить. Да не просто жить — наслаждаться жизнью. Получится ли, если никто не слушает шум тростника?.. Увидим.

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)



ДОЛГАЯ ПЕСНЯ КУРАЯ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Чертыхаясь, когда ветви хлестали по лицу, Александр долго пробирался по густым зарослям за другом, стараясь не отставать от него. В такой гуще легко было заблудиться. Потом обратную дорогу не найдешь и не разыщешь — это точно Миннура, который легко шел где-то впереди него, словно шагал по накатанной дороге...

— Ну, ничего себе! — воскликнул Александр, неожиданно ткнувшись в спину Миннура, взглянул на него, хотел было обойти, но отшатнулся и с опаской глянул под ноги.— Ты куда меня привел, Иван Сусанин? Хочешь сказать, что будем в этом месте спускаться со всем снаряжением? С ума сошел, что ли? Да мы же разобьемся!

И снова с опаской посмотрел вниз, где шумела река.

— Ай, не волнуйся, Салим,— так, по-башкирски, Миннур назвал друга.— Я много раз спускался в этом месте, и все было нормально. И с мальчишками прибегали сюда. Не боялись, спускаясь к реке. И сейчас все будет хорошо. Поверь мне...

Взглянув на друга, он поправил рюкзак за спиной.

— А почему по тропке не пошли? — сказал Александр и ткнул в тропинку, которую заметил среди деревьев.— Мне кажется, там побыстрее бы спустились вниз. Можно за деревья придерживаться, чтобы не упасть, а тут...

Он замолчал и опять глянул вниз.

— Ай, Салим, не бойся! — сказал Миннур, махнул рукой и направился к крутому спуску.— Ничего с тобой не случится. Айда...

Миннур кивнул, опять поправил рюкзак и, придерживаясь за кусты и корни, стал спускаться.

— И зачем я согласился пойти с тобой — не понимаю. Поехал в такую даль, а для чего,— ворчал Александр, осторожно ступая по осыпающимся камням и придерживаясь за кусты и редкие деревья, растущие на крутом склоне.— Здесь без головы можно остаться, если слетишь вниз.

Ойкнул, когда нога скользнула по склону, и торопливо схватился за корень, стараясь удержаться.

— Правда, Салим, останешься без головы, но только не из-за того, что упадешь, а от красоты, какую увидишь,— не оборачиваясь, сказал Миннур, спускаясь по крутому склону к реке, откуда доносился громкий шум несущейся воды.— Редкое место может сравниться с этим, куда я веду тебя. Сам увидишь...

И замолчал...

Александр, продолжая ворчать, осторожно спускался, посматривая под ноги, и увидел Миннура, который уже стоял на узкой прибрежной полосе, сбросив рюкзак. Александр заторопился к нему. Не заметив корень, споткнулся, чертыхнувшись, те-

ряя равновесие, выскочил на берег и, пытаясь удержаться, ухватился за друга, но опять споткнулся и повалился, ударившись об острые камни.

— У, завел, Иван Сусанин! — застонал он, хватаясь за ушибленные места, и стал подниматься.— Здесь быстрее кости переломаешь, чем увидишь твое красивое место. Красивое место! Красивое мест...

И Александр замолчал, с удивлением посматривая по сторонам.

Перед ним была стремительная река в белых бурунах, а за ней скалы. Огромные скалы, изрезанные узкими расщелинами, словно старческими морщинами. Эти скалы вертикально уходили в стремительную воду, которая неслась, словно пыталась вырваться из плена каменных исполинов, что нависли над рекой, сжимая ее в крепких каменных объятьях, пытаясь преградить путь своенравной реке.

Приподняв голову, Александр присвистнул, удивляясь высоте. Но еще больше удивился, когда увидел в одной из расщелин невесть откуда взявшуюся березу, что выросла там. На темном старческом фоне скал она казалась невестой в белом платье, отсвечивая белизной своего ствола. Зеленая крона шелестела под ветром, который словно играл с ней, сплетая и расплетая длинные косы. И было удивительно, что береза не только смогла выжить в суровых условиях в этой расщелине, но и превратиться в сказочную красавицу. Ствол ее изогнулся, словно стан девичий, и казалось, что она прижимается к камням холодным и безжизненным...

— Миннур, посмотри... Красиво, правда? — громко сказал Александр и показал на березу, и эхо завторило вслед, постепенно затихая вдали.— Да... да... да...

Александр оглянулся на друга, снова кивнул, чтобы он посмотрел, и опять повернулся к березе, что росла в расщелине.

— Не кричи, не нужно,— тихонечко сказал Миннур, доставая палатку.— Насмотришься на нее, а еще кое-что услышишь, но это будет позже, а пока нам нужно приготовиться к ночевке.

Он направился поближе к ближайшим кустам, выбрал ровное место и стал возиться с палаткой.

Следом подошел Александр. Скинув рюкзак, стал помогать другу.

Установив палатку, они натаскали внутрь мягкого лапника, разложили его и укрыли брезентом, поверх бросили спальные мешки, а в изголовье пристроили рюкзаки.

И сразу же отправились за дровами. Ночь долгая. Дров понадобится много. В густых зарослях наткнулись на сухостой. Два небольших деревца повалили и приволокли к палатке. Следом притащили хворост. Развели небольшой костер. Открыли тушенку и поставили разогревать с краю костра. А потом уселись на бревнышко, чтобы немного отдохнуть, пока готовится ужин.

Александр сидел, с интересом посматривая по сторонам. Миннур давно уже звал съездить в эти места, но лишь сейчас он выбрал время, чтобы побывать тут. Почти весь день ушел на дорогу. И в автобусе Александр больше смотрел в окно, чем разговаривал с другом. Чем дальше забирались, тем выше становились горы, заросшие густым лесом. Мелькали проплешины полян, сверкали речки-быстрицы и снова по обеим сторонам дороги поднимались горы. И так, пока не добрались. А потом еще долго продирались через густые заросли, чтобы попасть сюда.

— Миннур, мне показалось, там кто-то есть,— тихонечко сказал Александр, и кивнул на дальний конец косы.— Глянул туда, сначала подумал, что почудилось, а потом и правда кто-то промелькнул. Я уж решил, что зверь забрел, а потом показалось, что это человек был.

Сказал и махнул рукой, показывая.

— Да, там человек,— покосившись, сказал Миннур, потом взглянул на небо.— Скоро все узнаешь, Салим. Не торопись. Потом расскажу, потом. Вечереет. В здешних местах быстро сумерки наступают. Айда, поужинаем, пока не стемнело.

И снова взгляд в сумеречное небо, которое виднелось среди высоких скал.

После ужина они подтащили стволы сухостоя. Комельками сунули в костер. Теперь костер долго будет гореть в ночи. Миннур зевнул и полез в палатку, устраиваясь на ночлег. Александр остался возле костра. Присел на бревно и закрутил головой, наблюдая, как быстро наступали вечерние сумерки. И смотрел на высокие скалы, на березку, что едва виднелась в сумерках, и глядел на стремительную воду, над которой уже закурился туман, закручиваясь в фантастические фигуры.

— Салим, что не отзываешься? — Александр очнулся от голоса друга.— Зовузову, а ты сидишь и не шевелишься. Айда в палатку. Холодно возле реки сидеть.

Приоткрыв полог, Миннур махнул рукой, подзывая друга, а потом скрылся в палатке.

— Я не слышал, что позвал меня. Сидел. Задумался. По сторонам смотрел,— сказал Александр.— Правду сказал, красиво тут.

И снова окинул взглядом стремительную реку, высокие скалы, которые упирались в темное небо, по которому кое-где промелькнули последние лучи солнца, непроизвольно глянул на березку, что едва заметна была на темном фоне скал. Хотел было откинуть полог, чтобы забраться в палатку, как вдруг заметил старика, одетого в длинную белую косоворотку навыпуск, на плечи наброшен казакин, в отблесках огня сверкнула расшитая тюбетейка, а в руках был какой-то предмет, завернутый в холстину.

— Миннур, слышь, я старика там видел,— зачастил Александр, забравшись в палатку.— Как же он сюда спустился? И для чего пришел, а? Ночь на дворе, а он...

Александр пожал плечами и стал расспрашивать, влезая в спальный мешок.

— Молчи, Салим, и слушай,— сказал Миннур, не отвечая на многочисленные вопросы, и неожиданно сказал.— А ты любишь музыку?

Он повернулся к другу, который возился в спальном мешке, поудобнее устраиваясь.

— Конечно, люблю! — сказал Александр.— Разную музыку люблю. И классику, и джаз, и народные песни, и...

И Александр принялся перечислять, что ему нравится слушать.

— Ну, тогда лежи и внимательно слушай,— перебивая друга, сказал Миннур.— Честно сказать, Салим, я для этого и позвал тебя. А теперь молчи и слушай...

Миннур замолчал и притих, к чему-то прислушиваясь.

Затаив дыхание, Александр тоже слушал, что делается на речной косе, пытаясь уловить мелодию, но доносилось потрескивание костра, был слышен шум и всплески воды, а вот музыки — этого не было. Он вздохнул и затаил дыхание, когда ему показалось, словно серебристый ковыль под порывами ветра зашелестел в бескрайних степях. И этот звук с каждой секундой становился все громче. А потом донесся быстрый топот копыт, окрики табунщиков, которые охраняли непуганых лошадей от волчьих стай, а еще ему почудился девичий голос, и разнеслась долгая песня над бескрайними степными просторами...

Александр вздрогнул, когда услышал девичий голос. Откуда ему взяться здесь, на этой речной косе, если песня разнеслась над бескрайними степями. Он хотел было повернуться, чтобы спросить у друга, но Миннур придержал его.

— Молчи, Салим, молчи! — едва слышно донесся голос друга.— Это курай разговаривает. О многом он говорит. Слушай его, слушай...

И снова Миннур придержал друга.

Александр закрутил головой, пытаясь понять, откуда доносятся эти необычные звуки. Казалось, они неслись со всех сторон, наполняя ущелье, проникая в душу, будоража ее, заставляя смеяться и плакать от удивительной и чудной мелодии курая, от его волшебного голоса, который никого не оставит равнодушным, уводя за собой в волшебные дали...

Где-то зажурчал ручеек, и раздалось посвистывание перепелок: «Спать пора,

спать пора...». И вдруг послышался ласковый шепот. Разнесся звон монист, что были вплетены в девичьи косы. Следом раскатился мелкий веселый девичий смех и заворчали птичьи голоса, а с той стороны доносятся степные шорохи, слышно потрескивание костра и тихое сонное ржание огромного табуна, который плотной сплошной стеной окружил двух влюбленных, чтобы никто не посмел потревожить их темной ночью...

Но тут в завораживающий голос курая стали вплетаться незримые тревожные нотки, словно беду предвещали. Все громче и чаще зазвучали они. И вскинулся испуганный табун. Задрожала ковыльная степь под копытами огромного табуна, и понеслись кони в ночной тьме по бескрайней равнине, оставляя влюбленных наедине с неминуемой бедою...

В ночной тиши раздался девичий плач, но прервал его грозный окрик, а следом раздался голос юноши, который встал на защиту любимой, но не стал умолять о пощаде, а начал говорить о своей любви, но было поздно. На полуслове оборвался. И умолк смелый юноша...

И разнесся девичий крик над ковыльными степями. Полынной горечью охватило округу. Послышался быстрый бег и шорох камней, что осыпались с крутого склона. И опять раздался отчаянный и долгий крик. Заметалось эхо, словно птица между отвесными и безжизненными скалами, ударяясь о них, взлетая к черному небу и опускаясь к быстрой воде, и медленно затихло в черной непроглядной ночи.

Едва слышно звучал курай на берегу реки, словно вымаливая прощение, но не дождался и умолк печально...

Следом донеслась тяжелая медленная поступь, зашуршали камни на круче, а потом наступила тишина, прерываемая всплесками ночной реки.

Долго лежал Александр, прислушиваясь к ночным звукам и пытался заглянуть в свою душу, чтобы понять, что это было — сон или явь, но ответа не находил...

— Миннур, не спишь? — Александр не удержался и повернулся к другу.— Не спишь, говорю?

И протянув руку, дотронулся до друга.

— Не спится, Салим,— задумчиво сказал Миннур.— Лежу, думаю...

Сказал и замолчал.

— Я тоже лежал и думал,— сказал Александр и непроизвольно взглянул в сторону, где разговаривал курай.— Слушал и думал. Не могу объяснить это... — он покрутил в воздухе рукой.— А ты о чем думал?

И, приподнявшись, снова прислушался. Почудилось, что заговорил курай. Александр вздохнул. Показалось...

— Я лежал и думал о судьбах людских, жестокости, которая встречается в нашей жизни,— задумавшись, сказал Миннур.— Да обо всем думал и о жизни — тоже...

И снова замолчал.

— Я много слушал и слушаю разной музыки, частенько бываю на концертах,— сказал Александр.— Но там исполняют профессиональные музыканты, а здесь... — он помолчал и в темноте пожал плечами.— А здесь пришел старик на берег реки, достал курай, заиграл и я словно в другой мир попал. Не поверишь, Миннур, я будто в старые времена попал, увидел людей, которые жили в те времена, узнал обычаи. И табуны видел в степи, которых сейчас не встретишь. Да много всего промелькнуло перед глазами, о чем я никогда не знал и не задумывался. Что-то в душе перевернулось, когда слушал музыку. Странно все это...

Он пожал плечами, а сам нет-нет, но прислушивался к ночным звукам, а вдруг вернется курай и тогда...

— Это была не музыка,— перебивая друга, сказал Миннур.— Это курай о жизни рассказывал. Говорил про те времена, когда этот старик, которого ты видел, был еще безусым юношей. А еще курай говорил о трагедии, что произошла в этом краю...

И снова замолчал, задумавшись.

— А что за беда произошла? — не удержался, сказал Александр.— Ты никогда об этом не говорил.

— Я знаю, что ты собираешь легенды и сказания о старине глубокой, о необычных случаях и людских судьбах,— немного помолчав, сказал Миннур.— Если бы я рассказал об этом в городе, ты бы ничего не почувствовал. Тебя нужно было сюда привезти, чтобы ты увидел и услышал то, о чем хочу рассказать. Но главное, твоя душа почувствовала, как говорит курай, о чем он рассказывает. Но мне хотелось бы рассказать еще о старике, которого ты видел. И о его любви, которую он пронес через всю свою жизнь. И той боли, что носил в себе долгие годы. Эта боль уйдет с ним, но останется память о нем, которую будут беречь для потомков и передавать из поколения в поколение.

— Расскажи, Миннур,— чуть помедлив, сказал Александр.— И правда, я еще не слышал эту историю.

Он повернулся к другу.

— Ладно, расскажу,— задумавшись, сказал Миннур.— Расскажу, но меня не перебивай.

— Хорошо, не буду...— сказал Александр и опять насторожился, прислушиваясь к ночным звукам.— Почудилось...

Он замолчал.

— Так слушай...— Миннур помолчал, собираясь с мыслями, потом стал рассказывать.— Эта история произошла в далекие времена. В нашем ауле, откуда я родом, где жили все мои предки, когда-то жил богатый бай Минихан. Деды рассказывали, что были у него несметные табуны, несчитанные стада коров, а отары такие, что никому не удавалось сосчитать поголовье. Наверное, сам бай Минихан не знал, сколько у него домашнего скота в наличии. А характер у бая был крутой и безжалостный. Что хотел, то и делал в округе. И никакой управы на него не было. Хозяином здешних мест считал себя, потому что он владел не только табунами, стадами и отарами, но и степи, леса и горы — все было его собственностью.

Богатый был. В большом каменном доме жил, а люди ютились в лачугах. И охрану подобрал под стать себе. Как стая волков они рыскали по округе, готовые растерзать любого, кто слово против бая скажет или косо посмотрит на него. Вмиг расправлялись с такими!

Очень жестоким и коварным был Минихан, а вот дочка его, Алмабика, наоборот, выросла ласковой и доброй, а красавица такая, что в округе не сыщешь. Все удивлялись, что у жестокого бая и такая ласковая дочь. Едва отец со своей волчьей охраной за ворота, как Алмабика уже бежит в аул. С одним поговорит, другому улыбнется, тому исподтишка поможет деньгами, а этому продуктами, или еще чем-нибудь... Любому помогала, если была нужда. Никому не отказывала. Доходили слухи до бая, ругал непокорную дочь, грозился наказать ее, но бесполезно. Рассмеется в ответ. Зазвенит монисто, словно колокольчики. Хлопнет дверью. И убегает из дома. По тропке взбежит на вершину скалы, что над рекой склонилась, присядет на краю, смотрит на реку, на быструю воду и синее небо, на родной аул и бескрайние степи и начинает петь. Вроде для себя поет, а голос ее звонкий уже над округой разносится. Останавливались люди, поворачивались к скале, на краю которой она сидела, и слушали ее удивительное пение, которое никого не могло оставить равнодушным.

И Гильман слушал, байский табунщик, очарованный ее голосом и пением. А потом доставал курай, с которым никогда не расставался и начинал подыгрывать Алмабике, а еще рассказывать о том, что полюбил ее, но подойти не смеет к ней. И затихала природа в эти мгновения. Табуны стояли, не шелохнувшись, словно прислушивались к печальным рассказам курая о безответной любви.

Но однажды, когда Алмабика спускалась с крутой горы, она услышала волшеб-

ный голос курая. Сердцем почувствовала, о чем поет — рассказывает он. И не удержалась, кинулась на его зов в ковыльные серебристые степи, где и повстречалась с Гильманом — красивым и храбрым юношей. Взглянули они друг на друга, и вспыхнула любовь в молодых сердцах. Жарким огнем опалило души. Но счастье молодых продлилось недолго.

Байская охрана прознала, что единственная дочь Минихана влюбилась в бедняка — табунщика. Выследили молодых, когда они миловались в бескрайней степи. Помчались к Минихану. Все рассказали ему. Осерчал бай, разгневался. Хотел было с табунщиком расправиться, но другое дело задумал, чтобы сразу двух зайцев убить. А в ту пору сватался к Алмабике старый бай, что по соседству жил. И решил Минихан, что выдаст замуж единственную дочку за старика дряхлого, а потом с Гильманом расправится.

Велел жестокий бай запереть единственную дочь в доме и приказал готовиться к сватанью. Муллу позвали, чтобы никах совершить — брак скрепить молитвой. Старый бай примчался. Радовался, что в жены отдают молодую девушку — красавицу, лучше которой в округе не найти. Гости понаехали. Сидят за пологом, расшумелись, расспорились, не могли договориться, какой магар — выкуп за невесту платить. И не услышали, как Алмабика выбралась через окно и по тропке помчалась к высоким горам, что вершинами небо задевали, а у подножья находился табун лошадей и ее милый, любимый Гильман.

Но заметили в доме, что невеста сбежала. Понял Минихан, где нужно дочку искать. Вскочил на коня, позвал верных слуг и в погоню пустились, чтобы с Гильманом расправиться за позор, что его семье принес, ославил на всю округу.

Не успели убежать влюбленные. Услышали за спиной ржание лошадиное и грозные крики. Повернулся Гильман и увидел разгневанного бая, который держал в руках острую саблю. И встал на его пути юноша смелый, чтобы спасти свою любимую.

Заметила Алмабика, как сверкнула острая сабля, и повалился Гильман в серебристый ковыль, окрашивая его кровью. Закричала она, проклиная отца, что убил ее любимого. Бросилась бежать от него. Взобралась на вершину скалы. На мгновение остановилась. Сорвала с груди хакал — женское украшение, бросила наземь. Обвела прощальным взглядом бескрайние родные степи, взглянула в синее небо, и посмотрела вниз, где лежал окровавленный Гильман, ступила на край скалы и шагнула вниз в быструю реку. И вскрикнула раненой птицей. Заметалось эхо между высоких и безжизненных скал. Исчезла Алмабика в стремительной реке. Унесла ее вода в дали дальние...

Бросился Минихан со слугами к реке, чтобы спасти дочку, но опоздали. Лишь заметили над водой белую птицу, доселе невиданную, которая заметалась над рекой, издавая печальные крики, а потом исчезла...

На следующий день опять Минихан вернулся на это место, где Гильмана зарубил, но не нашел его. Лишь кровавый след тянулся на вершину скалы и там оборвался...

А вскоре заметили жители аула, что из расщелины появился молодой зеленый росток, протягивая к солнцу тонкие ветви. И с каждым годом росло деревце, крепло и превратилось в березу — красавицу, прильнувшую к холодному и безжизненному камню...

Замолчал Миннур, задумался...

И Александр молчал, не нарушая тишины. Он ждал, когда снова Миннур станет рассказывать.

Долго лежал Миннур. О чем-то думал, а потом снова заговорил.

— Годы прошли с той поры. Минихан продал свои несметные табуны и уехал, куда глаза глядят. А куда он делся — никто не знает, но с той поры о нем не слышали. Местные жители стали понемногу стали привыкать к спокойной жизни. А однажды, в один из осенних ненастных дней увидели, как по разбитой слякотной дороге

шагал человек в потрепанной одежде. Он добрался до полуразвалившейся лачуги Гильмана. Постоял возле нее. Открыл дверь и зашел.

Сначала жители подумали, что обычный прохожий решил остановиться в лачуге Гильмана, чтобы обогреться и обсушиться, а потом дальше пойти. Но прошел день, другой и третий, а он не уходил. И тогда жители аула решили взглянуть, что за новый сосед появился у них. Зашли и глазам не поверили. Перед ними стоял Гильман. Седой, большой шрам по всему лицу и потухший взгляд. Он стоял, смотрел на всех, но не разговаривал. Ни на один вопрос не ответил. Лишь смотрел, словно хотел спросить, а где же она — моя Алмабика, почему вы не спасли ее, но все отводили взгляд, не зная, что ответить. Ни единого слова не услышали жители от него. Навсегда замолчал Гильман.

Но в тот же вечер жители аула впервые услышали, как на берегу реки печально заговорил курай, рассказывая о той беде, что здесь произошла, и красавице Алмабике, которую Гильман до сих пор так и не смог забыть. И каждый день, в одно и то же время, нарядившись, Гильман уходил к реке. Присаживался возле скалы, что над рекою склонилась. Доставал курай и тот начинал рассказывать за Гильмана о прошедшей жизни, о красоте родного края, про бескрайние серебристые степи, о скалах отвесных и быстрой реке, а еще говорил про Алмабику, любовь к которой он пронес через всю свою долгую жизнь. И каждый день приходит к березе, что в расщелине растет, чтобы вновь встретиться с молодостью своей, давно ушедшей...

Эту историю мне хотелось рассказать, Салим. Историю о любви и курае, который умеет о ней рассказывать печально и горестно.

Сказал Миннур и замолчал.

Долго лежал Александр, думая об услышанной истории, и вспоминал курай, который умел разговаривать. Растеребил, растревожил душу рассказ и курай, какой умеет передавать чувства людские и показывать яркие образы и живые...

Над рекой заклубился густой предутренний туман, закручиваясь в фигуры фантастические. Светало, когда Александр заснул. И снились ему степи бескрайние, высокие горы и быстрые реки, а еще приснилась ему Алмабика — птица белая, парящая над быстрой водой, и береза — красавица, что прильнула к холодному и безжизненному камню, а еще услышал, как вновь заговорил курай о безответной любви, которую старик пронес через долгие годы...

Алексей Яшин
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ «БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»

ТВОРИЛО МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ БИОМАССЫ. КРУГ ПЕРВЫЙ

Да, русский человек не умеет лгать, но, кажется, в такой же мере он лишен способности говорить и правду. То среднее, к чему он питает величайшую любовь и нежность, не похожа ни на правду, ни на ложь. Это — вранье.

Леонид Андреев «Всероссийское вранье»

Быть так Чуриле сам господь повелел.

Былина о красном Чуриле Опленковиче

♦Николай Андреянович, доцент кафедры ракетостроения Тулуповского университета, шел после занятий домой. Теплая середина мая ласкала двояко: комфортной погодой и уже скорым окончанием учебного года, «трудовой каторги», как порой с черным, но добродушным юмором говорил его друг, заслуженный профессор с биологического факультета Игорь Васильевич Скородумов. Пора, пора в двухмесячный летний отпуск! Сегодня у него по расписанию были две лекционные пары и коллоквиум по стартовой нестабильности углов тангажа и рысканья зенитных ракет. Устал и от — может нарочитой по причине майской юношеской одури? — бестолковости студентов и, скорее всего, по причине пенсионного возраста. Однако же майбаловень! А дома ждут свежесваренный супругой борщ и «фронтовые сто грамм» (ведь не зря всю сознательную трудовую жизнь работал в оборонпроме) перед ним. И пельмени домашней лепки: после замены социализма частнособственничеством магазинным «пельмешкам» не доверял. От предвкушения трапезы со стопкой на опустевший за трудодень желудок Николай Андреянович даже замурлыкал старинную разбойничью: «Там залесью, там залесью, там разбойнички шалят. Нет-нет, не пойду, лучше дома посижу».

Хотя и недавно он перешел в ранг преподавателя, до этого три десятка лет «протрубив» конструктором на ракетно-пушечном предприятии «Меткость», но уже, раскладывая с дотошностью опытного инженера все по полочкам, начал понимать сущность характера и поведения нынешнего студенчества. То, что они все сплошняком врут по поводу и без повода, что есть искусство для искусства, особо его не заботило. Но ухо с ними всегда востро надо держать, даже опасаться порой. Вот сегодняшний пример: рассказывает он на коллоквиуме про начальную стартовую нестабильность ракеты, чуть призадумался, подыскивая нужную формулировку, а один из группы, нетерпеливый, невежливо перебил, заторопил преподавателя: «А что потом?» — «А потом суп с котом!» — непедагогично осерчал на невежу Николай Андреянович. Студенты хмыкнули, но староста группы Шелудякин, сын полицейского подполковника, сам по характеру службист, совершенно серьезным голосом и глядя прямо в

глаза шутнику доценту огорошил: «Про котов в супе, Николай Андреянович, сейчас как-то неполиткорректно упоминать. Средства массовой информации постоянно говорят о защите животных... а здесь — кота в суп?» — Шелудякин с сомнением покачал головой. Остальные явно про себя захихикали, отворачивая глаза от невольно сконфузившегося преподавателя пенсионного возраста.

Перейдя через проспект, хотя и на переходе, четко на загоревшийся зеленый, но опасаясь разошедшихся по весне мотоциклетчиков в полном боевом снаряжении, на дорогущих «байках» по-ихнему, Николай Андреянович прикидывал дальше: это уже пятый курс, через год* закончат. Кто-то пойдет по специальности в несколько оживившуюся военную промышленность. Но остальные? Здесь мысль его переключилась на Виталия, соседа по подъезду со второго этажа. Он хотя не их военно-технический факультет в прошлом году окончил, а что-то технологическое, вроде как по металлообработке, но пошел работать куда-то в торговлю. И язык у этих Виталиков, студентов ли, уже окончивших университет, работающих по специальности или в торговлишке... словом, у всех и язык птичий, все сплошь всякие онлайн-акции и флэшмобы. Мало похоже на нормальный русский язык. Да-а, как, правда по другому случаю, говорит Игорь Васильевич: напевный ямб и резонер-хорей нельзя в одну строфу запрячь. Иногда, особенно после второй неподдельного грузинского коньяка, Васильич и на белый стих склоняется...

И выражение глаз у этих Виталиков своеобычное, в смысле одинаковое, но отличное чем-то неуловимым. Чем? — Здесь Николай Андреянович по сложной, в обратную сторону развертываемой, ассоциации вспомнил недавний заход в букинистический магазин. Как страстный книгочей, он редкую неделю не заходил туда. Уже с четверть века, входя в магазин, обычно без посетителей, он старался не смотреть влево от входной двери, где почти в треть площади просторного помещения «Буккниги» прямо на полу и впритык стоят высокие столбцы книг, перевязанные бечевками: собрания сочинений русской и зарубежной классики. А в этот раз боковым зрением все же отметил очень уж высокую стопку книг зеленоватого цвета. Тотчас узнал почти тридцатитомное собрание Чарльза Диккенса, которое он от первого до последнего тома перечитал в школьные годы, беря их домой по нумерации в библиотеке родного своего города в Заполярье — вотчины Северного флота. Сокрушенно покачал головой. Давно знакомая ему продавщица, очень образованная, тотчас отметила этот жест и взгляд на книги Диккенса постоянного посетителя: «Что поделаешь, Николай Андреянович, не читает теперь народ ничего, тем более Диккенса с его выраженной социальной сатирой».— «Да, да, Евгения Григорьевна, социальная сатира сейчас даже и с эстрады ушла вместе с ее последним могиканином Мишей Задорновым».

Развивая ассоциацию, подсознание повело мысль Николая Андреяновича от скорбного видения книг Диккенса на полу «Буккниги» к их содержанию и далее к великолепным рисункам в томах, принадлежащих знаменитому художнику-иллюстратору. Кому? — Может Фаворскому или Пастернаку — отцу поэта... нет, в отроческие годы кроме содержания книг всякие «тонкости» не замечаются, следовательно, не запоминаются. Итак, иллюстрации к Диккенсу. Почему они в цепи обратных ассоциаций всплыли в голове, остановив эту самую цепь? — Конечно же выражение глаз на этих рисунках у «детей подземелья», как их назвал другой классик. Все эти бездомные, воришки, голодные, отбросы английского общества эпохи жесточайшего «первоначального накопления». И как верно, правдиво переданы этим замечательным художником-иллюстратором вся цепкая настороженность этих взглядов, голод даже не желудка, а душевной безысходности, абсолютная недоверчивость ко всему окружающему, озлобленность. Словом, все чувствования неустроенного в

* По прежней, советской традиции на военно-технических специальностях гражданских вузов срок обучения составляет шесть лет.— Прим. авт.

жизни взрослого человека, перенесенные на детские глаза. Бр-р-р! Николай Андреянович даже зябко — в ранневечернем ласковом-то мае! — передернул плечами, живо вспомнив выражение глаз диккенсовских мальчишек. И что-то очень схожее с ними в глазах современных Виталиков... Не ошибся ли он? Ведь почти полвека прошло со времен отроческого чтения. И зря он грешит на современную молодежь? Увы, он прекрасно знал свою недурственную зрительную память...

♦Но в дополнении к выражениям глаз детей и подростков на иллюстрациях к романам Диккенса, как тотчас поправился Николай Андреянович, во взглядах его студентов — студентки не в счет, у них инкубаторская косметическая бессмысленность — не то что добавляется, но даже преобладает этакая веселая наглость. Почему-то друг его профессор Скородумов, явно тоже по сложной цепи ассоциаций, именовал это качества «стрептококковой наглинкой». При этом все они имеют привычку при разговоре немигаючи смотреть прямо в глаза, что, как пояснил ему Игорь Васильевич со ссылкой на авторитетов дисциплины психологии поведения, означает вранье. Ну-у, для студиозуса хоть в мелочи не обмануть препода, соврав ему, значит напрасно прожить день. Не говоря уже о большем их числе. Но вот такое же сочетание «стрептококковой наглинки» в глазах с немигающим прямым взглядом патологического вруна характерно не только для студентов, но и вообще всех Виталек!

...Если бы его сосед со второго этажа Виталик (уже в единственном числе) знал, какие у него многозначительные глаза, сколько своего ценного времени, хотя бы и весьма скупо оплачиваемого должностными окладами содержания, потратили солидный доцент и целиковый профессор на их аналитическое изучение с привлечением собрания сочинений Диккенса и науки психологии в ее социальных и поведенческих разделах, он бы возгордился. И повежливее здоровался бы с доцентом Николаем Андреяновичем с четвертого этажа при случайных встречах в подъезде и в ближней к нему части двора. За их пределами, как сейчас принято, оба полагали излишним демонстрировать свое, хотя бы шапочно-соседское, знакомство. По разным причинам: доцент в целях воспитательных, младший должен приветствовать первым, а Виталику пофигу все эти соседи. Опять он таил хоть невеликую, но обиду на много о себе мнящего доцента. Дело было год назад, когда он окончил универ и с испытательным сроком и прохождением краткосрочных курсов поступил на работу в крупный автосалон по продаже «тойот» — от российского представительства этой японской фирмы.

На занятии курсов по теме психологии общения с покупателями преподаватель задал «на дом» задачку: «В сети магазинов «Пятерочка» по акции продаются сосиски с ценой 89,99 рублей за килограмм. В то же время уже несколько лет, как монеты номиналом в одну и пять копеек в обороте не участвуют. Как должен поступить продавец, чтобы выполнить требование дотошного покупателя и дать ему полную сдачу?»

...Перед ужином Николай Андреянович исполнял свою супружескую обязанность — выносил суточный мусор на помойку. Возвращаясь с опорожненным ведром, у подъездной двери он плечо-о-плечо встретился с Виталиком, тоже возвращавшимся домой с курсов, обдумывая каверзное домашнее задание. Поскольку он уже успел с новым знакомцем, с тех же курсов, с часок посидеть в спортбаре «Советский спорт» и подзаправиться пивком, то, слегка потеряв настороженную бдительность, поздоровался с доцентом, даже прореагировал на его словоохотливое «погоды-то какие стоят, а?» Слово за словом, вроде как в шутку рассказал об акционных сосисках и что должен сделать продавец? Николай же Андреянович рассмеялся: «Чего проще-то, предложить купить сосиски впрок, сразу десять кило. Получится 899 рублей 90 копеек, то есть сдача гривенник, они еще пока в ходу. А сосиски не испортятся, поскольку за такую цену их варганят из чистой сои с мясным ароматизатором». Эту оригинальную версию Виталик и сообщил преподавателю на следующем занятии, за что получил незачет. Оказывается, кассиру следовало скостить девять

копеек «за счет заведения», а потерявшему от такой благожелательности бдительность покупателю соевых сосисок предложить купить какую-нибудь мелочевку, что всегда имеется под рукой у кассирши. Отсюда и затаилась обида на соседа с четвертого этажа. Прослушав же курсы и сдав общий зачет, получил Виталик должность младшего менеджера торгового зала.

♦Виталий из сугубой рабочей семьи, но родители хотели видеть сына образованным, то есть по-нынешнему «с дипломом». Понятно, что о платной учебе вопрос даже не ставился, а нерадующие своим числом егешные баллы не позволяли Виталию надеяться на бюджетное место более или менее престижных технических специальностей навроде компьютерных. С трудом прошел на совсем уж убогое станкостроение, где доживающие свой педагогический век советской еще формации профессора и доценты уныло бормотали свои лекции, понимая, что занимаются выливанием из пустого в порожнее. В загранку выпускникам такой специальности ходу нет; там свои, прославленные уже веками, инженерные школы по металлообработке. В нашем же отечестве станкостроение сведено к нулю, напрочь задавленное импортом, да станки не особо и затребованы, особенно по металлу. Для несколько же оживившегося оборонпрома они закупаются с Тайваня, специализированные в Германии и Швейцарии. Потому престарелые профессора, имена которых когда-то гремели, а сами они, создатели научных школ, по табельным дням украшали лацканы своих пиджаков лауреатскими знаками, орденами и медалями, и читали свои лекции с предельной скукой, вовсе не обновляя их содержание уже три десятка лет: зачем бисер метать попусту? Все одно неаккуратно слушающие — пролетом из одного уха в другое — их студиозусы строем пойдут в торговлю и около нее, через полгода даже забыв напрочь название проставленной в их дипломах специальности. Что Виталий — он уже избегал школьно-студенческого Виталика — в точности и исполнил.

Последнее, на что потратились родители — оплатили курсы и справили дресс-кодовый костюм. С ботинками, рубашкой и галстуком. Платные же курсы менеджеров, на которые принимали только с дипломами... впрочем, любыми, в городе организованы были вскладчину несколькими автосалонами. Конкуренция конкуренцией, но кадры-то надо себе готовить с минимальными затратами. И собственно автосалон, куда пришел трудиться Виталий, хотя и полагался при открытии специализированным по «тойотам», но теперь уже ничем не брезговал и по маркам и по состоянию машин: те же «тойоты», другие японские, китайские, европейские, как оригиналы, так и в большинстве отечественной отверточной сборки. Опять же новые, с конвейера, соседствовали с подержанными: купленными салоном задешево или взятыми на комиссию. Возможно имелись и криминальные «хвосты», но еще на курсах недекларативно, обиняком, но вполне конкретно им объяснили: обо всем, их не касающемся, не задумываться; цель и задачи работы менеджера — продать автомобиль, благо и оплата аккордная, от проданного напрямую зависящая.

Костюм родители справили Виталию вполне приличный, под деловой стиль — удачно на распродаже купили. Дома имелась доставшаяся от бабки настольная подольская швейная машинка, поэтому мать подправила «по фигуре» обшлага пиджака и низки брюк. Еще на собеседовании кадровичка порекомендовала («менеджер должен при разговоре с покупателем как можно чаще улыбаться») Виталию привести в порядок зубы, с которыми ему несколько не везло. Пришлось погрустневшим родителям и здесь в расходы войти: пару месяцев Виталий после занятий на курсах ходил в стоматологическую лечебницу: вроде как областную государственную, но умеренно платную. «Ишь времена пошли! — хмурился отец,— на работу принимают, как цыган лошадь покупает, в зубы смотрят первым делом».

Та же кадровичка по части растительности на голове и некоторым другим моментам проинструктировала: «Хотя уже третий год в молодежной и среднестаршей моде прическа с выстриженными висками и ношение бородок на кадыках, но выбри-

тых на щеках*, но у нас принят деловой стиль: прическа — классический косой пробор, а бороды и усы исключаются. Также не рекомендуются значки на лацканах, исключая георгиевские ленточки в майские праздники. Спину держать прямо, руками при разговоре с покупателем не жестикулировать, мобильником в рабочее время пользоваться запрещено. Если что срочное — звонить вне торгового зала и не долее полуминуты. Иначе штраф».

«Как козел на привязи»,— все бурчал отец, поэтому Виталий скоро перестал дома касаться всяческих деталей, связанных с работой.

♦В ранние детские годы Виталий (тогда еще и не Виталик, а Витюша) немного заикался, даже два года водили его в логопедический садик — с величайшим трудом мать добилась, обивая пороги райобразовского и райздравовского учреждений. Два десятка лет назад по части детства еще сохранялись отголоски советизма, поэтому и удалось. В школу он пошел уже без заикания. Нет худа без добра, так и у Виталия перенесенное и выправленное заикание придало его голосу, особенно после отроческой ломки, этакую протяженную бархатистость, а в речевых перепадах и законченных фразах, опять же как следствие занятий с логопедом-психологом (еще советского образования), закрепилась выравненность с четким выделением логических ударений. Пенсионные доценты в годы студенчества Виталия говорили про него одобряя, дескать, если к такому своеобразному голосу да было бы у него в голове не пусто, какой бы доцент, нет, даже профессор из него вышел! Всю аудиторию держал бы в руках, как своих кумиров «тяжелых металлистов» слушали! Хотя и сказал Лейбниц, что природа не терпит пустоты, но и совершенной, сочетанной полноты не допускает...

Собственно за голос его и взяли в автосалон, куда он ткнулся наудачу, безо всяких рекомендаций и поддержки, мало надеясь на успех. Но за тридцать лет частнособственничества худо-бедно переняли от западников-восточников навыки торговли в обществе потребления и подбора кадров. А на курсах ему сказали, что голос у него уже природою (про заикание он разумно промолчал) поставлен, поэтому сразу определили на занятия по развитию и обретению навыков деловой речи, «занятие по болтологии», как их обучающиеся именовали в своем кругу. Преподаватель с тихой гордостью, даже изобразив легкое смущение, сообщил, что обучаться этим навыкам они первыми станут по лично им разработанной методике. И вот во все время курсов Виталий дома, после ужина и короткого отдыха на своем диване, по полтора-два часа, открыв обучающий сайт преподавателя-новатора, без перерыва, только позволяя порой глоток-другой остывшего чая, своим бархатисто поставленным природой и логопедом голосом, негромко, но явно не сбиваясь на торопушки, читал с экрана раз от раза слегка варьируемый текст, содержание которого заключалось во всестороннем убеждении потенциального покупателя приобрести автомобиль такой-то марки и в таком-то состоянии. Преподаватель дал четкое указание: проводить читку перед сном. По молодости сны Виталию виделись редко, но теперь, просыпаясь по звонку будильника (на смартфоне), он мигом вспоминал, как обычно вспоминают увиденное во сне, компьютерный текст, причем полтора-два часа укладывались в мимолетное мгновение. Уже через неделю упражнений Виталий мог, не задумываясь, как женщина, у которой — такое создается впечатление — язык вроде как отдельно от мозга работает, в любой момент, даже разбуди его среди ночи, воспроизвести в голосе все варианты компьютерного текста.

Приняв недельный зачет, преподаватель указывал на другой файл с иной текстовкой, но все вертящейся вокруг продажи автомобилей. И так все время курсов. А отец все хмыкал, особенно приняв стопку-другую за ужином, слыша даже из-за плотно прикрытой Виталием двери в свою комнату один и тот же текст: «Слышь, Николаевна, вот

* То есть по нынешней европейской моде: прическа под хохлацкий оселедец, а борода на кадыке под игиловских бойцов. Те и другие в Европе полагаются «революционным элементом». Это как в 60—70-е годы бунтующая молодежь Запада носила растительность и береты под Че Гевару.— Прим. авт.

у нас в квартире и попка-попугай свой завелся!» «Что ж поделаешь,— отвечала мать,— такая работа. Ты ведь тоже у себя на фабрике с утра до вечера одну и ту же тару затариваешь. А вот Виталий университет, не хуже других, закончил, работу чистую нашел, может и в люди выйдет. Выпей-ка еще стопку и не критиканствуй».

...Уже полгода работает Виталий младшим менеджером. Нареканий от начальства не имеет, а если замечание кто сделает, то извинится и обязательно поблагодарит за науку. Курсы, конечно, многое дали, но опыт самостоятельной работы все отшлифовывает. Поначалу не давалось ему сходу классифицировать покупателя. Не все они далеко укладывались в заученную схему. По теории выходило, что мужчин в роли покупателей укрупненно можно отнести к одному из трех типов: деловые люди, новички, приобретающие первый свой автомобиль, и откровенные лохи. Соответственно для каждого типа полагалось «включать» затверженную до автоматизма стандартную убеждающую речь из числа составленных преподавателем-новатором. Но уже через месяц работы Виталий в рамках каждого базового типа стал выделять определенные вариативные разновидности (всей этой терминологии тоже на курсах обучили). Например, к какому типу отнести хотя и редких в их провинции, но все же имеющихся юных мажоров, парней и девиц, которым только-только стукнуло по восемнадцать? А прохиндеев, явно занимающихся перепродажей б/у машин? Даже обнаружил, что есть категория шпионов от конкурентных автосалонов: ходят как на свою работу, приценяются, прислушиваются, зоркими глазами во все стороны постреливают. Пару раз на таких указал старшему в смене охранников. Получил устную похвалу от старшего менеджера, а в ближайший расчет и небольшую, поощрительную премию.

Проще, конечно, с женщинами. Бабье все однотипно, все жадные лохушки по натуре, зато хорошо «клюют на конфетку». Много чего им можно было бы сбагрить, но они поодиночке не приходят, обычно с мужиками: мужьями или папиками. Жаль.

♦Родителям под полтинник, застали совковое воспитание, но в сознательную, трудовую жизнь уже в девяностые годы вступили. Поэтому, как понимал Виталий, все у них серединка на половинку: что-то в голове от старья, но современной жизни вполне соответствуют. Потом работяги... Отец на бывшей... впрочем и нынешней, только под хозяином, мебельной фабрике тару подгоняет и собирает. Мать в свое время шестимесячные бухгалтерские курсы закончила, но уже с десяток лет в хлебопекарне работает, печет французские булки для сети квартальных магазинов «*Печь КА*». Но вот этот-то советский зачин в родителях отчасти и навредил Виталию в начале его трудовой деятельности. Речь идет о пережитке пресловутой честности. Привыкши с малолетства слышать от матери — отец уклончиво помалкивал,— что врать нехорошо, он в школе, даже в универе порой, попадал впросак со своей честностью. Впрочем, уже на первом курсе сообразил, что соврать преподавателю — это просто следовать многовековой традиции, как игра навроде казаков-разбойников. Но уже на курсах ему стало ясно, что вранье, или «целесообразная интерпретация фактов в зависимости от конъюнктуры», как политкорректно определял это качество преподаватель, есть норма современной жизни, а в бизнесе и вовсе преобладающая. Тот же моложавый и щеголеватый Эдуард Маркович развивал этот важный в деловой психологии вопрос: «Со стороны прежней тоталитарной морали, якобы базировавшейся на христианских нормах, кажется, что такая интерпретация есть собственно вранье без удержу. Но время расширенно понимаемой христианской морали, нравственности давно прошло; еще в период буржуазных революций в Европе и особенно после Гражданской войны в Северо-Американских Соединенных Штатах* она трансформировалась в практический утилитаризм, в котором архаичное противостояние и взаимоисключение категорий добра и зла заменено императивом пользы, которую, так сказать, сверху ограничивает «добро», а снизу зачастую стимулирует «зло». Так что, уважае-

* Сокращенно САСШ — так до конца первой трети XX века официально назывались США.— Прим. авт.

мые молодые бизнесмены, пресловутое вранье без удержу — это архаизм, атавизм, артефакт давно — у нас, к сожалению, недавно — прошедших времен. Сейчас, когда в поведении людей почти ничего нет личного, только бизнес, нет и так называемого вранья. Только целесообразная интерпретация, господа! Так сказать, управляющий ныне уже всем миром Его Величество *Bussines* (преподаватель произнес это слово с английским прононсом) отменяет старую мораль и разрешает вам интерпретировать все факты, исходя из максимума процента прибыли и, так сказать, индекса Доу Джонса!»

...Тянулись в вязкости бездумья месяцы, потом и годы пошли. Уже Виталий значился в списке кандидатов на должность старшего менеджера. Вроде и личная жизнь начала складываться: спортбар «Советский спорт», девки «по взаимному соглашению» после корпоративов — все это подтягивалось к устойчивому положению. Как только займет вожделенную должность, тотчас квартиру, пока скромную, в ипотеку, а корпоративных девок уже сейчас заместила бывшая однокашница Аллочка, тоже менеджер торгового зала в мебельном супермаркете. И никакой тупости разочарования. В чем это ему разочаровываться? Как мать иногда бабкину присказку к случаю приводит: «Так сам бог велел чурилой быть». Виталий мимо ушей все эти старорежимности пропускает. Чурила так чурила, хоть горшком назови, только зарплату на карточку исправно переводи. Можно и серым налом — пенсионные года все одно имеют тенденцию к возрастанию...

Мать и отец даже в мелочах перестали укорять Виталия. Сами умнеют год от года по стремительной нынешней жизни. И только в зимнее полнолунье, проснувшись по звонку таймера смартфона и увидев в непроглядной черноте окна холодно и яростно серебрящую луну, непонятно почему чувствовал Виталий что-то похожее на старорежимные укоры совести, тоску по чему-то несбывшемуся. Но здесь же отгонял от себя прочь. «А чем я хуже удачливого коммерса, чиновника средней руки, золотопогонника различных ведомств и так далее? Ведь все мы сейчас и во всем подлунном мире шавки и шестерки глобализма, как по телеящику говорит иной нарочито привлекаемый на экран, вроде как пары выпустить, престарелый болтун-профессор, играющий (а на телевидении все актеры) в оппозиционера. Хм-м, и кому он оппозиционирует? Такому же актеру «по другу сторону барьера», с которым в одной ведомости на оплату в бухгалтерии студии расписывается, а потом дружески проводят вечерок в ресторанчике среднего разряда. Нет, брат Виталик, срочно бери ипотеку и Аллочку под бок, чтобы зимним полнолунным утром не задумывался о всяких благоглупостях. Пора!»

«Ты любишь конфеты и секс до утра...» — песенный рефрен современного общества потребления, построить которое — цель жизни наших реформаторов. Но всякой цели сопутствуют реализующие ее задачи. Одной из этих задач является превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американо-европейского образца (там не все уроды, есть еще национальные и сексуальные меньшинства). Удел такого скороспелого урода — служить приказчиком в оптовке более удачливого сверстника или заворачивать гамбургеры в палатке на блошином рынке. Не его это вина — за убогость мышления, скуку пребывания в земной юдоли, апатию в жизни. У нас страна православная, католического чистилища, где можно откупиться деньгами, нет, поэтому народ, глухо ворча, все же еще сопротивляется, но больше в душе, молоху глобализма.

ТОШНОТА, ИЛИ БЕЗГРАДУСНОЕ ПИВО С ЛИМОННЫМ СОКОМ

Безбытовой и беспочвенный по началу жизни писатель узнается по нежизненности его творчества. У него нет «родных родников». Незнание страны и живущих по необъятным ее просторам людей не проходит даром.

А. Н. Лесков «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям»

Ах, две души живут в больной груди моей, друг другу чуждые — и жаждут разделенья.

И. В. Гёте «Фауст»

♦Гриша Неуспокоев уже четыре года работал («служил»,— как он сам резонно поправлял в разговорах), окончив исторический факультет местного педуниверситета, в областном архиве. Опять же, по воспитанной в нем дедом Алексеем Никифоровичем, отставным полковником «из органов», четкости формулировок и определений, пояснял своим бывшим одноклассникам и однокашникам, что не видел с момента окончания школы и университета, соответственно, что *служит* он кем-то вроде научного сотрудника, «заведует» первой половиной девятнадцатого века. А почувствовав интерес к одной слабоизученной теме (какой — опять же по воспитанной в нем дедом-чекистом осторожности умалчивал) в истории их города и губернии того полувека, «для души» неспешно «пописывает диссертацию». «Только в наше торгово-чиновное время почитывать такие вещи некому»,— с невольной горечью в голосе добавлял он. Но чтобы давние знакомцы, особенно из числа слегка преуспевших в современной жизни, не изображали на своих лицах снисходительную жалость к таковому чудачеству, Гриша возвращался к чуть ранее сделанной им поправке насчет не работы, а службы: «Если бы ты, брат Петр, ныне владелец если не газет и пароходов, но квартального продуктового магазинчика, в отроческо-юношеские годы хотя бы пару-тройку книг русской классики прочел, то знал, что в дореволюционной России все высшие учебные заведения и наиболее значимые театры являлись государственными, императорскими по тогдашней мове. Потому все профессора и актеры таких учреждений полагались госслужащими. Профессора и вовсе имели чин действительного статского советника, то есть статского генерал-майора. И все остальные преподаватели, в отличие от нынешних преподов, также имели чины согласно табели о рангах и лекции читали в вицмундирах. А чиновник, то есть служащий, никак не работает, но — служит! Так и было в обиходе: профессор *N*. служит в Московском университете, а актриса *М*. служит в Александринке... Это сохранилось и в советские времена — где-то до конца пятидесятых годов. Тем более, что Иосиф Виссарионович в войну большинство профессоров, особенно медиков и оружейников, одел в кители с генеральскими погонами — восстановил прежнее *status quo*!»

...Если бывшие однокашники встречались неподалеку от какой-нибудь ностальгической рюмочной или кафешки, той же «Наливайки» в политеховском студгородке, и заходили туда, то Гриша делал паузу на «выпить — закусить», а затем продолжал пояснение: «Но вот в шестидесятые годы, как говорит мой дед, много, почти все знающий по жизни, появилось некоторое пренебрежение к слову «служба». Даже офицеры в своих беседах, спросив «а где сейчас служишь?» тут же извинялись за оговорку ... «то есть где работаешь? Это ведь только собачки служат!» Дед же Алексей Никифорович объяснял такую «недотыкомку» либерализмом «хрущевской оттепели». И профессора с артистами застыдились, чтобы от веяний не отставать, славно-

го слова «служба». И заметь, среднеклассный мой друг Петро, опять же со слов деда: если в советское время печатно и изустно слово «труд» преобладало над «работой», то сейчас, сам наверное отметил, все только *работают*! И это вышло непроизвольно, но по сути верно: работают рабы, а трудятся люди с элементами творческого отношения к своим занятиям, даже если человек за станком стоит. Сейчас, получается, все рабы, а творчества в обществе потребления по определению не должно быть. Я вот твердо решил: только трудиться! А раз отношусь к категории служащих, то значит и служу, а не работаю...»

Закончив слегка утомившее конкретно-делового среднеклассника Петра подробное пояснение, совершенно ему неинтересное, Гриша предлагал выпить по второй в память веселых студенческих лет и проказ. Затем переходил к теме нейтральной, то есть кто с кем и как давно из их однокашников. И даже если случайная встреча давешних студенческих «шалунов» переходила в том же ностальгическом заведении «Наливай-ка!» в достаточно солидный градус откровенности, даже с редкостными и опасливыми в наше время административного апофеоза анекдотами про «руководителей партии и правительства», все одно Гриша не возвращался к теме пописываемой им диссертации. И собственно бдительность — по деду Алексею Никифоровичу — здесь особо ни причем. Просто владельцу крохотного магазинчика, где по малой его площади даже не разрешалось водяру и сигареты продавать, все это глубоко неинтересно. Потом, работая над диссером не по какой нужде и обязанности, а сугубо по своей охоте, Гриша полагал это сугубо личным делом... как любящая своего малыша мать, способная по бабскому своему естеству по пять часов без пауз болтать с товаркой о чем угодно, тем не менее ни полслова не скажет о своем чаде в той части, где полагает возможность чужого сглаза.

А заинтересовавшая архивариуса Гришу тема относилась к специфике истории литературной жизни их промышленного города в первой половине позапрошлого века, особенно периода окончания царствования «властителя слабого и лукавого, плешивого щеголя, врага труда», говоря словами Пушкина из наметок к продолжению «Евгения Онегина», и далее, через декабристский бунт, до окончания первых десяти-пятнадцати лет самодержавия Николая Первого. Не только в практической жизни, но и в исторических параллелях архиграмотный дед Алексей Никифорович, единственный, с кем Гриша делился своими диссертационными докуками, как-то съязвил по части Николая Павловича: «Хм-м, история, Гриша, как тебе хорошо известно, идет по кругу. Обычно — порочному. Если в царской России интеллигенция, особенно разночинская, его иначе как Николаем Палкиным заглаза не именовала, а в советское время тож и печатно, то несколько лет назад в последнем, еще не закрывшемся тогда, книжном магазине города, увидел книгу, кстати, известного еще с прежних времен, писателя, чуть ли не в горьковской серии *ЖЗЛ* изданную, о Николае Первом — с названием «Рыцарь самодержавия»! Ни много, ни мало. Если так дело дальше пойдет, глядишь, как и его правнука с тем же именем, в святые переквалифицируют... А потом в обратную сторону пойдет, вот круг и замкнется. Так-то, Григорий Батькович!»

...В чем же состояла эта специфика глухой провинциальной литературной жизни столь причудливо отграниченного исторического времени — этого Гриша пока еще не сумел четко сформулировать (еще одна причина «неразглашения»), но чутье и все более нарастающий объем изучаемых им архивных материалов — вроде по служебному делу, но и с пользой для себя — подсказывали: он напал на *тему*! Даже загадал про себя, вроде как шутейно, но с намерением точно это исполнить: как только тема будет сформулирована в четкой логике, так сразу женится на своей подруге с редкостным сейчас именем Тамара. Благо, как человек воспитанно порядочный, понимал: с этим затягивать не следует; уже два года они в отношениях, все испытательные сроки благополучно пройдены, взаимные чувства искренны. И хотя Томик моложе

его на тройку лет, но и без намеков, которые она, впрочем, не позволяет себе, понятно: замуж приличествует выходить до двадцати пяти, которые не замедлят явиться.

♦А почему историку по образованию и роду деятельности так импонирует литература? Хотя бы в том же историческом плане. Потому, что Григорий Неуспокоев безо всякого излишнего самомнения, но и не страдая притворно-ложной скромностью, полагал своим жизненным кредо писательский труд. Причем профессиональный — не в смысле, конечно, оплаты за него, что осталось далеко в прошедших временах, но в литературном качестве и добротности выходящего из-под его пера... в смысле набора на ноутбуке. Нет, не самомнение, но убежденность. Редкое ныне качество, конечно, если речь не идет о частнособственности, безудержном накопительстве или чиновной карьере... что, впрочем, то же самое, как средство достижения алчной цели. И убежденность эта, как собственно качество, суть генофенотипическое наследство от деда и его пращуров, ибо в чекисты старого закала люди без такой наследственности не выходили. Понятно дело, размышлял Гриша, речь здесь идет не о пресловутой «идейно-партийной убежденности» или всяких хрестоматийных горячих сердцах, чистых руках и холодных головах, но об убежденности, как доминирующей черте характера, которую можно определить следующей: не иезуитское оправдание средств целью, но целеполагание доступными средствами. ...По своей молодости, еще не выбравшей разгона первых трех десятков лет, Гриша не приучился к логически выверенным формулировкам — преобладало чувство, которое редко обманывает.

Но ведь не только убежденность, как черта характера, есть выкристаллизованное наследство предков? А склонность к изящной словесности, выражаясь стародавним языком из читанных им во множестве томов русской классики, тем более должна иметь генетическую наследственность... пусть не так довлеющую, достаточно даже чего-то навроде генетического «намека»... Как всегда в таких «тонких материях», намек отыскал дед Алексей Никифорович: «Ты, Григорий Батькович, раз в архивариусах подвизаешься, так отыщи в разделах нашего губернского земства с конца девятнадцатого века и до революции такого Неуспокоева Ефрема Аристарховича. Это мой дед, стало быть, и твой прапрадед. Я в сознательном возрасте его не застал; революции и Гражданская войны с последующим бардаком, навроде наших «лихих девяностых», долголетию не способствуют. Но от отца своего Никифора Ефремовича знаю, что тот в земстве по части статистики служил. Из дьячковых детей, в семинарии учился, но бросил и окончил Землеустроительный институт. Поздний разночинец, словом. Как человек образованный и не без мыслей в голове, в свободное от службы время писал заметки и очерки по земским делам, что печатал, вообще-то, как отец говорил, в серьезных питерских и московских журналах и газетах. Ты посмотри, поищи в своем архиве, наверняка найдешь эти издания, почитаешь!»

Гриша, заинтересовавшись, провел розыск: нашел и статистические отчеты губернского земства, подписанные прапрадедом, и занятные публикации Ефрема Аристарховича в столичных «Русской мысли», «Петербургской газете», «Биржевых ведомостях», «Северном вестнике», «Новом времени», даже в солиднейших «Историческом вестнике», «Отечественных записках» и «Вестнике Европы». Нд-а-а, не так-то прост был скромный губернский земский статистик из «поздних разночинцев». Вот и генетический хвостик нарисовался! Коль скоро всякая неординарность характера передается через поколение, то таковой же должен обладать и дед Алексей Никифорович? На прямой вопрос внука тот ответил по-чекистски двусмысленно в том роде, что первую половину своей служебной деятельности был он в «оперативной специфике», где свободного времени для вольнолюбивого сочинительства не предусмотрено. Но когда с чинами и возрастом пришла остепененность кабинетной кадровой службы, то почувствовал «этакую эпистолярную склонность к сочинению чисто деловых бумаг, ха-ха, как-то раз наш генерал, что командовал тогда «Кленовым пе-

реулком», прочитав мой аналитический отчет по... ну это не важно, с искренним одобрением сказал, что ты, Алексей Никифорович, усердной службой поприжал в себе явные способности сочинителя». Вот теперь в голове Гриши все стало на свои места: природа в их роду по мужской линии соблюла-таки чрезпоколенное правило интереса к словесному самовыражению. А раз так, то сам бог, или Дарвин с Ламарком, велели ему, Грише Неуспокоеву, продолжить наследственную традицию. Миновав вроде как обязательный раннеюношеский стихотворный угар, в смысле не поддавшись ему вовсе, даже в мыслях, уже в последних двух старших классах он начал обращать на себя внимание учителей по гуманитарным предметам. Осторожно, но намекали на некоторую его будущность. Правда, та же литераторша Евгения Наумовна, первая в нем что-то приметившая еще несколько пораньше по его урочным и домашним сочинениям, пару раз ненавязчиво, как очень опытная учительница, растолковывала ему, что сейчас если уж не совсем последние, то граничные к ним времена умаления и вообще «обнуления» роли художественной литературы в жизни человечества пришли. Тогда еще слово «глобализация» не было на слуху, поэтому Евгения Наумовна изъяснялась в несколько иной терминологии, но, как сейчас осознавал Гриша, в совершенно верном, провидческом ключе.

♦«Литература в ее веками и даже тысячелетиями выработанном понятии,— неторопливо и выверено в словах говорила ему почти десять лет назад Евгения Наумовна,— возникла, развивалась и стала одним из важнейших общественных явлений именно как художественное отображение познаваемого мира. Ты понимаешь, Гриша, о чем я говорю? Хорошо, продолжу по сути. Помнишь, как я вам на уроках объясняла: при всей образности литературных произведений в них все строится на четкой логике, так сказать, теза и антитеза, то есть противопоставление. Значит, в классовом обществе это противостояние классов. Отсюда и метод критического реализма в великой русской литературе девятнадцатого и начала двадцатого веков. В советской стране классов не было, поэтому в методе социалистического реализма противопоставлялись новое сознание и еще сохранившийся атавизм частнособственничества. ...За эти слова, скажу тебе, Гриша, как молодому умному человеку, не раз в учительской в мою сторону кривились, мол, совково все еще мыслите, уважаемая Евгения Наумовна! Так бы спровадили на пенсию, но... национальность спасла. Поопасались пожилую, хотя и советскую по духу, еврейку трогать. Вот так-то, Гриша, порой бывает. Ладно — к литературе вернемся. Да и осталось немного сказать. Сейчас мир становится единым, в основном, олигархически единым. Как говорят в американских фильмах, впрочем, в наших телесериалах тоже, «ничего личного, только бизнес». Главное, что в такой всемирной олигархии со временем, а оно уже на дворе стоит! понятие государственной обособленности исчезнет. Также во всепланетной олигархократии не будет и классов. Понятно, не по советскому образу и подобию, скорее наоборот. Сформируется потребительская пирамида, а это не то что не классы, но непрерывная, размытая взаимосвязь между уровнями такой пирамиды. А раз так, то размываются и понятия тезы и антитезы, что означает ликвидацию базы литературы и, главное, ее невостребованность. Но ты не скорби заранее, еще застанешь некоторое подобие литературного процесса, увы, завершающего. Хочешь — запомни мои слова, а нет, так и выброси из головы... все равно, сам со временем к таковому же мнению придешь».

С цепкой юношеской памятью Гриша не то что запомнил дословно, но в последующие десять без малого лет убеждался в их по времени развертывающейся, все ускоряющейся, справедливости.

Итак, проскочив мимо юношеских стихов с их «розами-морозами», сочинять Гриша начал, пока сугубо тайно, «для себя», с последнего школьного года. В университете учась, вечерние часы, когда проводил их дома, делил между интернетом и «отщелкиванием» сначала коротких зарисовок, потом рассказики пошли, а к оконча-

нию уже и пара коротких повестей в загашнике имелась. Где-то с полгода ходил на семинары литобъединения — одного из нескольких в городе,— но скоро понял: надо литературным самообразованием заниматься... всю жизнь. А эти семинары? — привкус жеванной ваты во рту, как чтение многополосных статей в сохранившихся оппозиционных газетах: многословно, с благими намерениями, наставительно-воспитательно, но... как будто пишется для мамонтов, не то что обреченных, но уже вовсе вымерших. По здравому размышлению отверг он и возможную учебу в Литературном институте: и знающие люди посоветовали, опять же в интернете иногда разумные мысли проскакивают. Главное он понял: если в советское время Литинститут даже организационно подчинялся Союзу писателей, то теперь это был вуз министерства образования. «Овчинка выделки не стоит,— кратко сказал ему руководитель литобъединения,— лучше самообразуйся. И главное, Гриша, не переставай читать русскую классику. Не только книжки издавай, сейчас это раз плюнуть, но старайся как можно чаще видеть свою фамилию в литературных журналах, благо их сейчас пруд пруди».

Что Гриша и старался делать. На издание книжек принятым сиротским тиражом в сто экземпляров подбивал дед Алексей Никифорович. И «подбивку» сопровождал деньгами для издания, благо полковничья пенсия позволяла.

Руководитель литобъединения, известный не только в городе и области писатель еще советской формации, изрядный скептик в прежней, тем более в нынешней, жизни, не огорчился отходом Гриши от его семинаром. «Да, Григорий, тебе судьбой указан путь самостоятельный. И... тропи этот путь, а я чем могу, в смысле советом, всегда готов помочь. Дай бог тебе пути верного. Как говорится, продолжим наше безнадежное дело!» Еще он посоветовал обзавестись членским билетом писательского союза: «Конечно, это сейчас совершенно мертвые, формальные союзы, но и принимают всех за умеренный якобы вступительный взнос. Других доходов у них нет. Впрочем, всего остального также нет. Их, союзов, сейчас два: основной и «апрелевский», как на момент образования его называли. Вступай в основной. Впрочем, по стране, ее городам и весям имеется еще с десяток всяких околописательских союзов, но ты их в голову не бери...» — «А почему «апрелевский»? — «Потому, Гриша, что образовался в апреле месяце где-то в самом начале бардака девяностых. Женя Евтушенко, весьма лавролюбивый, но сдерживаемый в писательских должностях в советское время, даже литинститутского диплома задарма не дали! решил быка за рога взять и сепаратно образовал свой союз. А чтобы сразу наполнить его нетленными талантами, то принимать начали едва ли не на улицах, то есть не по публикациям даже, а... по рукописям! Жене тотчас последовали раскольники и в областных организациях — тоже лавролюбивые наполеончики. Тошнотворно все это, Гриша, и смешно. Сам же Евтушенко вскоре от своей затеи отошел как от явно безденежной и отправился в Штаты ковать доллары преподаванием русской литературы в одном из провинциальных университетов».

♦Гриша отчасти потому перестал ходить на семинары литобъединения, что его приметил после первой же публикации в литературном журнале «Срединная Россия» его главный редактор Андрей Матвеевич Бурцев. Журнал этот, из категории «толстых», хотя и издавался в их городе, но за полтора десятка лет с его основания неукротимой энергией и отменным художественным чутьем Андрея Матвеевича сумел уверенно поставить себя на «всероссийскую полку». Даже умудрился главред получить официальный статус издания под эгидой Союза писателей — который основной. И что особое изумление у всех вызывало — на издание ежеквартального журнал в триста страниц не имел Бурцев ни единой копейки финансирования: ни от областных властей по линии культуртрегерства, ни от мифических меценатов-частников. Разумеется и полностью обнищавший еще в начале девяностых Союзпис вместо денег мог дать только благожелательное отношение. Когда Андрея Матвеевича не-

скромно спрашивали насчет «а как ты выкручиваешься с журналом-то», он только ухмылялся и дурашливо, под старорежимных лавочников и приказчиков, напевал: «Не счесть алмазов пламенных в лабазах каменных, не счесть жемчужин у купцовой дочки». Когда же намекали на таинственного спонсора, то обрывал любознательного гневной филиппикой о скупердяйстве торгово-спекулятивного сословия.

Андрей Матвеевич отменным своим литературным чутьем оценил не только своеобразную, хотя еще и не оформившуюся в *стиль*, манеру повествования Гриши, его молодость, физическую и творческую, серьезную архивную службу, но и прихваченную начинающим автором на первую встречу бутылочку архинастоящего, советских еще лет ро́злива, восхитительно-душистого марочного азербайджанского коньяка «Бакы». «Это откель такой раритет?» — вскричал в полном восторге Андрей Матвеевич, откушав первую стопку «за знакомство». Гриша охотно, деловито пояснил, что у его деда Алексея Никифоровича есть школьный дружбан, который в девяностые годы стал авторитетом и смотрящим за братвой в недальнем от облцентра промышленном городке. Зная пристрастие пахана к кавказским (впрочем и иным...) коньякам, на юбилей братва преподнесла ему где-то «прихватизированный»... вагонтоварняк с сотней ящиков, а может и с двумя сотнями, марочного коньяка. Сейчас дружбан, давно и вовремя отошедший от хлопотных дел, живет на покое в загородной своей вилле, для развлечения завел для физкультурного развития внуков небольшую скаковую конюшню. Приезжая же к Алексею Никифоровичу, знакомством с которым, целиковым полковником из Кленового переулка, он гордился, поздравить с днем рождения, он непременно захватывал пяток раритетного «Бакы» из своего винного погреба...

Андрей Матвеевич, услышав про историю винного погребка, и вовсе в совершенный восторг пришел: «Вот они — настоящие русские характеры, которых сейчас даже близко не сыщешь! Полковник в голубом мундире и братковский авторитет — вроде на социальной лестнице не то что на разных ступенях, но на различных сторонах этой лестницы стоят: один поднимается в нормальном вертикальном положении вверх, а другой, головой вниз, ногами цепляясь за обороты ступеней, спускается вниз, в моральную пропасть. Но — школьная дружба, дворовое детство с пением «кирпичиков», курением «примы» и «махорочных» за восемь копеек пачка, драками за девчонок с парнями соседнего двора, бутыльком «солнцедара» на троих — все сохранилось в душах и головах. И как бы не двигались в абсолютно противоположные стороны их социальные устремления и образы жизни, но вот встречаются раздругой в год два пенсионера, один от «голубого ведомства», а другой от воровских понятий, и ничего иного друг к другу не испытывают, кроме как ностальгического тепла давних-предавних лет детства и взросления! Вот оно истинно советское, бесклассовое, с полнейшим презрением (даже с уворованным вагоном коньяка!) к накопительству и частнособственничеству... Спасибо, Гриша, за коньячное внимание и восхитительный рассказ — не сочиненный, но самой жизнью прошедшей написанный. Даже на сердце полегчало, хоть на миг да забыл про тошнотную мерзость нынешних реалий с их предельным лицемерием, бездуховностью... словом, как реклама в «ящике» долбит по ушам: *безалкогольное пиво с лимонным соком*. Только такое представишь — в блевотину потянет. Тебе, мой юный друг, на писательской стезе потруднее, нежели мне, старого закала сочинителю, придется. Чем совершеннее слогом будешь овладевать, то есть зорче отображать в словах и строках окружающую жизнь, тем больше и больше станешь ощущать в душе и голове своей двойственность, увы, неразделимую: творческое устремление к правде каждого написанного слова, с одной стороны, и четкое понимание того непреложного, что правота эта уже ни единому человеку, исключая самого себя и пятка-десятка собратьев по нынешнему несчастию ощущать себя писателями, не то что не нужна, но даже с похмелья в голову не полезет. Что-то навроде рвотной пилюли, которую пытаются всучить для

приема вовнутрь только что с аппетитом пообедавшему мужику — о бабах и вовсе речь не идет,— хотя бы и набил он утробу свою нынешним эрзацем пищевой химии. Мужайся наперед, мой юный сочинитель и бытописатель!»

♦С самого начала общения Андрей Матвеевич четко, хотя и после второй стопки, определил их будущие взаимоотношения: «Ты парень самомыслящий, тебе в писательском становлении, так сказать, *за-руку-водитель* не требуется. Тем более и образование у тебя гуманитарное, близкое по духу и сути к художественному сочинительству. Ученого же учить, только портить. А вот проводником направляющим, что-то навроде Вергилия в бессмертном творении Данте Алигьери, по нынешним литературным кругам ада для творчества — готов быть-стать. Не без корысти... я не «Бакы» из бездонного погреба твоего дедова дружбана-авторитета, конечно, имею в виду. Просто питаю надежду наблюдать по публикациям в «Срединной России» творческий рост нашего молодого постоянного автора. Ибо к своему детищу отношусь в крайней степени серьезно, то есть без шутовства и лавроискательства. Полагаю, а пример беру с Пушкина с его «Современником», оным же у Некрасова в продолжении-возобновлении издания, но особенно с некрасовских же «Отечественных записок», из которых вышла вся великая русская литература второй половины девятнадцатого века... словом, полагаю, что журнал литературный, в отличие от сборников, альманахов, антологий и прочего, есть воплощение в каждом номере законченного коллективного литературного произведения. И постоянные авторы у нас — не семейственность-компанейственность, не приют литературных пенсионеров — от «прапорщиков» до «генералов», но заинтересованные в качестве литературного оформления журнала члены такового коллектива. На том и стоим, аминь».

...И вот сейчас, завершая свою первую «серьезную» повесть, Гриша осознал: судьбе было угодно дать ему проводника по кругам современного глобалистского ада, что изощренно почище и поиздевательнее над человеком Дантового. Понимал — это сейчас редчайшее везение. Скуп на слова в трезвости (не все же баловаться неподдельным из погреба дедова дружбана-авторитета!) Андрей Матвеевич, но каждое его слово стоит иной лекции. Особенно в части той самой двойственности в душе и голове: «Пиши для души своей, а головой обращайся к читателям твоим... пока таковые вовсе не канули в небытие».

А тошнотное безалкогольное пиво с лимонным соком, пролившись с разверзнувшихся небес беспощадной эволюции на прежде оразумленную планету, затуманило всю ее сушу густым туманистым миазмом оцифрованного расчеловечивания. Диктатура глобализации отменила творческое мышление, а из художественного прежде всего литературу, ибо та оперирует *словом*, а девиз этой диктатуры: *цифра вместо слова*. От того-то литературное творчество и есть главный враг глобализации, поэтому такой враг уничтожается первоочередно.

...Таковая подспудная мысль и была заложена Гришей в эту повесть, зашифрована в сугубо реальную, неприхотливую фабулу и сюжет. Главное, как ненавязчиво наставлял Андрей Матвеевич, «в русской литературной традиции секрет Полишинеля не должен просматриваться через прорехи Тришкиного кафтана, ибо она, русская литература, ориентирована прежде всего на думающего читателя. И неверно старинные и современные западники либерального толка, подражая попке-попугаю, беспрестанно талдычат о том, что-де вот русская классическая и советская литература назойливо учит, а западная, вольнолюбивая и толерантно-ненавязчивая, дескать, дает читателю право самому выбирать в читаемом тексте: кому и за чем следовать. Свобода, мол, выбора. Хрена им с дегтем в печенки!» Еще при черновом прочтении Гришиной повести матерый главред похвалил автора за эзопов язык — существеннейшую особенность русской и советской литературы: «Это ты верно курс держишь. В нашей двухвековой традиции иносказательный язык — и власти придержащей не обидно, и умному читателю все предельно ясно, и мастерство писателя все растет и

растет! Вот наивный Радищев, набравшись в Германии либерализма западного, всю правду-матку открытым текстом в «Путешествии» высказал — и по воле матушки Екатерины в... ту же матушку Сибирь угодил. А действительный статский советник, уже дедушка, Крылов еще похлеще высказывался, но только баснями — в традиции Эзопа, Скалигера и Лафонтена — и только успевал ордена от царицы и царей получать. Традиции завуалирования вообще в русле нашего мышления. Пример тебе: почему Генералиссимус именно двадцать четвертое июня выбрал для парада? — Конспирологи давно смекнули: в сорок пятом году на этот день пришлась Троица — символ торжества православия; в то же время день двадцать четвертого июня — праздничный для англо-саксонской масонской ложи. Выходит, что это был парад не только в честь победы над Германией, но и торжества русского православия над «англичанкой», как именовали Британию в дореволюционной нашей публицистике, ибо Англия и есть инициатор второй (впрочем и первой) мировой бойни и особенно сталкивания нас с немцами. Вот так-то, Григорий, у Вождя есть чему поучиться!»

...Несмотря на эзопов язык, повесть Гриши, опубликованная в «Срединной России» и изданная им отдельной книжкой, на ежегодном конкурсе не получила одобрения жюри областной литературной премии. По разделу прозы ее удостоился более старший годами подполковник артиллерии в отставке за трехтомный автобиографический роман-эпопею «Яблоневые рассветы».

И с литераторами провинциальными простимся... до следующей книги, может быть: очень уж они по-своему колоритны. Вот ведь русский характер! Казалось бы, лавролюбив не по чину, вздорен сочинитель Омшанников; неуживчив и несколько пакостлив по мелочам литератор Сухариков — но как без них представить себе губернскую писательскую братию? Совсем хорошо — уже не хорошо. А без Сухариковых и Омшанниковых совсем замрет внешняя писательская жизнь города, и без того уже тлеющая в маленьких комнатках Дома творческой интеллигенции, из которого в послереволюционные годы правил городом присланный из столицы комиссар в кожаной куртке, а до этого владел маленьким домиком-дворцом первогильдейский купец.

Добрые и хорошие люди эти провинциальные служители писательской музы, особенно если общаться с ними поодиночке и за пивком с вяленым лещом. А еще лучше за водочкой в запотевшем от холода графинчике под рыбное же ассорти и бутерброды с красной икоркой. Думали ли вы, горемычные, что на старости лет никто не будет читать, тем более печатать задарма ваши книги, что лишитесь вы заслуженного летнего и зимнего отдыха в бывших санаториях и домах отдыха Литфонда? Переучиваться же на другую профессию и поздно и менталитет не позволяет. Мира вам и душевного спокойствия... и продолжайте творить, ибо рукописи не горят.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

СМОТРИ В ГЛАЗА...

Наш постоянный автор.

Вот что хотите, а не собьете в убеждении, что бывают девушки с абсолютно музыкальной наружностью. Вовсе не полненькие или пышнотелые, но уж точно не худышки. Оленька была представительницей именно такой касты. Все в ее фигуре выглядело полуовалами то ли нот, то ли скрипичного ключа. От изящной закругленности совсем не излишних лодыжек и бедер до предплечий, плеч и необъяснимо музыкальных волн светлых волос и полукружий бровей на овальном нисколько не вытянутом лице. К тому же и ее обычные движения выглядели плавными, словно ложащимися на неслышную мелодию, ни малейшей угловатости или порыва. При всем при том и медлительной копушей она и близко не смотрелась. А глаза... ну, что сказать про глаза? Серые, мечтательные, казалось, они вмещали в себя все окружающее, только про ее собственный внутренний мир прочесть в них ничего не представлялось возможным. В то же время она нисколько никогда не выделялась резко среди прочих, и при случайной встрече на улице в лучшем случае оставляла после взгляда на себя приятное впечатление, но никак не желание немедленно с ней познакомиться и следовать за ней. Вот и все, ничего исключительного. Но эта девушка обладала именно музыкальной внешностью, которая как нельзя более соответствовала ее действительной сути. Она с детства жила музыкой. Даже имя удачно подходило ей, такое же закругленное и напевно звучащее вслух, будто заключавшее в себя одну из семи нот.

Она поступила в консерваторию по классу рояля и ежедневной учебой доказывала, что музыкальность присуща не только ее внешности. Казалось, для нее все определено наперед до полной ясности, и жизнь складывается счастливо и благополучно у этой милой девушки, которую несомненно ждет блестящая будущность яркой исполнительницы. Но было нечто, отравлявшее ее существование и грозившее свести на нет все ее старания на музыкальном поприще, поставить крест на ожидавшей ее карьере. С некоторых пор девушка открыла, что начала бояться больший аудиторий, страх перед публикой, словно неизлечимая болезнь, преследовал ее. И чем отчетливее с годами Оленька ощущала его, тем больше он возрастал. Никакие усилия в совершенствовании мастерства молодой пианистки не помогали побороть его. Десяток и более слушателей уже наводили на нее полный ужас. Она моментально начинала испытывать подобное в присутствии стольких зрителей. Тело ощущалось скованным, пальцы деревенели и переставали слушаться, затрудняя дальнейшее исполнение. Ладони покрывались липкой влагой, в коленях появлялась дрожь, внутри появлялась пустота, тысячи мелких иголок страха невидимо впивались в спину и затылок. Ей казалось, что всему виной недоброжелательные взгляды зрителей, безжалостно вонзающиеся в ее тело. Она физически как бы воспринимала мнимую враждебность чуждого заполненного зала, необъяснимая паника охватывала Оленьку, заставляя вмиг терять все ценные качества ее умелой игры, доставшиеся талантом и долгими занятиями. Она удивляла и пугала этим своих учителей, не терявших надежды воспитать из нее замечательную пианистку.

Откуда ей было знать, что это не что иное, как проявление генетической памяти, отголосок далекого прошлого, когда ее первобытные предки жили малыми общинами в дремучих лесах! Скажи ей кто, что нейрофобия, страх сцены — нередкое и естественное явление, как бы это смогло помочь?

Предложения доброхотов из посвященных в Олину тайну обратиться к специалистам она безоговорочно отметала, не допуская такое даже в мыслях. Причиной подобного отношения к, пожалуй, единственно возможному выходу являлось ложное предубеждение, боязнь услышать о своей собственной неполноценности от сведущего, но постороннего человека. Круг замыкался. Оленьке было впору забыть не только о будущих сольных концертах, но и о ежегодных отчетных выступлениями перед сокурсниками и преподавателями.

Однако, жизнь приготовила для нее спасительную неожиданность, его Величество случай вмешался в казалось бы предопределенный ход событий.

Ясным майским утром, когда заполняющее все ослепительное солнце воцарилось на улицах города под неумолчное щебетанье опьяненных им птиц, Оленька понуро брела в консерваторию. В импортном полиэтиленовом пакете с яркой непонятной эмблемой прятались нотные листы, а на душе кошки скребли. Кончался учебный год, отчетный концерт за курс висел на носу. Чем больше Оля думала о предстоящем выступлении перед публикой, тем больше боялась неминуемого исхода. Страх на этот раз вселился в нее загодя и не думал отпускать или давать послабление. Девушка испытывала такое отчаяние, что как бы ни глупо могло показаться со стороны, появилась мысль о самоубийстве. Впрочем, о смерти она вряд ли могла думать подолгу и всерьез, она жила музыкой, а музыка — не что иное, как родная сестра жизни.

Проходя мимо тумбы, обклеенной пестрыми объявлениями, она неожиданно вздрогнула, внезапно почувствовав на себе пристальный посторонний взгляд. Вокруг не было ни души, но ощущение, что ее не перестают разглядывать, не отпускало и оказалось настолько сильно, что заставило остановиться. Когда же она поняла, в чем дело, то едва не рассмеялась. Но смех затих, не успев родиться, прямо на нее с одной из афиш смотрели два пронзительных глаза. Они не имели за собой человеческого лица, и это только усиливало впечатление — два чрезвычайно живых глаза, несмотря на двухмерность фотографии, живо и неотрывно рассматривали в упор сквозь ограниченную рамкой плоскую прорезь. Под ними крупно чернели печатные буквы:

ВОЛЬФ МЕССИНГ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ.

Надпись словно манила ее сама по себе: сходи и посмотри, не будь дурой, это касается именно тебя! Она отступила на два шага, передвинулась вправо, затем в противоположную сторону. Пронизывающий до мурашек по коже взгляд фотографических глаз неотступно следовал за ней, не отпускал из точного прицела. Невидимый обладатель их будто молча убеждал: от меня не скроешься, я вижу тебя насквозь, от меня не уйти!

Через три дня Оленька уже сидела в первых рядах на вечернем выступлении мастера психологических опытов. Пожалуй, такое название больше подходило этому человеку, чем «великий гипнотизер» или что-то еще в таком духе, встречавшееся на страницах прессы. Да и вполне отвечало требованиям цензоров отдела культуры, выпустивших его на сцену. Гипнотизер в представлении многих выглядел сродни шарлатану, канули в прошлое времена, когда о гипнозе спорили, шумели, удивлялись его результатам. И хотя этот метод давно широко используется в современной медицине, для многих не знающих о его сути и практике слова «гипноз», «гипнотизер» не содержали в своем звучании ничего серьезного. Немало таких, кто вообще представляет его до сих пор легкомысленной пустопорожней выдумкой каких-то фантастов.

И все же, несомненно, человек на сцене оказался мастером своего дела. Чем невежественнее в вопросах практической психологии человека оказывалась публика в

зале, тем неожиданнее и сенсационнее представлялись ей эффектные выступления такого артиста.

Но, конечно, кроме всего прочего, он обладал природными способностями и смог их развить в нужном направлении.

Оленька стала свидетельницей отгадывания им задуманных зрителями чисел, имен, даже мыслей. Но это мало задевало ее, поскольку не имело никакого к ней отношения. К тому же она ничего не понимала в подобных математических фокусах, во всем пока происходящем на сцене. Тем не менее, увиденное наполнило ее чувством преклонения перед демонстрировавшим свои способности невысоким пожилым мужчиной в черном строгом костюме. Его лицо доказывало, что жизнь изрядно потрепала его обладателя. Лоб, испещренный заметными морщинами, обрамлялся кустом не успевших поседеть темных волос. На суженном книзу лице выступал расширенный нос, от крыльев которого к подбородку пролегли две глубокие борозды. Уголки тонких губ с брезгливостью загибались книзу. Но общий вид артиста как бы не доходил до Оленьки, словно растворялся в разделявшем их пространстве на пути к ее восприятию. От него отчетливо оставались только притягивающие взгляд темные глаза с исходящим от них ощущением психологического давления. Впрочем, и это могло оказаться лишь плодом воображения слишком впечатлительной музыкантши.

Выступавшему понадобилось совсем немного времени, чтобы поразить Оленьку до глубины души. Это произошло вскоре после его очередных трюков. Еще вначале сеанса Мессинг раздал всем пожелавшим листы бумаги для записи придуманных для него заданий. И вот проведя каскад математических фокусов, нисколько не показавшихся Оленьке интересными, начал выборочно вызывать авторов записок. Один из первых поднявшихся на сцену скептически настроенный молодой человек лет двадцати пяти-тридцати указал отыскать его фотоаппарат и сфотографировать зал. Сначала у Оленьки не было полной уверенности, что доброволец не «подсадной» и обошлось без предварительного сговора до начала представления. Мессинг задал поднявшемуся на сцену участнику несколько не относящихся к заданию вопросов о его профессии, об отношении к психологии. После чего цепко сжал его левое запястье своими пальцами. Они вместе спустились в зал и неуверенно двинулись по проходу. Понадобилось некоторое время, чтобы, ни на миг не выпуская руки спутника, после видимого затруднения и колебаний, Мессинг уверенно нашел нужное свободное место. И тут он демонстративно бросил, почти отшвырнул руку молодого человека, коршуном кинулся к девушке рядом и подхватил фотоаппарат с ее колен. Бодро просеменил мимо хозяина камеры и уже на сцене торжествующе поднял добычу над головой, показывая всему залу:

— Правильно? Угадал!

Встретил владельца на ступеньках, пожал руку, вернул камеру, поблагодарил за сотрудничество. Когда он победно семенил по проходу, сидящая неподалеку Оленька разглядела крупные капли пота, падающие со скул и мелкого подбородка на тугой воротник рубашки, на черный галстук. И это окончательно убедило, что перед ней не срежиссированная постановка, а настоящий тяжелый труд мастера — психолога. Как и для многих этим вечером, ей открылось, какие неведомые возможности скрыты в человеческой психике. Она поняла, что, начиная с внезапно увиденных глаз на афише, все происходит не просто так. Если кто и сможет помочь избавиться от навязчивого страха, то именно этот невзрачный невысокий человечек, показавший себя настоящим мастером психологических опытов. За время выступления он вырос в ее представлении до гигантской сверхчеловеческой фигуры, могущей многое из недоступного простым смертным. Позже она узнала разные мнения о его выступлениях и спорных фактах биографии, вплоть до того, что некоторые считали его полным шарлатаном. Но тогда он зародил в ней надежду, которая быстро переросла в уверен-

ность. Да настолько, что уже следующим днем, пересилив себя, она узнала в филармонии, где остановился артист, и позвонила ему в гостиничный номер.

Стараясь говорить спокойнее и коротко, но то и дело сбиваясь от волнения, Оленька торопливо, с опаской, как бы слушатель не бросил трубку, изложила суть своего горя. Обычный мужской голос, принадлежавший увиденному вчера магу и волшебнику, звучал, напротив, спокойно и внятно. Видимо, что-то в интонации и мольбе незнакомки тронуло Мессинга, порядком уставшего от внимания поклонниц и поклонников. Он не прервал ее с первых слов, выслушал до конца, ни разу не перебив. А когда она умолкла с бешено бьющимся сердцем, задал два — три уточняющих вопроса и пригласил зайти к нему в гостиницу в десять часов завтра утром. При этом напомнил, что гастроли заканчиваются, и уже через день он покинет город. Голос звучал сухо и деловито, вежливое прощание и металлический щелчок возвестили окончание разговора. А у Оленьки сердце никак не успокаивалось в груди, и дрожала рука, продолжавшая судорожно сжимать умолкшую трубку телефона. Она не могла поверить: он внимательно выслушал, все понял и попробует ей помочь!

Когда в назначенный час Оленька робко постучала в дверь номера на третьем этаже недавно построенной девятиэтажной гостиницы, ее сердце уже не только молотилось в набате, но и замирало, лишаясь последних капель уверенности. Она поражалась своей смелости накануне, испытывала уже жгучее желание бежать прочь, но отступать было поздно. Ее вид напоминал, вероятно, человека, собравшегося прыгнуть в ледяную воду.

Дверь распахнулась, и на пороге возник великий гипнотизер собственной персоной.

— Здравствуйте, я вчера звонила вам... — пролепетала Оленька, отступая на зеленый край ковровой дорожки коридора.

— Да, да, конечно. Проходите, я вас жду,— он впустил девушку внутрь, прикрыл за ней дверь и жестом указал на два мягких кресла у полированного деревянного столика.

Оленька изо всех сил старалась держаться непринужденно, расположилась в одном из кресел, но положить ногу на ногу и поудобнее откинуться на спинку так и не решилась. Если все время прежде она не переставала откровенно трусить, то теперь чувствовала, что уже до жути боится этого внушающего непонятный страх человека.

— Прошу вас, не стесняйтесь, будьте как дома,— хозяин номера опустился в кресло напротив, их разделял только угол прямоугольной крышки стола.— Извините, что ничем вас не угощаю. Времени мало. Наш разговор сугубо деловой, и хотелось бы скорее приступить к сути. Расскажите о себе, только, пожалуйста, сначала успокойтесь. Не нужно так волноваться. Успокойтесь, прошу вас,— повторил он мягко с нажимом, не переставая изучающее разглядывать гостью.

Странно, после этих слов она чуть ли не моментально взяла себя в руки. Уже с интересом осмотрелась, примечая обыденность гостиничной обстановки, ничего особенного — все как обычно. Хотя она ни разу еще не бывала в гостинице, окружающее оказалось именно таким, как она примерно представляла заранее. Неяркая темно-зеленая обивка мебели, сдвинутые по бокам окна салатные занавески с мелкими красными цветками открывали успокоительную голубизну неба. Коричневая полировка дерева на тумбочке, спинке кровати, деревянных подлокотниках кресел, темно-вишневый ковер на паркетном полу не раздражали глаза. Перевела взгляд на хозяина номера.

— Ну-с, а теперь давайте познакомимся, милая девушка.

Ольга назвала себя, голос прозвучал гораздо увереннее. Это подбодрило, она, не отводя взгляда под натиском глаз гипнотизера, сама внимательно смотрела на него. «Интересно, начал ли он уже гипнотизировать меня?» — с любопытством подумалось ей. Об этом процессе у нее имелись самые отдаленные представления.

Мессинг сидел перед ней в халате из махровой ткани, накинутом на белую сорочку без галстука с расстегнутым воротом, на ногах плетеные сандалии — словно хозяин номера хотел своим видом подчеркнуть неофициальность и обыденность встречи. Внешность заурядная, чем-то даже отталкивающая. Гладко выбритые до мертвенной синевы щеки и мелкий подбородок создавали неприятное сочетание с морщинами на открытом лбу и, похоже, немного подкрашенными волосами без седины. Почему-то подумалось, что сидящий напротив в жизни бескомпромиссный, наверняка жестокий человек, ей снова стало жутко. Глаза на лице Мессинга, необыкновенно властные, остановившие ее с афиши, словно жили своей отдельной жизнью. Они то успокаивали, то пугали, пронизывая Оленьку насквозь пристальным взглядом.

— Ну же, давайте, Ольга, не стесняйтесь, расскажите о себе подробнее. Напомните, что заставило обратиться ко мне,— тихо, как бы подталкивая без прикосновений, предложил Мессинг. Не послушаться этого голоса казалось невозможным, и она выложила ему разом все свои беды.

Хозяин номера выслушал, встал, в раздумьи прошелся по комнате, заложив руки за спину.

— Знаете,— честно признался он.— Мне не приходилось заниматься прежде подобным. Но я понимаю вас вполне и готов попытаться помочь. Подчеркиваю: попытаться, не более того. Ничего заранее гарантировать не могу, возможно даже одной встречи окажется недостаточно,— при этих словах он испытующе взглянул на Оленьку, съежившуюся на кончике кресла.— Но попробовать стоит, в конце концов, вы ничего не потеряете. Только, ради бога, перестаньте меня так бояться! Для успеха необходимо полное доверие с вашей стороны.

Оленька густо покраснела и поторопилась возразить, растягивая губы в вымученной улыбке:

— Я, правда, уже совсем не боюсь вас. Честное слово!

Мессинг весело рассмеялся от такого простодушного признания.

— Спасибо и на этом! — галантно поклонился он в ее сторону.— Но, кроме шуток, в таком деле нужна серьезность и сосредоточенность. Итак, вы готовы?

— Да,— твердо заверила Оленька после короткого мига сомнения.

Мессинг попросил ее сесть вплотную к столу, положить руки на полированную прохладную крышку перед собой и расслабиться. Их лица оказались довольно близко напротив друг друга. У Оленьки закружилась голова от немигающего взгляда гипнотизера. «Никакие они и не черные!» — подумалось ей про его глаза.

— Успокойтесь, расслабьтесь, полностью расслабьтесь,— вкрадчиво и монотонно почти шептал Мессинг.— Выбросьте из головы все посторонние отвлеченные мысли. Расслабьтесь, Оленька!

Удивляясь его власти над нею, девушка почувствовала, как легко и свободно становится ей.

— Вы легко поддаетесь внушению, Оля, вы очень легко поддаетесь внушению. Все будет отлично, просто отлично. Все уже идет отлично!

«Ну уж, да!» — хотела строптиво возразить Оленька, но губы не послушались на этот раз, она как будто даже задремала на мгновенье, убаюканная повтором слов.

— Вы сделаете сейчас все, что я вам скажу. Все, что я тебе скажу! — возвысил голос гипнотизер. Сделал паузу, и продолжил гораздо тише, но столь же внушительно: — Представь, перед тобой клавиши рояля или пианино. Черные и белые клавиши, ты их уже отчетливо видишь! Ты сидишь за роялем и сейчас начнешь играть! — он снова сделал акцент на последнем приказе.

— Как же такое возможно? — попытались беззвучно шевельнуться губы девушки. Представление показалось ей чудовищно нелепым, но ее сомнение длилось недолго.

— Да, да! Ты сидишь за роялем, хорошо знакомым тебе отлично настроенным роялем,— уверенно и жестко подтвердил Мессинг.— Ты будешь сейчас играть то, что тебе труднее всего дается. Будешь отлично исполнять! Легко, виртуозно, мастерски, как никогда раньше! — И опять тихо, уже спрашивая: — Что ты будешь играть, Оленька?

— «Порыв» Шумана,— тотчас без раздумья прошептала девушка.

— Посмотри мне в глаза. Смотри мне в глаза! Так. Ты сделаешь сейчас все, как я сказал... Начинай!!

— Но... — попыталась возразить Оленька, понимая всю нелепость приказа, и тут же непроизвольно начала играть на крышке стола, беря пальцами знакомые аккорды на видимых только ей клавишах.

— Вокруг тебя люди, много людей, они слушают, смотрят на тебя,— пальцы девушки непроизвольно дрогнули и начали деревенеть, появилось знакомое чувство страха и скованности перед аудиторией. Она действительно увидела незнакомые лица множества слушателей в огромном зале и несколько узнаваемых, почти родных — принадлежавших учителям, с тревогой неотрывно смотревших на нее. Десятки, сотни глаз взяли ее в перекрест своего пристального внимания, и она чуть было не сбилась.

— Нет, ты не боишься! — закричал Мессинг.— У тебя нет больше страха! Ты их нисколько не боишься, они тебе совсем не мешают! Ты смелая, уверенная в себе. Тебе безразлично их присутствие! Они есть, но для тебя их нет больше. Ты играешь великолепно, бесподобно, виртуозно! Всякий, кто слышит, восхищен твоей игрой! — последнее Мессинг проорал что есть мочи.

«Да он просто сумасшедший!..» — как-то вяло заключила про себя Оленька, не прерывая игры.

— Смотри мне в глаза, смотреть мне только в глаза!

Удивительно, но скованность и оцепенение от страха перед воображаемой публикой отступили, зрители продолжали как бы незримо присутствовать здесь, в несуществующем зале. Но теперь Оленьке, действительно, не было до них никакого дела, все ее внимание сосредоточилось на пальцах. Она слышала свою музыку, которая звучала в этот миг только для нее. Отдавалась ее звукам, восторженно упивалась своим блестящим исполнением.

— Твои руки сами знают, что и как им играть. Не следи за ними! Оставь их! Смотри мне только в глаза! — продолжал внушать гипнотизер уже негромко, но настойчиво.— Ты прекрасно играешь, смотри мне в глаза! Тебе надо смотреть мне в глаза!

Оленька перестала обращать внимание на свои пальцы. Они, в самом деле, сами знали, что им делать дальше, заученно и легко касались невидимых клавишей.

Она подняла голову.

— Смотри мне в глаза! Смотри мне только в глаза!

И она смотрела, смотрела, не отрываясь, в устремленные на нее темные глаза, а руки делали положенное без ее участия, как надо, продолжали брать неслышимые новые аккорды. Оленька позабыла о мнимой публике, о гостиничном номере, о голубом небе за окном. Даже музыка, звучавшая лишь в ее воображении, постепенно утихала. Оставались только жгучие немигающие глаза, неотрывно устремленные на нее. Весь мир внезапно сузился до этих двух глаз, вместился в них, и они легко вобрали его в себя, словно так и должно было произойти.

— Смотри в глаза! — голос казался уже громоподобным. Глаза вырастали, приближались, зрачки напряженно пульсировали в них, и такая глубина открывалась перед Оленькой, что начала кружиться голова, и почти прерывалось дыхание. Она перестала перебирать механически шевелящимися пальцами воображаемые клавиши. Внезапно глаза понеслись ей навстречу, увеличиваясь в размерах, грозя поглотить

всю ее целиком, комната завертелась в ускоряющемся сумасшедшем хороводе. Ничего не осталось, кроме этих уже не человеческих глаз, и они тоже бешено крутились у самого ее лица, сводя с ума, отбирая остатки рассудка. Оленька почувствовала вместе с накатившей дурнотой, что теряет сознание, инстинктивно изо всех сил вцепилась побелевшими от напряжения пальцами в крышку стола, стараясь не упасть, удержаться в кресле. Ужас перед этим страшным человеком заполнил все ее существо, не оставив места иным ощущениям, все прежние ее боязни оказались ничтожны в сравнении с испытываемым сейчас парализующим страхом. Она уже начала падать вбок, и темнота подступила к самым глазам, когда услышала дикий, почти животный вскрик. Резкий звук отрезвил ее и вернул к действительности. Оленька поняла, что это она сама и кричала, ничего не сознавая от ужаса, и слышала свой же вопль со стороны. Крик, вырвавшийся помимо сознания, встряхнул ее и разрушил охватившее оцепенение. Исчезли внезапно спустившиеся из ниоткуда сумерки вокруг.

Оленька, стараясь не смотреть на опешившего от неожиданности гипнотизера, порывисто вскочила, не рассчитав движений, опрокинула столик. И, закрыв лицо руками, стремглав бросилась к выходу.

Мессинг даже не попытался остановить девушку, лицо его оставалось совершенно бесстрастным, но Оленька уже не видела этого. Шумно распахнула оказавшуюся не запертой дверь, с силой захлопнула ее за собой и что есть сил побежала по пустому коридору, минуя лифт, по лестнице вниз, дальше и дальше, прочь от жуткого места и не менее страшного человека.

Увидев в большом зеркале на стене свое жалкое испуганное отражение, кое-как привела в порядок прическу, одежду и быстро миновала дежурного в холле, стараясь не привлекать к себе внимание.

Только на улице Оленька ощутила, что у нее стучат зубы и дрожат коленки, и внезапно для себя самой отчаянно разрыдалась. После этого ей сразу стало легче, хотя она долго еще не могла полностью успокоиться. Теперь она проклинала себя за смелый поступок, пыталась заставить себя навсегда забыть происшедшее, но этого не получилось.

На следующий день Оленька все же набралась решимости и позвонила в гостиницу, чтобы извиниться перед Мессингом. Но ей сообщили, что артист сдал номер и отбыл на дальнейшие гастроли.

Она с головой ушла в занятия, даже не думая о возможности перемены с ней, не пыталась проверить результат воздействия мастера психологических опытов, уверенная, что для нее все осталось по-прежнему.

Подошло время отчетного концерта, и она вышла на сцену в ожидании неминуемого провала. Актовый зал до отказа заполняли студенты консерватории, их родственники, гости и преподаватели. Сотни глаз смотрели на нее. Сейчас она оказалась одинока перед морем реальных глаз действительно существующих людей, ждущих, обращенных на нее. Странно, она волновалась значительно меньше ожидаемого. Присела за рояль, чуть помедлила с занесенными руками и коснулась послушных клавиш. С первыми звуками из-под ее пальцев появилась внезапная уверенность и отрешенность от окружающего, достигаемые прежде только в часы уединенных занятий. Зрители перестали существовать для нее, она не думала больше о неизбежном провале, о своем привычном страхе перед аудиторией. Оленька осталась наедине с творимой ею музыкой, настоящей громко рвущейся из-под открытой крышки рояля, а не звучавшей лишь в ее воображении, как тогда, в номере гостиницы.

И стоило закончить, зал взорвался шквалом аплодисментов, настолько всем понравилось ее исполнение. Девушка не сразу поняла, где находится, находясь во власти только что отзвучавших чарующих звуков. Удивилась, что выступление уже позади, а масса восторженных людей искренно рукоплещет ее игре. Она не знала, радоваться ей или пугаться, но для страха уже не оставалось ни времени, ни места, ни

причин. Она поздно и напрасно забеспокоилась об этом, а ей уже подносили огромный букет гладиолусов.

Невероятно, но все ее страхи остались позади. Понадобилось еще не одно публичное выступление, чтобы окончательно исчезли последние опасения, и она убедилась, что прежней фобии нет возврата. Чудо, настоящее чудо в ее глазах свершилось. Еще год или два она продолжала с содроганием вспоминать тот визит к Мессингу, пока время не стерло испытанный дикий ужас, и Оленька начала с присущим ей мягким юмором самокритично посвящать других в свое необычное приключение. Страх перед зрительным залом не вернулся, навсегда оставшись воспоминанием из прошлого. Она уже не могла говорить о том без грустной улыбки. Эту историю и рассказала сама, когда мы оказались в одной небольшой общей компании на Новый год. Для всех там собравшихся, как и для меня, все это прозвучало впервые. Мы познакомились за полгода до этого, и единственное, что мне не нравилось в этой без пяти минут музыкантше, ее раздражающе частое обращение к сигаретам.

— А ведь раньше до этого гипноза я совершенно не курила,— объяснила она, выслушав мой бесцеремонный вопрос.— Какое-то побочное действие, похоже, получилось. Как бы теперь еще и от этой проклятой привычки не пришлось лечиться!..

Хотелось бы закончить рассказ закономерным и вполне заслуженным Олечкой счастливым концом. О том, как она получила диплом, стала известной пианисткой, исколесила с гастролями не только нашу страну, выпустила пластинки с записями концертов и так далее.

Но случилось совсем иначе. Ожидаемая всеми блестящая карьера не состоялась. Правда, она не порвала с музыкой, преподает в детской музыкальной школе и дает платные уроки на дому. Воспитывает собственных детей, выглядит вполне счастливой и довольной своей жизнью. Все дело в том, что вскоре после той ночи, когда Олечка поведала нам о визите к мастеру психологических опытов, она вскоре вышла замуж. Сможете сами догадаться — за кого?

Александр Петренко
(г. Краснодар)

Я ЖЕНЩИНА, МНЕ МОЖНО!
(на основе реальных событий)

Наш постоянный автор.

1802 год. Февраль

Анна поправила складку шикарного платья.

«На нарядах муженек не экономит. Одевает словно куклу. Не оттого, что любит или питает нежные чувства, а дабы еще раз напомнить окружающим о благосостоянии».

Женщина хотела как следует обдумать эту мысль, но поймав на себе завистливый взгляд одной из дам, отправилась в дальний угол залы и прислонилась к окну. Там, за стеклом, город погрузился в зимние сумерки. Прохожие, кутаясь в худые пальтишки (те, кто имел возможность обзавестись собственной шубой — ехали в каретах, заботливо укутанные лакеями еще и в медвежьи шкуры), спешили к своим домам и квартирам.

«Хоть бы получилось. Господи, помоги!»

Аннушка мысленно перекрестила немолодого господина, сидевшего за игровым столом в окружении зевак. Размышления прервал громкий возглас десятка глоток. Очередная партия завершилась.

Сдерживая охватившее волнение, подошла к столу. Супруг трясущийся рукой вытирал платком потное лицо.

— Уйдите! Только и делаете, что отворачиваете удачу,— повышая голос, произнес Алексей Галанин.

— Господа, может, хотя бы на время прервем petits-jeux*. Послушаем музыку, потанцуем,— робко предложил хозяин дома.— Я музыканта пригласил. Вон, сидит, скучает в углу.

— Князь. Давайте согласимся. Отдохнем маленько. Затем продолжим, с божьей помощью.— При этих словах граф Леонид Кириллович Умов пододвинул к себе пачку только что выигранных ассигнаций крупного достоинства.— Ведь ночь впереди. Будь на то ваша воля... Успеете отыграться. Куда спешить?

— Продолжим! И немедля! Я должен играть. Делаем ставки. Предлагаю удвоить. Нет! Утроить ставки,— прорычал Галанин, отхлебывая шампанское из бутылки.

— Не оскорбляйте бедную «Вдову Клико»**. Ей-богу, она этакое не заслужила.— Анна поставила перед мужем изящный хрустальный бокал.

— Кажется, я просил не приближаться ко мне? Или вы оглохли? В таком случае, завтра же приглашу лучших лекарей города, дабы они незамедлительно избавили

---

* petits-jeux — по-французски — «маленькие игры».

** Вдова Клико — полное название — вдова Клико Понсарден — фр. Veuve Clicquot Ponsardin — всемирно известный бренд шампанского вина. Расположена во Франции, в провинции Шампань, в городе Реймс (Википедия).

княгиню Галанину от ужасного недуга! — Он попытался подняться из-за стола и силой увести жену в соседнее помещение, но не смог и плюхнулся в кресло.— Требую новую, запечатанную колоду карт. Надеюсь, в этом доме такая отыщется?

От слов мужа по лицу женщины пробежала тень. «Хорошая я актриса или нет? Догадывается ли он, что творится в моей душе?» Додумать эту мысль помешал слуга, проходивший мимо с подносом уставленным бокалами.

Анна взяла один и вернулась к наблюдательному пункту у окна.

Рассматривая уже безлюдную улицу, погрузилась в воспоминания.

Она — дочь действительного статского советника, княжна, да к тому же еще первая красавица города. Женихи не давали прохода. Свое второе имя Юнона*— получила на первом же балу. Те, кто помнит феерическое появление юной девицы в свете, так именуют ее и поныне. Взять прелестницу в жены, да еще и заполучить немалое приданое, мечтали многие. Однако, батюшка дочь банально продал. Да, да, именно так.

Алексей, внук знаменитого фельдмаршала и сын обер-гофмаршала Екатерины Великой, преподнес родителям драгоценные каменья, подобных которым не имелось даже у царствующих особ. Припомнила, как не раз валялась в ногах отца. Плакала и умоляла не отдавать замуж за князя, но двадцать четыре тысячи крепостных душ будущего супруга перевесили.

За глаза его именовали «Cosa-rasa»**. Молодой муж ежедневно вытворял невообразимое. Поджигал купюры, предлагая окружающим прикурить. Швырял в извозчиков золотые монеты, устраивая толчею у дома. Щедро одаривал драгоценностями цыганок из хора. Подписывал векселя, в которых сумма не была проставлена буквами, и обладатель ценной бумаги мог легко приписать к указанной цифре, один или даже два нуля!

Видя, что творит внук, престарелая княгиня поехала в Зимний дворец к императору Александру. Умоляла самодержца, чтобы тот не допустил неминуемого разорения. Государь, выслушал и... отказал...

Юнона кинула взгляд на игроков.

«Как же хочется поведать кому-нибудь о том, что здесь происходит на самом деле? Увы. Некому. Нет близких людей в этом доме. Ой. Зачем же врать себе? Один человек более чем мил. Вот бы броситься на шею и целовать, целовать. А затем, оставшись наедине, отдаться всецело. Принадлежать любимому, разве это ли не есть истинное счастье для любой женщины?»

Выпитое вино подействовало странным образом. К Аннушке вернулись картинки прошлого...

В постели с Галаниным не заладилось сразу. Было противно прикасаться к мужу. Тем паче, что понятие о супружеской верности у него отсутствовало напрочь. От домашней прислуги ничего не утаишь. Спустя некоторое время по городу поползли похабные слухи. Пыталась уехать. Хоть на время вернуться к родным. Не удалось. Алексей рукоприкладствовал и силой принуждал к исполнению обязательного женского долга.

Но бог на свете есть. Мелькнул в тусклой жизни лучик счастья. Да еще какой яркий! Умный, обаятельный, добрый. Она теряла рассудок только от общения с ним. Через какое-то время поняла: его чувства аналогичны, правда, рассудок мужчина не терял. Потому как годами был старше избранницы на целых двенадцать лет. Так и что с того. Зато любимый — герой войны с Османской империей. И ради нее хотел немедля стреляться с Алексеем, но передумал. Молва посчитала бы сей поступок не

---

* Юнона — Богиня красоты.

** «Cosa-rasa» — модная опера того времени, герой которой — человек наделенный огромным количеством отрицательных черт. Грубиян и самодур.

дуэлью, а убийством. Бравый офицер против сумасброда и пьяницы. И как бы поступил император, узнав об этом?

«Я предложила действовать по иному...»

...Гомон десятка голосов снова вернул женщину на грешную землю.

— Князь! Вы проиграли все! А посему извольте покинуть стол и, желательно, это помещение. Впрочем, последнее на усмотрение хозяина.

— Господа, займите денег. Пожалуйста. Подпишу векселя. Отдам. Рассчитаюсь. Надобно отыграться и немедленно. Такого проигрыша в жизни у меня еще не было. Уверяю. В следующей партии всенепременно должно повезти. Умоляю. Помогите.

Супруг был жалок и смешен одновременно.

Не желая видеть этого, Юнона стремглав покинула залу и метнулась к сидевшему в дальней комнате архиерею.

— Что, дочь моя, тако же не можешь глядеть на бесовское непотребство? Ноги бы в этом доме не было, ежели бы не нужда великая. Дщерь* хозяйская сильно недужит. Не может сама на исповедь явиться. А душа требует…

— Разведите меня с этим иродом, немедля,— перебила Анна.— Сил нет жить с Алексеем. Только что он наше состояние проиграл. Ведь по миру пойдем с рукой протянутой. Милостыню просить станем, аки...

— Не могу. Ибо молвила ты пред алтарем, то бишь вратами божьими. «И в горести, и в радости буду с мужем, единым целым!» Помнишь слова сии? Неси крест свой, до скончания дней.— Архиерей трижды перекрестил Анну, хотел добавить к сказаному, но в комнату влетел расхристанный и потный Алексей.— Ступай к нему. Убирайся с глаз.

Подошедшие следом зрители небывалого карточного поединка, перебивая друг-друга, поведали:

— Князь поставил вас супротив того, чего сегодня лишился. И снова проиграл. Неслыханное дело. Но граф милостиво обещал вернуть выигранное князю. Только вас при себе оставляет. Далее будете разбираться сами.

— Разведу! Ей-богу! — гремел вслед удаляющейся женщине бас архиерея.— Не видела земля русская подобного святотатства. Жену, богом данную, да на карточный стол. Такого басурманина от церкви отлучать надобно! Однозначно!

Несколько месяцев спустя

Анна поднялась на цыпочки, заглянула в глаза любимому. Пожаловалась: — Дамы, первыми заводившие со мной беседу, нынче отворачиваются и делают вид, что не замечают. Перешептываются за спиной — княжну бывшую, как крепостную девку. В карты. На кон! Кто она теперь? Служанка? Наложница? На балы приглашать перестали.

— Дорогая, как только будет решение Священного Синода — обвенчаемся, без промедления. Надеюсь, твой бывший муж не забыл, что такое долг чести и не будет препятствовать нашему счастью.

Галанин проигрыш признал. Дал развод. Этому способствовало то, что благородный победитель слово сдержал. При свидетелях вернул весь выигрыш злосчастной ночи.

* * *

Александр I узнав об этом экстраординарном событии, выкроил время и навестил дом молодоженов. По такому случаю хозяева устроили бал. Император пригласил Юнону на танец, показав высшему свету, что не видит за сим браком крамолы.

---

* Дщерь — дочь (древнерусск.).

Следом за самодержцем руку для танца предложили даме и именитые сановники.

Отныне аристократия была вынуждена вновь принять женщину в свой круг.

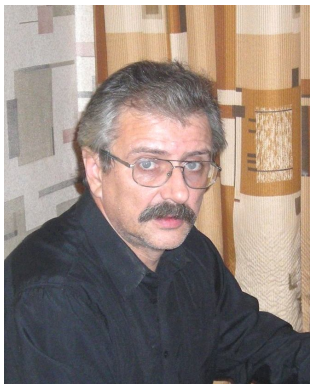
Некоторое время спустя князь Алексей вдрызг проигрался. До конца дней жил на подачки от дальних родственников, нисколько не сожалея о растраченном, почем зря, огромном состоянии.

1818 год

Леонид умер. Анна прожила с ним короткую, но счастливую жизнь. Детишек, увы, бог им не дал. Зато воспитали приемных. Мальчика и двух девочек.

Юнона пережила супруга на полвека. В завещании просила, чтобы ее похоронили рядом с суженым. А также подробно описала разработанный до мелочей сценарий карточной игры, в которой ее любовник Леонид Кириллович Умов должен был выиграть у Алексея Галанина имущество, а затем уговорить соперника поставить на кон жену Анну. И какие усилия потребовалось молодой женщине, дабы не выказать радость в тот момент, когда узнала — план претворен в жизнь! Игра блестяще завершилась!

Владимир Жуков
(г. Москва)



МЕДВЯНАЯ ПАДЬ

Владимир Григорьевич Жуков живет в Москве. Работал на стройках в Москве и в Ленинграде, сейчас на пенсии. Публикует рассказы на литературных сайтах.

1

Из плотной пелены светло-серых облаков накрапывал такой редкий дождь, что люди на центральной улице города не раскрывали зонты, а водители мчавшихся автомобилей не включали дворники.

Под охраной трех молодых мужчин Рыдвенов вышел из здания суда на площадку под прозрачным козырьком. До своего черного люксового внедорожника ему надлежало спуститься по широкой парадной лестнице и пройти по тротуару метров пять. Оставаясь внешне спокойным, Рыдвенов радовался, что десять минут назад отсудил у своей бывшей жены строительную фирму, что завтра на электронных торгах выиграет тендер на возведение торгового центра возле автовокзала.

К парадной лестнице перед входом в здание суда подъехал на спортивном мотоцикле мелкий человек в черной экипировке. Лицо его скрывало опущенное темное забрало кроссового шлема. Правой рукой он выхватил пистолет из кобуры, закрепленной на голени, и выстрелил дважды в Рыдвенова.

За миг до первого выстрела Рыдвенов почувствовал свою смерть, упал на колени, а потом на левый бок. Одна из пуль киллера попала в плечо охранника, другая раздробила ключицу его коллеге. Оба мужчины свалились с ног, застонали, заскрежетали зубами.

Третий охранник, он же водитель, выстрелом из пистолета пробил бензобак мотоцикла. Мотоциклист воткнул пистолет в кобуру на голени, крутанул ручку газа и метеором без свечения исчез среди автомобилей, которые неслись по улице, не давая упасть на мостовую полиэтиленовому полупрозрачному пакетику.

Рыдвенов вскочил на ноги, сбежал по лестнице и улегся на заднем сидении черного внедорожника. Водитель-охранник занял место за рулем, запустил бесшумный двигатель.

— В теремок,— негромко скомандовал Рыдвенов, достал из кармана серого пиджака носовой платочек и вытер россыпь капелек холодного пота на покатом лбу, который соединяла с плоским затылком лысина, окаймленная коротким седыми волосами.

Черный внедорожник отъехал от бордюра и покатил между микроавтобусом и такси по центральной улице города.

Поглядывая на жилые дома, мелькавшие за бронированным стеклом дверцы, Рыдвенов задышал ровно и свободно. Согнутые пальцы рук перестали стучать по коленям и выпрямились. Мысленно он составил список своих недругов, способных организовать убийство. Первой в этом списке оказалась бывшая жена, которая жила теперь с молодым тренером по плаванию — по брачному контракту ей после развода достался из всего имущества лишь инкрустированный стразами двухместный каб-

риолет лимонного цвета. Еще в тот список попали: Орлев, Карурулин, Зекрашвили — владельцы строительных фирм, которых он разорил при поддержке прокурора, начальника полиции и мэра города.

Черный люксовый внедорожник выехал из города и залихачил на шоссе, круто вилявшее по ровным необозримым лугам и кукурузным полям. Облачной пелене закат придал розовый оттенок. Металлические опоры с провисшими высоковольтными проводами тянулись вдоль шоссе. Встречные автомобили сбавляли скорость и прижимались к обочине.

В сумерках наступающей июньской ночи люксовый внедорожник проехал по деревне «Медвяная Падь», вызывая у дворовых собак запальчивый лай, а у подростков, кучковавшихся на автобусной остановке, восхищенные и завистливые взгляды.

Сразу за деревней асфальт на дороге сменяло бетонное покрытие, въезд на которое преграждал красный шлагбаум. Но он открылся, когда встроенными сенсорами засек датчики на бампере внедорожника, и закрылся, когда внедорожник поехал по бетонке к видневшемуся на горизонте лесу, окрашенному закатом в темный пурпур.

На опушке леса дом, похожий на сказочный терем, прятался на просторном участке за высоким деревянным забором с въездными деревянными воротами. Еще на участке имелась бревенчатая баня, скважина с водонапорным насосом, ухоженный теннисный корт.

Сенсоры движения распахнули автоматические деревянные ворота, пропустили черный внедорожник и закрыли их под фонограмму колокольного перезвона «Боже, царя храни» из аудиоколонок на столбах, державших створки въездных ворот.

Рыдвенов покинул внедорожник, поднялся по ступенькам на украшенное плоскорельефной орнаментной резьбой крыльцо, вошел в гостиную и приказал:

— Свет!

От звука его голоса электронная начинка дома включила бронзовую люстру, которая осветила винтовую лестницу на второй этаж, круглый столик с бутылкой коньяка и рюмкой, белую медвежью шкуру на полу, а на бревенчатой стене чучело оленьей и лосиной голов с ветвистыми рогами и грустными искусственными глазами.

Водитель привычно прошел через гостиную на кухню.

Рыдвенов глотнул коньяк, поднялся на второй этаж, принял ванну со сбором успокаивающих трав, затем улегся в спальне на мягкую кровать и крепко заснул.

Луна заглянула на минуту в окно спальни и скрылась за пеленой облаков.

На кухне водитель достал из холодильника и съел два бутерброда с сырокопченой колбасой, выпил пакетик томатного сока, разделся, положил одежду и кобуру с пистолетом на стул, улегся на диван-оттоманку, накрылся простыней и провалился в сон.

В лесу за забором ухнул филин. Летучая мышь низко порхнула над крышей терема и бани.

2

Увидев в густеющих сумерках, как красный шлагбаум опустился за проехавшим с асфальта на бетонку черным внедорожником, Ящелин, тридцатилетний брюнет, прошел от изгороди в избу. В комнате с низким потолком, освещенной зеленым пыльным абажуром, он увидел Кочетонова — своего погодка и двоюродного брата, который сидел за столом и смотрел одним глазом в горлышко пустой водочной поллитровки, словно на донышке ее лежало что-то особенное.

— Пора,— сухо сообщил Ящелин и сцепил пальцы опущенных рук.— Пора.

— Угу,— буркнул Кочетонов, облизал горлышко четвертинки и вышел из комнаты. Задетый его крупной черноволосой головой абажур качнулся и ярким пятном несколько раз осветил дверь, которую громко захлопнул, но не запер за собой Ящелин. В доме кроме старой одежды, посуды и мебели красть ворам было нечего.

Перед выходом из калитки на улицу двоюродные братья осторожно ощупали себя. Каждый из них прятал под полой пиджака обрез двуствольного ружья, а за голе-

нищем кирзового сапога финку. В одном накладном боковом кармане пиджака у каждого лежали патроны с картечью, а в другом кармане черный капроновый чулок. Двоюродные братья решили ограбить владельца черного внедорожника и свалить в другие края, где есть работа для механизаторов. Еще в конце минувшей зимы они были фермерами, а уже к весне компания «МДП» забрала их землю (когда-то с нарушениями оформленную в собственность) и разбила на сотне пахотных гектарах участки под строительство коттеджей.

Сумерки незаметно превратились в безлунную, но все же проглядную ночь. Всматриваясь в кусты боярышника и в редкие молоденькие березки по обеим обочинам, Ящелин и Кочетонов медленно приближались по бетонке к лесу. Они крепко дружили с детства. Оба учились в одном классе, оба служили на одной заставе, оба женились осенью пять лет назад, а в прошлом году, во время отдыха в Сочи, жена от Кочетонова сбежала жить к хинкальщику; а Ящелина жена бросила ради хозяина пятизвездочной гостиницы.

В предрассветных сумерках, в легком тумане двоюродные братья подошли со стороны леса к забору, за которым виднелась крыша терема. Из кустов орешника они достали лестницу, смастеренную из веревок и сухостоя вчера днем.

— Я первый, ты за мной,— негромко распорядился Ящелин.

— Угу,— буркнул Кочетонов.

Двоюродные братья ловко забрались по хлипкой лестнице на забор и уселись лицом друг к другу.

— Может вернемся домой? — тихо спросил Ящелин.

— Не хочу,— пробурчал Кочетонов.

Двоюродные братья вспомнили, что дома нет ни рубля, ни сухаря, перекинули через забор лестницу и спустились на скошенную траву теннисного корта.

3

С заряженным обрезом в руках, с натянутым на головы черным чулком двоюродные братья прокрались от забора на крыльцо терема. К их удовольствию кованая деревянная входная дверь оказалась незапертой. Ящелин бесшумно проскользнул в гостиную. В темноте, разбавленной через окно ранним рассветом, он указал брату обрезом на винтовую лестницу, вошел в филенчатую дверь и оказался на кухне. Обнаружил на оттоманке спящего мужчину до головы прикрытого простыней и приказал тихо:

— Встать.

Водитель резко сел и протер лицо углом простыни.

— Давай сюда все деньги, что есть,— потребовал Ящелин и навел обрез на размытое сумраком лицо.

— Ты кто?! — водитель встал босыми ногами на пол. Простынь сползла к его ступням. Гибкое спортивное тело его качнулась. Рука его потянулась к одежде на стуле, которая накрывала кобуру с пистолетом.

— Давай сюда деньги! — Ящелин выстрелил в холодильник, белевший поодаль от мужчины.

От грохота выстрела Рыдвенов проснулся и увидел в дверном проеме спальни темный силуэт человека.

— Свет! — подняв голову с подушки, скомандовал он.

Бронзовое бра зажглось в простенке между окон, занавешенных бархатными гардинами.

— Деньги давай! — потребовал Кочетонов и выстрелил из обреза в потолок над кроватью.

— Нет у меня денег,— ответил Рыдвенов спокойно. Спросонья он не испугался бандита в маске из черного капронового чулка. Страх его перед смертью остался возле приснившегося здания суда и двух подстреленных охранников.

— Тогда ты — покойник! — пригрозил Кочетонов, выстрелил в ковер на стене и проворно перезарядил обрез. Он любил охотиться, косить траву на лугах, пахать и засеивать поля, но еще никогда не обыскивал чужой дом.

От грохота, дыма и запаха сгоревшего пороха Рыдвенов почувствовал близость смерти и, спустив ногу на прикроватный коврик, сказал:

— Отодвинь комод. Там сейф.

— Ша! — Кочетонов навел обрез на Рыдвенова и ногой толкнул пузатый комод, инкрустированный карельской березой.

В стене за комодом оказалась квадратная дверца сейфа с цифровым замком.

— Код: 12... 18... 47,— произнес Рыдвенов, презрительно кривя губы и щурясь. Надавив пяткой на кнопку под прикроватным ковриком, он послал сигнал тревоги. Теперь, максимум через пятнадцать минут, из дома в деревне «Медвяная Падь» сюда примчатся сотрудники охранно-розыскного агентства и ликвидируют бандита.

Кочетонов последовательно нажал кнопки замка с названными цифрами. Щелкнула пружина, бронированная дверца открылась. В сейфе пачки стодолларовых купюр лежали в несколько рядов — как вверх, так и вширь.

— Забирай и уходи,— сухо потребовал Рыдвенов. Вооруженного бандита он воспринял не только как реальную угрозу для себя, но и для украшавших спальню напольных антикварных ваз и пары полукресел из красного дерева.

Кочетонов с возбужденным лицом подскочил к кровати, выдернул из-под головы Рыдвенова подушку, вытряхнул ее из наволочки и заполнил наволочку валютой.

В это время на первом этаже, на кухне, Ящелин десятый раз потребовал:

— Давай сюда деньги!

— У меня нет денег,— спокойно ответил водитель.

— Давай сюда деньги! — Ящелин выстрелил в пол рядом с босыми ногами упрямца.

Одна из картечин попала водителю в ступню, и кровь из раны обильно закапала простынь на полу.

— У меня нет денег! — мелко потрясая раненой ногой, провопил водитель и повалился спиной на оттоманку.

— У меня есть! — радостно объявил проскакавший по винтовой лестнице на первый этаж Кочетонов с пухлой от валюты наволочкой в одной руке и с обрезом в другой.

Ящелин выскочил в гостиную, быстрым взглядом оценил добычу, одобрительно хрюкнул и выбежал за Кочетоновым на крыльцо.

Черный люксовый внедорожник своим видом восхитил двоюродных братьев. Не сговариваясь, они кинулись к автомобилю и задергали ручки его дверей. Но салон не открылся.

— Так не доставайся ты никому! — театрально вскричал Ящелин и выстрелил в отверстие в водительской дверце, предназначенное для представления документов.

Вслед за грохотом выстрела громогласно заверещала сигнализация внедорожника. Нервно посмеиваясь, оглушенные двоюродные братья побежали к прислоненной к забору самодельной лестнице.

4

Водитель оторвал от простыни длинную полоску и перевязал ступню. Затем он взял с сиденья стула пистолет из кобуры и допрыгал на одной ноге через гостиную и крыльцо до угла терема. Там, кривя лицо от визга сигнализации внедорожника, он выстрелил из пистолета в одну из фигур, оседлавших забор, но промахнулся. Фигуры взмахнули руками и исчезли.

На крыльце терема появился в спортивном костюме Рыдвенов и пультом выключил сигнализацию внедорожника.

— Их двое! Они убежали туда! — подскакивая на одной ноге, сообщил водитель и махнул пистолетом в сторону теннисного корта.

Из аудиоколонок на столбах ворот зазвучала фонограмма колокольного перезвона «Боже, царя храни», и в автоматически открывшиеся ворота вкатил на участок грузовичок. Из его крытого брезентом кузова выскочили и построились в шеренгу пять крепких мужчин в бронежилетах поверх темно-синей униформы. Их черные береты, берцы, пистолетные кобуры выглядели как новенькие.

Рыдвенов помог раненому водителю добраться и удобно разместиться в кабине грузовичка, приказал смуглолицему парню за его рулем:

— Срочно в больницу,— и захлопнул дверцу.

Грузовичок сразу укатил с участка, ворота закрылись, и колокольный перезвон гимна про бога и царя отзвучал из аудиоколонок.

— Кто старший? — стремительно пройдясь вдоль шеренги мужчин, спросил Рыдвенов без эмоций на лице и в голосе. Хотя он был хозяином охранно-розыскного агентства, но не знал фамилии его сотрудников.

— Я. Хекутов,— ответил широколицый плечистый мужчина и шагнул вперед.

— Верните мне деньги. Двое с обрезами ограбили меня, перелезли через забор и убежали в лес,— Рыдвенов кивнул на забор за теннисным кортом и пружинистым шагом отправился для тонуса и аппетита вокруг терема, то вскидывая, то опуская руки.

Мужчины в черных беретах добежали до самодельной лестницы, по очереди шустро перелезли через забор и скрылись в лесу, кое-где пронизанном лучами восходящего солнца.

5

Двоюродные братья опустились на четвереньки и напились из разрушенного колодца — квадрата воды вровень с землей, из которого ручеек вытекал в овражек, в заросли крапины и малины. Затем братья взбежали на взгорок и повалились на мох внутри остатка сруба избы — следа от лесной деревеньки, в которой жили давным-давно люди, кормившиеся огородом, охотой и медом диких пчел. Широко раскрытыми глазами братья поглядели на стволы сосен, тянувшиеся к бледно-серому небу, остро подумали о бессмертии души, но взглянули на наволочку с долларами и забыли о душе своей.

— Купим землю, трактор. Заведем опять хозяйство. Женимся и заживем потихоньку,— помечтал Кочетонов и прихлопнул комара над бровью.

— Все это было, было, было,— проворчал Ящелин и вытер круглое потное лицо об где-то подранный рукав пиджака.

— Угу,— согласился Кочетонов, отмахнулся ладонью от комара, который настырно искал посадку на его крупном носу.

Где-то рядом послышался треск, хруст, шорох и какие-то непонятные звуки. Братья украдкой выглянули над срубом и заметили стадо кабанов. В одного отставшего подсвинка они выстрели из обрезов. Ломая мелкие кусты, кабаны кучно скрылись в молодом ельнике. Подсвинок коротко пронзительно взвизгнул и сдох. Братья достали финки из-за голенищ кирзовых сапог, быстро освежевали и разделали теплое тельце на куски. Потом финками они помогли окровавленным пальцам удалить внутри сруба мох с небольшого пяточка, а затем наломали у поваленной березы сухих веток и разожгли на расчищенном месте костерок.

Из дупла могучего вяза бурая белка внимательно понаблюдала, как два человека крутят над огнем костерка нанизанные на ветки кусочки мяса, выскочила из убежища, пронеслась вверх по стволу и спряталась в листве.

Где-то поблизости перекрикнулись мужские голоса. Двоюродные братья с кусочками мяса на веточке вскочили ногами на бревно сруба, словно для показа гимнастических упражнений.

Крики мужчин заметно приблизились. Братья бросили прутики с мясом в костерок, схватили обрезы, наволочку с валютой и дали деру в молодой ельник, в который скрылось недавно стадо кабанов.

— Эй, вы там! — заметив дым на взгорке, крикнул Хекутов, прижимаясь плечом к березе.— Эй! Отвечай!

Но никто не отозвался. Вертикальная струйка белого дыма уплотнилась, пополнела.

— Вперед! — призвал Хекутов подчиненных, прятавшихся поблизости за березами.

Пятеро мужчин в бронежилетах и с пистолетами в руках подбежали к остаткам сруба избы. Дым от тлеющего мха перехватил их дыхание и защипал глаза. Мужчины быстро затоптали огонь, подгоревшие кусочки кабанины и дымивший мох, потом помочились на получившиеся черные пятна и вновь погнались за грабителями, которые не маскировали свои следы.

6

После зарослей молодых елей двоюродные братья продрались через завалы валежника и попали на едва заметную в траве тропинку, которая через осинник, через лужайку привела их к закрытой двери землянки.

— Зайдем,— предложил Ящелин и взял обрез наизготовку.

— Угу,— согласился Кочетонов и встряхнул за спиной наволочку с пачками долларов.

— Я вам сейчас так зайду, что мало не покажется! — сердито предупредил вышедший из землянки Сидор Щуконев и потряс светло-русой козлиной бородкой. Синичка опустилась и взлетела с посоха в его костлявой загорелой руке, торчавшей из рубища. Щуконев вгляделся в лица гостей, признал двоюродных братьев и весь передернулся от гнева.

Три года назад Кочетонов и Ящелин жили с ним в деревне Медвяная Падь и завидовали, что у него кирпичный дом и продуктовый киоск на центральной улице, что он носит дорогую одежду и обувь, что имеет иномарку, на которой каждое воскресенье привозит себе из города широкобедрых проституток. Это Кочетонов и Ящелин подкинули в его продуктовый киоск кисет с маковой соломкой, кисет с марихуаной и вызвали полицию. Это тогда, возмутившись подлостью двоюродных братьев и не совладав с нервами, Сидор Щуконев побил их и полицейских. С тех пор он жил в лесу, но иногда по ночам приходил в Медвяную Падь к своей бабушке Дарье — одинокой подслеповатой молчаливой старушке за солью, за спичками, за иголкой с ниткой и мешочком сухарей.

— Дед, не боись, мы тебя не тронем,— сказал снисходительным тоном Ящелин, воспринимая хозяина землянки как придурковатого старика.— Дай попить и что-нибудь пожевать.

— Угу. Жрать охота,— подал голос Кочетонов, не узнавая в старике человека, которому жутко завидовал три года назад. За эти годы Щуконев похудел со ста десяти до шестидесяти килограммов. Тридцатипятилетнее овальное лицо его огрубело, обветрилось и стало похожим на деревянную маску доброго идола с острой бородкой.

Сидор Щуконев вынес из землянки крынку с компотом из лесных ягод и лепешку, испеченную вчера в костре на плоском камне.

Ящелин схватил лепешку, воткнул обрез за пояс брюк. Глотнул несколько раз из крынки, а остатками компота напоил брата, который слегка присел, не выпуская ни обрез, ни наволочку с долларами.

— Подтянись. Не отставай,— прозвучала команда из осинника.

Ящелин разбил крынку о валун и поспешил с Кочетоновым вдоль овражка в молодой березняк.

Сидор Щуконев запрокинул голову с длинными растрепанными волосами, закрыл глаза. Представляя, что лесом заросла вся Земля, он услышал тихий гул в верхушках деревьев и почувствовал себя окруженным вечностью и счастливым.

Пятеро мужчин в черных беретах и в бронежилетах пробежали неподалеку от землянки, но не заметили неподвижно стоявшего человека в рубище.

7

— Мне хреново,— часто сгибаясь на ходу, проскрежетал Ящелин, выбросил лепешку и накрыл рукой верх живота.

— Угу-гу,— отозвался Кочетонов, неуклюже шагая, но не отставая от брата.

— Старик отравил нас,— злобно предположил Ящелин и не ошибся.

Действительно, Сидор Щуконев компотом из ядовитых ягод отомстил двоюродным братьям за подброшенные в продуктовый киоск наркотики, за свою спонтанную драку с полицейскими.

— Стой! — раздался крик и выстрел.

Пистолетная пуля отколола кусочек коры у березы за спиной Кочетонова.

Ящелин остановился за соседней березой и сквозь туман перед глазами выстрелил дважды из обреза в мелькнувшего между кустов человека.

Кочетонов лег на скудную траву между березой и муравейником, из обреза выстрелил в голову ползущего человека, но промахнулся — помешал озноб, жжение в горле, резь в животе. Все же он переломил обрез, достал из кармана пиджака патрон, и тут пистолетная пуля попала ему в затылок и застряла в нижней челюсти.

Отшвырнув обрез в кусты дикой жимолости, Ящелин кинулся к брату, схватил наволочку с долларами и на плохо гнувшихся ногах поковылял по краю овражка, раскидывая пачки долларов, надеясь откупиться от погони, мечтая забиться в какую-нибудь норку и не высовывать нос на свет божий. На миг он представил, что жить будет вечно.

В следующий миг пистолетная пуля остановила сердце Ящелина. Выронив пустую наволочку, он рухнул на спину, и корни вывернутой из земли березы помешали ему скатиться в овраг.

Мужчины в бронежилетах убрали пистолеты в кобуры и быстро собрали пачки долларов в наволочку, прихватили у убитых финки, обрезы двустволок и побежали в обратный путь, к теремку на опушке леса.

8

Когда где-то поблизости закончилась частая стрельба, Сидор Щуконев в лаптях и с посохом в руке вышел из землянки и отправился проверить, убил ли ядовитый компот двоюродных братьев. Пробираясь по дну овражка с молодым березняком на склонах, он заметил, как по краю овражка промелькнули среди стволов и зелени мужчины в черных беретах и темно-синей униформе.

С минуту постояв неподвижно, Сидор Щуконев углубился в овражек и перед поваленной ветлой увидел на вершине отлогого склона черный шар. Упираясь посохом в землю и хватаясь за макушки тонких березок, он взошел на склон и остолбенел. Перед ним лежал, зацепившись ногами за вывороченный корень березы, Ящелин с простреленной головой, издалека так походившей на шар. Кровь уже запеклась на неживом лице и на траве, но привлекала много мух. Неподалеку, под березой, лежал рядом с муравейником Кочетонов с окровавленной пробитой пулей головой.

Внезапная горькая мысль, что двоюродные братья никогда не увидят ни солнышка, ни звезд, помутила сознание Сидора Щуконева. Сомнамбулой покружил он на месте, а когда очухался, снял с трупов кирзовые сапоги и всю одежду до нижнего белья. Затем связанную в узел добычу он нацепил на посох, закинул на плечо и заметил в траве под извилистой корягой пачку долларов. Вспомнил он, что из-за своей и чужой любви к деньгам лишился продуктового киоска, кирпичного дома, автомобиля, ласк городских проституток, и пошагал к своей землянке, мечтая о хорошем дожде, после которого должны были появиться рыжики.

Владимир Пахомов
(США)

КРЕСТ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Родился в 1948 году. Геолог. Работал в Приморье, на Чукотке, в Магаданской области. С 1998 года проживает в США. Это произведение — дебют автора.

О восстании староверов на севере Приморья 1932 года написано немало. Настоятельно рекомендую книгу А. М. Паничева «Бикин. Тайга и Люди». Я же попробовал в художественной форме донести свидетельства очевидцев, а также мои воспоминания о пребывании в местах, до сих пор хранящих следы тех трагических событий.

Осень 1982. Магадан встретил меня типичной и уже привычной для меня погодой — мокрый снег с дождем и ветром, а также опустевшими улицами и отсутствием мест в ведомственной гостинице, помянутой по этому поводу «незлым тихим словом».

В гостинице (конечно же, с оригинальным названием «Магадан») дежурный администратор, фигурой напоминающей плохо завяленную корюшку и таким же приветливым лицом, почему-то с раздражением пробурчала, что места есть только в двухместных номерах и в каждом уже посетитель. Долго изучала мой паспорт, а командировочное удостоверение даже смотрела на свет. Наконец, с видимой неохотой, буркнула:

— 213. Ресторан сегодня не работает — санитарный день.

В номере было в меру накурено, пахло селедкой, луком и спиртным. Из-за столика поднялся... я сразу узнал его! Человек со шрамом из моего далекого прошлого! Годы слегка согнули его плечи, но военная выправка все равно осталась, а белые волосы заметно поредели.

— Николай,— протянул он сухую жилистую ладонь.

Пожатие было излишне крепким (с каким-то вызовом, что ли?).

— Присаживайся к столу. Откуда будешь?

На журнальном столике стояла начатая бутылка водки, аккуратно нарезанная селедка, луковица и батон белого хлеба. Критически осмотрев это «великолепие», я достал из дипломата свой дорожный набор: бутылку коньяка и палку сырокопченой колбасы. После традиционного «за знакомство!» я утвердительно сказал:

— Николай,— а я вас помню. Вы ведь работали в Сеймчанском РайГру авиадиспетчером, да?

— Я там на практике был в 1969-м.

Меня он не вспомнил, но под «селедку» вспомнили многих общих знакомых.

— А ты до Севера где работал-то, Вовчик (видно, пожизненно мне Вовчиком быть)».

— В Приморье вот восемь лет отпахал. Незабываемое время!

— В Приморье? — как-то напряженно переспросил он.— На Бикине случайно не был?

— Как не был — в 1972 и 1973 заканчивал сезон на Улунге.

— Да знаю я это место, знаю,— лицо его потемнело, опущенные углы рта поволчьи поднялись, обнажив в оскале пожелтевшие, но еще крепкие зубы.— Оттуда вот это,— и он провел рукой по налившемуся кровью шраму с побелевшими краями.

Не спрашивая меня, налил почти полный граненый стакан коньяка, выпил залпом, шумно выдохнул, размял «беломорину», повертел и смял узловатыми пальцами с уже проступающими старческими пятнами.

Рассказ Николая

(Конец сентября 1932 года)

— Я сам с Приморья, в Спасске родился, ну ты знаешь, где это, а может и бывал. При мне его в Спасск-Дальний переименовали. Самый партизанский центр был в 1920—21 году.

Отцы рассказывали, как офицерье и буржуев разных пачками к стенке ставили без всякого суда, некоторых в ямах закапывали, а тех, кого в лес вывозили, так землей присыпали. Мы сами расстрелы-то не видели, малы еще были, но одну колонну запомнил. Человек 40—50 было, одни офицеры, все с орденами и шли как в строю...

Мы, мальчишки, все в партизан играли, «беляков» били, да как-то никто не хотел «беляками» быть, хоть и крестами ихними обвешивались. Я всегда был активным — председатель пионерского отряда, секретарь комитета комсомола и мечтал бороться со всеми врагами советской власти. Поэтому, когда призвали в армию,— попросился в особые части в подчинении ОГПУ (я еще в школе уже сотрудничал с районным отделом) и меня конечно зачислили.

Однажды на внеочередном построении нам было объявлено, что нашу роту перебрасывают на север Приморья для ликвидации последствий староверского восстания. Приземистый, бритый наголо человек с одним ромбом на петлицах твердым поставленным голосом закончил выступление:

«К настоящему времени, благодаря усилиям пламенного борца с врагами советской власти товарища Соколова, восстание в целом разгромлено и главари его понесли заслуженную кару. Но по тайге остались хутора, заимки и скиты недобитых сторонников восстания и сочувствующих им элементов. Никакой пощады врагу! Советское Приморье должно быть полностью и навсегда очищено от этой нечисти!»

Вскоре самолетами нас перебросили в Улунгу. В задачу нашей роты входило полное уничтожение хуторов, поселков, заимок, скитов и... и бандитов! Сколько их мы оставили лежать неубранными в тайге... кто считал? Помню Хомяково, Плотниково, Старково, Новожилово, да сейчас все на одно лицо!

Добрались мы до монастыря на реке Зева, ликвидировали все, а монахов отправили под конвоем в Улунгу, да слыхал, что не доехали они, лодка, что ли, перевернулась по дороге, наши-то вроде спаслись, а монахи плавать не умели, но это со слов, а может и доехали они все.

Выше по течению был женский скит, но там мы никого не нашли.

А еще помню, что наш 3 взвод парнишку нашел в зимовье, недалеко от Барановского хутора, так он, стервец, удумал капканы на трупах ставить, хоронить то их времени не было, да и не нужно было никому. Едва насмерть того мальца не забили, командир пожалел, а зря...

Ты, наверное, слышал, что много баб с детишками потонуло, спасаясь от нас на батах (лодки такие длинные, плоскодонные). Так вот, Вовчик, неправда это. Было устное указание не щадить никого... понял? Мы и нагружали бабами с ребятишками полные лодки и без весел отталкивали их от берега.

Вот тут-то я и получил это,— и он снова погладил шрам.

Ликвидировали мы тогда хутор Старково. А уже лед по Бикину шел. Стал я передавать в лодку мальчонку, годика три, может, чуть больше, а он возьми да и упади в воду, случайно, конечно, я ведь не хотел... Ну, и унесло его сразу течением! Вой поднялся жуткий, и тут одна старуха (помню, платок черный под самые глаза) кинулась на меня и обломком косы полоснула по лицу. Боль была адская и кровища!

Ну, я не помня себя выхватил винтовку у бойца, что рядом стоял, и воткнул ей штык в грудь, а она обеими руками в винтовку вцепилась, молчит, не кричит даже, а смотрит мне прямо в глаза и, ты представляешь, не было в ее глазах ни злобы, ни ненависти, как будто запоминала она меня...

Дернул я раз, другой — она из лодки вывалилась, и понесло ее вниз, только вот запомнил, что лицом вверх и рукой такой скрюченной будто грозит мне!

Сколько таких лодок было, уже не помню, а про эту отметина на лице каждый раз напоминает и глаза эти, как сейчас помню. А мне тогда и двадцати еще не было!

Он залпом допил оставшийся коньяк, закурил и вдруг, прищурившись, процедил:

Хочешь спросить — не мучает ли меня совесть? Нет, не мучает! И сплю я хорошо. Враги это были, понимаешь? Враги! И если бы дали мне еще одну жизнь, да что одну, несколько, я бы их прожил также! Ни одного дня бы не поменял.

Я ведь потом в охране лагерей служил (как говорили, «вертухаем») до самой их ликвидации, так я тебе скажу — политические, они для меня так «контриками» и остались, в десять раз хуже воров, и я их давил, как только мог! Жаль, стрелять их запрещали, а на побег кишка у них тонка была.

Особенно ненавидел тех, кто по статьям 58—10 и 58—11 шел, за агитацию против советской власти, сидели бы себе и молчали, а то только и умели, как сучки из подворотен, гавкать. Укусить-то не могли, куда им с их натурой-то...

Другие там за взрывы, диверсии разные сидели, так у тех хоть характер был...

В войну на фронт не просился, потому что понимал — здесь был мой фронт, не менее важный! Золото мы стране давали, на износ работали, да всего не расскажешь...».

— А что Вы здесь, Николай, в гостинице, проездом куда, что ли,— спросил я.

— Слет у нас завтра здесь — бывшие сотрудники органов собираются со всей области. Я вот и пиджачок со всеми наградами почистил. Разные почести нам, паек (икра, балычок, чай «со слоном», коньячок, может быть, а то последние годы все водку больше дают), ужин в ресторане, посидим, повспоминаем...

Все меньше нас и внимания к нам убавилось, а ведь были нужнее нужного когда-то! Понимаешь ты — нужны мы были, нужны. Главное — порядок был, ну и достаток само собой, а теперь вот пенсия. Прожить-то, конечно, можно на эту пенсию, да разве это жизнь?

Я вот всех пережил — Сталина, Хрущева, и теперешних переживу, не сомневайся, но скажу тебе так — лучше всех при вожде было! Два раза в моей жизни ревмя ревели и мы, и зэки: в день смерти вождя и в день, когда статуи его, бюсты и портреты уничтожали. Одни «политические» не плакали (радовались, наверное, втихомолку), ну я кому смог — припомнил потом это!

А Победа,— радость, конечно, была великая, только вот нам-то от нее проку было маловато — «суки» головы подняли, да «автоматчиков» (солдат осужденных) с фронта нагнали, но это длинная история, может, в другой раз, если еще свидимся...

— Спать давай,— резко оборвал он разговор и через пару минут уже беззвучно спал.

Я, в буквальном смысле этого слова оглушенный рассказом, уснуть, конечно, не мог. Глядя на безмятежно спящего человека, я пытался представить, как он жил все эти годы, пытался — и не мог. А сколько таких Николаев еще живет рядом с нами, получает пенсии, растит внуков... Что они рассказывают им? Чему учат?

Слетается завтра воронье — только что мундиры не черные.

Глядя на спящего Николая, я спрашивал себя: воспитала их существующая в то время власть такими, подменив все человеческие ценности понятиями революционной целесообразности и сознательности? Нет, я думаю, что большинство из них даже не знало этих слов, а если знало, то никогда не задумывалось над их значением. Просто порожденная властью вседозволенность помогла в полной мере проявиться всему низменному, что жило в них, было заложено их родителями и предками вне зависимости от происхождения.

Под утро мне, наконец, удалось сомкнуть глаза, и память (все еще под впечатлением рассказа, наверное) перенесла меня на 10 лет назад.

Первые встречи

(Улунга, конец августа 1972 года)

Наконец-то — летим! 18 долгих летних солнечных дней мы ждали этот АН-2 возле полосы затерянного в тайге таежного аэродрома с давно опустевшим домиком метеостанции.

За окном иллюминатора бескрайняя тайга — заросшие лесом низкие сопки сменялись долинами с едва поблескивающими речками, каменными осыпями, спускающимися с гольцов. Вдали уже угадывалась долина реки Бикин с ее многочисленными притоками, названия которых завораживали, как неизвестная музыка: Бачелаза, Тавасикча, Улунга, Чинга, Биамо...

Вдруг под крылом замелькали четко очерченные прямоугольники и квадраты редколесья и кустарника, контрастно выделяющиеся на фоне темной зелени. Знаком — большой палец вниз — пилот показал, что садимся.

Оставив нас на полосе с кучей снаряжения, самолет развернулся и улетел, помахав крыльями. Немного в стороне от изрядно заросшего по краям молодым березняком аэродрома виднелся неказистый домик, в которой кроме порядком облупившейся и сильно закопченной кирпичной печи не было абсолютно ничего.

До самой Улунги было чуть меньше двух километров, а темно-красное солнце (пожары, что ли, где-то?) уже клонилось к закату. Мы знали, что рядом с аэродромом находится военная радиолокационная станция и, наверняка, там есть машина. Увиденное, право же, было достойно описания. Одна створка ворот под полностью выцветшим транспарантом с неясной надписью лежала на траве, вторая же косо висела на одной петле. Судя по всему на станции не было никого, но на звук наших голосов вышел в помятой гимнастерке на голое тело и без подворотничка страшно заспанный сержант.

— Никого нет. Кирпичев (это лейтенант наш) уехал вверх по Бикину на рыбалку и все с ним тоже. А я вот на дежурстве,— и широко зевнул.— Машина не на ходу, но если немного «смазать»,— он выразительно погладил себя по покрытому минимум трехдневной щетиной подбородку,— то до села доедет.

Через полчаса мы въехали в Улунгу. Вдоль дороги, местами поросшей травой, стояло с десяток рубленых домов, угрюмо и, как показалось мне, враждебно смотрящих на нас темными окнами.

— Света нет,— пояснил сержант и мрачновато добавил: — А также магазина, почты, медпункта и никакой советской власти тоже нет! Две веселые фамилии на всю деревню — Черепановы и Могильниковы. Да еще Леха Гришко или Гришков, шут его знает, с большим прибабахом! Вам сюда,— и затормозил возле дома, в окне которого брезжил свет (керосиновой лампы, наверное).

На крыльцо вышел высокий сухощавый мужчина лет 50 и, судя по всему, жилистый и крепкий.

— Вы от Михалыча, что ли? А сам он где? Ну проходите, что стоять-то. Черепанов моя фамилия, а кличут Андронычем. Батчик теперь я ваш.

Так мы познакомились с одним из очевидцев восстания 1932 года, правда, в те времена он был ребенком и мало что мог рассказать об этом, да и то с большой неохотой. От него мы узнали, что прямоугольники и квадраты, которые мы видели сверху из самолета,— заросшие пашни староверов, где они выращивали пшеницу, рожь, а также сенокосы, пасеки, загоны для домашней скотины. На наших «генштабовских» картах были нанесены деревни: Старково, Новожилово, Плотниково, Хомяково.

На вопрос — сохранилось ли что-нибудь там, он как-то невесело улыбнулся.

— Вот поедем, там сами все увидите.

Утром, узнав, что Михалыч (начальник наш) прилетит через неделю, он предложил нам помочь срубить баню.

— А хозяйка моя — Люська, значит, картошки вам отсыпет — мешка три, да вот и она!..

На пороге появилась здоровенная бабища (другого слова подобрать не могу) лет 45, с выражением отстраненного любопытства на загорелом лице, в общем-то не лишенном приятности.

Впоследствии Андроныч рассказал нам, что невестою он привел ее из поселка Кхуцин (что на побережье Японского моря в 160 км от Улунги) через глухую тайгу.

— Там же, километров сто от Кхуцина, и брачную ночь справили — не дотерпели до дома-то...

Баню мы срубили из тополя; легкую, игрушечную, и даже успели помыться в ней. Была только одна проблема: все пригодные деревья находились на другом берегу. Если вам приходилось когда-нибудь переправляться через быструю реку с помощью только одного длинного шеста, да еще и на груженой плоскодонной лодке длиною в 7 метров, то вы знаете, каких невероятных усилий это стоит.

После кровавых мозолей и охрипнув от терпкой брани, мы, наконец, приобрели этот бесценный опыт, который так пригодится нам впоследствии во время сплавов по таежным рекам Приморья.

Прилетел Михалыч и, загрузив до отказа бат (вода чуть не достигала бортов), мы отправились вверх по реке Бикин на место работы со странным названием «Санькин Ключ». Немного выше устья Улунги Андроныч указал нам на обширные проплешины, поросшие молодым березняком и осинником на высоком правом берегу Бикина.

— Ну вот, смотрите, здесь деревни и были-то раньше! Люди жили... просто жили и все... никого не трогали, детишек растили...

Только в одном месте (Плотниково здесь стояло,— пояснил Андроныч) нам удалось рассмотреть два почерневших, слегка покосившихся деревянных столба.

Высадив нас на левом берегу, Михалыч уплыл с Андронычем вниз, пообещав вернуться через неделю.

Первым делом мы решили пожарить картошки. Развязали мешки с «благодарной» картошкой, которую упаковала Люська, и наградили «зловредную» самыми нелестными эпитетами, после того как обнаружили, что во всех мешках картошка (к слову сказать, отменная) была только сверху, примерно ведро или чуть больше. Остальной обьем занимала картофельная ботва вперемежку с землей и камнями! Мы сразу же вспомнили, что оставили Люське 15 килограммовых пачек сахару для бражки к нашему возвращению.

Через 16 дней (!) приплыл Андроныч — без Михалыча, который по его словам был очень занят, к сезону готовится.

— Какому сезону? — не понял я.

— Ясно какому, охотничьему. Он же каждый год остается здесь и отпуск прихватывает.

Узнав о том, что львиная часть нашей работы была на другом берегу и сделать ее без лодки было просто невозможно, он, прихлебывая чай, неожиданно мягко промолвил:

— Ты только не обижайся, Володя, ладно? Я вот каждый год работаю с геологами и все они что-то ищут, а ваша партия, мне кажется, ничего не ищет.

По молчаливому уговору мы не стали ничего говорить о картошке и вечером уже с наслаждением смывали двухнедельную грязь в бане. Из погреба был торжественно извлечен молочный бидон с «мальвазией» (так мы заранее окрестили брагу, изготовленную Люською).

Но столь ожидаемого праздника не получилось. Эффект после первой кружки был неожиданным и весьма неприятным. Пудовая, а то и больше, гиря в желудке, обильный холодный пот — самое малое, что я мог почувствовать тогда. Зловредная Люська и здесь умудрилась чем-то подменить сахар.

Дверь вдруг отворилась, и в комнату как-то боком и неуверенно вошел невысокий человек, лет 60, плохо выбритый, с редеющими пегими волосами и неуловимым взглядом маленьких бегающих глаз. Увидев в каком мы состоянии, он молча достал из спичечного коробка какую-то бурую мазь с едким специфичным запахом и предложил каждому на ногте скрюченного грязного пальца маленький кусочек. Минут через 10, после обильного, но уже не холодного пота, нам стало значительно лучше.

— Медвежья желчь это,— глуховатым, слегка гнусавым голосом пояснил человек.

— Могильников я — Евтихий. Можно кружечку?

Так мы встретились с живым свидетелем восстания 1932 года.

Выпивая кружку «мальвазии» за кружкой, он, то подымая, то опуская по-прежнему неуловимый взгляд и как-то без особых эмоций, рассказал нам, что восстанием руководил его ближайший родственник — Ефим Могильников и что Улунгу отряд ОГПУ захватил только на пятый день.

— Мне в ту пору только семнадцатый пошел, не убивал я никого, по зимовьям скрывался вначале. А потом вокруг деревень, да и деревень то уже не было, стал покойников (наших, стало быть) находить, мужики, бабы, иногда попадались, много их было... А уж дело к скорому снегу-то шло. Подумал я, подумал: им-то, мертвякам-то, все равно, уж и стал их на приваду (приманку, стало быть) растаскивать по тайге-то.

Дух от них, конечно, тяжелый был и сам я этим духом пропах насквозь, но ничего, потом принюхался, почитай, мертвяков-то двадцать растащил, да и капканы приготовил: на рассомаху, соболя да разные, по зимовьям их много нашлось. Да вот однажды ночью меня пинком разбудили, в зимовье ночевал я, выше по течению от Барановского хутора, да хутор-то уже спалили чекисты, а меня нашли, стало быть, случайно, сами искали, где погреться. Отправили меня в Хабаровск, а я почитай сроду в городе-то не был. И припаяли 15 лет, а за что? Отсидел я, да и вернулся сюда вот. Наших-то всех, кого знал, да и родню мою, говорят, расстреляли всю...

Потрясенные рассказом, забыв про «мальвазию», да и про все остальное, мы лежали молча. И показалось мне (ну не от «мальвазии» же), что потянуло от Евтихия отчетливым запахом тлена!

— Ну вот разговорился я что-то,— вдруг засобирался он.— Щас вот семнадцатую кружечку допью (я завсегда считаю), да и пойду. Благодарствую за угощеньице, не обессудьте, коли что не так.

— Открой дверь — душно что то стало и дрянью какой то воняет,— вдруг отозвался с нар Виктор.

(После этого я больше никогда не пил брагу и даже разговоры о ней вызывали самые тошнотворные ощущения).

Ровно год спустя
(Улунга, Зева, конец августа 1973)

В конце августа 1973-го я снова оказался в Улунге — один с рабочим (тоже Володей). Мне предстояло отработать площадь на левобережье реки Зева в бассейне ключа Трофимовский.

До зимовья в устье ключа нас доставил, конечно же, Андроныч, то и дело задевая винтом мотора о каменистое дно заметно пересохшей речки.

— Значит, через неделю забирать, да, Володя? — и оттолкнулся шестом от берега.

Зимовье (барачек по-здешнему) оказалось небольшим, чистым, но, к сожалению, без печки. Охотник, по-видимому, решил сменить ее и еще не завез.

Проснулся я от того, что лунный луч, прорезав через скудное оконце зимовье, осветил ближний угол призрачным зеленоватым светом. Накинув куртку, я вышел и вдруг почувствовал робкое, еле ощутимое дыхание осени, бросившей еще не ломкий, пахнувший почему-то дымом листок мне на плечо. Я снял его бережно и, держа в руке, как билет на долгожданный спектакль, тихо и счастливо рассмеялся. Мохнатые ресницы звезд над головой вдруг задрожали, с трудом сдержав серебряную слезу, чтобы не уронить ее в бесформенную шапку птичьего гнезда на наклонившейся к ручью голой вершине огромной ели.

Рано утром мы вышли в первый маршрут, и через полкилометра вступили в густой еловый лес. Как он был не похож на зеленомошный ельник бассейна реки Арму, где мы начали полевой сезон! Там чахлые, подгнившие, сломанные ели повсеместно проросли высокой вечно мокрой травой, с тучей комаров, облепляющих тебя при каждом шаге. Здесь мы попали в настоящий заколдованный лес; то-ли земля Берендеев, то ли владения Бабы Яги. Огромные вековые ели, сквозь кроны которых едва просеивались лучи солнца, свисающие длинные «бороды» зеленого с сединой мха, чуть вздрагивающие от неощутимого ветра, и гнетущая тишина (именно гнетущая, до неприятного позванивания в ушах) создавали иллюзию присутствия кого-то невидимого, пристально наблюдающего за тобой.

Испытав это чувство, мы с видимым облегчением молча вышли за границу ельника и замерли, ошеломленные увиденным. Контраст между сумрачным лесом и тем, что мы увидели, был просто невероятен! Как будто перед нами, сидящими в полутемном зале, внезапно подняли занавес, заливая зал ярким волшебным светом под бравурную увертюру невидимого оркестра! Перед нами была нескончаемая березовая роща! Да какая! До сих пор мы видели такую только в фильмах — сказках Роу и Птушко. Удивительно ровные стволы, казалось, вырастали из невысокой густой, еще не тронутой желтизной травы, на которую невесомо опускались редкие позолоченные осенью листья, закружив голову, как немыслимый хоровод невест в длинных снежно-белых платьях.

Стояла тишина, но совсем не такая, как в ельнике. Это была обволакивающая умиротворяющая тишина, которую хотелось бесконечно слушать, забывая обо всем на свете.

«Беловодье! Истинно Беловодье!» — прошептал я, с пронзительной ясностью понимая, почему староверы выбрали эту землю. Она действительно как земля обетованная была в полной мере созвучна их образу жизни, помогала взаимоотношениям с творцом природы, окружающим миром и друг с другом.

Размышления мои прервал шепот Володи: «Тихо, ты! Молчи! Сейчас она выйдет!»

— Кто выйдет? — не понял я.

— Ну, она! Понимаешь! Машенька или Варенька — да не все ли равно! С косой и корзинкой!

Я посмотрел на застывшее в благоговении лицо Володи и понял, что совершенно

не знаю его, проработав полгода рядом, и сколько мне еще придется учиться, чтобы хоть в какой-то мере понимать других.

А на третий день Володя потерялся во время маршрута. Обычно он шел то слева то справа от меня, в пределах так называемой «голосовой связи», постреливая из моей «мелкашки» рябчиков, которых он во время обеда поджаривал на прутике и съедал полусырыми. Но в этот раз или я увлекся, или он незаметно вышел из пределов слышимости, но так или иначе мой сорванный голос, метания по склону и выстрелы из нагана (мое ведомственное — императора Петра Великого Тульский оружейный завод, 1905) были напрасны.

Усталый и расстроенный, поздно вечером я приплелся в барачек. Спал плохо, постоянно прислушиваясь. Утром я опять вышел на левый борт Зевы и по нему пошел вверх, в надежде, что Володя переждал ночь и, согласно десятки раз повторенному, ждал на месте.

Смеркалось. Донельзя вымотанный, я выбрал место под двумя огромными лиственницами, из-под корней одной вытекал светлый ключик с необычайно вкусной ледяной водой. Что-то странное было в этом роднике, я и решил не забивать себе этим голову (забот и так хватало с лихвой). Из последних сил заготовил сушняка на костер, кое-как смастерил настил, запил водой банку «сгущенки» и мгновенно уснул.

Проснулся я от странных и совершенно незнакомых звуков — явственного женского плача-причитания или заунывной молитвы, исполняемой несколькими женскими голосами. Костер почти погас.

Дрожащими руками (приснится же такое, к чему бы?) я подбросил сухих веток, яркое пламя разогнало темноту, и вот тут я испугался по-настоящему! Напротив меня за костром сидела женщина. Вся в черном, в платке, из-под которого смотрели на меня огромные, немигающие глаза.

— Не пугайся. Монахиня я, Вера! А сестры матушкой звали. Здесь они вместе со мной вверх по Каменному ручью. Человек, знакомый тебе, крест наш (не антихристовый) поставит, да не скоро это будет-то. Пусть ужо упомянет нас, как невинно убиенных, а имена-то Пресвятая Богородица и так знает. Вижу — крещен ты, да среди тех, с красными звездами начертанными от антихриста, тоже крещеные были, только отреклись они от веры-то и не будет прощения им во веки вечные. Многие, ох, многие от суда мирского-то ушли, да суд-то Божий пострашнее будет. Ну, пойду я — идти то далече, разговорилась, людей давненько не видела, прости меня, грешницу, а работник-то твой,— почти ласково добавила она,— тебя около сруба поджидает, нашелся он.

Я еще долго всматривался в темноту, в которую она ушла, словно растворившись, сопровождаемая печальными криками совы «сплюшки», и еще какой-то незнакомой ночной птицы. Непреоборимый, какой-то внезапный сон сморил меня. Вскочив, будто кто-то громко позвал меня по имени, я тупо смотрел на потухший костер, думая про необычный сон (а вдруг не сон это?)

И тут я понял, что странного было в роднике,— в нем ничего не отражалось. Абсолютно ничего: ни мое лицо, ни небо, ни нависающая ветка лиственницы? Желая проверить догадку и заодно набрать воды для чая, я подбежал к роднику. И тут холодок снова побежал по моей спине — воды в роднике не было! Дно его было абсолютно сухое.

Голова закружилась от беспорядочно спутанных мыслей: ночное пение-плач, монахиня, родник. Даже не позавтракав и не оглядываясь, я быстро зашагал назад. Уже ближе к вечеру, на подходе к барачеку я увидел дымок от костра и причаленный бат.

Навстречу мне поднялись от костра Андроныч и Володя со смущенно-виноватым видом. Оказалось, что по плоскому водоразделу он незаметно для себя перевалил в долину реки Биамо и, проделав за два дня около 50 километров, выскочил на берег реки Бикин, где его подобрал каким-то чудом проплывавший охотник. (Спустя два

года Михалыч передал мне картонку от рафинада, найденную им в барачеке на устье Биамо, на которой углем написано: «Был здесь. Ушел искать наш маршрут. Володя»).

За чаем я рассказал о приключившемся со мною ночью и поразился, как изменилось лицо внимательно слушающего Андроныча.

— Вот оно, как-то... Значит, не врал Толик. Ты, Володя, знаешь его по прошлому году. Толик Решетько, участок у него по правому борту ниже Санькиного ключа. Так вот он лет пять назад завозил на Зеву кого-то, да и заночевал возле костра. А ночью, по его словам, монахиня к нему приходила. Ну я тогда посмеялся — любит Толик приврать, да и к спиртяге (а он у него завсегда есть) приложиться перед сном любит, а оно видишь-то как!?

И добавил:

— А теперь вот послушайте оба. Был на Зеве на ключе Каменном в тридцатых годах женский скит. Сколько там было их, откуда пришли и кто строил скит, тогда-то никто не знал, а уж теперь-то и подавно, но настоятельницу монахиню-то у них Верой звали — это точно!

И выразительно посмотрел на меня.

— Когда чекисты-то пришли, то разное говорили: мол не нашли никого там, наверное, через хребет ушли на Кхуцин, а там в Японию, да только не видел никто монахинь этих больше. Я так думаю, что после чекистов все они остались там убиенными да не захороненными по нашему обычаю-то, вот она, матушка, и бродит там — напоминает о них, да где их найдешь теперь, сколько лет прошло... А поминать, а вдруг и правда живы тогда остались, пусть даже не все? Как же их поминать — грех ведь!

Андроныч уехал, обещая вернуться через три дня, а я с Володей засиделся у костра. Спать вроде бы и не хотелось, но сизая дрема после трудного дня уже какими-то волнами начала накатываться на меня.

Страшный хохот заставил нас вскочить, парализовав руки и ноги, и сердце, казалось, тоже! Это был поистине дьявольский хохот, потому что ни один человек так смеяться не смог бы! Глухие замогильные раскаты сменялись язвительно — торжествующими нотами! Внезапно хохот оборвался и в наступившей полной тишине я слышал не только гулкое биение своего сердца, но и, казалось, сердце стоящего рядом Володи. Заснуть мы уже не смогли.

Приехавший через три дня Андроныч долго смеялся над нашими страхами и указал на бесформенное гнездо на голой вершине ели:

— Филин-рыболов это, давно живет здесь, а бывает, что после смеха то еще и свистит, Соловей- Разбойник из сказки.

Больше я никогда не был в тех краях.

В 1995 году по инициативе и при участии Александра Михайловича Паничева — человека, после окончания геологического факультета посвятившего свою жизнь изучению диких животных и ныне доктора биологических наук, на правом высоком берегу Улунги поставлен высокий староверский крест — «голубец», деревянные части которого для долговечности проварили в крепком соляном растворе.

На кресте 122 фамилии расстрелянных участников восстания. Им было от 24-х до 42-х лет.

Думал ли я тогда, что через двадцать лет в совершенно чужой стране судьба снова напомнит мне о тех далеких трагических временах.

Штат Орегон, США
(Осень 1993)

В 1993 году по контракту с областным управлением здравоохранения Магаданской области мы поставляли из США продукты питания, с которыми в это время в

области было, прямо скажем, неважно. Столкнувшись с проблемой поставки овощей и фруктов (соответствие цены и качества), мы случайно вышли на компанию из Орегона. Каково же было наше удивление, когда оказалось, что это русскоязычная компания и принадлежит она староверской общине.

И вот мы в Вудборне — небольшом городке штата Орегон. Здесь нас встретил худощавый невысокий человек с окладистой бородой в потертых джинсах и простой голубой косоворотке, застегнутой на плече простенькими пуговицами.

— Порфирий, а величают Иннокентьевичем, можно просто — Порфирий. За мной езжайте — ужо вечереет.

Через полчаса мы въехали в живописную долину, расчерченную сеткой полей, с ухоженными строениями ферм, небольшими стадами черных и черно-белых коров, фруктовыми садами.

«До чего *«похоже»* на наши деревни»,— подумал я.

Грузовичок «Тойота» затормозил на неожиданно открывшейся за яблоневым садом просторной улице со стоящими по обе стороны добротными домами с цветущими палисадниками.

— Приехали, пошли — умоетесь с дороги, да потрапезничаем, чем бог послал. Гостевой дом это. Извиняйте, что не так, для приезжих это, стало быть…

Чистая просторная комната с двумя кроватями, застеленными лоскутными одеялами, самодельный дощатый шкаф для одежды и небольшой буфет — горка с посудой.

После душа мы вышли в затененный дворик, где рослая, пышущая здоровьем молодая девушка, накрыв вкопанный, до блеска выскобленный стол и сложив руки на груди, с нескрываемым любопытством смотрела на нас. Русые с золотинкой густые волосы ее были покрыты платком, не закрывая лоб, тронутое загаром лицо с россыпью веснушек, васильковые глаза, а длинная, ниже колен юбка скорее подчеркивала ее фигуру, чем скрывала во всей красоте молодости.

— Что, хороша девка-то? — глядя на нас, рассмеялся Порфирий.— Ступай, Агаша, не надо тебя больше.

— Кушайте на здоровье,— грудным голосом пропела она и с полупоклоном прошла мимо нас, обдав волной каких-то приятных знакомых запахов.

— А ведь яблоками пахнет,— вырвалось у меня.

— Как есть — яблоками,— серьезно подтвердил Порфирий.— У нас все девки баские, да на руку скорые, от того-то и пахнет так. Молитву исправить надо — перед трапезой-то, а как неверы вы, то не возьмите в тягость «аминь» в конце сказать — чай язык-то не отсохнет.

Он достал из кармана красиво украшенную лестовку и со смущенным видом спрятал ее обратно. Мы наконец оглядели стол. На деревянных блюдах лежали: свежий крупно нарезанный серый хлеб, немыслимых размеров румяные пироги, белоснежная квашеная капуста, соленые огурцы, помидоры.

— День-то постный,— словно извиняясь, проговорил Порфирий.

В центре стола глиняный кувшин с квасом и небольшая (литра на полтора всего-то) запотевшая бутыль с прозрачной жидкостью. Я сразу обратил внимание, что посуда наша отличалась от посуды Порфирия. Как будто заметив мой взгляд (а может и впрямь заметил), он негромко произнес:

— Посуда то мирна — токмо для гостей, извиняйте уж! Здравы будем! — и ловко налил в граненые стаканы.— Самогон мой, давеча справил. Да я крепкий-то сам не уважаю, градусов семьдесят, не более!

После второй Порфирий разговорился, и мы с удивлением узнали, что ему всего 34 года, а детишек Бог дал пока всего пятеро, и что отец его Иннокентий Евсеевич, начетчик здешний (вроде попа вашего — мы то беспоповцы, стало быть, будем).

— Сейчас, почитай, у нас дворов шестьдесят с гаком осталось, а было почти под

сотню. Лет двадцать назад на Аляску подались первые-то, жизни стало быть лучшей искать, за ними и другие, а я так думаю, что жизнь-то она там, где дом твой, верой да молитвой крепкий, семья твоя да детишки — нешто можно лучше-то найти? Вот мы, Старцевы, сколько лет-то ее ищем — жизнь лучшую, и в Китае, и в Бразилии, а она здесь»,— и он обвел руками вокруг.

— Отец-то мой с Дальнего Востока,— да распросите его сами завтра, коли охота есть, а таперича спать надо, встаем-то по темну еще.

Я, по обыкновению, встал рано и вышел. Белая взбитая перина тумана как бы нехотя сползала с долины под ласковыми лучами утреннего солнца, горластые петухи уже заканчивали перекличку, где-то слышалось мычание коров, певучая размеренная речь — поселок проснулся.

Вечером, опять же с непременным угощением, мы встретились с отцом Порфирия — Иннокентием. Невысокий, плотный, с заметно наметившимся брюшком, борода и усы с густой проседью и очки в круглой железной оправе — таким мы увидели одного из самых уважаемых людей в поселении.

— Да я мало что помню-то, и времени прошло сколько. Мне ведь в 1932 году-то пять годочков-то и было. Отец рассказывал, что с Каменки (село такое в Приморье было) в Китай они скрытно ушли. Там мы и жили аж до 1958 года; отец мой, мать, два брата и сестра захоронены там. А потом Бразилия — тяжелые времена были, и вот тут уже нашли свой приют-то, на земле богоданной. А о восстании мне отец рассказывал, брат-то его Иосиф вместе с Могильниковыми, Кулагиными да со своим побратимом Ванькой Токаревым эти дела и вершили. Праведные были люди, коль мученическую смерть за веру от антихриста-то приняли. Прощевайте пока — мне вечерню исправить надо

Через два дня мы возвратились в Сиэтл. Больше встретиться не довелось, а жаль...

Вместо послесловия

Кто мог предположить, что эхо событий 1932 года отзовется через 60 лет, найдя отклик в моем сердце, и в какой-то мере изменит отношение к людям и их судьбам.

Такое долгое, долгое эхо...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Наш постоянный автор, председатель Липецкого отделения Союза писателей России.

МОРФЕМЫ

Посредством речевого центра,
Бывает, выскочат слова,
Неблагозвучны, но бесценны,
Понятные, как дважды два.

Нет, я не отхожу от темы,
И не использую жаргон,
В основе их лежат морфемы,
Удобные со всех сторон.

Порой они бывают грубы,
Но тем доступны и легки.
Их знают все — как однолюбы,
Так и по бабам ходоки.

Их знают женщины и дети,
Таксисты, критики, врачи.
Волшебные морфемы эти
Признали даже палачи.

Они в составе предложенья
Являют нужный оселок
И формируют выраженье
Практическому смыслу впрок.

И каждый в радости и горе,
Познав отвагу или страх,
Их точно видит на заборе,
Нацеленных не в бровь, а в пах.

Умейте слушать с интересом,
Готов за вами подмести.
Уж коли вас послали лесом,
Туда и надобно идти...

УХО-ГОРЛО-НОС

Наверно, так решил Всевышний,
Оспорить это не спеши,
Люблю я сыр, как любят мыши,
На кухне ем его в тиши.

У холодильника, без света,
На табурет пристроив зад,
Я ем его, ведь есть примета,
Что свет испортит аромат.

Однако, помня чувство меры,
Ряд потребительских причин,
Я ломтик нежного Ламбера
Однажды в этом уличил.

И сколько я его не нюхал,
Такой муссируя вопрос,
Закончил лишь прострелом уха
В системе ухо-горло-нос.

И повторился этот случай,
И он пугает до сих пор,
Когда в такой же тьме колючей
Жевал я с плесенью Рокфор.

А раз пошло такое дело,
Терял былую крепость дух,
Когда я кушал Мацареллу,
Ее расхваливая вслух.

Откуда же пришло отмщенье,
Кто уши мне зажал и нос,
Неужто импорт в замещенье
Такую пакость мне принес?

В бездумном сыропоеданье
Пойми, виновен только ты,
Храни свой орган обонянья,
Чурайся ранней глухоты.

ПЕЧАЛЬ

Вы не дразнитесь: тили-тили,
Пусть с дамой я, но мне полста,
Меня давно уж отлюбили
Во все доступные места.

Не гоже мужу в адюльтере,
Что без креста, пенять, заметь.
Меня давно уж отымели,
Но снова шарятся иметь.

Немудрено, в такой печали
Пожив, и вовсе одичать.
И по башке уж настучали,
Но заново пришли стучать.

Когда всего на свете мало
И жажды леденеет страсть,
Пойми, что надобно — отпало,
Но снова норовит отпасть.

Чертоги бросив обжитые,
Мы сами бед своих творцы.
Ко мне святые в понятые
Уже намылились отцы.

СОЮЗ

Аванс некрупный выдан Музой,
Еще смешнее был кредит,
А потому поэт от пуза
Не ест, он дерзок и сердит.

Он добр с коллегами для вида,
Пусть ходит иногда во сне,
И эта склонность к суициду
Его оправдана вполне.

Пока поэт еще не старый,
Его и ждут, его и ждет:
Два с половиной санитара —
Психиатрический уют.

Бывает в сутки по три раза
На люстру вешает петлю,
В тисках журнального заказа,
Что я заочно разделю.

Повиснув где-то на минуту,
Познав коротко мир другой,
Он с ощущеньем Абсолюта
Забавно дрыгает ногой.

Поймав в качаньях и наклонах
Под ним ходящий табурет,
Супруга вмиг за панталоны
Его спасет, не сделав вред.

Она ему жена и Муза,
Несет лирический мотив,
Основу брачного союза,
Удачно с творческим скрепив.

ПРИЦЕП

Видя парня атипичного,
Что мешает пиво с водкой,
Не выказываю личного,
Принимаю это кротко.

Он зарплату остроумно
Не несет жене и детям.
Не стремится необдуманно
Деньги выбросить на ветер.

Умилюсь, и неожиданно,
Этой благостной картинкой,
Коли к пиву мудро придана
Нашей водки четвертинка.

Потребляя кварту добрую,
Он в бюджет через акцизы
Прибыль родине удобную
Вносит целым организмом.

И стучит, греха не ведая,
По столешнице таранью.
Это действо я исследую
И включу в повествованье.

Пусть знакомство мимолетное
За бокалом и за чаркой,
Перейдет в общенье плотное,
Дружбу, временами яркую.

А потом попсу нетленную
Вместе выдадим фальцетом...
Пейте, люди, пиво пенное,
Обязательно с прицепом!

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

К окуляру мерцающей ночью
Есть желание тихо прильнуть,
Разглядеть и осмыслить воочию
Тел небесных далекую суть.

В них мерещится без опасений
Млечный путь, навевающий сны,
В стороне от любых потрясений,
от бюджета семьи и страны.

Без иллюзий и всяких утопий,
Без платежек, пеней ЖКХ,
Точно истина есть в телескопе,
Что не знает земного греха.

Ты отныне уверенный практик,
Понимающий степень свобод,
Созерцанье спиральных галактик
Обращаешь в приход и расход.

Распахни небосвод для объятья,
Там, на звездных его полюсах,
Так же тужат по разуму братья
На балконе в семейных трусах.

ДУХОВНАЯ ПИЩА

Скажи мне, баннер придорожный,
Зачем рекламою кастрюль
На путь ты направляешь ложный,
Духовной пищи в коем — нуль?!

Восходит смыслом обреченный,
Попробуй только, сопряги,
Тревожный день сырокопченый,
Где свет — с подливою мозги.

А рядом на щите дощатом,
Занявшем маленький забор,
Сосиски манят, супостаты,
Сырокопченостей набор.

Прими же неизбежность, гений,
И выстрой совпадений ряд; —
Доступность слюновыделений,
Опасный, плотоядный взгляд.

А в сумме — некий дух исканий,
Который дерзко дразнит плоть,
Послеобеденных иканий
Не дав еще перебороть.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ВОДОМЕТ

Без спроса, в сад явившись райский,
Бесцельно по нему сную,
Да и фонтан Бахчисарайский
Не шибко, в целом, узнаю.

На месте он, возле гарема,
Где казус плотских чувств возник,
И этому событью в тему
Наложнице пришел кирдык.

Там что-то сильно затупили
В суровый и кровавый век,
Кастраты деву утопили,
И хан ее не уберег.

Волненья сердца выражая,
Потом раскаялся всерьез
И что-почем соображая,
Фонтан придумал горьких слез.

Он, вроде, тот, но видом странный,
Пусть капает вода в тиши...
Быть может, словом иностранным
Назвать его он поспешил?

Но есть ли в словаре татарском
Аналог, что не прозвучал?
Верней всего, подарок царский
Гирей никак не величал.

Кто ж Аю-Дагом тайно грезит,
Экспансии погнал волну?
И почему француз к нам лезет
В словарь, как в Крымскую войну?

Пускай заимствований минет
Тлетворный иностранный гнет,
Фонтан я буду звать отныне
Российским словом — водомет!

Пусть славно он метает воду,
Ее гоняя взад — вперед,
Дав слово верное народу,
Который Пушкина прочтет.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Поэт, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член редколлегий журнала «Приокские зори» (Тула) и альманаха «Ковчег» (Тула), награжден алтайским отделением Союза писателей России памятной медалью «Николай Рубцов», автор многих книг.

* * *

Сегодня ты мне открываешь двери
В большие, неизведанные дали,
Чтоб в счастье вновь с тобою я поверил
И навсегда забыл про все печали,

Которые томили много лет
И мучали меня, как зуб больной.
Но к прошлому возврата больше нет.
Не знаю, что нас дальше ждет с тобой.

А ты — красивая и молодая,
Собою украшаешь мир вокруг.
И стала жизнь моя совсем другая,
И изменилось в ней все сразу вдруг.

Сегодня ты открыла мне все двери
И в дали поманила за собой.
И снова в счастье я свое поверил.
И наконец-то встретился с мечтой.

* * *

Прозвенел звонок на перемену.
Через пять минут ворвутся в класс
Малыши — моя «вторая смена»,
Пятьдесят красивых детских глаз.

Двадцать пять веселых ребятишек
Ринутся за парты, чтоб опять
Окунуться в мир учебы, книжек,
В ту страну, где каждый помечтать

Сможет о прекрасном и о счастье.
Слышу, вот бегут по коридору.
И при входе крикнут громко: «Здрасте»,
Поприветствуют меня и школу.

* * *

Тоска всей жизни, словно одеяло,
Меня накрыла ночью с головой.
И так дышать мне очень трудно стало,
Что, кажется, лежал я чуть живой.

И думал вновь о том, к чему возврата
Уже не будет никогда у нас.
Быть может, о былом жалеть не надо?
И душу бередить в который раз.

Луна небесной мне подругой стала.
Она молчаньем будто подтверждала,
Что испытаний ждет меня не мало,
Но сотворен ведь я не из металла.

И не могу, когда как одеялом
Тоска спешит накрыть меня порой.
Скажи, об этом разве ты мечтала,
Что будешь жить с другим, а я с другой?

* * *

«Не торопи события, дружок, —
Сказала ты при первой нашей встрече. —
Нас впереди немало ждет дорог.
И мы преодолеем их». В тот вечер

Я счастлив был с тобой, как никогда,
И тесно было на душе от страсти.
Поверил, что все это навсегда.
Прощаясь, целовал тебя на счастье.

Но подошел разлуки нашей срок,
А в памяти звучат твои слова:
«Не торопи события, дружок»...
И кружится, как прежде, голова.

* * *

Оставь обиды и печали,
С улыбкой повстречай рассвет.
Расстаться сможем мы едва ли,
Причин для этого ведь нет.

Мы молоды и энергичны,
А впереди дорог так много.

Преодолеть их нам — привычно,
Другие этого не смогут.

Мне кажется, что день грядущий
Нам только радость принесет,
Он будет светлый и поющий.
И мы отправимся в полет,

Забыв обиды и печали,
Навстречу звездам и луне.
Ведь мы с тобой роднее стали
За эту ночь. Ты веришь мне?

* * *

Пишите мне. Мне хочется вас слышать
Украдкой, ненароком, иногда.
Мне ваши строки помогают выжить
И осознать, что вечно, что — вода...

...Как жить теперь, запутавшись во мненьях,
Не дуть привычно, где не горячо?
Пишите мне, растерзанной в сомненьях.
Прошу, мой друг, пишите мне еще...

Елена Карамзина,
член СП России, г. Москва

Я написал бы Вам письмо, Елена.
Поговорить так хочется порой.
Но вырваться не в силах я из плена
Тоски коварной, беспощадной, злой.

Зачем писать? Ведь на душе тревога.
И мысли разлетаются, как птицы.
Их не собрать. И снится мне дорога,
Ведущая в пустыню. И не спится

Особенно под утро. А в окне
Мелькают лица тех, кого уж нет.
И не дают они покоя мне,
Из прошлого как будто шлют привет.

Так что писать? Что на душе тревога?
Что у Любви подруга есть — Измена?
Поговорить так хочется о многом.
Но надо ли Вам это все, Елена?

Надежда Доронина
(г. Пущино, Россия; г. Хельсинки, Финляндия)

ПУЩИНО — ХЕЛЬСИНКИ

Родилась в 1985 году. Поэт, писательница. Окончила Московский государственный университет культуры и искусств, по специальности — культуролог. Преподавала в филиале МГУ г. Пущино. Автор нескольких книг стихов и сборника рассказов «Финские реалии и фантазии». Произведения публиковались в ежегодном альманахе издательства «Образ», журналах LiterarиS (Хельсинки), «Новые Витражи» (Москва), «Фантастическая среда» (Барнаул), альманахе «Ассоль» (Прага). С 2018 года живет то в России, то в Финляндии.

ЛАПЛАНДСКАЯ НОЧЬ

Прекрасна лапландская ночь,
Она безупречно нежна.
Поможет печаль превозмочь!
Надежда осталась одна.

Господь где-то рядом со мной,
Всесильный и тихий всегда.
Усталость нахлынет волной,
А время течет, как вода.

Любимая осень бледна,
Небесная влага чиста.
Обрывки чудесного сна
Не сможет забрать суета!

БЛИЖЕ К НЕБУ

Ближе к небу хоть немного,
Чистой радости глоток!
Но бубнит рассудок строго:
«Мир огромен и жесток».

Голод, холод — неразлучны,
А бездомного мольба
Хоть колюча и беззвучна,
Но нисколько не слаба!

Солнце зимнее устало,
Сумрак в Хельсинки и тишь.
Света истинного мало,
Боже, страждущих услышь!

СРАВНЕНИЕ С ДЕРЕВЬЯМИ

Есть личности, подобные дубам
Могучим, вызывающим почтение.
Они открыты жизненным ветрам,
Их не пугают боль и огорчения.

Есть люди — как осины, все дрожат,
И жалуются даже из-за малости.
Таких довольно сложно обожать,
Скорей, они заслуживают жалости.

Найдется и особый человек —
Как яблоня, он очень добр и щедр.
Увы, он с нами вовсе не навек,
А мы его не бережем вообще!

Вот женщина плакучая, как ива,
Ведь муж ее — колючий, словно ель!
И разве она может быть счастливой?
Уйти бы навсегда, захлопнув дверь!

ЭПИЧНОСТЬ

Странствует душа, как Марко Поло,
Плавает дельфином в море слов.
Там, где веры нет,— ужасный холод!
Тем, кто понял это,— повезло.

Звезды знают: света нет без мрака,
Чудо заполняет пустоту.
Разум, как голодная собака,
Лает, заглушая сердца стук.

Нет и наслаждения без боли,
Дыма без опасного огня.
Где найти секретные пароли,
Чтобы всю судьбу свою понять?

Но она — китайский иероглиф,
Легче на французском говорить.
Кто с тобою рядом? Дьявол, Бог ли?
Шепчет некто: — Действуй и твори!

Анна Буторова
(Кипр)

Родилась в 1974 году в Москве. Училась в Московском гуманитарно-экономическом институте и Институте кнезиологии. В издательстве «Образ» вышла первая книга стихов «Желтая весна», несколько стихотворений опубликованы в журнале «Новые Витражи» (Москва).

КУПАЛЬНЯ АФРОДИТЫ

Здесь купалась богиня,
Прекрасная телом.
Восхищала собою мужчин.
Покоряла любого, какого хотела,
А любим был всего лишь один.

Адонис!
О, охотник, красивый и сильный!
Молодой и вселяющий страсть!
Был убит на охоте —
Ревность Зевса всесильна,
Человеку недолго пропасть.

Ты убит был коварно,
Афродиты любимый, —
Не с богами тягаться, поверь.
Но любовь победила —
И в царстве Аида
Ваши встречи возможны теперь.

РУСАЛКА

Куплю себе ласты. В пучину морскую
Нырну как русалка и поплыву
Навстречу волне я в долину лазури.
Веселых дельфинов с собой позову.

Мы с ветром соленым играть будем в прятки,
Читать прибаутки Нептуну-царю,

Загадывать рыбам простые загадки.
Я в мир океана окно отворю.

Познаю все тайны, сокрытые в море.
А после, конечно, на сушу вернусь.
Я хвостик русалки оставлю в прибое,
И девой обычной опять обернусь.

ДЫМ

Поднимается дым над землей,
Поднимается дым в небеса:
Заполняет пространство собой
И до слез разъедает глаза.

Слезы радости, боли, разлук...
Солона ли, горька ли слеза?
Излечим и сердечный недуг.
Поднимается дым в небеса.

Поднимается дым над землей.
Все пройдет и вернется опять,
Протечет незабвенной рекой,
И не нужно уже вспоминать.

В клубах дыма уйдет, что ушло,
И останется то, чтобы жить.
Видишь, ветром, как дым, унесло
То, что нужно давно отпустить.

ВЕЩИ

Коврик у двери. Шкаф коридорный.
Вешалка с фетровым старым пальто.
Черная шляпа. Зонтик фольклорный.
Ботинки... Давно их не носит никто.

Старые вещи в старой квартире...
Свидетели дней, что ушли навсегда.
Выйди наружу — к свету и миру!
И ни о чем не жалей никогда!

ГЕОМЕТРИЯ СНА

Геометрические формы.
Мир граней, острых и тупых углов.
На основаниях платформы
Фигуры ввысь летят. И нет здесь облаков,

Нет солнца, неба, моря, непогоды.
Лишь только линии и точки есть.

Не дует ветер, замерла природа,
Не нужно здесь ни пить, ни есть.

Глаз создает иллюзию движенья,
Размытых граней плавный переход,
И кажется: теряет резкость зренье...
Уж линий смену мозг не разберет...

Калейдоскопом мечутся картины,
Туманится сознание опять.
Я засыпаю... Линий паутину
Сменяет магия. Как сладко засыпать...

Елена Казлова
(г. Курск)

Родилась в 1999 г. в г. Рыльске Курской области. Является студенткой Юго-Западного государственного университета. Стихи и рассказы публиковались в журналах. Финалист литературных конкурсов «Ступень к Парнасу», «Мистер Добрый дом». Призер конкурса переводов немецкой поэзии.

ЭТО КАНУН ПОКРО̀ВА

Это канун Покро́ва:
Ветер свалил плетень,
А на лугу корова
Ходит последний день.

Больше не греет солнце,
Топится в хате печь,
Тихая песнь поется,
Плавная льется речь.

В норы седого леса
Леший загнал зверей.
Зыбкий туман-завеса,
Скрой наготу ветвей!

Бледный листок кленовый
Спросит у синей тьмы:
— Это канун Покро̀ва?
— Это канун зимы.

ТИХО РОЖЬ ПОД ГОРОЙ ЗЕЛЕНЕЕТ

Тихо рожь под горой зеленеет,
Спят утята на том берегу,
Похвалить я свой край не умею,
Я красиво сказать не могу.

Мне проснуться на сене — отрада,
Мне уснуть на печи — благодать.
Лишь от кладбища веет прохладой,
Там отец мой схоронен и мать.

Но здесь юность моя не кончается.
По реке мой кораблик плывет,
Вот девчонка седая купается,
В ней любовь никогда не умрет.

Я водой напиваюсь колодезной,
Я крапиву срезаю косой,
Я смеюсь, когда путники косятся,
Мол, остался здесь кто-то живой.

Семь домов и один не заброшен,
Детский смех здесь не слышен теперь,
Опечален я и огорошен,
Тем, что гость не стучит в мою дверь.

Дышит вечер прохладой, темнеет,
И корова ревет на лугу.
Похвалить я свой край не умею,
Я красиво сказать не могу...

ЛЕС

Открой свои тайны, чарующий лес,
Дай мыслью великой согреться,
От старой сосны до высоких небес
Бредет твое храброе сердце.

Излей свою душу, мою успокой
И снова вдохни жизнь в природу,
Незримой, но сильной своею рукой
Пиши добродетели оду.

Виталий Кузнецов
(г. Новочеркасск)

Наш постоянный автор.

ТУЛА

Снесенные дома, как вырванные зубы.
Фундаменты торчат — гнилые корешки.
Исчезли навсегда бревенчатые срубы,
Как пешки сметены движением руки.

О, Тула, город мой, мой первый, мой желанный.
Как первая любовь, ты в памяти моей.
Ты вечный мой причал, мой берег долгожданный.
Я помню о тебе и в суматохе дней.

Ты место первых игр, обитель детских страхов.
Мечтал я здесь порой, что буду знаменит.
Мой путь такой простой — для многих одинаков:
От детских ползунков и до могильных плит.

Здесь кладбища растут, как метастазы рака.
На фото ближних лет уж многих нет в живых.
Но дети вновь растут — ход жизни одинаков:
Ведь что ты испытал, то будет у других.

Мой город стал иным, и новоделы грубы.
Навязчиво блестят коронки корпусов.
Там, где сползали вниз ветшающие срубы,
Вздымается скелет строительных лесов.

ДРУГ МОЙ КОШКА

Мерседесная мордочка кошки
Повернулась ко мне настороженно.
Захотелось ей ласки немножко —
Значит чем-то душа растревожена.

Что ж, и мне захотелось участия.
И в душе настроение скверное.
Хоть мастак в поэтической части я,
В жизни многое сделал неверно я.

Ну давай исправлять ситуацию —
Вместе сделаем дело любимое:
Ты за птичкой взлетишь на акацию,
Я ж исправлю все «неисправимое».

Я желанной скажу, что желанная,—
Слишком долго продлилось молчание.
И стихи я доделаю ранние,
Что пылились в чулане сознания.

А потом мы отметим события,
Я куплю тебе корм восхитительный.
Приступ наш пессимизма забыт, и я
Начинаю свой путь победительный!

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Осенний грустный возраст увяданья.
Морщинки-паутинки подле глаз.
И не найти понятного названья
Тому, что так сложилось все у нас.

Хоть чаще мы друг к другу равнодушны,
Былая нежность — нет, да проскользнет!
А может быть, привычке мы послушны —
Искать стремнину там, где нынче лед?

Но лед любой когда-нибудь растает.
Ведь зиму сменит светлая весна.
Тогда пойму, кого мне не хватает,
И вырвусь я из тягостного сна!

РАССТАВАНИЕ

Унесет тебя самолет,
Унесет тебя в небо ясное.
Только сердце простреляно влет —
Сердце гложет тоска напрасная.

Ты умчалась куда-то ввысь.
Ты уехала к морю синему.
Как мне хочется крикнуть: «Вернись!»
Как мне хочется крикнуть: «Кинь его!»

Но застыл, не родившись, крик.
Заторможено сердца веление.
И шевелится вяло язык,
Лепеча слова поздравления.

НЕ МЫ

Кому мне звонить?
Немы телефоны,
И живы, пожалуй, не мы.
Устали любить —
Мы просто знакомы,
Как прежде, в начале зимы.

РАЗМОЛВКА

Не стоит рифмовать:
«Кричу — торчу»

В. Высоцкий

Тягостно я молчу.
В чувствах и мыслях сшибка.
Дорого заплачу
Я за любовь-ошибку.

Финишная глава —
Книга любви закрыта.
Умерли все слова,
В толще обид сокрыты.

Что ж, я сейчас молчу.
Стал я таким спокойным.
Значит, не по плечу
Быть мне тебя достойным.

ЗАКОНЧЕН БОЙ

Наташенька, идет дождь?
Наташенька, идет снег?!
Какая-то в ногах дрожь —
Как будто бы пришла смерть.

А, впрочем, почему смерть?
Я чую, я лечу, я жив!
Я чувствую земли твердь.
Все вижу, чуть глаза смежив.

Я вспомнил — ведь закончен бой,
И вот разрывы не слышны.
Пора проститься нам с тобой —
Я больше не приду с войны.

МОЛИТВА

Ветер в душе стих.
Мертвенным стал покой...

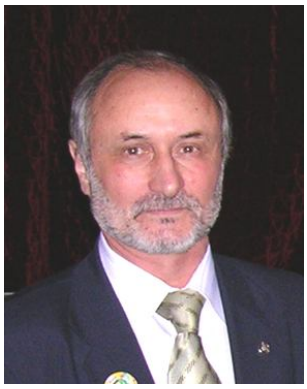
Перечеркнул стих
дрогнувшей чуть рукой.

Но почему так?!
Я ведь покуда жив.
Раньше любой пустяк
нервы рвал, обнажив.

Не о чем мне писать.
Темы ушли прочь.
Строк полегла рать.
День обращен в ночь.

Ну зазвени, рассвет!
Ветер, верни вновь
силу былых лет!
Новую дай любовь!

Яков Шафран
(г. Тула)



Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Много раз слетали листья кленов,
Много раз ложился первый снег.
Но хранит душа из всех сезонов
Непогоды яростный набег...

Что ж кричат так во́роны надсадно?
Ветер шквальный, сумрак вековой.
Почему так мысли безотрадны? —
В такт, наверное, погоде злой.

Спрятать солнце словно хочет осень,
Завершить весь ход времен собой.
Но в разрыве туч мелькнула просинь,
Видно, там случился перебой.

Вот и листья золотом блеснули,
Павшие, но помнящие свет,
Тот, что лился широко в июле,—
Луч сверкнул, как летний нам привет.

Луч сверкнул, в ненастье он — проказник,
Но для нас надеждою возник:
Будет свет и ясный день, и праздник,
И рассеет тьму и серость вмиг!

* * *

Набежало лихо, набежало.
Отовсюду лживые слова
И — удар отравленным кинжалом —
Клевета, что хуже воровства,
И врата, открытые наветам,
Словно память стала коротка,
И измена дедовским заветам,

Что давались внукам на века,
И предательство друзей, и края
Опустошенье, будто чужаком.
А страна лежит в бреду, больная,—
Рядом доктор, присланный врагом.

Но известно — лихо ведь не вечно,
Всяким бедам будет и конец.
И мы видим, как уже им встречно
Избавленья движется гонец.
Нас оставит это лихоимство.
Поругаем не бывает Бог.
Проявить к гонцу гостеприимство
Мы обязаны, чтоб Он помог!

* * *

Мне говорят, что о красивом
Поэту только и писать.—
Но почему глядит тоскливо
На своего ребенка мать?
Мне говорят — на струнах лиры
Поэту так к лицу играть.—
Но почему царят проныры
Кругом, как нынешняя знать?
На красоту мой ум отзывчив,—
Люблю внимать ей и ценить,—
Но с теми станет неуживчив,
Кто рвет любви сердечной нить.
И будет сердце биться в ритме,
Не веря горькому концу.
И устремляется в молитве
Оно к Небесному Отцу,
Прося о милости спасенья
Для ближних, дальних, для души
От повсеместного цветенья
Чертополоха наглой лжи,
От чужеземного уклада,
От постоянных небылиц,
От костюмерного парада
Никчемных одичалых лиц,
От повсеместного забвенья,
А также пустомелья уст,
От ядовитой ряски тленья
Когда-то чистых светлых чувств.

Душа болит, душа страдает —
До дна дошла уже страна,—
Как хочется в российском «рае»
От жуткого очнуться сна!

* * *

Нам отцы говорили, что лучшее
Есть всегда для хорошего враг.
Осторожность бы... Но благодушие
Заменило и щит нам, и флаг.
Нам отцы говорили... Не слушали,
Мол, своя голова на плечах.
Сны ловили ночами над крышами,
Днем искали забвенья в речах.
И шептали нам на уши демоны,
А мы думали ангелы в нас.
Неудачи — мы верили — временны.
Так искусно работал спецназ.
Мы глядели вокруг и не видели:
Как ярились зачатки стихий,
Веселились лукавых служители,
Расправлял свои кольца сам Змий,
Как богатством властители грезили,
Соблазняя обманкой свобод
И расцветом сплошной добродетели,
Где не будет уж бед и невзгод.
И под видом открывшейся истины
Захлестнула нас наглая ложь,
Ведь недаром потели те лысины
Новоявленных наших вельмож.
У дворца же на площади Ленина
Просил милость безногий солдат
И глядел на народ он растерянно,
Словно в чем-то пред ним виноват.
В том, что верили им, мы не праведны —
Видно, сильно замылился глаз...
Вы простите нас, деды и прадеды,
Дети, внуки, помилуйте нас!

НОЧНОЕ

Треск ледышек. Тонким настом
Ранний снег лежит давно.
Под мостком — живым контрастом
Водной заводи пятно.
Ночь замерзла. В небе ясном —
Сы́ром желтая луна,
Холодна и безучастна.
Поздно. В роще тишина.
Лишь доносятся глухие
Звуки из вороньих гнезд.
Окна гаснут. Сны людские —
Меж гирлянды ярких звезд.
Уж вокруг одна дремота...
Но вот в сумрачном углу
Огненный мелькает кто-то,

Рассекая искрой мглу.
Подхожу.— Водимый псиной,
Чей ошейник весь в огнях,
От бессонья с кислой миной
Мой сосед, а не лешак...

* * *

Сегодня снег кружит так плавно
И пишет музыку небес.
В краю, что серым был недавно,
Творит симфонию чудес.
И стих летит ко мне сегодня,
Лишь слушай, внемли и лови.
Из снега, что ль, сложилась сходня*
Для легкой поступи любви.

* * *

Душа истосковалась по зиме,
По белой тишине и благодати
И радуется снежной бахроме
И средь снегов березок стройных стати.
Забыв о сердцу дорогой поре
Красивого осеннего ухода,
В багряном ярком лиственном костре,
В лучах уже не летнего восхода.
Забыв касанье утренней росы
И вечер летний в бархате заката,
И тихий шелест ивовой косы,
Красу полян, так красками богатых.
Но чувствует — средь радости снегов —
Уже в березах пробужденье почек,
Журчанье звонких мартовских ручьев,
Среди зимы — уже весны росточек.
В движенье и природа, и душа,
И сердце снова наполняет радость,—
Так постоянно мы находим сладость,
Так жизнь в любую пору хороша.

* Сходня — нестационарная, переносная доска со специальными планками для предотвращения скольжения обуви, которая служит для перемещения с судна на берег и обратно.

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск Тюменской области)

НАШЕМУ НИЖНЕВАРТОВСКУ — 50 лет

Валерий Юрьевич Акимов родился в 1949 г. в г. Новомосковске Тульской области. Службу по призыву с 1969 года по 1972 год проходил в погранвойсках на финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 году приехал в Нижневартовск и работал там в газо- и нефтепереработке. Почетный нефтяник. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор двадцати одной книги.

«ЭРА САМОТЛОРА»

Пусть не имеет жизнь повтора.
Как победители страды,
Мы жили в Эру Самотлора
И были временем горды.

Как вдохновенно здесь трудились,
Нам вспоминать не надоест.
Не зря тогда сюда стремились
Мы от родных и теплых мест.

И не забыть того задора,
Напрасно ввязываться в спор...
Недаром эра Самотлора
Всем души греет до сих пор!

ЗАЛОГ ПАМЯТИ

Не собираюсь лить елей,
И не лукавлю, видит Бог:
В такой красивый юбилей
Я подвожу годам итог.

Тюмень — звучало как пароль,
Казалось, все решится тут,
Вела, одну из главных, роль:
Ноябрьск, Березово, Сургут,

Нефтеюганск, Ханты-Мансийск,
У нижней варты Самотлор...

Всех влек сюда разумный риск
И зазывал собой простор.

Мы не жалели мышц и жил
Во славу мирного труда.
Здесь каждый Родине служил.
В глуши вставали города.

Был СССР для нас отцом.
Теперь уже — Россия мать.
Тут становился всяк бойцом
И есть о чем повспоминать.

«Я ЛЮБЛЮ НИЖНЕВАРТОВСК»

Не из чьей-нибудь угоды,
Не в застолье во хмелю:
За свои былые годы
Нижневартовск я люблю.

Как работать не ленился,
Пусть мороз нещадно жал,
Где по чести жить учился,
Не от возраста мужал,

Чувства «кривдой» не малюя...
Ни как дочь, жену и мать,
Как наставника люблю я,
Научившим понимать

Строгость жизненных законов,
Отличать добро от зла...
Не словами пустозвона
Вдохновлявшим на дела!

МОЙ НИЖНЕВАРТОВСК

Не за калым, не на калым
Я не поеду в Когалым,

Ни за какие калачи
Меня не сманят Покачи.

И у судьбы излишен пас,
Что предлагает Лангепас,

Не привлекает даже он —
Такой уютный Мегион.

Давно забыт молящий гуд,
Как зазывал к себе Сургут.

И пусть не предъявляют иск
Нефтеюганск, Ханты-Мансийск,

Не зрят следы моих сапог —
Излучинск, Радужный и Повх,

Ноябрьск, и Нягань, и Пыть-ях:
Моей души нет в тех краях...

Здесь для нее нашел покой,
Что подтверждаю и строкой,

Не затеваю с вами спор:
Его взлелеял Самотлор,

Лишь Нижневартовск — по нутру!
Я тут когда-нибудь умру,

В нем все мечты мои сбылись...
Обь до Упы — такая близь,

Где Тула — родина моя,
Любовь свою, к ней не тая,

На сердце сразу тает лед,
Когда сажусь на самолет

И сможет он меня умчать
О Нижневартовске скучать!

НЕ ТОЛЬКО НЕФТЬ НА САМОТЛОРЕ

Не только нефть на Самотлоре —
Эпоха предъявляет счет,
Где так близки восторг и горе,
Где и бесславье, и почет.

И, где народ с природой споря,
Нашел свой жизненный приют.
Не только нефть на Самотлоре,
Здесь просто-напросто живут.

Живут, забыв про все напасти,
Не ведан им покой и страх,
Найдя свое земное счастье
На самотлорских берегах.

Живут, препятствия сметая,
Они — герои не из книг.
И, каждый тут в мечтах витая,
Такой похожий на других.

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ

От невзгод мы не клонились.
Край суров наш, но и щедр:
Неспроста сюда стремились
Извлекать богатства недр.

Не забыть, как начиналось,
Верьте вы моим словам,
Невзирая на усталость,
Возводили город вам.

И достичь всего сумели,
Пусть брались мы на излом,
Смело шли к заветной цели
Не бочком, а напролом.

Зря ли, зорями алея
В память нашенских заслуг,
До такого юбилея
Мы смогли дожить не вдруг.

Владислав Бусов
(г. Кашира Московской области)

БЕЛОСТВОЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РОССИИ

Владислав Бусов родился в 1946 году в Мариуполе. Образование высшее техническое. Публиковался во многих журналах и сборниках. Лауреат литературного конкурса Георгия Кольцова «Звездное перо». Член каширского литературного объединения «Зодиак».

* * *

Опушка зимней рощи
Сугробами полна.
Здесь меряются мощью
Береза и сосна.
И в высь уходят кроны,
Несут земной покой,
Под золотые звоны
Стихает ветра вой.
К истокам возвращаюсь,
Тропинкой проходя,
Душой я очищаюсь,
С тобою, Русь моя!
В час грусти и сомненья
Где силу обрету?!
Ответы откровенья
У рощи я найду,
Где русские березы
Напомнят мне опять:
«Пиши стихи и прозу,
Но так, чтоб не солгать».

* * *

Что шумите, березы, под ветром,
В синем небе оставив следы?
Не дождаться от вас мне ответа,
Все опавшие скроют листы...

Упадут янтарем на поляны
И зажгут золотистый огонь.
В роще голой, осенней, усталой
Обретут они вечный покой.

В эту пору блаженные мысли
Навещают меня иногда.
Я смотрю в поднебесные выси
И считаю, как листья, года...

* * *

Прощайте, белые березы,
Красоты русской стороны.
В душе остались только грезы
Тоской щемящею полны.

Из окон дальнего состава
Пожар в лесу осенних дней.
Вокруг шумит листвой дубрава,
Мне звуки осени милей.

Вот к югу потянулись птицы,
На небе росчерк клиньев их.
Мне к ним бы присоединиться
И стать Икаром хоть на миг.

Стать на крыло, как эти стаи
В полете волю ощутить.
Тогда душа моложе станет,
И юных лет явится прыть.

О том, что было, не жалею,
И молодость не возвратить.
Остались прошлого мгновенья,
Чтоб в памяти своей хранить.

Прощайте, белые березы,
Мне с журавлями по пути.
Весной прольются ваши слезы —
Вся зелень красок впереди.

* * *

Колокольною медью звенит
Одинокая в поле береза,
Листья желтые сбросив свои
В ожидании первых морозов.

Вот зазимок припорошит
Серебром ее ветви нагие,
Будет платье ей белое шить,
Наряжая в искрящийся иней.

Словно Лебедь она проплывет
И закружится в танце со звоном.
Знать, пришел в ее жизни черед
Обручиться с есенинским кленом.

СТАРАЯ РОЩА

Я в старую рощу иду, здесь когда-то
Белела она берестой,
Но жизни мгновенья ушли безвозвратно,
Ведь им не прикажешь: «Постой!»

Стволы у берез почернели с годами
И отблеском «стылых зеркал»*
Печально глядят на меня со слезами,
Себя в отраженьи узнал.

Не счесть мне колец годовых у березы,
Минуло с тех пор столько лет...
Но поросль в лесу пробивается все же,
Как утренний солнечный свет.

Расти ей вольготно под небом России
В миру многоликом земном,
Крепить возрожденную Родины силу
В единстве духовном своем.

* * *

Здравствуй, роща с опавшей листвою,
Что осенним шуршаньем полна.
От тебя, признаюсь, я не скрою —
В эту пору ты грустью мила.

В эту пору ты даришь богатство
Золотых драгоценных монет
И, как будто венчаясь на царство,
Оставляешь божественный след.

Говори, не тревожь меня, роща,
И печалью своей поделись.
Буду я твою денно и нощно
Вспоминать золотистую высь.

Отшумят твои ветры лихие,
Безотрадный покинувши край,
Но подарит надежды благие
Мне зеленый березовый май.

СНОВА В РОЩЕ

Не долог мой путь, снова в роще
Неспешным я шагом иду.
Прогулка — чего еще проще
Себе я занятье найду?

---

* Замерзшие лужи.

Морозец так градусов десять,
Скрипит под ногами снежок,
И гидрометцентр шлет нам вести,
Что русской зиме пришел срок.
В лесу тишина, только ели
Едва бахромою кивнут,
Как слышно — уже свиристели
Веселую песню поют.
И с ветки вспорхнет вдруг синичка,
В заботах о корме она.
И вспыхнут огнем, словно спички,
У дятла два ярких крыла.
Мой путь среди елей и сосен
Напомнит нежданно о том,
Что здесь в сорок первом под осень
Фашистов встречали огнем.
И память об этом — как песня
Во славу былинных лесов.
Надежным они были местом,
Подспорьем в разгроме врагов.

БЕЛОСТВОЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РОССИИ

В голубую высь березовые кроны
Устремились вслед плывущим облакам.
Будто с ними улететь они готовы
И привет прощальный передать лугам.

Не спешите в дальние края, березы,
В жаркие края, они ведь не для вас.
Знаю, по душе вам зимние морозы
И в убранстве белом рощи без прикрас.

Там, где пальмы веер изумрудный
Раскрывают над просторами морей,
Не задует ветер вам попутный,
От того тоска по Родине сильней.

Облака осенние — как птицы,
Что весной вернутся гнезда вить.
Время ожидания промчится,
В череде мгновений — жизни нить...

И когда поляны оживут лесные,
В рощу снова я приду вас навестить.
Белоствольные вы символы России,
С вами мне и веселиться, и грустить.

Людмила Свирская
(г. Прага, Чехия)

Родилась в Алма-Ате (Казахстан); после окончания школы переехала в Барнаул, где окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета. Автор 7 стихотворных сборников и многих публикаций в журналах и альманахах. Член Союза российских писателей. Стихи переводились на украинский, чешский, сербский, английский, испанский и каталонский языки. Финалист и призер литературных конкурсов: «Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Фонарь», «Русский Гофман». Победитель поэтического конкурса «Пушкин в Британии» — 2018.

* * *

Апрель был продолженьем февраля,
А май так неожиданен и кроток!
Когда в тартарары летит Земля,
Хрипящий Amen вытянув из глоток,
Когда последней кажется весна
На стоптанных обломках жизни прежней,—
Спасительная райская волна
Накатит под цветущею черешней.
Опавший лепесток, лизнув ладонь,
В траву сползет тяжелой каплей мутной...
Мчит в темноту надежды белый конь,
Теряющий подковы поминутно.

ВШЕНОРЫ*

Дуб — как храм у дремлющей горы.
Царственные, вечные Вшеноры.
Снег не тронут — будто с той поры...
Из того февральского минора
Тянется фермата тишины,
И — на вздохе — горестное имя...
Оттого ль сугроб одной вины
С каждым годом все непроходимей?

* Вшеноры — деревенька под Прагой, где долгое время жила семья Марины Цветаевой. Там родился ее сын Георгий (домашнее прозвище — Мур).

Здесь ни ямб неведом, ни хорей —
Только скалы в сумерках да рощи,
Но в краю, далеком от морей,
Ей, морской, всегда дышалось проще:
Сын гулил. Писался «Крысолов».
Падал снег на замершие клены.
Пел рассвет — оранжево-лилов —
Для нее — отчаянно-влюбленной...

Теплый дом. Уютный, как тогда.
Пирамидкой — сонная беседка.
И о русской пани иногда
Вспоминает старая соседка.
Белым полем — будто реку вброд —
Перейду я медленно и хмуро:
Вдруг в снегу покажется вот-вот
Погремушка маленького Мура?

* * *

Горят леса и залиты дороги —
Все втиснуто в последний летний миг...
Пожар на рельсах. Осень на пороге.
И поезд возвращается в тупик.
Мир изменился как-то слишком резко:
Я с непривычки дух переведу,
Пошлю живым и мертвым смски,
Застряв в таком-то, кажется, году...
Уже случались времена лихие:
Дай Бог, и эту тьму пересидим...
Огонь — вода... как прежде, две стихии...
А ты один...

ПО КАЗАЧЬЕЙ УЛИЦЕ ХАРБИНА*

По Казачьей улице Харбина
Ты идешь, подолом шелестя,
Под дрожащим небом голубиным,
Под слепой кириллицей дождя.
На груди — атласная косынка:
Из ромашки прежней — лепесток.
Здесь тебе не каторга, не ссылка —
Просто жизнь с названием «восток».

Рядом муж — в пиджачной строгой паре,
Дети, словно прошлые года...
Дом теперь — на берегу Сунгари,
И друзья заходят иногда:
Запросто, вольготно, без опаски

* Харбин — после 1918 года один из центров русской эмиграции. Город стоит на реке Сунгари. Самый знаменитый русский поэт Харбина первой волны эмиграции — Арсений Несмелов.

Выплеснуть надежду и беду...
Как кулич к давно забытой Пасхе,
Греет душу счастье раз в году.

Улеглось, устало, отболело
Все, что спать мешало по ночам.
А поэт с фамилией Несмелов
Тяготеет к горьким мелочам:
Молится, витийствует, пророчит:
Строки звезд прозрачно-голубы...
Расшифрован вмиг и укорочен
Иероглиф собственной судьбы.

...Ну, а ты стареешь. Прячешь руки
В тот же свой ветшающий наряд.
И большие радостные внуки
Резво по-китайски говорят.
Вот и все. Уж так ли жизнь жестока?
Или, может, вовсе благодать —
В доме у Сунгарского потока
Долгий вечер жизни коротать?..

МОЛЧАНИЕ

Как тот барон за волосы — тяни!
Вытягивай из тьмы неукротимой
Свои смешные, маленькие дни,
Свои густые, вдумчивые зимы
И (стерто) одинокого листа...
(Здесь по ошибке написала: «горькость»,
Опять ошиблась — будто неспроста —
И стерла получившуюся «гордость»,
Которая — и держит на плаву
Меня, ко мне — и обо мне, со мною...).
Не потому ль я все еще живу,
Что строк блаженство чувствую спиною?

За ветку, за рукав, за лепесток —
Вытягиваю днями и ночами
Свой шаткий смысл. Свой яростный итог.
И непереносимое молчанье.

Михаил Афонин
(г. Донецк, ДНР)

Родился в феврале 1974 года. По образованию горный инженер. Закончил Донецкий государственный технический университет (ныне — Донецкий национальный технический университет). Живет и работает в Донецке. Прозаик, поэт, литературный критик, редактор. Соавтор многих поэтических сборников, таких как «Час мужества», «Воля Донбасса», «Юзовка Сталино Донецк» и других, изданных на территории Российской Федерации, Донецкой и Луганской Народных Республик. Постоянный автор российских периодических изданий, где опубликовано около 300 рассказов. Член Союза писателей Донецкой Народной Республики.

КРАСНО-СИНЕЕ

В синем небе белым кажется
Прошлых жизней след расплывчатый.
Самолетов сталь бумажная
Для забытых и забывчивых.

Синим — буквы о прощении,
Красным — буквы о прощании.
Осень жизни в отражении,
Тихий голос с придыханием.

Опоздали самолетики,
Прилетели не по адресу.
Красным — сердце на блокнотике.
Синим — имя в форме паруса.

Написали и не вспомнили.
Потеряли — не заметили.
Паруса накрыло волнами
И прошло сорокалетие.

Остается только маяться
И не спать, как будто чокнутый.
Красным — туфельки и платьице.
Черным — после перечеркнуто.

РАССВЕТ

Пусть наши девятые жизни
Сплетутся в тугую плеть.
Мы будем камней неподвижней
От страха не жив умереть.
Мы станем лучами солнца,
Капелью седой весны,
Наполним водой колодцы.
Мы жаждой обнажены.
Пусть ляжет на стол зеленый
Колоды последний туз.
Пусть острый клинок граненый
Сердца остановит, пусть.
Ты станешь моим рассветом,
Про свой позабыв закат.
Пусть звездные самоцветы
Эхо двоих отразят.
Пусть наши последние жизни
Оставят свой первый след.
Я буду из ада в рай изгнан,
Навстречу к тебе, мой рассвет.

БУРЕВЕСТНИК

Сто дорог под дождем,
Сто полей не засеяно хлебом.
Оболжем, переждем, подожжем
Это богом забытое небо?

Сойки гнезда не вьют
Там, где вороны стаями кружат.
Не найдут, отпоют, не убьют,
Если будешь стоять безоружен?

Нас теперь не узнать.
Сотни масок на каждом надето.
Потерять, избегать, горевать
Над веревками марионеток?

Не смотри на шута.
Пусть поет эти глупые песни.
Говорят, он умеет летать,
Буревестник, кудесник, ровесник.

Василий Тараканов
(г. Алексин Тульской области)

ИЗБРАННОЕ

Первая публикация в нашем журнале.

* * *

Вот месяц взобрался на свой пьедестал,
Все в небо темное рожками бычится —
Звездный час наступил, он настал,
и песня
раздольная
пишется!
Плачет душа и ликует (ну как это водится),
И как водится, воет уныло струна,
Но душа и под вой той струны хорохорится,
То, что в песне тоска — не ее ведь вина.
Не ее и вина, что любовь запропала,
Уходя что-то долго надрывно кричала...
С неба падали звезды,
На струнах дрожала слеза —
это все слишком поздно —
Уходишь
сейчас навсегда...
Эх, ударь же рука по забористым струнам,
И душа пускай снова, рыдая, поет,
И каким-то неведомым, радостным чудом,
Светлое счастье
в душе
оживет!

* * *

Это Пушкинская осень!
Это блеклый свет меж сосен,
В сером небе облака
Да притихшая река.
Я бреду по листьям желтым,
В лужах тонкий лед блестит,
У дубка за поворотом
Первый снег уже лежит!

Ах, какая все же радость,
Постоять на горке малость,

Вдаль, далеко посмотреть,
Дать закату догореть.
Наступаю я на льдинки —
Звонкий хруст из-под ноги,
Эти чудные картинки
Будто боги сберегли!

Как в Михайловском, ей-богу!
Внемлю гения я слогу,
Стихов ритмы берегу —
Жить иначе не могу.
Это Пушкинская осень!
Это блеклый свет зари,
Это всплески неба — просинь —
Так пари ж, душа,— пари!

* * *

Не был в беловежской пуще,
И не видел я оленей в лесу,
В заповедной той гуще,
Преклоняют они как колени,
их волшебную ту красоту!
Проживаю в России центральной —
Перелески кругом и поля,
Где свет дальний
порою увижу вдруг
я...
Не в обиду этой вот пуще,
Нет на свете природы мне лучше —
родимая, милая
сердцу
земля!
И я преклоняю колени,
Ну, словно олени,—
Святую водицу
из глаз родниковых испить —
Вдосталь ей
насладиться!
На коленях стоя,
Поблагодарить
За радость покоя
заповедную тишь!
Где ветер иногда
прошуршит
только
лишь...

* * *

Вот и лето уходит,
Уж погода на осень слегка,
И... облака —

Их стайка по небу все бродит —
Дорога ее в небесах широка!
Ну, а наши тропинки поуже,
Но роднее небес мне они...
Вот в тени
облаков тропка кружит,
Как кружат по жизни и наши все дни.
День дня быть может и хуже —
Бабьем же летом все дни хороши!
И в тиши
В пору эту вдруг жизнь подытожит
Те дни,
Что едва нам видны,
что далече от нас ушли уж они...
Легкой дымкой грустинка закружит,
Поволокой прозрачной слетая с небес,
Стал и лес
В позолоте нисколько не хуже,
И в ностальгии мой дух вновь воскрес!
Так кружитесь же стайки по небу,
А я по тропиночке вниз побегу,
И на берегу,
Душе своей на потребу
Эту легкую грусть
сберегу!

* * *

Заря, угаснув потихоньку,
Уплыла в солнечную даль;
Я посмотрел заре вдогонку —
Ох, не берет с собой, а жаль.
Не стану солнечным поэтом —
Луну придется воспевать.
Но стоит ли грустить об этом,
И стоит ли мне горевать?
Луна,— она ж небес ребенок,
У ней волшебные лучи!
И взгляд таинственен и тонок —
Рождает чувства он в ночи!
Под этот свет любовь приходит,
И сказку в небе ворожит,
Созвездий хоровод заводит,
на глади водной он дрожит...
Скатясь по небу под окошко,
Взволнует душу и... замрет...
Вдруг звезд просыпавши лукошко,
Мне песню тихо запоет...
А поутру заря проснется,
Ну также, как и человек,
И солнцем ярким улыбнется,
Мой освещая
бренный
век.

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

ЗАВОРОЖЕН МАТУШКОЙ-ЗИМОЙ
Цикл стихов

Наш постоянный автор. Почетный Генеральный консул Республики Беларусь в Западной Сибири.

* * *

Вечереет. В первых звездах небо,
Желтый свет печальных фонарей.
День уходит, гаснет, будто не был...
В парке все темнее и темней.
Колдовством наполнен дивный воздух,
Ночь и день целуются в уста,
И опять приносят мыслям роздых
Вечера открытые врата.
Свежий ветер вдаль уносит звуки,
Чары жизни отдает земля,
По небу разбрасывая руки,
Звездную постель себе стеля...

* * *

Ночь. Деревья в серебристом инее
С укоризной смотрят на меня,
Небо днем, что было нежно-синее,
Ныне в блесках звездного огня.
Затихает вьюга голосистая,
Завершая ветра снежный бег,
И ложится рябь, слегка волнистая,
На пушистый в лунном свете снег.
С ней и я, как будто чудной сказкою,
Заворожен матушкой-зимой,
И рисую неба звездной краскою
Дом мечты хрустальный светлый мой...

* * *

О, мечта! Далеко ты за краем,
Где рассветных трудов благодать...
Я твою высоту принимаю
И безмерную звездную гладь.
На земле я ищу к ним дорогу,

Хоть навстречу порою беда.
Но с небес мне приходит подмога,
И минует земная вражда.
...Вновь в раздумьях бессонные ночи,
И распахнуты в небо врата,
У души открываются очи...
И уже достижима мечта...

* * *

В росинках утра чистых, светлых,
На тропке старой, что в снегу,
В мечтах зарниц живу рассветных
И в сердце детство берегу.

Моя пацанская Отчизна!
Размах полей, костров огни —
Начало всех начал у жизни,
Просторам неба что сродни...

Мир дальних дней и юн, и вечен
Своей беспечной хлопотней...
Года спешат заре навстречу,
Мча память к детству на постой.

* * *

Тебе не скучно без меня?
А мне без глаз твоих немило...
Сквозь тучи луч на склоне дня
Златит поля прощальным пылом.
...На сердце грустно и уныло.

Уж серебрится свет луны
На промелькнувшем тихом плесе...
Вагонный стук рождает сны,
В мерцанье звездное уносит.
А там твой взгляд, как неба
просинь...

* * *

Средь ночного неба т*и*ши
В окнах тучек силуэты,
Звезд волшебные букеты
Над соседней виснут крышей.

В небе путь мерцает Млечный,
Сердцу он — как сна дыханье,
Горизонт — ветров лобзанье
По земле разносит вечность.

Тишиною покоренный
Сонный мир уводит в небыль,
Звездный свет луной взращенный
Провожает душу в небо...

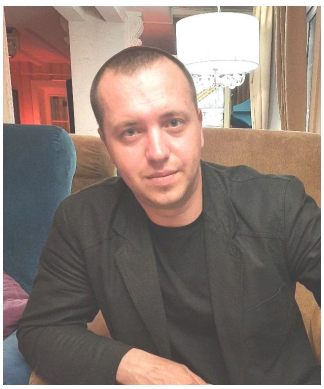
* * *

Когда стучится ночь в окно,
Луны серебряная нить
Несет мне то, что не забыть,
Что в мир добра обращено.

Как в непогоду огонек,
В душе картины детства дней.
Фигуры близких мне людей
Переступают мой порог...

...На веры и любви крыле,
Надеждами наполнив грудь,
Мечты летят за Млечный Путь,
Все зло оставив на Земле...

Евгений Харитонов
(г. Белгород)



Родился и проживает в г. Белгороде. Окончил Белгородский юридический институт МВД России. Победитель и лауреат всероссийских и международных поэтических конкурсов. Публиковался во многих журналах.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Небо — плитка шоколада
С нежным цельным миндалем
Ярких звезд. Царит прохлада,
Мгла сгустилась киселем.

Сопок жилистые плечи
Примут лунный свет за шаль.
Пухом ряженые свечи
Камыша глазеют вдаль.

Не шумят поля ковыли,
Сонно головы склонив.
А ветра в степях застыли,
Будто резвость обронив.

Ночь тиха. И до рассвета
Жизнь свою теряет суть.
Словно замерла планета,
Чтоб немножко отдохнуть.

ВОТ И ВСЕ

Вот и все, пришел черед разлуки.
Виноватых незачем искать.
Тяжелеют понемногу руки,
Им уже тебя не обнимать.

И волос твоих не гладить косы,
Не смеяться до ночи вдвоем.
Наши чувства — срезанные розы,
Что слабели в вазе день за днем.

За окном улыбку спрячет солнце —
Наш последний вечер на двоих.
Будто оно с нами расстается,
Чтобы завтра согревать других.

ПОХОЛОДАЛО

Вечер ничего не предвещал,
В сентябре еще он бодр и светел.
И все также весело качал
Желтый лист в своих ладонях ветер.

Но к утру пошло все кувырком,
Словно осень с приступом невроза.
И в окно стучится кулаком
Тот же ветер с визгом и морозом.

Сквозняки летят со всех щелей,
А под кожей холодеют жилы.
Мне б вернуть одежду потеплей,
Ту, что моль на лето одолжила.

* * *

Ну что сказать? Я та, какою стала.
Имею за плечами жизнь без грез.
Пусть обойдет меня дурная слава
И прошлое не кажется всерьез.

Что будет дальше? Где моя дорога?
Ищу ответ на жизненной меже.
Ну а пока живу с надеждой — в Бога
И с верою на лучшее в душе.

Я не предам ни совести, ни дружбы!
Пусть у других лежит в запасе месть.
Мне б просто стать кому-то очень нужной
И быть желанной, как благая весть.

Мария Шадрина
(г. Санкт-Петербург)

Мария (Де Паоли) Владимировна Шадрина родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии им. Черкасова по специальности «экономист, организатор театрального дела», затем курсы гидов-переводчиков при Интуристе. Работает гидом-переводчиком и организатором экскурсий. Стихи начала писать с детства. Произведения публиковались в коллективных сборниках и альманахах.

КАРЕТА ПОДАНА, МАДАМ!

Карета подана, Мадам!
Дорогу кучер-время знает,
И пусть вас больше не терзает
Тоска по прожитым годам.

Вы говорите, что одна,
Что дети выросли и внуки.
Не опускайте в горе руки,
Вам жизнь прекрасная дана.

Не прячьте слезы под вуаль,
Примите возраст, как подарок,
Любуйтесь днем, который ярок,
Забыв тоску, смотрите вдаль.

Поверьте, зрелость — не беда.
Ее Творец дает как милость.
И вовсе вы не изменились,
Душа как прежде молода.

Не исчезает красота,
Чудесна осень жизни вашей,
Бывает лист осенний краше
И ярче летнего листа.

Простой послушайте совет —
Свою любовь родным дарите
И Господа благодарите,
Когда встречаете рассвет.

Цветущий мир открыт для вас.
Обид ненужных скиньте бремя,
Бывает лучшим только время,
Что называется «сейчас».

НОЧЬ

Ночь обводит черной тушью силуэты
Старых зданий, фонарей, оград витых.
Кони- звезды плавно мчат Луны карету,
Серебристый свет роняя с высоты.

Краски дня Ночь мягким ластиком стирает,
Наполняя город призраками снов,
Черным вороном над крышами взлетая,
Опускает на планету свой покров.

В тихом парке устилает себе ложе
Темным бархатом с мерцающей каймой.
И пугает привидениями прохожих,
Возвращающихся в поздний час домой.

Она с ними забавляется, играет,
Когда улицы зловещие пусты,
Им дорогу неспроста перебегают
В черных, ею превращенные, коты.

Устрашающе протягивают лапы
Деревца, что были утром так милы.
Ночь-проказница, надев с вуалью шляпу,
Фонарей глазами светится из мглы.

Утро близится и проседью витает
В неба угольного призрачном дыму.
Ночь с лучами солнца первыми растает,
Чтоб, вернувшись, погрузить весь мир во тьму.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Наш постоянный автор.

ОСЕННЯЯ ПЕЧАЛЬ

Ржавые листья летели на крышу из жести
В доме, где жил председатель колхоза Семен.
Нет в предстоящем процессе ни капельки мести,
Нет предрешающих связей прошедших времен.

Краткие блики лучей затуманены пылью
Взвешенной в воздухе прахом остатка дорог —
Вспомнила лошадь нелегкую долю кобылью
И встрепенулась, копытом стуча о порог.

Желтые ставни отвергли зеленую краску,
Крошевом мелким посыпали землю в саду,
Видом своим говоря: «Расскажу я вам сказку:
Было несчастье у нас в сорок первом году...»

Ржавые листья все также летели на крышу,
Теплая осень прощала, прощалась, ждала,
Видом своим говоря: «Отдохните, я слышу —
Гонят коров по тропинкам родного села!»

ЗАПАХ ДЕПО

Запах депо разносился в округе,
Словно воздушные массы с пути
Всех призывали: «О, люди, о, други!
Вам не пора ли в дорогу пойти?

Сядьте в вагоны, возьмите поклажи
И уезжайте в другие места.
Будет сидеть! Ведь судьба не покажет
Чистую плоскость другого листа!

Бросьте, простите, разрушьте, разрежьте,
Смело доверьтесь зовущей мечте
В равных частях. Не забудьте! Надежде
Сердце отдайте, как делали те,

Кто не боялся ни горя, ни моря,
Кто не страшился сорваться в пике,
Кто не искал на диване покоя
С пультом удобным в ленивой руке...».

Запах депо разносился в округе,
Словно воздушные массы с пути
Всех призывали: «О, люди, о, други!
Вам не пора ли в дорогу пойти?»

Андрей Канавщиков
(г. Великие Луки Псковской области)

МИХАИЛУ ИСАКОВСКОМУ

Андрей Борисович Канавщиков. Заместитель председателя правления Псковского регионального отделения Союза писателей России, председатель литературно-художественной творческой группы «Рубеж». Публиковался во многих литературных изданиях. Автор 45 книг стихов, прозы и публицистики. Лауреат Международных и Всероссийских литературных премий, Гран-при фестиваля патриотической поэзии «Форпост».

КОМБАТ

Комбат нас поднял в штыковую
И первой пулей был сражен,
Упал лицом в траву густую,
Как в бесконечный черный сон.

Лежал в простреленной шинели.
А нас все мучает вопрос:
«А без него бы мы посмели
Пойти на пули в полный рост?!».

И нет ответа. Дождь печально,
Тихонько сеется с берез,
Чтобы комбат наш на прощанье
С дождем не видел наших слез.

Мы высоту еще не взяли,
А значит, снова завтра в бой,
И снова сердцу будет зябко —
В рост подниматься в штыковой.

«Кто встанет первым?». Нет ответа.
«Но чтоб не я», — мелькает вдруг.
Молчим и крошим из кисета
Махорку влажную на круг.

ВРЕМЯ

Люди быстро взрослеют после детского трона,
И всегда остается явная мета,
Пожуешь ты сочную жменю гудрона —
И становишься старше на целое лето.

А лизнешь зимой, на морозе, качели,
Вот и лет на десять ты станешь старше,
Вот уже и старик, хоть все то же тело,
Но иначе смотришь и видишь дальше.

А потом теряешь ты друзей и близких,
Ты родных теряешь и друзей — по новой,
И все выси мира вдруг склонятся низко,
И сокровищ нету выше щей в столовой.

Не терял — выходит, ты и не жил вовсе,
Не терпел предательство — юн, как прежде, значит,
Жизнь — не лес, не дол, а, скорее, просека,
Где пеньки, пеньки и пеньки впридачу.

Вроде, все видать, только нет дорожки,
Горизонт открыт, но не ясно, где я.
Ты лизни качели — поумнеешь трошки,
Да пожуй гудрон, чтобы стать мудрее.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Память моя бескрыла —
Вот и плетется шагом.
Кружево дней застыло
Длинным архипелагом.

Меж островов проливы
В пене скрывают рифы.
Ах, как неторопливо
В воду уходят мифы.

Тонут куски событий
И вновь всплывают где-то.
Держат их крепко нити
Сотканного сюжета.

И никуда не деться
Им из сетей рассудка.
Все они льются в сердце.
Вот ведь какая шутка.

* * *

Ничего о себе не зная,
Я куда-то лечу по краю.
Я кричу, я рычу, я лаю.
Я зову безответно стаю.

Не ответит мне даже эхо.
Я кричу и давлюсь от смеха.
Даже если с ума я съехал —
Это, в сущности, лишь потеха...

Если жизнь наша — чья-то пьеса,
То и места нет в ней для стресса.
И бездумный итог прогресса
Спрячет в памяти дней завеса.

Не откроют секрет в эфире
Кто мы есть и кем прежде были.

Если мы в театральном мире,
То давно свою роль забыли.

Книгу жизни в уме листая,
Я бросаюсь из ада к раю.
Потому и лечу по краю,
Что не знаю, чью роль играю.

* * *

На струнах памяти осела пыль времен.
Чуть тронешь их — закружатся столетья.
Гирлянды близких и чужих имен
Меж ними разворачивают петли.

И тянутся гирлянды сквозь века,
Соединяя памятники мнений.
И долетают к нам издалека
Восторженные звуки откровений.

Они летят посланьями творцов,
Чей путь был в этой жизни не напрасен.
К нам льются откровенья мудрецов
Из их творений, из легенд, из басен.

И в наших душах продолжают жить,
Давая жизни новым откровеньям.
И разума костер не затушить,
Пока горят в нем памяти мгновенья.

* * *

Отгуляли шальные метели
По широкой байкальской груди.
В отоспавшихся за зиму елях
Новый жизненный сок забродил.

Волны крошат последние льдины.
Брызги солнца как россыпь цветов.
Всюду замыслы новой картины
На фрагментах вчерашних холстов.

Ветер снова приносит надежду,
Что мир новый и лучший идет,
И не будет всесильным как прежде
Рой оставшихся в прошлом невзгод.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Балтин
(г. Москва)

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГОНЧАРОВА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

1

Райский уже фамилией своей наводит на определенные ощущения...

Учеба в университете и недолгая армейская служба заканчиваются вольным существованием в недрах золотой молодежи: с музицированием, сочинением романа о жизни.

Жизнь выльется из разных источников, заполняя русла романа: не того, который пишет Райский, но того, что сочиняет Гончаров.

...вечно молодое вдохновение и жизненная усталость, сквозящие в глазах Райского; сильно сделанный Волохов, точно вторгающийся в жизнь из бунта; чудная бабушка...

Люди, наполненные соком жизни: вернее — ее разнообразными соками; и неторопливое письмо Гончарова, достигающее апогея в самом знаменитом его романе...

Илья Ильич не хочет вставать — а зачем? Дрема течет так сладко, все окутано ею...

Кажется, Штольц написан искусственно, а естественность жизни — это и есть Обломов, Илья Ильич, никому не делавший зла, сам добрый, теплый, большое дитя.

Так жить нельзя? Но Обломов задумывается, зачем он помнит, что в каком-то древнем году один царь разбил другого, а зачем живет — не знает...

В Обломове отсутствует созидательная стихия: включить бы ее, и... Но никакого «и» — не последовало; однако, кажется, почему-то, что многие черты Обломова Гончаров списывал с себя...

Один из центральных персонажей глобального русского эпоса со множеством голосов, Обломов давно живет среди нас, призывая к доброте и парализуя ленью, показывая абсурдность многих сует, и отрицая собою избыточность не нужных действий...

2

Область Обломова — сладкое, сонное, сытое... Нечто вертится, варится, но только в сознанье Обломова; в жизни же — главное не вставать, пригревшись в тепле постели, приняв лежание альфой бытия...

Бездействие, как не-совершение греха,— нечто восточное, самопогруженное, созерцательное непроизвольно прочитывается в обломовских безднах.

Свистящая, непоседливая сила Штольца, как противоположность,— но она, буд-

то искусственна, дана как умозрительный противовес, а настоящее — это барское, царское, спокойное время Обломова.

Вероятно, сам Гончаров имел в характере многое, от построенного им глобального образа; чувствуется, как писатель растекался сладостно страницами, создавая обломовский миф; а потом являлась необходимость живописать Штольца, и — собирался с силами, выгранивал резкое, деловое.

Обломов добр. Обломов мягок. Он нерешителен в такой же степени, в которой сон не сможет подвинуть явь, где необходимо действовать. Двойственность всего отражена образом великолепно: действуя, обретаешь потери, в бездействии теряешь возможность обретения дальнейшего.

Сонное, сладкое, сытое...

Обломов не сделает зла. Он не построит жизнь — просто проплывет ее на нежных волнах вечной неги. Сгустки очень русского впечатаны в лежание Ильи Ильича, в его век, тянущийся медленно, будто часы отменены...

Замечательный «Обрыв», славная «Обыкновенная история», актуальная и сегодня: сколько иллюзий придется потерять каждому, вклиниваясь в жизнь, изучая ее собою; но Обломов высится шедевром своеобразия русскости — одной из ипостасей оной — которую не отменить.

3

«Фрегат «Паллада» движется по водам времени на парусах правды, и движение это, давшее немало стольким поколениям читателей, связано с недрами душ даже больше, нежели с географией.

Гончаров пишет плавно, постепенно, внимательно фиксируя множественные детали мира; он увлекает в речь, как был вовлечен в путешествие, и его пышное наполнение богато изливалось на хорошо проветренные и чисто освещенные страницы.

Путешествие! Сколько смыслового зерно сконцентрировано в этом слове! Сколько надежды и счастья... Оно совмещает романтизм и реализм — а ни без того, ни без другого жизнь не обойдется. И то, и другое щедро подарено фрегатом, названным в честь богини мудрости.

И мудрость вложена уже в саму повествовательную манеру Гончарова. Мудрость, богатство красок, тонкость оттенков.

И плывет, и плывет фрегат, множа читательскую радость.

4

Атомы «Обыкновенной истории» слишком привычны и в наше время — уровень романтического мировосприятия быстро разобьется о прагматизм.

Давящий прагматизм мира!

Как он работает, видоизменяя человеческую душу, мощно показано Гончаровым: ибо современность — в определенном смысле — царит всегда.

Главная область гончаровского континента, конечно, обломовская.

Пресловутый Илья Ильич! Добрый, умный, сонный; яро противостоящий ему Штольц: тоже прагматизм, но в гуманистической упаковке. Обломов написан роскошно — с обилием сочных деталей, даже с соком еды, текущим с иных страниц.

Странная ассоциация: Обломов — и не-деяние буддизма, как стремление к чистоте. Очевидно, что Гончаров, живописуя очень характерный русский типаж, не вкладывал такого значения. Но ведь действительно — Обломов хорош. Невозможно представить его совершающим подлый поступок. Разве не замечательно? Однако, жизнь, тяготеющая к тотальному сну, не выразит себя никакими свершениями.

...но возвышается монументально роман, и плывет «Фрегат «Паллада», и цветут образы «Обрыва», и в метафизические небеса встроенный суммарно свод И. Гончарова не меркнет...

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

«О ВЕЧНОМ ПРИМИРЕНИИ И ЖИЗНИ БЕСКОНЕЧНОЙ...»

(к 160-летию создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Роман И. С. Тургенева **«Отцы и дети»** (1861) — одно из вершинных достижений отечественной классики. Его внутренний свет не потускнел под налетом хрестоматийно-школьного глянца и вульгарно-идеологических трактовок, в том числе и режиссерско-постановочных. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность, вот уже более чем полтора века не угасает стремление к постижению бесконечно богатого образного мира романа; не прекращаются попытки проникнуть в его «святая святых».

Конфликт поколений в **«Отцах и детях»** с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы внетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них — о сокровенном смысле жизни. Размышления о ее мимолетности; сознание того, что каждый неизбежно встретит смерть один на один: «Старая штука смерть, а каждому внове» (7, 182); метафизическое одиночество (философия «космического пессимизма»), свойственные складу тургеневского художественного мышления, постепенно преодолеваются на путях признания высшей трансцендентной сущности человека.

Тургенев уверен, что «только с духовным началом, с идеалами может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление» (I, 436). Ощущение причастности к всеобщей вселенской гармонии Божьего мира расширяет духовные горизонты личности. Человек не столь трагически переживает свою «временность» и «конечность», предчувствуя свою родственность чему-то «высшему» и «вечному».

Без образа Божия жизнь безбожна, безобразна и безóбразна. Отсутствие веры писатель сознавал как неполноценность, ущербность, обделенность и обедненность личности. Графине Е. Е. Ламберт Тургенев писал: «Да, земное все прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим! *Но я еще не теряю надежды* <курсив мой. — А.Н.-С.>» (III, 61).

Христианские упования писателя нашли выражение в образах религиозно одаренных людей — таких, как Лиза Калитина (**«Дворянское гнездо»**), Лукерья (**«Живые мощи»**),— которых автор создавал с чувством величайшего благоговения. В религиозных переживаниях видит Тургенев источник внутренней силы и нравственной чистоты. Стихотворения в прозе **«Христос»**, **«Монах»**, **«Молитва»** свидетельствуют о «томлении духа», духовной жажде, потребности писателя в Богообщении: «Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу» (10, 172).

В романе **«Отцы и дети»** проявилось осознание духовной высоты христианского чувства, православной церковной традиции. Соборование нигилиста Базарова в сцене его смерти не выглядит неожиданностью, но — наоборот — подчиняется внутренней художественной логике тургеневского произведения.

Православному Таинству Соборования отведены лаконичные строки внутри единственного абзаца, посвященного последним мгновениям земной жизни главного героя. Крайне сдержанно сказано о церковном чинопоследовании христианского напутствия умирающему перед его уходом на суд Божий: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183).

К слову, священник — отец Алексей — фигурирует в нескольких произведениях Тургенева, созданных после **«Отцов и детей»**. В рассказе **«Живые мощи»** (1874) отец Алексей христиански поддерживает болящую Лукерью. Впоследствии писатель создал, по его жанровому определению, «легендообразный рассказ» — **«Рассказ отца Алексея»** (1877), указывая в письмах на его невымышленный источник: «(действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) — и погиб» (9, 468). Реальный отец Алексей — священник прихода, к которому принадлежало имение писателя, — упоминается Тургеневым в письме к Н. А. Щепкину: «Поп Алексей просит 15 осинок» (9, 468).

Несмотря на чрезвычайную сжатость (а, возможно, именно благодаря такой немногословности), эпизод Соборования в «Отцах и детях» обращает вдумчивого читателя к скрытым пластам романа, вербально не выразимым в своих сокровенных глубинах. Ассоциативный подтекст христиански высвечивает своеобразие поэтики Тургенева, особенности его художественной манеры «тайного психологизма». Писатель останавливается на пороге не постижимой земным разумом загадки души и Духа, человека и мира, вечной неумирающей жизни.

Обрисованный в нескольких словах православный обряд представлен как истинное *Таинство* — в нем ощущается величайшая тайна. Тургенев пишет о Базарове: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» (7, 183—184).

Загадочен этот последний эмоциональный всплеск главного героя романа. В чем кроется источник «содрогания ужаса» прежде бесстрашного нигилиста — титанической личности, отвергавшей Бога и отрицавшей бессмертие, самоуверенно бросавшей вызов Провидению?

Идейный вождь русского нигилизма Д. И. Писарев, анализируя сцену смерти Базарова, утверждал, что тот «не струсил», «не изменил себе», «не оплошал»*. Герой, который умеет умирать «спокойно и твердо», не отступит перед препятствием и не струсит перед опасностью,— резюмирует критик. Он недалек от истины, расценивая сцену смерти Базарова как апофеоз романа, хотя в угоду тенденциозной односторонности интерпретирует эту сцену в революционно-нигилистическом смысле: «Нигилист остается верен себе до последней минуты».

Тургеневский герой действительно держался стоически-мужественно в течение своей предсмертной болезни. Однако Писарев, по всей видимости, преднамеренно не пожелал отметить и обошел молчанием тот факт, что в последние мгновения жизни при Соборовании неустрашимый Базаров испытал не просто страх, но неописуемый ужас. Современные исследователи до сих пор теряются в догадках: «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?»**. Объяснений нельзя искать вне сложной динамики связей тургеневского творчества с религиозно-нравственными основаниями русской культуры, с традициями христианской духовности.

Согласно православному катехизису, Соборование — одно из семи церковных Таинств, в котором «при помазании тела елеем призывается на больного благодать

---

* См.: Писарев Д. И. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т. — Т. 1. — Статьи 1859—1864 гг. — Л.: Худож. литература, 1981.

** Лебедев Ю.В. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». — М: Просвещение, 1982. — С. 138.

Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные»*. Таинство уходит корнями в Священное Писание, имеет Богоустановленный характер и берет свое начало с апостольских времен. В Евангелии от Матфея сказано, что Сам Христос послал апостолов на благодатное делание телесного и духовного врачевания: *«И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь»* (Мф. 10: 1). Это был не только величайший дар, но и задание. Господь заповедал апостолам: *«Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте»* (Мф.10: 8).

Ученики Христа, получив *«власть над нечистыми духами»* (Мк. 6: 7), *«пошли и проповедовали покаяние; изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли»* (Мк. 6: 12—13). Апостолы передали это Таинство церковным священнослужителям. Святой апостол Иаков в Соборном послании наставляет: *«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему»* (Иак. 5: 14 — 15).

Согласно христианскому вероучению, большинство болезней физических являются следствием греха, тогда как сам грех — болезнь духовная. Таким образом, кроме телесного исцеления, в Таинстве Соборования прежде всего молитвенно испрашивается врачевание души больного, отпущение его грехов.

Определение, представленное в примечаниях к роману **«Отцы и дети»** в Полном собрании сочинений Тургенева: «Соборование — церковный обряд у постели тяжело больного или умирающего с помазанием его тела елеем» (7, 469), — не совсем корректно. С точки зрения катехизиса, Таинство может совершаться не только над страдающими от тяжелых физических недугов или умирающими. К Соборованию, испросив благословения, могут приступать все православные христиане, достигшие семилетнего возраста. При этом они необязательно должны быть подвержены телесным немощам. Такое состояние души, как уныние, признаваемое смертным грехом, скорбь, отчаяние, даже называемая пушкинскими словами «русская хандра» и т.п., — может быть следствием нераскаянных грехов, не осознаваемых самим человеком. В этих случаях также прибегают к благодатной душеспасительной силе Таинства. Существуют традиции совершения общего Соборования и над больными, и над здоровыми людьми в дни Великого поста на Крестопоклонной или на Страстной Седмице, вечером перед Великим Четвергом или Великой Субботой.

Таинство Елеосвящения в обиходе именуется Соборованием, поскольку, согласно уставу Церкви, его полагается совершать семи священникам (собору священнослужителей). Число семь — сакральный знак Церкви и ее полноты. Само чинопоследование Таинства состоит в прочтении семи различных отрывков из Евангелия и Апостола, повествующих о покаянии, об исцелении, о необходимости веры и упования на Бога, о сострадании и милосердии. Церковь также допускает совершение Таинства тремя, двумя и даже одним священником — с тем, чтобы он служил от лица собора иереев, совершая все молитвы, чтения Священного Писания и семикратно помазывая елеем болящего**. Соборование допустимо не только в храме, но и в домашних условиях.

Основные моменты видимой составляющей Таинства Елеосвящения (Соборования) — семикратное помазание освященным елеем частей тела больного (лба, ноздрей, щек, губ, груди и рук). Каждое из семи помазаний предваряется чтением Священного Писания, молитвой об исцелении болящего и о прощении его грехов. Непо-

* Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. святитель Филарет, митрополит Московский.— Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.— С. 361.

** См.: Православие для всех / Сост. иеромонах Харитон (Просторов).— Кострома, 2008.— С. 284 — 290.

средственно при помазании читается молитва веры; на голову приступившего к Соборованию возлагается Евангелие вниз письменами; в заключение читается разрешительная молитва от грехов.

Внешняя обрядовая сторона священнодействия в то время, когда создавался тургеневский роман, была известна каждому православному. Возможно, поэтому автору не представлялось необходимым изображать картину Соборования Базарова во всех деталях. В то же время Тургеневу в свойственной ему манере писательской деликатности и человеческой чуткости удалось прикоснуться к сокровенной сущности Таинства, его духовному наполнению. Невидимое действие благодати Божьей, подаваемой в Таинстве Елеосвящения, заключается в том, что соборующийся исцеляется от порождений греха, получает духовное подкрепление и очищение.

В романе **«Отцы и дети»** приходской священник, совершая Таинство от лица собора, по всей видимости, строго придерживается развернутого канонического чинопоследования. Об этом свидетельствуют приведенные выше слова Тургенева: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Важно обратить внимание на форму множественного числа: «обряды». Для адекватного постижения смысла эпизода необходимо учесть, что Соборование тесно соединяется с другими православными Таинствами — Покаянием (исповедью) и Причащением Святых Христовых Тайн. Если Соборование совершается дома у тяжело больного или умирающего, то вначале, как правило, следуют Исповедь и Причащение, чтобы болящий — ввиду явной опасности близкой смерти — успел принять последнее напутствие как залог вечного блаженства.

Следует подчеркнуть, что Причастия не бывает без покаянной исповеди. В то же время исповедаться человек может, только находясь в здравом уме и твердой памяти. Единственное требование Церкви, напутствующей умирающего, чтобы тот находился в сознании. Над больными в бессознательном состоянии Причащение не совершается. Так, в тургеневском **«Рассказе отца Алексея»** священник вспоминает о смерти своего сына без покаяния: «А как слег Яков, сейчас в безпамятство впал, и так, без покаяния, как безсмысленный червь, отошел от сей жизни в вечную...» (9, 131).

Текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедал ли свои грехи Базаров перед кончиной. «Базарову уже не суждено было просыпаться, — пишет Тургенев.— К вечеру он впал в совершенное безпамятство, а на следующий день умер» (7, 183). И только затем следует авторское замечание о совершении предшествующих смерти религиозных обрядов. Поэтому, обращаясь к реконструкции действия, нельзя отрицать и такого, например, развития событий, при котором Базаров мог ненадолго прийти в себя и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответив на вопрос духовника: «Каешься?»,— «Каюсь».

Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного — своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров — истинный православный христианин. Будучи опытным лекарем и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа на Голгофе. Мука, терзающая старика-отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться несвойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что еще более подчеркивает неординарность происходящего:

«— Евгений! — произнес он, наконец, — сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнес:

— Что, мой отец?» (7, 180).

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но еще ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» (7, 180).

Мастер «тайной психологии» — Тургенев не анализирует и даже не называет то движение души героя, которое вызвало такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчетливо ощутим намек на запредельность происходящего — в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров дает разрешение обеспечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадет в безпамятство:

«— Я не отказываюсь, если это может вас утешить, — промолвил он наконец, — но мне кажется, спешить еще не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

— Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это все в Божьей воле, а исполнивши долг...

— Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и безпамятных причащают» (7, 180).

Отец — бывший полковой лекарь — и его сын-медик говорят на профессиональном языке о течении телесной болезни. В то же самое время речь идет о необходимости духовного врачевания врача Базарова. Православное Таинство, не отменяя физических законов, духовно поддерживает болящего, оказывает ему благодатную душеспасительную помощь.

Таким образом, нельзя однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа. Вовсе не случайно А. И. Герцен (1812—1870) усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального реквиема «о вечном примирении и о жизни бесконечной» (7, 188) опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении **«Отцов и детей»** Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стречка в мистицизм» (7, 468).

Анализ заключительных глав и эпилога романа также привел советского литературоведа М. К. Азадовского еще в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом»*. Впрочем, эта крамольная для того времени мысль была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок.

О примирении с «небом», преодолении трагического конфликта человека с быстротечностью земной жизни Тургенев размышлял на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе **«Рудин»** герой — вечный бесприютный странник — выстрадал в конце пути истину: «Смерть, брат, должна примирить наконец...». Церковный образ потухающей лампады в финальном монологе Рудина: «уже все кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль...» (5, 319) — как символ уходящей жизни — отзывается в сцене последней встречи Базарова с Одинцовой.

Героиню можно было бы назвать «дамой в трауре»: в первый раз она появляется в романе на балу у губернатора как незнакомка «высокого роста в черном платье»

* См.: Азадовский М. К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н. Я. Мару: Сб. статей XLV.— М.; Л.: АН СССР, 1935.— С. 589.

(7, 68); перед смертельно больным Базаровым она предстает как «дама под черным вуалем, в черной мантилье» (7, 180). Здесь завуалирован прием предварения: с Одинцовой связаны любовь и смерть Базарова. Для него Анна Сергеевна, как и княгиня Р. для Павла Петровича Кирсанова, — таинственная женщина-сфинкс, мистически причастная роковым силам любви и смерти.

В княгине Р., пишет Тургенев, «все еще как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнездилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели» (7, 31). Незадолго до смерти загадочная возлюбленная Павла Петровича передала ему кольцо со сфинксом, «провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка» (7, 32). Крест, крестное знамение объединяют судьбы, казалось бы, героев-антиподов. Участь старшего Кирсанова — оппонента Базарова в социально-политических спорах — проецируется на судьбу главного героя **«Отцов и детей»**.

Англоман Павел Петрович уехал за границу, но в эпилоге мы видим его «в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнет почти незаметно креститься...» (7, 187). Все дорогое для него похоронено, и сам он живой мертвец. Тургенев пишет: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещенная ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (7, 154). Нельзя не заметить, что здесь Кирсанов внешне напоминает умирающего Базарова. «Это все равно, что класть венок из цветов на голову мертвеца» (7, 165),— с горечью говорит Базаров Одинцовой, которая отвергла его страсть, но призналась в дружеском расположении.

Брат старшего Кирсанова Николай Петрович еще ранее замечал: «Да, брат; видно, пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди» (7, 46).

Финал романа увенчивают «серые деревянные кресты» на сельском кладбище «в одном из отдаленных уголков России» (7, 188), где похоронен Базаров.

Так снимается конфликт поколений в романе Тургенева. И отцы, и дети, и все новые поколения людей под сенью креста идут одной дорогой к завершению земной судьбы и к жизни вечной. Устами Аркадия писатель говорит о нескончаемом круговороте неумирающей жизни: «сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым» (7, 121). О том же размышляет отец Аркадия, мысленно представляя себе покойницу-жену «молодою девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученною косой над детскою шейкой. <...> те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?» (7, 55).

Душа сродни высшему идеалу, и оттого она томится в своей земной ограниченной обители, не довольствуется ею. Анна Сергеевна говорит Базарову об этом «томлении духа», извечной человеческой тоске по идеалу, о вечном стремлении к счастью и о его недостижимости: «Мы говорили с вами, кажется, о счастии. <...> Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего все это кажется скорее намеком на какое-то безмерное, где-то существующее счастие, чем действительным счастием, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это?» (7, 96).

Ответ на этот вопрос можно найти в размышлениях святителя Феофана Затворника: «В самом деле, мы любим повеселиться, но что значит, что, после самого полного веселия, душа погружается в грусть, забывая о всех утехах, от которых пред тем не помнила себя? Не то ли, что из глубины существа нашего дается знать душе, как ничтожны все эти увеселения сравнительно с тем блаженством, которое потеряно с потерею рая. Мы готовы радоваться с радующимися, но, как бы ни были разнообраз-

ны и велики предметы радостей человеческих, они не оставляют в нас глубокого следа и скоро забываются.

Это значит то, что природа наша плачет о потерянном рае и, как бы мы ни покушались заглушить плач сей, он слышится в глубине сердца, наперекор всем одуряющим веселостям, и понятно говорит человеку: "Перестань веселиться в самозабвении; ты, падший, много потерял: поищи лучше, нет ли где способа воротить потерянное?"»*

Перед лицом Провидения ничего не значат ни возраст, ни красота, ни знатность, ни богатство, ни власть, ни политические пристрастия, ни прочая земная суета. Нигилист и его политический противник оказались равны и одинаково беззащитны: «*И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет*». Этот финальный мотив пушкинской поэмы **«Цыганы»**, пренебрежительно отвергаемой Базаровым, как и все остальное «художество», все более явственно и трагически звучит в подтексте романа.

Сакральная сторона жизни, с которой самонадеянно пытался вести борьбу «титан» Базаров, культивируя в себе непримиримую враждебность и даже ненависть к проявлениям духовности, одержала над ним верх. Гипернигилист, отрицавший высшие ценности, любовь, искусство, душевные порывы как «чепуху», «гниль», «романтизм», в конце жизни по сути становится экс-нигилистом. Называя себя «самоломанным», он уже не стыдится открыть одухотворенного романтика в самом себе. Герой не подавляет движений своего сердца, признавая тем самым существование высшей духовной силы, над которой никто не властен.

Человек, объясняет христианский философ В. В. Зеньковский, «открывает в себе глубину неисследимую, находит в себе целый мир»; «духовность загадочно сочетается с тварностью, но все же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр ("реальное Я"), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро»**.

Новое для Базарова духовно-душевное состояние проявляется в строе его речи, слове, которое (по Гоголю) «есть высший подарок Бога человеку»***. Тургеневский герой невольно начинает изъясняться в стиле влюбленных рыцарей, трубадуров, миннезингеров, которых он некогда зло высмеивал как сумасбродных безумцев. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (7, 183), — обращается он к даме своего сердца. Базаров умирает с любовью, призывая к себе «благодать» (так переводится имя Одинцовой — Анна), просветляющую его духовные силы.

Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне. Очнувшись от «тяжелой, полузабывчивой дремоты», умирающий герой, «с усилием раскрыв глаза, увидел над собою при свете лампадки бледное лицо отца» (7, 176). В «будущем лекаре и лекарском сыне» оживает «дьячковский внук». Об этой связи в цепи поколений Базаров не забывал: «Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?..» (7, 76) — многозначительно напоминал он Аркадию. И даже «осведомился однажды об отце Алексее» (7, 170), что вовсе не вписывается в нигилистические установки.

С судьбой Базарова много схожего у героя **«Рассказа отца Алексея»** Якова, происходящего из древнего священнического рода: «в нашем приходе близко двухсот годов все из нашей семьи священники живали!» (9, 123), — но пожелавшего «идти по-светскому»: «"поступлю в университет, буду доктором; потому — к науке

---

* Святитель Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения.— М.: Московский Сретенский монастырь, 1997.— С. 291—293.

** Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии.— М., 1993.— С. 44, 47.

*** Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т.— М.: Худож. лит., 1986.— Т. 6.— С. 187.

большую склонность чувствую". <...> Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня — почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся!» (9, 123 — 124). Самонадеянность обернулась духовной и физической катастрофой.

Но текст «Отцов и детей» не дает оснований говорить о полном «угасании» символической «лампады». Последнее, что видит Базаров своим земным зрением, — это благодатные свет и огонь: святые образа с неугасимыми лампадами, горящие перед иконами свечи, воскурение ладана в кадильнице.

Думается, неслучайно автор с его обостренной художественной интуицией пишет об умирающем Базарове: «один глаз его раскрылся» (7, 183). Писатель в сцене Соборования сумел уловить сам момент перехода героя в вечность: один глаз еще может обозреть земное, другой уже закрыт навеки. Что представилось внутреннему зрению героя, что увидел он своими «духовными глазами» (это не только пушкинское выражение, но и богословское, святоотеческое) и что пережил в момент умирания, когда приоткрывшаяся в последний миг завеса позволила ему взглянуть за пределы земной жизни? И отчего в его лице возникло выражение ужаса? Был ли он поражен величием непостижимой тайны, явившейся ему во всей полноте и навеки низвергающей нигилистическую теорию абсолютного «ничто»? Встретил ли он то, чего не ждал, о чем не думал, что отвергал и во что не верил? При Соборовании, видимо, в умирающем уже теле он совершил какое-то громадное открытие о жизни духовной, ужаснувшее его самого.

Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он позиционировал себя как нигилиста и атеиста, можно насчитать в романе немало. Окружающим Базаров внушал безотчетный страх. В глазах матери, неотступно обращенных на сына, «виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор» (7, 124). Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (7, 100); «"Я боюсь этого человека", — мелькнуло в ее голове» (7, 98). Ученик Базарова — «бланманже» Аркадий — также пережил минуты страха перед своим идейным наставником, когда в шутливой ссоре от него вдруг повеяло серьезной опасностью: «Что, подеремся? — подхватил Базаров.— Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров — ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло...

Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» (7, 121 — 122). Злое начало готово выплеснуться в любой момент, беспричинно, бессмысленно, и от того особенно страшно.

Столь же страшен одержимый наваждением бесовским Яков в **«Рассказе отца Алексея»**: «Верите ли, я назад отскочил, до того испугался! Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен как смерть, волосы дыбом, глаза перекосились... У меня от испуга даже голос пропал; хочу говорить, не могу — обмер я совсем...» (9, 130).

Базарову в предсмертном бреду так же, как Якову, виделось нечто инфернальное: «Пока я лежал, мне все казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» (7, 177). Так, быть может, Соборование Базарова, ужаснувшегося в пограничный момент между жизнью и смертью, соединилось с обрядом изгнания беса — экзорцизмом, в народе именуемом «чертогон»? «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! <...> Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя

окроплю» (9, 126), — пытался молитвенно помочь своему одержимому сыну священник (**«Рассказ отца Алексея»**).

Но в **«Отцах и детях»** обо всем этом можно только догадываться. Тургенев оставляет читателя на пороге не разрешимой в пределах земного бытия загадки, ибо, как во всяком Таинстве, *«тайна сия велика есть»*. Бесспорно одно: Базаров в последнее мгновение умирания, перехода по ту сторону бытия пережил трансцендентное состояние, неизмеримое ограниченными мирскими мерками, неподвластное земному разуму, неподдающееся рациональным мотивировкам.

Таинство окончательно выводит Базарова из конкретно-чувственного, вульгарно-материалистического, обыденно-бытийного состояния в план инобытия. Это не есть абсолютное «ничто», «темнота», как думалось ранее Базарову-нигилисту.

Упование на бесконечное милосердие Божие за пределами земной жизни выражено также в финале **«Рассказа отца Алексея»**: «Но не хочу я верить, чтобы Господь стал судить его Своим строгим судом... И, между прочим, я этому потому не хочу верить, что уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились — а на губах улыбка» (9, 131 — 132).

Тургенев ясно дает почувствовать, что душа человеческая сопряжена с бесконечностью; в последние мгновения с человеком происходит нечто невидимое, таинственное и великое.

Сходное переживание перед лицом этой тайны выразил В. А. Жуковский (1783—1852) в стихотворении <**«А. С. Пушкин»**> (1837) на смерть поэта:

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: ***мнилося мне, что ему***
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?
<выделено мной. — А.Н.-С.>*.

В Таинстве предсмертного Соборования человек, очищенный от грехов, вводится в бесконечную жизнь воскресшего Христа. Страдание, умирание и сама крестная смерть в Христовом Воскресении явились залогом полноты неумирающей жизни.

Эти христианские упования духовно поддерживают родителей Базарова, потерявших единственного сына.

Столь великое горе поначалу чуть не затмило сердце и разум отца Базарова. Василий Иванович, ослепленный своим отцовским страданием, готов был взбунтоваться против Отца Небесного. В этом отец-христианин на миг уподобился сыну-отрицателю и бунтарю: «Василием Ивановичем обуяло внезапное исступление. "Я говорил, что я возропщу,— хрипло кричал он, с пылающим, перекошенным лицом, потрясая в воздухе кулаком, как бы грозя кому-то,— и возропщу, возропщу!"» (7, 184).

* Жуковский В. А. <А. С. Пушкин> // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т.— М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.— Т. 1.— С. 393.

Мгновенный непокорный порыв угашен, и родители Базарова безропотно принимают Божью волю в смиренном земном поклоне: «Арина Власьевна, вся в слезах, повисла у него <Василия Ивановича.— А.Н.-С.> на шее, и оба вместе пали ниц. "Так,— рассказывала потом в людской Анфисушка, — рядышком и понурили свои головки, словно овечки в полдень..."» (7, 184). В этой картине кроткого жертвенного смирения возникает христианская аллюзия — намек на образ жертвенного агнца или того *«малого стада»*, к которому со словами утешения и ободрения обратился Господь: *«Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство»* (Лк.12: 32).

Финал романа **«Отцы и дети»** означен спасительным крестом. Из Базарова не «лопух» вырастает, как мнилось бунтующему физиологу, задумавшемуся о сокровенном смысле жизни: «из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (7, 120). Этот трагический вопрос остался тогда без ответа. Но ответ в романе прозвучал ранее: «крест — вот разгадка» (7, 32). На могиле героя возвышается крест, обозначая место, где по православному обряду похоронен христианин. Как символ вечно обновляющейся жизни — «две молодые елки» (7, 188), посаженные любящими родителями в «вечную память» о сыне.

В земной юдоли люди, в том числе отцы и дети, даже если они родственны не только по крови, но и по духу, не в состоянии достичь абсолютного единства. Каждый неизбежно отделен от другого и собственной физической оболочкой, и неповторимым внутренним миром, остающимся во многом таинственным для самого его носителя, *«Ибо кто из человеков знает, что́ в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?»* (1 Кор. 2: 11).

Стремления, замыслы, планы, амбиции также не могут быть реализованы всецело и не зависят от воли и усилий человека: *«Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе роста хотя на один локоть? Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?»* (Лк. 12: 25—26). В евангельской притче Бог сказал самоуверенному богачу, распланировавшему для себя дальнейшую счастливую жизнь *«на многие годы»* вперед: *«безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя»* (Лк. 12: 19—20). *«Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет»* (Мф. 24: 42). Самых родных, близких и любящих — и тех разлучает, разъединяет смерть. Не смогли противостоять ей отец и сын — оба лекари — в тургеневском романе.

Но *«невозможное человекам возможно Богу»* (Лк. 18: 27). Нетленные ценности существуют. Главная непреходящая ценность — любовь Христова. Тургенев, цитируя апостола Павла, горячо в это верует: «одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. <...> "Все минется, — сказал апостол, — одна любовь останется"» (5, 348). В своем утверждении: «любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (10, 142) — писатель сердечным знанием постиг заветные христианские истины: *«И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»* (1 Ин. 4: 16).

Средоточие любви совершенной, которая *«изгоняет страх»* (1 Ин. 4: 18),— Отец, Сын и Дух Святой. *«Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии»* (Рим. 8: 16). В Пресвятой Троице, Единосущной и Нераздельной, обретает человек — венец Божьего творения — истинное единство и желанную цельность, незыблемую опору и жизнь вечную: *«если пребудет в вас то, что вы слышали от начала, то и вы пребудете в Сыне и в Отце. Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная»* (1 Ин. 2: 24—25).

«Отцам» и «детям» адресовал святой апостол Иоанн свое послание об Отце Небесном: *«Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала»* (1 Ин. 2: 12—13).

Молитвы, слезы и любовь — эта священная триада венчает тургеневский роман: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии "равнодушной" природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (7, 188).

Неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертие, предчувствие «жизни бесконечной...» (7, 188) для людей как детей общего Отца Небесного — последнее упование в романе Тургенева **«Отцы и дети»**.

Литература

1. *Писарев Д. И.* Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д. И. Литературная критика: В 3 т.— Т. 1.— Статьи 1859—1864 гг.— Л.: Худож. литература, 1981.

2. *Лебедев Ю. В.* Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети».— М: Просвещение, 1982.— С. 138.

3. *Пространный христианский катехизис* Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. святитель Филарет, митрополит Московский.— Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006.— С. 361.

4. *Православие для всех* / Сост. иеромонах Харитон (Просторов).— Кострома, 2008.— С. 284—290.

5. *Азадовский М. К.* Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н. Я. Мару: Сб. статей XLV.— М.; Л.: АН СССР, 1935.— С. 589.

6. *Святитель* Феофан Затворник. Письма о христианской жизни. Поучения.— М.: Московский Сретенский монастырь, 1997.— С. 291—293.

7. *Зеньковский В. В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии.— М., 1993.— С. 44, 47.

8. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т.— М.: Худож. лит., 1986.— Т. 6.— С. 187.

9. *Жуковский В. А.* <А. С. Пушкин> // Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т.— М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.— Т. 1.— С. 393.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПО СТРАНИЦАМ ПОЭЗИИ МИХАИЛА АНИЩЕНКО

В этом году литературная общественность отмечает 70-летие выдающегося русского поэта Михаила Всеволодовича Анищенко (1950—2012), творчество которого наконец-то начинает получать достойную оценку.

Эпитет «выдающийся» в данном случае уместен, ибо так талантливо отобразить российскую действительность конца XX и начала XXI века никто из его современников-поэтов не смог. Литературным критикам и литературоведам еще предстоит открыть тайну творческого метода Михаила Анищенко. А в этой небольшой статье я остановлюсь лишь на некоторых страницах его поэтического наследия, которые кажутся мне особенно яркими и значимыми (и которые я не затрагивал в своих статьях о нем ранее).

Больше всего душа поэта болела за судьбу России. В своей статье «Ускорение как будущее русской поэзии» М. Анищенко пишет: «За последние двадцать лет нынешней олигархической властью России нанесен ущерб, превышающий все батыевские, польско-шведские, наполеоновские и гитлеровские погромы вместе взятые. Таких темпов истребления коренного населения не ведали даже американцы, уничтожая индейцев... Нацистским преступникам и не снились такие темпы решения «славянского вопроса».

А поэтическим языком об этом же поэт говорит так:

Наследство делят. Всюду давка...
Там — нефть и газ, и антрацит...
Русь умерла. И только травка
Растет среди могильных плит.

В крови последнего заката,
Где вечность стынет на краю,
«Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?»

Как было просто — или-или!
Иди, стреляй без лишних слов...
А здесь свои своих купили
И превратили их в рабов.

Все это с помпой, с фейерверком,
Во тьме, ликующей, как черт...
Русь умерла. Осталась церковь,
Но и она теперь умрет.

В другом стихотворении читаем такие строки:

Все обгадили, все оболгали,
Добрались до святынь и могил.

Штопать наши надежды и дали
Мне не хватит, наверное, сил.

Вот он, мир — безнадежный и узкий,
Вот на выбор — тюрьма и сума...
С беспросветной тоскою: «Я русский...» —
Умирают и сходят с ума.

Когда М. Анищенко пишет о России после реставрации капитализма, то нередко вспоминает своих предков. В стихотворении «Стоять, стоять на утреннем морозе...» есть строфа:

Стоять, когда бессмертия не надо,
Когда сожжен последний мой редут,
Когда мой дед в окопах Сталинграда
Еще не знает, как нас предадут.

Будущее России видится поэтом по-разному, но чаще взгляд отягощен пеленой пессимизма:

Мельчают даты и годины,
Дурманом полнится экран.
И Русь, как девочка на льдине,
Согреть не может океан.

Порой покажется — светает
Над полем, речкой и цветком...
Но все быстрее льдина тает
Под каждым русским городком.

Страна березового ситца
Еще как будто бы жива...
Но на престол уже садится
Иван, не помнящий родства.

Все, кто родился после Великой Отечественной войны, в той или иной степени своими глазами увидели ее страшные последствия. Только на фронтах погибло 7,5 миллиона человек, получили ранения 46 миллионов, вернулись инвалидами 11,5 миллионов солдат и офицеров. Хорошо помню, как в 1957—58 годах родители иногда возили нас, своих детей, на поезде (еще были деревянные вагоны) в Куйбышев и как по вагонам вереницей проходили инвалиды и просили милостыню, при этом кто-то играл на каком-либо музыкальном инструменте и пел, а кто-то декламировал стихи... Безусловно, всю жизнь помнил об этом и о многом другом, что касалось войны, и М. Анищенко. Ужасы войны просматривались у него на протяжении всего творчества.

С особой пронзительностью эта тема звучит, когда героем повествования выступает женщина. И не важно, воюет она на фронте или переносит испытания в тылу. У поэта есть стихотворение «Тетя Поля». Казалось бы, почтальон в тылу, но... как написано!

Наша встреча долго длится.
Тетя Поля говорит:
— Ничему уж не забыться...
Видно, память не велит...

И пронзают вновь до боли
Дни израненной страны.
Ты не тетя,
Просто — Поля,
Почтальон большой войны.

Поля. Школьница. Девчонка.
Как могла ты столько дней
В сумку прятать похоронки
И смотреть в глаза людей?

Как, скажи, в свои семнадцать
Ты могла идти селом,
Зная, что тебя боятся,
И что крестятся кругом?

Не вина ли это, Поля,
Что оттягивала ты
Завещанья вечной боли —
Похоронные листы?

К селам с почтой доберешься —
Изведешься от тоски:
В мелколесье наревешься,
Наревешься у реки.

В двадцать лет ты поседела.
Почтальон на три села,
Как ты вынести сумела
Все, что в сумке той несла?

Ничего не поделаешь: победа в войне имеет привкус крови.

Как-то я стал специально интересоваться, кто отцы моих друзей, приятелей и хороших знакомых, которые по возрасту могли быть на фронте, и был поражен. Почти все, кто имел дело непосредственно с линией фронта, были или инвалидами, или имели ранения. Мой отец — инвалид, у которого один из осколков удалили из легких лишь в 1959 году. У супруги отец — инвалид, который умер в 1952 году за месяц до ее рождения. Предполагаю, что и у М. Анищенко было не лучше. Не зря в одном из стихотворений он написал:

Войною дед подкошен,
Пылает дом родной...
Как будто бы все в прошлом,
Но это все со мной.

В лирике поэта нашли отражение все этапы его жизни. В вышеупомянутой статье, давая советы молодым поэтам, М. Анищенко отмечал: «Хорошо бы научиться говорить правду, будучи безразличным к ней. Ведь любая эмоциональная окраска делает правду по меньшей мере подозрительной. Тогда она выглядит словно президент с накрашенными губами». У реки жизни два берега: правда и ложь. Сам поэт не только призывал держаться берега правды, но и всегда оставался на нем.

За последние пятьдесят лет ни у одного из поэтов я не читал таких стихотворений о службе в армии, как у М. Анищенко.

В армию

В тот день под сводами вокзала
Приказ майора резок был.
Что мне любимая сказала,
Не помню я. Все позабыл.
Но я запомнил в то прощанье
Одно мгновенье тишины
И материнское дыханье:
— Не дай вам, господи, войны...

И шел состав легко и просто,
Стоял в вагонах легкий гам.
А за окном тянулись версты
Земли, доверившейся нам.
Сменялись зори и закаты,
Мелькали рощи и луга...
Нас, словно сталь, везли сержанты —
Не закаленную пока.

И мы тогда еще не знали
Цены той самой тишины,
В которой мамы выдыхали:
— Не дай вам, господи, войны...

Первогодки

Там, на плацу, где утро тает,
Их строй сбивается с ноги.
И с перекладины, бывает,
К земле их тянут сапоги.
И часто пули мимо цели
У них уходят «в молоко»...
Но в эти первые недели
Еще никто не жил легко.
И этот груз — большой, лавинный —
Мальчишкам нужен позарез:
В них просыпаются мужчины —
И сапоги теряют вес.

Старшина

Когда казарма засыпает
И в окнах плавится луна,
Я часто слышу, как шагает
В проходах хмурый старшина.
Гремят последние трамваи,
А он, усталый и седой,
Нам одеяла поправляет
И не торопится домой.
В его квартире неуютной
Есть тусклый снимок на стене.

Мы знаем все, что это Люда.
Она погибла на войне.
Она погибла и не знает,
Как старшина в тиши ночной
Нам одеяла поправляет
И не торопится домой.

М. Анищенко испытывает чувство ответственности не только за страну, в которой живет, но и за родных и близких:

И здесь, у речной переправы,
под свист деревенской шпаны
пройдет искушение славы,
останется чувство вины:

за то, что река обмелела,
что дом покосился родной,
что мать без меня поседела
и не молодеет со мной.

Качнутся плакучие ивы,
плеснется вода в камыше...
Мать взглянет мне вслед сиротливо,
как будто я умер уже.

И тут — посреди увяданья
родимых людей и лесов —
я вряд ли найду оправданье
у тоненькой книжки стихов.

Были годы, когда М. Анищенко искал душевного покоя в православии, но из этого ничего путного не вышло. И он отверг Бога. Видимо, поэт обратил внимание на то, что церкви растут как грибы, но урожай духовности в обществе с каждым годом падает. Вместе с тем религиозные мотивы нашли существенное отражение в его творчестве. Стихотворение «Предтеча» с большим интересом прочитает даже атеист:

В небе облако качалось.
Пес обиженный скулил.
Снег кружился. Власть кончалась.
Ирод голову клонил.
Он шептал: «Еще не вечер...» —
И понять не мог никак,
Что вся жизнь теперь — предтеча.
Деньги — мусор. Власть — пустяк.

Ирод мерз, не мог согреться,
Меч хватал. Шептал: «Пора!»
В Вифлееме все младенцы
Поседели до утра.

Кровь детей. Резня и сеча.
Тихий ропот, пересуд...

Так закончилась предтеча,
Начинался Страшный Суд.

Сегодня трудящиеся, сравнивая деятельность И. В. Сталина с «успехами» лидеров России после реставрации капитализма, начинают понимать величие его личности. Из секретных архивов медленно, но все-таки просачивается правда о так называемых «сталинских репрессиях» 1937 года; теперь понятно, что эти репрессии осуществили враги советской власти. Поэтому все чаще можно увидеть портреты Иосифа Виссарионовича, а кое-где ему уже начали ставить бюсты и памятники. А как же относился к личности Сталина поэт М. Анищенко? В стихотворении «Совсем догорают мои старики...» есть строфа, дающая ответ на этот вопрос:

Но с бабушкой, с бабушкой я помолюсь
И с дедушкой выпью в чулане
За веру, за Сталина, словом — за Русь,
Пропавшую в божьем тумане.

Есть у поэта и стихотворение «Сталин», в котором он более подробно характеризует вождя:

Он первый соблазны отринул
И, тьму сокрушая мечом,
Христа от себя отодвинул:
«Постой, дорогой, за плечом!»

Забыли об этом живые,
А мертвое наше — мертво.
Но зло и грехи роковые
Он взял на себя одного.

Сегодня попы проклинают
Былое сиянье меча...
А что они помнят и знают,
Что видели кроме плеча?

Теперь, когда гибнет столица,
В клубок завивается даль.
Я буду неслышно молиться
За эту державную сталь.

Он первый соблазны отринул,
Ломая века и уста,
Он церковь плечом отодвинул,
И церковь осталась чиста.

Сегодня он там, где и надо,
Но, с богом припомнив родство,
Он все преступления ада
Возьмет на себя одного.

Завершающую часть своего пребывания на этом свете М. Анищенко провел в деревне. Рискну предположить, что именно эта страница биографии позволила ему по-новому посмотреть на российскую действительность и создать яркие образы, обога-

тив свой поэтический язык оригинальными художественно-изобразительными средствами и народной лексикой. Анищенко пишет только о том, что стало для него болью, страданием, счастьем. Именно поэтому у него так много пронзительных строк, читать которые без волнения просто невозможно. Все чаще его лирический герой находится в окружении природы и в гуще сельской жизни:

И снег, и дождь... Растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольчик...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду
Из всех твоих немыслимых америк.
Лишь ты одна по тоненькому льду
Ходить умела с берега на берег.

Лишь ты одна — летящая душа! —
Бежала мне навстречу и кричала...
А в этот год ты так и не дошла
До нашего последнего причала.

Я жду тебя. Я жду тебя и жду,
Тревожа заживающую рану...
Я сам пойду по тоненькому льду,
Как только ждать и верить перестану.

Ну а пока — растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольчик...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.

Вадим Карасев, характеризуя лирику М. Анищенко, очень точно подметил: «Во многих его стихах — трогательная, почти безнадежная попытка достучаться до сердца человека, оказавшегося в кабале цивилизации, чтобы освободился он от шелухи буден и оказался один на один с огромным, бесприютным, но свободным миром природы». Не секрет, что потребительство сегодня зашкаливает. По сути оно превратилось в одну из модных форм саморазрушения личности.

В лирике М. Анищенко постоянно с разной степенью накала звучит вопрос о поиске смысла жизни:

То ли ночь, то ли жизнь на исходе...
Для чего же мне рваться туда?
Я ведь знаю, что тот, кто уходит,
Все равно не придет никуда.
Надо жить, как цветы и деревья,
Надо падать в свою борозду...

Или:

И снова его вдоль обочин
вел ветер бездомья, как бес.
Но не было речек молочных,
не падала манна с небес.

Он мчался. Судьба моросила.
Скользили года у виска.
Везде была та же Россия,
любовь ее, боль и тоска.
И, думая думу устало,
не мог он никак осознать,
что все у него отмелькало,
хотя продолжает мелькать.

Эти стихи способен воспринять лишь тот читатель, кто понимает, что отправляясь на поиски смысла жизни, попадаешь в лабиринт.

Нельзя не отметить чрезвычайно яркий художественный язык поэзии М. Анищенко, который позволяет получать нам громадное эстетическое удовольствие. Ну как можно не восторгаться такими строками: «Под березой родник волновался как сердце, журавли пролетали, глотая печаль», «Хорошо на земле — до того, что мурашки гуляют по коже!», «Замолчит телефон, загрустит, как собака на холоде», «Я вас любил, как любят жизнь, когда уже стоят на плахе» и т. д.

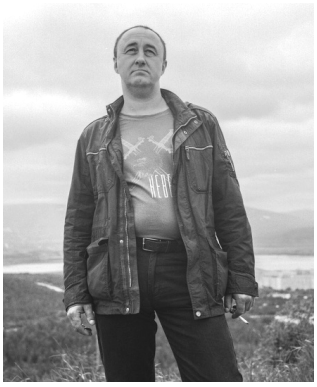
С помощью все новых и новых метафор и других художественно-изобразительных средств поэт создает удивительные образы: в его лирике мечутся жизнь и смерть, библейские персонажи соседствуют с современниками, мистика переплетается с реальностью и в каждой строфе чувствуется, что автор — русский поэт. Мне представляется, что Анищенко поставил перед собой цель создать произведения на уровне классиков и настойчиво шел к этой цели. Да, на этом пути у него было много трудностей: вместе с целью мы выбираем и препятствия. И у Михаила Всеволодовича хватило терпения преодолеть их. И тут мы лишний раз убеждаемся, что терпение — оружие умных.

Нередко, рассуждая о творчестве современных поэтов средненького уровня, литературные критики увлекаются хвалебными эпитетами. Дескать, у поэта Х. и сильные символические образы, и художественная условность, и сюрреалистичность происходящего в смешении с обытовляющими подробностями, и композиционные повторы, и динамика действия, и острота конфликта, и индивидуальность стиля, и еще много чего. Однако это, увы, крайне редко соответствует действительности. А вот в лирике М. Анищенко все это действительно присутствует в полной мере. Любой поэт — человек впечатлительный и страстный. Таким был и Анищенко. У него немало стихотворений о ярких душевных порывах, которые он пережил в молодости и о которых написал в зрелом возрасте. Когда догорит костер страстей, еще долго тлеют угли воспоминаний.

Немало тех, кто утверждает, что поэзия М. Анищенко пессимистична. Оптимизм и пессимизм — это образ мышления. Оптимизм порождает энтузиазм, пессимизм губит его. Безусловно, были и такие моменты, когда поэт проваливался в яму пессимизма. Однако, судя по всему, Анищенко занимался творчеством с энтузиазмом. Значит, по натуре он все-таки был оптимистом.

После того, как Михаил Анищенко ушел в вечность, его поэзия начала уверенно шагать по России. В литературных изданиях чаще стали появляться стихи Анищенко. В Интернете оживленно обсуждается его творчество. Некоторые литературные критики обратили свой взор на творчество талантливого поэта. На родине Михаила Анищенко в Самаре проводится ежегодный фестиваль его имени. Там же в этом году вышло собрание его сочинений в двух томах. Будем надеяться, что это только начало...

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск, Мурманская область)



СЕРДЦА НЕСУЕТНОГО ТЕПЛО
(о поэтическом творчестве Ольги Беспаловой)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Уже при первом прочтении, я бы даже сказал с первых строф, стихи Ольги Беспаловой вызвали у меня не просто симпатию, но истинную приязнь и радость, что и я причастен, мало того, привержен не только тематике ее стихотворений, но и тому, как реализуются эти темы. Что это за темы? Они на первый взгляд просты, но вместе с тем они вечны: родная земля, жизнь человеческая, семья, любовь... Причем первая, на мой взгляд, отличительная особенность этих стихов — они не требуют, что называется, «вчитывания» и мучительного осмысления, и сие продиктовано отнюдь не примитивной простецкостью, нет, напротив, подобный эффект порожден высоким профессиональным уровнем произведений, их неподдельной искренностью, глубиной и абсолютной естественностью содержания, вызывающей у читателя доверие и к стихам, и к автору.

Как важно знать о маленькой себе,
Что ты причастна к бóльшему-большому,
Но, жить боясь от одного к другому,
Довериться придирчивой судьбе:
Влюбиться в червоточинку листа
Кувшинки (не в кувшинку-недотрогу)
И выучить — до камушка — дорогу,
Ведущую в заветные места.
Идти по ней и знать: там, впереди,
За поворотом — луг, а дальше — сосны...
Как важно быть собой, пока не поздно,
Пусть маленькой, но с памятью в груди.

Ольга Беспалова — безоговорочно и уже давно и основательно сложившийся поэт, коему чужды нарочитые красивости, звонкие, но пустые декларации и вообще какая бы то ни было парадность. Ольга говорит, конечно, не шепотом, но вполне уравновешенно и даже как-то спокойно, однако, ее строки наполнены огромным внутренним потенциалом, не расходуемым понапрасну, не расплескиваемым в пустых словопрениях, что, по-моему, вообще чуждо автору не только в поэзии, но и в повседневной жизни.

Сухое печиво дороги.
Лес словно выкошен косой.
Здесь древоруб корявил слоги —
Гортанно, матерно, с лихвой.

Стирая пот со лба верхонкой,
Он осторожно не курил,
Чтоб — не дай бог — в чащобе звонкой
Не полыхнуло до Курил.
Не полыхнуло, не кольнуло
В душе: «Чужое не мое» —
Когда листвой береза льнула
К плечу пилившего ее.

Еще одно достоинство стихотворений Ольги — в них чувствуется присутствие огромной женской интуиции, качества, несущего женщине истинную жизненную мудрость. Нет, я не хочу назвать стихи Ольги откровенно «женскими», скорее женственными, лиричными, тонкими. Именно тонкими, а не утонченными, без салонного эстетства и прочей куртуазности. На мой взгляд, ее поэзия некоторым образом опровергает утверждение Юрия Кузнецова, что у женщины в поэзии три пути: истерический, т.е. цветаевский, путь рукодельницы, соответственно, ахматовский, и третий, нечто среднее между первыми двумя. Но вот у Ольги Беспаловой определенно свой путь и голос ее звучит внятно и основательно, без истерических ноток и «дамских» капризов. Если вновь обратиться к приведенному выше стихотворению, то невольно обращаешь внимание на удивительную смысловую и эмоциональную наполненность финальных строк. «Когда листвой береза льнула // К плечу пилившего ее» — это ведь не декор, не эффектная постмодернистская «фенечка», кстати, строки могут быть и началом стихотворения, но лаконичная, а оттого и предельно глубокая характеристика сути русской женщины. Вам не показалось? А я просто уверен, что сие именно так. И ведь, что интересно, строки подобного рода могут жить отдельно и вместе с тем прекрасно вписываются в контекст. И вот тут конкретика непостижимым образом сочетается с многогранностью, а подобное встречается не столь уж часто.

Ольга Беспалова — поэт, творчество которого не может быть строго и полностью классифицировано в части отношения к «почвенникам» и «горожанам». Конечно, хоть сие и не особенно важно, стихи ее в известной мере смещены все-таки в строну первых. Сейчас подобные «условности» едва ли актуальны, но еще одна грань дарования Ольги — владение стилем пейзажной лирики, жанра, совершенно не приемлющего никаких резких движений, конвульсивных якобы озарений и прочей белиберды. Тем более, что она, родившаяся и выросшая в архангельской глубинке, можно сказать — истинная дочь Русского Севера, ныне живущая в славных Холмогорах, вполне естественным образом является ярким представителем архангельской поэтической школы — основательной, мощной, богатой изумительной лексикой, поэтикой, стилистикой. И «тихая лирика» для северной поэзии не просто органична, она атмосферна, она рождается одним дыханием.

А снег сегодня — голубой.
Всю ночь, с черненой синью споря,
он шел и застелил собой
мой двор, село, и лес, и поле.
И я боюсь, боюсь с утра
поверить в голубое чудо,
смотрю с высокого крыльца —
и не дышу широкогрудо:
как будто каждый полный вдох
лазурь пушистую погубит...
Сегодня невесомый Бог
нас любит.

Однако же порой в стихах Ольги Беспаловой можно отыскать нечто совсем иное, обладающее весьма редким и очень интересным качеством сострадательной иронии, если угодно, с лапидарными инспирациями *a la* Арсений Тарковский и даже аллюзиями классических образов. Подобные решения всегда интересны, тем паче помещенные в совсем иные рамки времени и места действия. Но и в таких случаях автор сохраняет в подтексте теплоту и корневое доброе отношение к происходящему, в чем и состоит провозглашенная мною сострадательная ирония. И звучащий в финале вздох — «Россия, осень. Как тут не запьешь» буквально толковать не следует, ибо алкоголь и действия с ним связанные в литературе, в поэзии, особенно в русской, обладают метафизической сущностью и уж вовсе не являются обычным средством опьянения. Но это к слову.

...Когда твой конь на переправе сдох,
Иди пешком до станции Печонки
И там сиди в своей шинельке тонкой
И думай, что смотритель дюже плох:
С утра он пьян, неряшлив и плаксив,
О блудной дочке — по второму кругу.
Ему бы, невеселому, подругу,
Да больно безобиден и труслив.
Тоска в Печонках. Ты, зевая, ждешь
Какой-нибудь непутной, но попутки.
А дождь стучит в стекло вторые сутки.
Россия, осень.
Как тут не запьешь.

Однажды, общаясь с Ольгой в сети, я вдруг спросил у нее, давно ли она перестала читать Иосифа Бродского, на что собеседница немного удивленно ответила в том смысле, что если и читает, то в небольшом объеме и не столь уж часто. Тогда я обратился к стихотворению Ольги «Горе от ума» и сказал, что даже знаю с какими стихотворениями Бродского оно в точности созвучно и даже схоже по «конструкции» и образному ряду. Тут все очень наглядно. Кто желает, может ответить на этот вопрос самостоятельно. Я же, отметив данный факт в качестве курьеза, ну, не все же с серьезной физиономией излагать свои рецензионные озарения, скажу, что подобные случаи бывают и у самодостаточных авторов, исключая попытки подражания, хоть само стихотворение интересное и живет себе вполне самостоятельно.

В каплях веснушек форзац пожившей книги.
Мама читала в классе восьмом, пожалуй.
Лет пятьдесят прошло. А игра интриги
Не убыла нисколько, не стала вялой.
Чацкий, как прежде, утром к подружке рвется,
Думает дерзко: подружка — рубаха-парень.
Сердится Софья, сердится — не смеется:
У тетки в Саратове хлопает громко ставень...
Мама, ты знала? Чацкий не любит Софью —
Любит себя — и это неисправимо.
А Грибоедов пьет на террасе кофе
И в классе восьмом проходит.
Поспешно.
Мимо.

Поэзию Ольги Беспаловой отличает также очень широкий лексический спектр. Она очень умело, споро, работает со словом, что конечно же разнообразит и украшает ее стихи. Она не столь часто использует те же диалектизмы, как, например, ее землячка Ирина Кемакова, но и это не мешает Ольге писать в различной стилистике, а самое главное избегать искусственного «подстраивания» под ту или иную манеру. Нет, все очень естественно, и веришь сказанному, и видишь то, о чем повествует автор.

Дедушка, где ты? Не спишь? Припозднилась я очень...
Я это — Марья. На службе была, говорю.
Вот принесла к Рождеству тебе кашку и сочень.
Может, давай я маленько тебе подсоблю?
Хочешь, полы подмету да картошки почищу.
Вон уж звезда загорелась, вечерять пора.
Холодно... Волки сутулые по лесу рыщут,
Найку соседскую съели, похоже, вчера.
Ты не серчай, что пришла без званьЯ. Я недолго.
Дома-то мыши одни да сверчок-стрекотун.
Вижу, рукав прохудился. Да есть ли иголка?
Что ли зашью. Эх, тебе поновее б зипун...
Что? Не ворчу я. А может, тебе бы котейку?
Мурка вчера родила, да вот жаль утопить.
Много ли надоть ему? Он не просит копейку —
Рыбки-то я принесу да водицы попить.

Кроме принадлежности к русской поэзии у Ольги Беспаловой есть еще по-крайней мере две высоких ипостаси, она — школьный учитель, она — жена и мама. Я думаю, нет, я просто уверен, что не будь семьи, не было бы и поэта Ольги Беспаловой.

В противном случае не написались бы стихи, посвященные дочери, и вообще детям и о детях, не было бы воспоминаний о бабушке, речи не шло бы об учениках, вообще ничего этого не было бы. Вопрос — а что тогда было бы? Рассуждать, насколько важны для женщины семья и дети, я даже не начну, ибо это те корни, из коих и произрастает сама жизнь, а с нею и поэзия.

Стрижку ей хочется,
в Вологду
и ноутбук.
И музыкалку бросить
(но я не дам).
Не приглашает в гости к себе
подруг,
чему-то в смартфоне смеется
по вечерам.
Кутает ноги в плюшевый тонкий плед,
в угол дивана скомкавшись,
пьет кефир.
«Мам, почитать чего,
чтоб остался след,
чтобы про мудрость,
жизнь,
ну, вообще про мир?»
Моет посуду,
мне наливает чай:

«Мам, испечем в субботу чего-нибудь?» —
«Знаешь,
Ремарка,
может быть,
почитай...
Только уроки сделать
не позабудь».

Человек и его, с позволения сказать, ресурс, конечно же, не беспределен. Острейшие жизненные коллизии, маленькие, а порой и огромные трагедии, профессиональное выгорание, житейские неурядицы, все это, свойственное практически любой судьбе человеческой, неизбежно приносят как минимум усталость, и зачастую, если не страх, то некую презумпцию опасности, живущую в подсознании, поскольку и в повседневности нам чаще сопутствует негативный или печальный опыт,— все это наверняка более чем знакомо и Ольге Беспаловой. Женщины, как известно, отличаются подчас куда большей стойкостью, нежели мужчины, но вера в лучшее и надежда на счастливое завтра могут вдруг сами собой выворачиваться наизнанку и становиться чем-то вроде тихой мольбы, с обязательным воспоминанием о лучших днях.

Не надо со мной об утратах, прошу, не надо.
Чем старше, тем чаще думаешь: быть беде.
И стали тревожить будущность листопада
И рябь на когда-то гладкой речной воде.
И голая правда зеркала ненавистна
И в правом плече работы застрявший гвоздь...
Ты помнишь июль? Как солнце было лучисто!
И рохлой морошки в кружке каталась горсть.

Но «дождь не может лить вечно», а плохое и хорошее в жизни идут вдвоем, рука об руку, так вот и качается это коромысло, увлекая за собой наши эмоции и ощущения, и вдруг, самым странным образом, приходит понимание, что никуда от подобного порядка вещей не денешься, да и не следует никуда деваться, ибо бежать от жизни глупо, если не смешно, а вдвоем с близким человеком пережить можно любые потрясения. И тогда у Ольги Беспаловой рождаются такие вот строки:

Дождь кончился. Омытая трава
Зазеленела яростно-кипуче,
Залепетала влажная листва
Чуть слышно благодарные слова
Истекшей туче.
А час назад рябина под окном
Мертвела, обессилена жарою,
И был ей нужен этот дождь и гром,
Как крик и слезы. Так и мы вдвоем
Живем грозою.

Безусловно, творчески Ольге Беспаловой есть куда расти и в чем совершенствоваться, есть над чем работать, опять-таки уверен, что кто-то отыщет в ее стихах некие «недоработки», но я намеренно не стану сейчас делать ничего подобного, ибо в данном случае очевидные достоинства превалируют над возможными недостатками с явным преимуществом.

Не зовите меня поэтом —
Просто автором этих строчек:
Ничего не писалось летом —
Лишь мечталось средь белых ночек,
Только бегалось по болотам,
Да качалось в траве былинкой,
Куковалось: а завтра — что там?
Лепетало в окне осинкой,
Чайкой белой по-над Двиною
Вод неспешных едва касалось,
Одурманенное луною
Целовалось, ох, целовалось...
Ничего не писалось летом.
Только утром сегодня, в восемь,
Неуютным, сентябрьским светом
Разбудила вдруг душу осень.

Когда-то Лев Толстой в беседе с выдающимся юристом Анатолием Кони высказался о качестве литературного произведения в том смысле, что у автора на первом месте должно стоять само содержание, его наполненность и осмысленная эмоциональность, на втором месте любовь, а техника исполнения — лишь на третьем, и то при наличии двух первых признаков, она сама собой сформируется должным образом. Сказано это было о прозаическом творчестве, но я считаю возможным применить сию формулу и к «изящной словесности». Мне кажется, что стихи Ольги Беспаловой формулировке классика вполне соответствуют. И, констатировав данный факт, мне остается лишь искренне порадоваться за мою коллегу и пожелать ей дальнейшего результативного творчества.

Валентин Огнев
(г. Щекино Тульской области)

КУПЦЫ НЕЧАЕВЫ ГОРОДА ЕФРЕМОВА

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Купцы Нечаевы... Много пишется, рассказывается об их деятельности в городе Ефремове Тульской губернии. В публикациях, рассказах отражается их купеческий период с момента, когда якобы разбогател Патрикей. На вопрос о корнях Нечаевых, у ефремовских краеведов нельзя получить конкретного ответа. Одни говорят, что их корни ефремовские, другие, что им неизвестно. Не было получено конкретного ответа и на вопрос, каким образом они стали ефремовскими купцами. В ходе бесед выяснилось, что отдельные жители города Ефремова выдающего певца Владимира Александровича Нечаева считают знаменитостью города. Поэтому дополним и уточним известные сведения новой информацией ефремовский период жизни Нечаевых.

В Тульском Государственном архиве хранятся документы, касающиеся купцов города Ефремова. По изученным источникам восстановим жизненный путь семейства Нечаевых: откуда они прибыли на ефремовские земли, как именно они вошли в купеческое сословие, расскажем, каким образом певец связан с Ефремовской землей.

Если внимательно просматривать архивные документы конца 18 века, то сразу же можно сказать, что корни рода Нечаевых не связаны с ефремовским краем.

В ревизской сказке 1795 года купцов города Ефремова имеется следующая запись: «Вдова Наталья Петрова дочь Нечаева 50-и лет, у ней дети написанные по 4 ревизии: Петр холост, 25-и лет, Никита холост, 17-и лет. Оной вдовы Нечаевой дети по 4-й ревизии находились Малоярославецкаго уезде села Кутепова при церкви неопределенными церковниками. ... вдова Наталья Нечаева с детьми за неплатежом с капиталу процентных денег выключены в мещане и в сказке мещанской с семействами их показаны наличными».

В ревизской сказке мещан города Ефремова за 1795 год о семье Нечаевых сделана следующая запись: «Вдова Наталья Петрова дочь Нечаева 60 лет, у ней написанной по 4 ревизии сын Петр Дмитриев 35 лет, у него жена Дарья Герасимова дочь 25 лет Ефремовской Округи села Хмелеваго диаконова дочь, у них дети рожденные после ревизии: Иван 5 лет, дочь девка Акилина 3 лет».

Отдельной семьей в переписи мещан записан: «Никита Дмитриев сын Нечаев 27 лет, у него жена Акилина Александрова дочь 25 лет города Ефремова Соборной Троицкой церкви умершего дьячка Александра Семенова дочь».

Эти записи говорят о том, что на 1782 год вдова Наталья Петровна Нечаева с сыновьями Петром и Никитой проживали в селе Кутепова Малоярославецкого уезда Калужского наместничества. Петр и Никита были при церкви Михаила Архангела неопределенными церковниками. Уже после 1782 года Нечаевы прибыли на местожительство в Ефремовский уезд, став ефремовскими купцами, как и другие неопре-

деленные церковники с Елецкого, Богородицкого и др. уездов. Из этой записи также усматривается, что в 1794 году семейство Нечаевых состояло в купеческом сословии, но не уплатив проценты с капитала на 1795 год были переведены в сословие мещан. Какой период времени они будут состоять в мещанском сословии обозначено далее.

Изучая материалы ревизских сказок 1816 года, встречаем, что Нечаевы продолжают числиться в мещанском сословии. Иван Петрович Нечаев 24 лет проживает с матерью Дарьей Герасимовной 55 лет. У Ивана Петровича жена Надежда Федоровна 25 лет и две дочери Анна 6 лет, Марья 2 лет. Продолжает проживать отдельной семьей Никита Дмитриевич Нечаев 46 лет с женой Акулиной Александровной 43 лет. Их первый сын Патрикей 17 лет женат на Дарье Яковлевне 18 лет (В документах ревизских сказок пишется Петрикей), а второй сын — Иван, умер в 1814 году.

При просмотре ревизской сказки мещан г. Ефремова за 1834 год, вновь встречаем записи о Нечаевых. По записи № 101 Иван Петрович Нечаев 42 лет с сыном Иваном остаются в мещанском сословии. А вот согласно записи № 102 Никита Дмитриевич Нечаев с сыном Патрикеем «выбыли в купечество своего города». Для проверки этой записи просмотрим ревизскую сказку купцов 1834 года города Ефремов. В документах за № 107 указывается полный состав семьи Никиты Дмитриевича Нечаева. В отношении его имеется отметка, что он умер в 1831 году. Жене Никиты Дмитриевича Акулине, 61 год. Далее представлена семья их сына Патрикея, 35 лет. У Патрикея жена Дарья, 36 лет. От совместного брака они имели 5 детей: сыновей: Иван, 9 лет, Егор, 7 лет, дочерей: Марья, 16 лет, Александра, 10 лет, Акулина, 1 год. Жена Патрикея Дарья Яковлевна умерла 2 ноября 1835 года. В ревизской сказке Нечаевых имеется приписка «из мещан своего города 1830 год». Эта приписка говорит о том, что Нечаевы с соблюдением порядка объявления капитала перешли в купеческое сословие в 1830 году. В мещанском сословии они пробыли 35 лет. Здесь необходимо отметить, что в купеческое сословие из мещанства перешел Никита Дмитриевич с семейством, а не один Патрикей, который якобы разбогател нечестным путем. Многие мещане, правильно ведя торговую деятельность, получали большие доходы и переходили в купеческое сословие.

В изученных материалах ревизских сказок 1858 года имеется «Ревизская сказка тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года апреля десятого дня города Ефремова Тульской Губернии 3 гильдии купца Патрикея Никитина Нечаева о состоящих мужского и женского пола душах». Из документа видно, что главой семьи является Патрикей Никитович Нечаев 58 лет. Его первый сын Иван умер в 1858 году. У Ивана остались жена Раиса Ивановна, 29 лет, с сыновьями: Иван 4 лет, Сергей 2-х месяцев, дочерями: Татьяна 10 лет, Вера 8 лет, Александра 6 лет, Клавдия 1-го года, которые проживали совместно с Патрикеем Никитовичем. Совместно с ним проживала и семья его второго сына Егора, 30 лет. Жене Егора Надежде Михайловне было 29 лет. Они имели 4-х дочерей: Платонида 7 лет, Софья 4 лет, Марья 3 лет, Ольга 1 год. С Патрикеем Никитовичем проживала и его дочь Анна, 17 лет.

В XIX веке официальный порядок купеческой семейственности был следующим. Купцам, уплатившим гильдейский сбор, выдавали свидетельство, куда кроме главы семейства вписывались члены его семьи. Сенатский указ от 28 февраля 1809 г. устанавливал круг родственников, которые могли быть вписаны в этот документ. Ими могли быть жена, сыновья и незамужние дочери. Внуки включались лишь в случае, если в свидетельство были вписаны их отцы. Братья могли быть вписаны в свидетельство, если они объявили наследственный капитал и уплатили с него налог на перевод наследства. Все остальные родственники не могли быть включены в «купеческое свидетельство», а имели право состоять в сословии только от своего имени. Здесь хочется отметить, что получатель гильдейского свидетельства мог и не включить в список кого-то из членов семейства по определенным своим причинам. С 1863 года существовали только первая и вторая гильдии, третья была отменена.

В именную ведомость о купцах и семействах их, как состоящих в 1867 году, так и на 1868 год объявивших капитал и не объявивших капитал, были внесены следующие персоналии описываемого рода Нечаевых. Гильдейское свидетельство с 1863 года оформлено на Нечаева Патрикея Никитовича 68 лет. В ведомость были включены и другие члены семьи: его сын Егор 39 лет с женой Надеждой Михайловной 37 лет и их дети: дочери — Платонида 16 лет, Софья 14 лет, Мария 12 лет, Ольга 11 лет и сыновья — Николай 10 лет, Михаил 9 лет, Патрикей 4 лет, Павел 1 года. В гильдейское свидетельство была вписана и жена умершего сына Ивана Раиса Ивановна с детьми: Иваном 16 лет, Сергеем 11 лет, Татьяной 18 лет, Верой 11 лет, Александрой 10 лет, Клавдией 9 лет.

Вышеуказанный документ составлялся ежегодно. Так, в именной ведомости Ефремовской Городской Управы о купцах, возобновивших и не возобновивших на 1880 год гильдейских свидетельств по гор. Ефремову, владельцем свидетельства значился Нечаев Егор Патрикеевич 30 лет (возраст указан по ревизской сказке 1858 года) и вписана его жена Надежда Михайловна с детьми: Николай 20 лет, Михаил 19 лет, Патрикей 18 лет, Павел 11 лет, Варвара. Также в свидетельство была записана жена умершего брата Ивана Раиса Ивановна и ее дети: Иван 4 лет, Сергей 2 мес., Клавдия — выдана в замужество (возраст указан по ревизской сказке 1858 года).

А в аналогичном документе о купцах, состоявших в 1906 году по городу Ефремову, вновь возобновивших сословных свидетельств на 1907 год, видим, что три сына Егора Патрикеевича и внук уже имеют отдельные действующие сословные свидетельства.

— Нечаев Николай Георгиевич 47 лет, по 1-й гильдии.

— Нечаев Павел Георгиевич 40 лет. В свидетельство включены его жена Ольга Михайловна 37 лет и дети: Владимир 8 лет, Георгий 5 лет. Причислен Тульскую казенную палатою 27 мая 1906 года за № 11352 из бывших купцов города Ефремова. Это говорит о том, что Павел Георгиевич ранее отчислялся из купеческого сословия в мещанство за не возобновление сословного свидетельства.

— Нечаев Михаил Георгиевич 45 лет. У него жена Анна Петровна и дочь Надежда 15 лет.

— Нечаев Иван Иванович 51 год, жена Екатерина Ивановна. В свидетельство внесены также их дети: Николай 19 лет, Иван 17 лет, Сергей 12 лет, Тихон 8 лет, Клавдия 20 лет, Анна 16 лет, Варвара 15 лет, Александра.

Купцы Нечаевы активное участие принимали в самоуправлении города. Они избирались гласными, входили в состав различных присутствий, комитетов, учреждений и почти 20 лет состояли руководителями города. Очень много полезных, добрых дел сделали для жизнеобеспечения уездного города.

Должность председателя городской думы и городской управы города Ефремова с 1899 года по 1907 год занимал купец Нечаев Николай Егорович. Также председателем городской думы и городской управы города Ефремова с 1908 года по 1917 год был купец Нечаев Иван Иванович.

Будучи глубоко верующими людьми, Нечаевы большое внимание уделяли в Ефремовском уезде на благополучие отдельных церковных приходов, на благотворительную деятельность.

Нечаев Георгий Патрикеевич был длительное время церковным старостой Николаевской церкви г. Ефремова. Вносил крупные суммы на украшения храма, содержание певчего хора, в пользу попечительства, приобретал церковную утварь и другое имущество. Георгий Патрикеевич жертвовал денежные средства и в другие церкви уезда — с. Никольское, Пономарево. Его жена Раиса Ивановна также жертвовала денежные суммы и церковную утварь церквям уезда. Сын Николай в разные годы был церковным старостой церквей с. Красивое Ушаково Ефремовского уезда, Николаевской, Соборной Троицкой, Преображенской кладбищенской г. Ефремова. Он финан-

сировал строительство расширения трапезной и колокольни церкви с. Красивое Ушаково, покупку чугунного креста на шпиль церкви с. Старый Гоголь.

Семейную традицию подхватывали и другие Нечаевы. Нечаев Иван Иванович в разные годы был церковным старостой Димитриевской церкви с. Дмитриевское Семенек, Николаевской церкви г. Ефремова. Приносил в дар крупные денежные суммы в указанные и другие церкви уезда. Нечаев Михаил Егорович служил в должности церковного старосты Никольской церкви г. Ефремова. Жертвовал денежные суммы на ремонт и украшение храма. Нечаев Павел Георгиевич, церковный староста церкви с. Красивое Ушаково Ефремовского уезда, жертвовал денежные суммы на ремонт церкви с. Дубики. Нечаева Анна Петровна, купчиха, была попечительницей образцовой одноклассной школы при Никольской церкви г. Ефремова.

Купцы Нечаевы являлись одними из богатейших людей города Ефремова. Каждый из них имел по нескольку домовладений в городе. Владели они торговыми заведениями, имели заводы, мельницы, у них были обширные земельные владения, где выращивали сельскохозяйственную продукцию. Вот об этом расскажем в нашей дальнейшей истории о купцах Нечаевых.

Нечаеву Ивану Ивановичу в городе Ефремове принадлежало несколько домовладений. В одном из них он проживал с семейством, а другие сдавал в аренду. Отдельным домовладениям дадим краткую характеристику на 1913 год, на основе архивных документов.

Проживал с семьей Иван Иванович в домовладении, расположенном по улице Большой и Тургеневская квартал 34, в квартале под № 7 и городскими № 834—835. Фасад дома выходил на улицу Большая. Ему принадлежала земля и постройки усадьбы. Под двором и строениями было занято 868,0 квадратных саженей, а 200,3 — под пустырем. На 1913 год усадьба не заложена, все постройки страховались в страховой кампании по оценочной цене на сумму 30 000 рублей. Жилых помещений было оборудовано 23 с 37-ю окнами. Здание двухэтажное. Отапливались помещения 10-ю печами, в том числе одной русской. Располагались в здании еще 4 неотапливаемых комнаты с одним окном. Используемая площадь под двором была замощена камнем. На усадьбе находились каменная помойная яма и цементная выгребная яма. Тротуары площадью 62,7 кв. сажень также замощены, а на 10,0 кв. саженях использовался каменно-плиточный материал.

Чтобы поддерживать домовладение в хорошем состоянии, для этого выделялись денежные средства. Расходы по имуществу для Нечаева И. И. распределялись следующим образом: специальные — водопровод, отопление, освещение места, набивка ледника, содержание — дворника, ночного сторожа, ремонт — зданий, мостовой, тротуара, ворот и ограждения, на очистку — двора, улицы, помойных ям, дымовых труб, расходовались деньги и на вставку стекол. В 1909—1912 годах на содержание домовладения в год уходило 4057 рублей.

На территории усадьбы имелись здания производственного назначения смешанной постройки площадью 47,50 кв. саженей и 4 каменные постройки хозяйственного назначения. В хозяйственных целях использовались и два навеса.

По адресу г. Ефремов, улица Никитская, квартал № 44, в квартале № 1-а, городской № 954 и 955 владельцем домовладения также являлся купец Нечаев Иван Иванович, а владельцем построек был мещанин Нашатырев Егор Дмитриевич. Для построек он арендовал землю у владельца домовладения. Усадьба занимала площадь в 2041,30 квадратных сажень: под постройками было 30,70, под огородом — 2010,60, в глубину двора — 82,57, по улице — 25,14. Из всей площади 7 кв. саженей сдавалось в аренду. Помещение состояло из 2-х комнат, с 4-мя окнами, отапливалось одной печью. По этому же адресу, но только в квартале № 1-б Нечаев сдавал землю в аренду под постройки мещанке Панкратовой Марии Федоровне, 7 кв. саженей. Помещение состояло из одной комнаты, с четырьмя окнами.

Нечаев И. И. имел большие земельные угодия с расположенными на них хуторами в Ефремовском уезде (Дмитриевская, Ступинская, Старогольская, Старо Казачья волости) и 10 хуторов в Новосильском уезде, где выращивал сельскохозяйственную продукцию. Так при с. Дмитриевское Семенек у него было 4 земельных участка — 356,61 саженей и один участок 193,00 саженей, при с. Спасское — 368, 94 саженей, при д. М. Лотошок два участка — 346,00 саженей и в др. населенных пунктах.

Всем хорошо известно, что хутор — это отдельное домовладение, отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством. Создавали хутора и крупные землевладельцы. Они не предназначались для постоянного проживания населения. Их роль в основном заключалась для более эффективного использования рабочей техники и наемной рабочей силы. На разных хуторах имелись разного рода постройки, которые предназначались для хранения сельскохозяйственной техники, для временного хранения собранной сельскохозяйственной продукции с близлежащих полей и для других целей.

На хуторах купца г. Ефремова Ивана Ивановича Нечаева происходили и неприятные для него события. В сентябре-ноябре 1910 года на территории отдельных хуторов, расположенных в юго-восточном направлении Ефремовского уезда, было совершено несколько поджогов стогов соломы и сена:

1. При селе Семенек в 9 часов вечера 22 сентября 1910 года сгорело соломы до 1500 копен.

2. 22 сентября 1910 года в 9 часов вечера при сельце Спасском сгорел стог сена до 900 пудов.

3. При сельце Спасском в 8—9 часов вечера 10 октября 1910 года сгорел стог сена до 500 пудов.

4. На хуторе Троенки при М. Лотошок днем 9 ноября 1910 года сгорел омет соломы до 400 копен.

5. На хуторе Лотошок в 8 часов вечера 13 ноября 1910 года сгорел стог сена до 900 пудов.

6. На хуторе Б. Лотошок в 6 часов вечера 20 ноября 1910 года сгорели два омета соломы до 700 копен.

Прибывший полицейский надзиратель Тульского сыскного отделения Моисеев под видом агронома с агентом Шаховым вышли в деревни, где совершались поджоги. В первую очередь они прибыли в д. Лотошок, где проживали подозреваемые. Подозрение в совершении преступлений падало на Гордея Архиповича Чемоданова и Антона Сергеевича Ханина. Они пьянствовали, а Гордей осуждался на три месяца в тюрьму за кражу деревьев, работая сторожем в имении Нечаева при д. Лотошок воровал рожь из риги.

На причастность к поджогам Гордея проверял Шахов. Каких-либо данных к совершенным преступлениям Гордея он не получил. Но Моисеев смог разговорить Антона. Антон рассказал, что однажды он с Гордеем Чемодановым приехали в город Ефремов. На одной из улиц они встретили 3-х лиц, которые в разговоре предложили поджигать имения Нечаева за определенную плату. Он с Гордеем согласился. За будущие совершенные поджоги они получили 9 рублей, т. к. обещали совершить 9 поджогов. Ими были изготовлены самодельные специальные фитиля, которые разгорались длительное время. Объект загорался после того, когда они уже были в других местах, т. е. создавалось алиби. Фитиля были заложены в 8-ми случаях. В 6-ти случаях случились пожары, а в 2-х случаях под стогами сена фитиля не сработали. Они были обнаружены работниками Нечаева. Таким образом к 5 декабря 1910 года преступления — поджоги были раскрыты.

А в ходе производства дознания чинами Ефремовской уездной полиции совместно с Тульским сыскным отделением о поджогах в хуторах Ефремовского Городского головы купца Ивана Ивановича Нечаева были установлены и заказчики. Основную

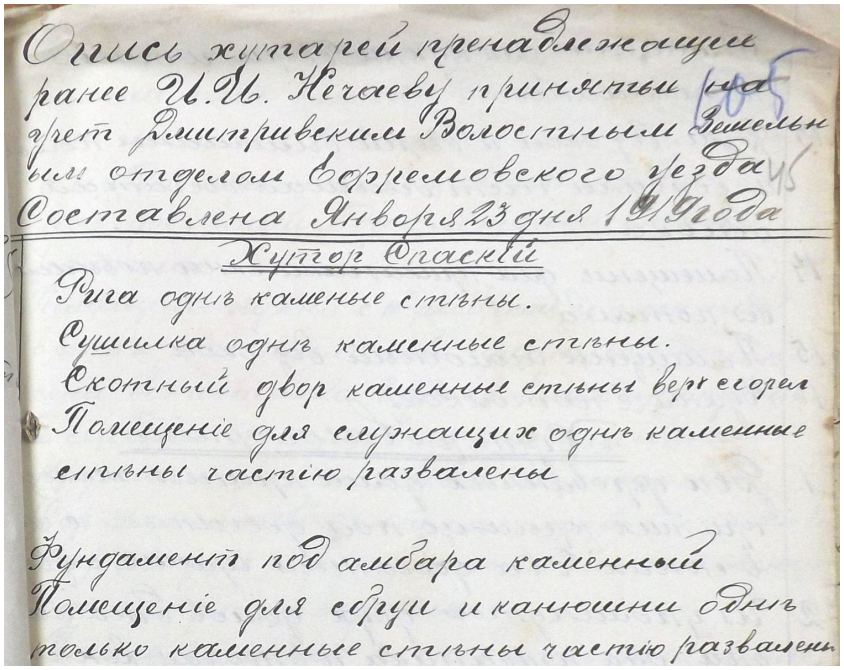
роль в этом заказе играл крестьянин Калужской губернии Калужского уезда Карачевской волости д. Лихун Афанасий Федорович Горин. При обыске его квартиры в городе Ефремове были найдены книги, брошюры и прокламации запрещенного характера. Горин в 1906—1907 годах принадлежал к Ефремовской группе РСДРСП. Лица, причастные к поджогам, собирались в городе Ефремове, в доме садовника Василия Дмитриевича Соколова, тестя Горина. Соколов и Горин были арестованы и дальнейшее расследование проводило жандармское управление.

Революционные события 1917 года явились основанием для погрома усадеб помещиков. Крестьяне уничтожали строения, разворовывали сельскохозяйственные орудия, скот. Не обошли погромы и хутора Ивана Ивановича Нечаева. На январь 1919 года в хуторах Федоровка и Троенки остались только фундаменты от строений. На хуторе Спасский от строений остались каменные стены, отдельные строения были частью развалены. На хуторах Малиновка, Костюрина, Лотошок были разворованы или уничтожены сельскохозяйственные орудия.

Остальное имущество Ивана Ивановича на хуторах конфисковали государственные органы. На 10 июня 1919 года составлялись списки лошадей и рогатого скота, взятого на учет Дмитриевским волостным земельным отделом. У Нечаева И. И. изъято: меринов — 72, кобыл — 6, жеребцов — 1, жеребят — 7, коров — 48, телок — 8, быков — 25.

Из анализа списков усматривается, что часть лошадей и рогатого скота самовольно уведена крестьянами из имений Нечаева. Отдельное количество «живого имущества» было продано волостным земельным отделом жителям волости, и только незначительные остатки безвозмездно переданы в пользование крестьянам. В списках указаны данные жителей, а название населенного пункта их проживания отсутствует.

На момент составления списков основная масса рогатого скота уже была зарезана. О данном факте в списке имеется отметка.


Опись хутарей пренадлежащие
ранее И.И. Нечаеву приняты на
учет Дмитривским Волостным Земельн
ым отделом Ефремовского уезда
Составлена Января 23 дня 1919 года

Хутор Спаский

Рига однѣ каменые стѣны.
Сушилка однѣ каменные стѣны.
Скотный двор каменные стѣны верх сгорел
Помещеніе для служащих однѣ каменные
стѣны частію развалены

Фундамент под амбара каменный
Помещеніе для сбруи и канюшни однѣ
только каменные стѣны частію развалены

Фрагмент листа дела 188 описи 1 фонда Р-57 ГУ ГАТО

У Нечаева И. И. изымался мертвый инвентарь, в который входили сельскохозяйственная техника, орудия труда и конное снаряжение. Мертвый инвентарь, взятый на учет Дмитриевским волостным земельным отделом, составлялся 10 июня 1919 года. В нем указано: имение, наименование инвентаря, качество инвентаря, где находится на хранении, если выдано, то кому с указанием населенного пункта. Инвентарь выдавался жителям поселений волости.

Опишем отдельные имущественные объекты и остальных Нечаевых. Имел домовладения в городе Ефремове и земельные угодья в уезде Нечаев Павел Георгиевич. В карточке на домовладение 1913 года по адресу: город Ефремов, улица угол Красная площадь и Большой, № квартала 40, № в квартале 12, № городской 917 сказано, что владельцем усадьбы с постройками является купец Нечаев Павел Георгиевич. Усадьба за ним значилась по купчей крепости 1905 года. Двор и постройки занимали 416,50 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 35,00 и по улице 12,25 сажень. Земля и постройки не закладывались, но страховались в Московской страховой кампании в 1912 году на страховую сумму 29 400 рублей, при оценочной 30 770. В построенном здании находились 4 жилых комнаты с двумя окнами, отапливаемыми 2-я печами. Но большинство комнат использовалось как торговые — 16 помещений, имеющих 26 окон. На момент составления документа использовалось одно жило-торговое помещение и 9 торговых, которые сдавались. В сдаваемом жило-торговом помещении проживал 1 человек. Двор был замощен камнем и 47 кв. саженей тротуара.

За 1909—1912 годы расходовались деньги на ремонт: здания — 8 483.00 рублей, мостовой — 605.00 рублей, тротуара — 225.00 рублей, ворот и ограждений — 103.00 рубля, а также на различные услуги. На территории усадьбы находилось деревянное здание промышленного назначения и каменное хозяйственного. В одном из торговых помещений располагался часовой магазин.

В карточке на домовладение 1913 года по адресу город Ефремов улица Красная площадь, № квартала 40, № в квартале 10, № городской 915 сказано, что владельцем усадьбы с постройками является купец Нечаев Павел Георгиевич. Усадьба за ним значится по купчей крепости 1905 года. Двором и постройками занято 371,0 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 35,00 и по улице 10,60 саженей. Земля и постройки не закладывались, но все страховалось в Московской страховой кампании в 1912 году на страховую сумму 19 300 рублей, при оценочной 25 900. В построенном здании 3 жилые комнаты имели 5 окон, которые отапливались 2-я печами. 15 комнат, имеющих 20 окон, с 6 печами для отопления были отведены под жило-торговые, а три комнаты, имеющие 6 окон, под торговые. Две жилые комнаты использовались хозяином, в которых проживало 6 человек, одно жило-торговое и одно торговое сдавались.

На усадьбе находилась деревянная помойная яма, чистка которой ежегодно обходилась в 50 рублей. Тротуар площадью 1,60 кв. саженей был замощен. В течение 1909—1912 годов на ремонт здания израсходовано 2 785 рублей, а на ремонт мостовой 200 рублей. Также за вышеуказанные годы понесены расходы на очистку двора в сумме 200 рублей и вставку стекол в сумме 120 рублей. На усадьбе имелось каменное промышленное здание площадью 100,20. Это здание использовалось под хлебный склад.

И еще об одном домовладении Нечаевых. На 1913 год по адресу: город Ефремов, улица Николаевская, № квартала 16, № в квартале 16, № городской 396 владельцем усадьбы с постройками являлся купец Нечаев Павел Георгиевич. Усадьбой занято 588,10 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 50,70 и по улице 11,60 саженей. В построенном здании располагались 3 жилые комнаты, имевшие 5 окон, отапливались одной русской печью. Одно жилое помещение сдавалось.

Имел Павел Георгиевич и земельные угодья в Ефремовском уезде. Вот что известно об одном из них. Имение Павла Георгиевича Нечаева находилось при Копы-

ловском хуторе Ушаковской волости Ефремовского уезда. Размер хутора составлял 5 десятин: на трех десятинах располагались постройки, а остальные — под лесом. Во время национализации Земельным комитетом Ефремовским уезда, после событий 1917 года, составлялись описи экспроприируемого хозяйства и имущества. На хуторе, согласно описи, расположены постройки: контора деревянная, крытая соломой, изба деревянная, крытая соломой, людская кирпичная, крытая железом, двор каменный, крытый тесом, рига, крытая соломой (отметка: развалилась), двухэтажный амбар, крытый железом, два амбара деревянные, крытые железом, сарай деревянный, крытый железом. Из имущества изъято: посуда, различный инструмент, сельскохозяйственные орудия труда, лошади, коровы, птица.

Продолжим описание имущества, принадлежавшего семейству Нечаевых. На 1913 год по адресу: город Ефремов, улица Орловская, № квартала 7, № в квартале 16, № городской 196/199 владельцем усадьбы с постройками являлся купец Нечаев Николай Георгиевич. Усадьба занимала 531,40 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 49,40 и по улице 10,70 саженей. Домовладение не закладывалось, не страховалось. В построенном здании располагались 3 жилые комнаты, имевшие 5 окон, отапливались двумя печами, в т. ч. одной русской. Одно жилое помещение сдавалось, в котором проживало 8 человек. Если верить точности занесения данных в карточку домовладения, то расходы по имуществу этого домовладения ничтожны. С 1909 по 1912 годы было израсходовано всего 2 рубля 80 копеек, только на ремонт здания.

В карточке на домовладение 1913 года по адресу: город Ефремов, улица Большая, № квартала 40, № в квартале 13, № городской 1913 сказано, что владельцем усадьбы с постройками являются наследники купца Нечаева Николая Георгиевича. Двором и постройками занято 409,0 квадратных саженей, в глубь двора расстояние 40,60 и по улице 10,10 саженей. Земля и постройки не закладывались, но все страховалось в Московской страховой кампании в 1912 году на страховую сумму 19 200 рублей, при оценочной 20 210. В построенном здании располагались 24 жилых комнаты, имеющих 45 окон, отапливаемыми 14 печами, в т. ч. 3-мя русскими и 3-мя плитами. Под торговые было отведено 2 комнаты, имеющие 5 окон. Три жилых и одно торговое помещения сдавались. В доме проживали 21 человек.

Двор усадьбы мостился камнем. На его территории находились деревянные помойная и выгребная ямы, на их очистку тратилось 25 рублей в год. 2,20 кв. саженей тротуара было замощено. На его ремонт и мостовой расходовалось по 30 рублей соответственно. Также владельцы оплачивали работу ночного сторожа — 18 рублей.

По адресу: город Ефремов, улица Большая (фасад) и Тургеневская, № квартала 27, № в квартале 9, № городской 702 владельцем усадьбы с постройками указаны наследники купца Нечаева Николая Георгиевича. Усадьба занимала 6115,3 квадратных саженей. Домовладение не закладывалось и не страховалось. В построенном здании располагались 13 жилых комнат, имевшие 13 окон, отапливались восьмью печами, в т.ч. одной русской и плитой. Одно жило-торговое помещение использовалось хозяевами.

Но не всегда хорошо шли дела у купцов Нечаевых. Близ сельца Прилепы Ушаковской волости Ефремовского уезда (в настоящее время деревня Шкилевка Ефремовского района) на 1912 год был расположен винокуренный завод № 51 «Прилепско-Николаевский». Владельцем завода являлся купец 1-й гильдии Нечаев Николай Георгиевич. Винокуренное производство Николай Георгиевич организовал на базе сахарного завода, ранее принадлежавшего дворянам Шкилевым и запущенное в 1910 году. В сезон 1911—1912 годов на заводе вырабатывалось спирта 40% содержания 43 100 ведер (517 200 литров) и барды на сумму 2 835 рублей. Стоимость и доходность заводского имущества составляла 28 000 рублей. Но производство оказалось убыточным. Убыток составил 4 777 рублей 56 копеек.

А что же связывало певца Владимира Александровича Нечаева с городом Ефре-

мов? Дед певца — Николай Георгиевич Нечаев (19.12 1858—7.11.1912), купец первой гильдии, уроженец и житель города Ефремова. Отец Владимира Нечаева — Александр Николаевич Нечаев (1870—1939), также уроженец города Ефремова. А выдающийся советский певец Владимир Александрович Нечаев родился в деревне Ново-Малиново Орловской губернии 15 (28) июля 1908 года. Там он провел детство и в возрасте 17 лет (в 1925 году) уехал в Москву на заработки. Все, что связывало певца с городом Ефремов,— это место рождения отца и деда.

И в заключение приведем отдельные факты о том, с какой «благодарностью» относятся к памяти о Нечаевых в городе Ефремове. Выше отмечалось, что о заслугах, сделанных для города, купцами Нечаевыми пишется и говорится много. Но как сохранена память о них в городе Ефремове — это вопрос уже другой. Захоронения членов семьи Нечаевых производили на кладбище в южной части города, где на могилах стояли надгробные памятники с указанием персональных сведений захороненных. В 1988 году на территории этого старинного кладбища начинается строительство радиотелевизионной передающей станции в городе Ефремове. В 1989 году была построена мачта высотой 250 м. При строительстве станции часть памятников с захоронений вывезли с мусором, а отдельные переместили за территорию станции. Около въезда на станцию находятся и три памятника, ранее находившиеся на захоронениях Нечаевых. Эти памятники стоят на произвольно выбранных местах кладбища, т. е. не на местах захоронения Нечаевых. Они имеют повреждения. Чтобы сохранить эти памятники, группа «ефремовских краеведов» каждое место установки памятников обустроили как отдельное захоронение. Все вновь оборудованные места «захоронений» «ефремовские краеведы» теперь называют как некрополь Нечаевых. Еще и еще раз хочется повториться, что современное место нахождения этих памятников — это не место захоронения Нечаевых. Его сейчас не установить. Поэтому нельзя говорить, что это некрополь. А то, что они оборудовали произвольные места, места старых неизвестных погребений как захоронение Нечаевых — это святотатство, неуважение к обрядам христианства.

Чтобы показать значимость в первую очередь своей личности, индивидуальной фантазией отдельные «ефремовские краеведы» переписывают настоящую историю Ефремовской земли. Установка памятников Нечаевых на старых неизвестных погребениях — это один из примеров. Впоследствии будет трудно разобраться в том, какие события имели место происходить, а что является лишь чьей-то выдумкой.

Обустройство «мест захоронения» велось без разрешения, без документов на установку памятников именно на этот участок старинного кладбища. Работники администрации города Ефремова, ответственные за сохранность культурного наследия, проигнорировали работы группы «ефремовских краеведов». Надгробие — это ценный культурный объект. Возможно, и эти памятники представляют культурную ценность. Над этим вопросом никто не работал.

И закончить свой рассказ хочется тем, что подлинная правда в памяти ефремовцев о Нечаевых останется, как о жителях, радевших о процветании города Ефремова Тульской губернии.

(Использованы документы Тульского государственного архива).

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ
(Рецензия)

Недавно из печати вышла новая книга под названием «Последний бой»* члена Союза писателей России Владимира Григорьевича Сапожникова, которая содержит ряд прозаических произведений, написанных в разные годы и посвященных разным событиям в жизни нашей страны. Это рассказы: «Последний бой», «Ясновидящая», «Уродливое счастье», «Бомжик», «Тетин номер», «Марсианка», «Извращенец», «Знахарь», «Прерванный ответ», «Эксперимент», «Редкостный феномен», «Огурчик», «С носом», «Остров на реке», «Виктор Николаевич», повесть «Русский доктор».

Владимир Григорьевич Сапожников — доктор медицинских наук, профессор. Работал врачом в Тульских больницах. В разное время в составе бригад медиков оказывал медицинскую помощь строителям БАМа (Новая Чара), в 1988 году возглавлял бригаду белорусских медиков в составе Десанта Детского фонда им. В. И. Ленина в городе Ош (Киргизия). В настоящее время заведует кафедрой педиатрии Тульского государственного университета. Автор более 550 печатных работ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Его литературная деятельность убедительна и плодотворна, а произведения отличаются достоверностью изображаемых образов. В них стихия природного оптимизма, глубинной мудрости, светлого юмора.

Он не только интересный автор, но и, без сомнения, добрый и умный человек. Человек многогранного таланта. Читателей подкупает его искренность, доброжелательность, желание поделиться своими мыслями.

В его произведениях целый мир человеческих переживаний и звучат вечные вопросы: добро и зло, человек и общество, любовь и ненависть.

Разнообразные фигуры выписаны им со свойственной автору знанием среды, выпукло и реально. Сапожникову не надо выдумывать сюжеты. Они были с ним рядом. Все события взяты им из окружающей жизни и связаны с судьбами известных ему людей. Он не идеализирует их, не скрывает недостатков, пороков, пьянства и хвастовства.

В рассказе «Последний бой» автор реалистически и честно описывает весь ужас положения, в котором оказались безногий девяностолетний инвалид Иван Сергеевич Кузьмин и его внучка Оля. В годы Великой Отечественной войны он храбро воевал в разведроте, а в мирное время трудился на шахте. Герой Социалистического труда и кавалер боевых орденов.

Дело происходит на Украине в городе Славянске.

Весной 2014 года, после государственного переворота на Украине, часть населения страны отказалась это принять. Протестное движение на Донбассе набрало серьезные обороты. Для подавления этих выступлений были привлечены нацистские отморозки из «Правого сектора», которые отличались крайней жестокостью в отношении мирных жителей: убивали, грабили, насиловали и пытали людей. Большинство этих «патриотов» попросту оказались банальными садистами и извращенцами.

Когда бандиты из «Правого сектора» ворвались в квартиру Кузьмина и попытались изнасиловать его внучку, он из последних сил, превозмогая боль, застрелил насильников. И, добравшись с помощью Оли до кровати, умер.

Здесь мы видим, что жизнь основана на борьбе светлого и темного, добра и зла. И эта борьба происходит в душах людей.

Пафос творческого поиска пронизывает всю ткань повествования. А эмоциональные эпитеты соотнесены с общим колоритом очерка.

---

* Сапожников В. Г. Последний бой. Проза. Тула: Издательство Тульского государственного университета, 2021.— 230 с.

В основу сюжета рассказа «Бомжик» положена жизнь Василия Андреевича, сын которого погиб в Афганистане, а единственный внук погиб в Чечне. Потеряв всех близких людей, он горюет, скорбит по ним. Еще вчера с ним были любимые люди, а сейчас их рядом нет. Хочется услышать родные голоса, увидеть милые глаза... Но сознание говорит о невозможности этого желания. Эта боль в душе разливается безгранично, и с горя Василий Андреевич запил. Однополчанин внука, отвечая на вопрос старика, почему не удается захватить бандитских главарей, сказал ему: «Они днем все становятся мирными жителями, а по ночам стреляют, устраивают в лесах засады. Да, к тому же, и не дают порой... Только вычислим, обложим,— идет сверху команда — отойти... И так уже не раз... Все продается, дедуль... А пацаны наши гибнут...».

Эта жизненная драма была знакома многим родителям, потерявшим своих сыновей в Афганистане и Чечне. Это были суровые реалии, переполненные грустью и отчаянием.

Русский человек живет справедливостью. Пока жива в его сердце справедливость, русский человек поднимется из мрака и грязи. Так произошло и с главным героем очерка.

В Москве, после получения правительственной награды внука, он заступился за бездомного мальчишку — «бомжика» и взял его с собой в деревню.

На таких людях стоит Россия. Сила русских в духе, в душе. Не убить русскую душу, а потому Россия будет всегда.

Богат язык этого произведения, а автор обладает талантом и способностью раскрыть характер героя. Очерк многому учит, многое открывает, заставляет прислушаться к голосу своей души.

«Уродливое счастье», пожалуй, самый грустный рассказ Владимира Григорьевича, в котором он с большой обличительной силой рисует облик одной из современных «хозяек жизни». В нем жизненная дорога главной героини Марии Ивановны — путь разочарований. Она — кандидат наук, создала свою фирму. У нее «появились непривычно много денег, счет в зарубежном банке, новый «Мерседес», охрана, частые поездки в другие страны...».

Возгордилась. Стала высокомерной по отношению к другим людям. И она пытается оградить себя от всего того, что может помешать ее успеху и эйфории.

Эта женщина поражена самонадеянностью и верой в то, что она все может сама, а не с помощью и по воле Бога.

Разбогатев, к мужчинам стала относиться настороженно и недоверчиво. Автор показал нам жизнь этой женщины во всей ее уродливой «простоте». Когда требовалось удовлетворить физиологическую потребность, она за деньги вызывала «партнера», готового исполнить любой ее сексуальный каприз.

Но каждый человек хочет быть счастливым. А это понятие неразрывно связано с любовью, наличием семьи, детей, заботой, помощью и жертвенностью. Любовь захватывает, увлекает, наполняет жизнь красками, она задает смысл. Внимание и любовь родных всегда приятны, дают ощущение полноты жизни.

Всего этого в жизни героини рассказа не было, но ей очень хотелось иметь ребенка. И она, пройдя за границей через искусственное оплодотворение, родила сына — дауна.

Заканчивая рассказ, автор задает вопрос и сам же на него отвечает: «Судьба — злодейка? Как ты бываешь порой беспощадна к человеку... Особенно, если он пытается что — то исправить вопреки тебе и природе».

В «Знахаре» Владимир Григорьевич рассказывает о своем отце и прадеде-знахаре, большом труженике: «Все в домашнем хозяйстве делал своими руками: и косил, и плотничал, и шил лучшие в округе сапоги... Кстати, по этой причине в смутные времена гражданской войны и революций, как сам рассказывал, и сменил свою прежнюю фамилию на фамилию «Сапожников»...

Автор показывает, как люди поддерживали и спасали друг друга в годы Великой Отечественной войны, в трудной ситуации, проявляли внимание, пытались порадовать чем — либо. О прадеде Владимир Григорьевич вспоминает с обожанием и любовью. И тот этого, действительно, заслуживает своей долгой и светлой жизнью.

Владимир Григорьевич пишет: «Его похоронили на холме, на деревенском кладбище над излучиной реки среди могил многочисленной родни и земляков. Я думаю, что ему там спокойно. Когда изредка оказываюсь на малой родине, ощущаю, что здесь по-прежнему живет его неугомонный, невидимый, добрый дух. Дух настоящего русского знахаря. Колдуна, если хотите.

Ну, а я выучился на врача. Занимаюсь врачеванием, лечу людей традиционными методами. Единственное, замечаю, что больные дети быстрее выздоравливают, если поглажу их рукой по голове. А сами маленькие пациенты часто признаются, что им кажется, как моя ладонь излучает тепло. Я этому не удивляюсь — кое-чему прадед успел все-таки меня научить, и завещал обязательно использовать эти во многом необъяснимые пока моменты при проведении терапии».

Я думаю, что правнук сегодня очень порадовал бы прадеда своими талантами и тем, что продолжил дело, начатое старшим членом семьи,— лечение людей.

Многие произведения Сапожникова окрашены добродушным юмором («Огурчик», «Тетин номер», «Ясновидящая», «Эксперимент», «Редкостный феномен», «С носом», «Извращенец», «Виктор Николаевич»), который проявляется и в характеристиках, и в положениях.

Юмор бывает разный. Умение добрым юмором коснуться характера, поведения другого человека, но сделать это безобидно — очень трудный навык. Писатель с этим достойно справляется, изображая череду нелепых и смешных комических ситуаций. Он использует юмор не для жестокого обличения пороков, а для мягкого указания на человеческие недостатки.

Смех спасает нас от жестокости и несправедливости. И как писал Федор Михайлович Достоевский: «Если хотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или как он волнуется благороднейшими идеями, а смотрите на него лучше, когда он смеется. Хорошо смеется человек — значит, хороший человек».

В очерке «Остров на реке» описывается поездка двух молодых парней Сергея и Володи на Оку и связанные с ней размышления об отношениях между мужчиной и женщиной. Остановились они и разбили палатку на речном островке, отдыхают, плавают, мечтают, любуются окружающей природой:

«Стало совсем сумрачно. Луна бельмом повисла на темно-синем небе, освещая притихшую реку, уже окутанную загустевающим туманом, из которого кое-где по берегам Оки светились огоньки костров. Остров, казавшийся в этот час более таинственным, почти необитаемым, темный лес на ближайшем берегу, живущий своей непостижимой жизнью, все вокруг заключало в себе какую-то загадку».

Пейзаж полон глубокого смысла, создает определенное настроение. В нем стирается грань между изображением природы и переживаниями героев.

В повести «Русский доктор» представлен богатейший материал для анализа душевных и моральных переживаний главного героя Степанова Сергея Владимировича. Повесть посвящена участникам Десантов Детского Фонда в Среднюю Азию для оказания медицинской помощи больным детям Киргизии.

Читая это произведение, мы совершаем открытие за открытием, получаем широкое представление о деятельности медицинских работников. И понимаем, что медицина для истинного врача больше чем профессия — она образ жизни.

«Каждый писатель, до известной степени, изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле»,— писал И. Гете. Это утверждение в полной мере относится и к Владимиру Григорьевичу Сапожникову.

Повесть — яркая, живая. В ней поэтизируется честность, бескорыстие медицинского персонала. Сюжет находится в постоянном движении, развитии. Такое выдумать невозможно. Это нужно прочувствовать и понять. В каждом персонаже автор подмечает черты, свойственные только данному типу людей. Дарование писателя разностороннее — он с одинаковым успехом рисует как жанровые картинки, так и живые портреты людей.

Юмор разбавляет повесть, делает ее более легкой для восприятия. И, конечно, поднимает настроение читателей. Он делает серьезное смешным и показывает, что в каждом недостатке есть продолжение достоинства. Поэтому художественная литература и юмор неразделимы.

Большое внимание уделяется автором характеристике моральных качеств и особенностей взглядов персонажей повести. В них столько добра и гуманности, что они волей — неволей находят отклик в сердцах читателей.

Интересен и язык произведения, хотя эпитеты и метафоры употребляются довольно скупо.

Их автора отличает точный и ясный язык, простота и естественность, с которой он облачает свои мысли.

«В простоте слова — самая великая мудрость: пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги»,— говорил Максим Горький.

Произведения Владимира Григорьевича Сапожникова стали откликом на отдельные факты общественной жизни нашего общества.

Он учит житейской мудрости, честности, бескорыстию, уважению к человеческому достоинству. Принцип «соразмерности и сообразности» является руководящим принципом писателя.

В его творчестве отразились глубокие раздумья над смыслом жизни. Они пронизаны болью, душевными муками и переживаниями автора.

Как видим, Владимир Григорьевич с поставленной задачей справился достойно и находится в прекрасной творческой форме. И я абсолютно уверен в том, что из-под его пера выйдет еще не одно прекрасное произведение. Книга получилась, читается с увлечением и, несомненно, найдет благодарного читателя.

Евгений Трещев
(г. Щекино)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ НИКОЛАЯ МАКАРОВА «ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ»

Книжка рассказов Н. А. Макарова «Лето в деревне» написана для детей.

Сюжеты не замысловаты: мальчик Алеша, приехавший на отдых в деревню к бабушке и дедушке, каждый день открывает для себя мир. Ежедневно мальчик сталкивается с новыми для него ситуациями и складывает в свою копилочку правила жизни хорошего человека.

Рассказы написаны простым языком, читаются на одном дыхании и вызывают ощущение релакса, возвращая читателя мыслями в собственное детство. В этом заслуга автора, очень тонко подметившего и точно передавшего все нюансы детского восприятия мира.

Незаметно для себя юный читатель постигает азы мудрого отношения к жизни, учится понимать и принимать окружающее таким, как оно есть, формируя при этом собственное мнение. Ненавязчивые поучения выглядят естественно и становятся аксиомой, потому что в контексте каждой ситуации являются оптимальным решением. Подтверждение истины кроется в диалогах, умело построенных автором с учетом возрастных особенностей героев книжки и их жизненного опыта.

Похожее ощущение испытываешь, читая рассказы для детей Л. Н. Толстого, считавшего важным свойством детской литературы простоту сюжета, лаконичный язык и эмоции, которые обогащают психику ребенка. Все эти особенности в полной мере раскрыты Н. А. Макаровым. Для детей эта книжка может стать маленьким учебником жизни почти до подросткового возраста, а для взрослых — своеобразной терапией, хоть ненадолго способной вернуть человека в его счастливое детство.

Татьяна Михеева,
заведующая Тульской
модельной библиотекой № 3
имени В. Ф. Руднева

«ПОЧЕМУ ЖЕ НЕЛЬЗЯ БЫТЬ КРАСИВОЙ ТАКОЙ?»

В канун Нового года гостем «литературной гостиной» журнала «Приокские зори» стал известный российский поэт — песенник, лауреат премии им. Горького, лауреат премии Ленинского комсомола — ***Михаил Андреев****. Автор многочисленных хитов, таких как: «Отчего так в России березы шумят...», «Тополиный пух», «Самоволочка», «Потому что нельзя быть красивой такой...» и др.*

Песни на стихи М. Андреева исполняют группы «Любэ», «Иванушки International», «Белый орел», «Золотое кольцо», «Фабрика», «Корни», а также Вячеслав Добрынин, Михаил Шуфутинский, София Ротару, Александр Малинин, Дима Билан и др.

Член союза журналистов России ***Николай Тимохин*** *поговорил с поэтом о его жизни и творчестве, задав ему несколько вопросов:*

Николай Тимохин: Здравствуйте, Михаил! Прежде всего, позвольте Вас поздравить с наступающим Новым годом! И пожелать Вам всего самого доброго и новых творческих успехов! Что для Вас — празднование Нового года? Отмечали ли Вы его как-то необычно, так, что очень запомнилось?

Михаил Андреев: Вся наша семья очень любит Новый год. Это всегда неожиданные приключения, неожиданные подарки, немного грустно, правда, бывает, потому что через несколько дней, 6 января, мой день рождения. Поклонницы песни «Тополиный пух» в этот день под мои двери накидают много целлофановых пакетов с тополиным пухом. Насобирают его летом, потом до зимы берегут. Так жизнь и идет.

Н. Т.: Читателям журнала интересно знать, любите ли Вы зиму и есть ли у Вас стихи о природе?

М. А.: Больше всего я люблю зиму. До 18 лет я жил в деревне, где зимой после школы обязательно на лыжах можно уходить далеко в лес. Зимой в Сибири много солнца. Радостное настроение. Мне кажется, у меня все стихи о природе, но присутствие человека там всегда обязательно. Даже песня «Потому, что нельзя...» начинается так: «Отлетела листва, у природы свое обновленье, и туманы ночами стоят и стоят над рекой, твои волосы, руки и плечи твои — преступленье, потому что нельзя быть на свете красивой такой...».

Н. Т.: Михаил, в 1981 году у Вас вышла в свет первая книга стихов «Лиственный свет» в издательстве «Молодая гвардия». А уже через год Вы стали членом Союза писателей СССР. Это пример, достойный подражания. Когда Вы почувствовали себя поэтом, когда написали свое первое стихотворение? О чем оно было?

М. А.: В детстве приходилось косить с родителями много травы, и первые поэтические наблюдения были такими: трава на цыпочки встает, чтоб раньше всех увидеть солнце. Видимо, я вначале научился косить сено и ощутил себя при этом поэтом, а потом научился писать.

Н. Т.: Иосиф Бродский, лауреат Нобелевской премии по литературе, написал в предисловии к Вашей книге «По материнской линии»: «Его стихи привлекают своей угловатостью, пристальностью и настороженностью взгляда на мир. Обладание подобными качествами делает присутствие этого поэта в литературе реальным». Расскажите об этом. Как Вы отнеслись к столь высокой оценки Вашего творчества?

М. А.: Я в то время жил в Сибири, в Томске. Помню, открыл почтовый ящик, а там письмо. Я прыгал через несколько ступенек на пятый этаж. Радости не было предела. Потом текст этого письма перепечатывался в Москве, в центральных изданиях. Для всех это было что-то невероятное. Была в то время для всех трудная жизнь. Я тоже метался. Надо кормить семью. Единственная возможность заработать — это ездить в Китай за вещами и у себя продавать. Но письмо Бродского распрямило мне спину. Я понял, что на верном пути. Семья меня поддержала. Так я не бросил поэзию.

Н. Т.: Фраза из Вашей одноименной песни «Потому что нельзя быть красивой такой» давно уже стала в народе крылатой. А все — таки, можно ли быть красивой? И что лучше — красивая или умная?

М. А.: Это стихотворение я написал в институте. По тексту виден юношеский почерк. Так любить мог только подросток. Но умная все же лучше, это я понял, через очень много лет. Я также понял, что любовь в жизни каждого человека — самое важное, самое главное. Это мы иногда забываем. Даже суп жена должна варить любимому с любовью, иначе, научно доказано, что кристаллы воды изменят симметрию. Это вредно.

Н. Т.: Что есть в Вашем понимании красота вообще? Действительно ли красота спасет мир? И что делать тем женщинам, кто, может быть, не считает себя красавицей?

М. А.: Красота, конечно, не спасет мир. Плохой человек, вооружившись красотой, будет продолжать делать плохие дела, а хороший — хорошие. Женщин некрасивых не бывает. К примеру, когда они вынашивают ребенка, они просто красавицы.

Н. Т.: Михаил, когда я пишу стихи о любви, чаще всего у меня рождается какой — то собирательный женский образ. Ваше стихотворение «Потому что нельзя быть красивой такой» Вы посвятили какой-то конкретной женщине?

М. А.: Это, конечно, конкретный человек. Красивая женщина. Когда-нибудь я расскажу очень подробно о ней, не пропуская ни одного сантиметра, в том числе и из ее биографии. Эти стихи родились от невероятно сильной любви. Я не находил себе покоя. Я метался, как колонок на льдине. Я не спал ночами. Потом все это вылилось в стихотворение, которое вы все знаете.

Н. Т.: В хорошей песне главное все: и музыка, и стихи, и исполнение. И все же, Михаил, чтобы она состоялась, что важнее? И о чем, на Ваш взгляд, сейчас надо написать, что сказать, чтобы эту песню запели все и она стала хитом?

М. А.: У «Любэ» есть песни на мои слова «Главное, что есть ты у меня» и «Трамвай пятерочка». В этих, как и в других песнях, есть душа, это в песне главное. При этом музыка должно точно лечь на слова. Это невероятно сложно сделать. Если это получается, мы от радости просто прыгаем, как дети. К сожалению, случается это не слишком часто. То музыка лучше, то стихи величавее.

Н. Т.: Ни для кого не секрет, что большинство современных песен «не страдают» глубоким смыслом. Об этом уже не раз писалось и говорилось на самых разных уровнях. И не потому это случается, что перевелись поэты-песенники или общество стало менее образованным. А может быть, это от того, что в наше время больших скоростей и мгновенного принятия решений в различных ситуациях люди не хотят задумываться над текстами?

М. А.: Если в песни нет высокохудожественного охвата мира, современности — песня долго жить не сможет, она надоест в первую очередь вначале самим исполнителям. Создать песню — это значит разгадать какую-то важную для людей тайну. Песенный текст отличается от непесенного текста, как невоспитанный ребенок от воспитанного.

Н. Т.: Несколько лет назад Вы переехали жить в Москву. Одна из Ваших читательниц недавно так охарактеризовала Ваше творчество: «...мне кажется, что в Москве у Михаила появился совершенно особенный флер в стихах, какой-то неуловимый подтекст...». Можно ли отсюда сделать вывод, что «белокаменная» как-то по-новому повлияла на Вас? Или все-таки связь с Вашей исторической родиной, Томском,— неразрывна?

М. А.: В Томск я приезжаю очень часто. Для меня неважно, где писать. Все в голове и сердце. А их я вожу с собой всегда. Но много у меня стихов и песенных текстов просто из воспоминаний детства. Группа «Любэ» поет на мои слова такую песню:

Что я в жизни успел? —
Дед сосчитать велел.
Я прошел до конца
курс молодого бойца.
Место нашел у реки,
где лучше клюют окуньки,
за руку сына водил,
правду ему говорил,
правду ему говорил,
хоть и не было сил.

Н. Т.: Я знаю, что песни на Ваши стихи исполняют Вячеслав Добрынин, Михаил Шуфутинский, София Ротару, Дима Билан и многие другие звезды российской эстрады. Есть ли у Вас исполнители, для которых Вы специально пишете песни? С кем из певцов Вам больше всего нравится работать и почему?

М. А.: С Игорем Матвиенко мы написали более 30 песен. Дружим семьями с Расторгуевым и «Иванушками». Без общения трудно писать, да и жить. Общение в жизни главный элемент. Когда я жил в Томске, Расторгуев с сыном специально два раза приезжали к нам в гости — поглубже изучить Сибирь. Уезжали на снегоходах далеко в тайгу. Огромные чувства охватывали нас. Я любовался своей родиной. Коля смотрел на огромную Россию.

Н. Т.: В нашей короткой беседе невозможно вспомнить все Ваши известные песни. Но песня «Отчего так в России березы шумят...» — это своего рода гимн России. Конечно, в одной песне трудно описать всю любовь и все чувства к своей родине. И все же, что для Вас — Россия?

М. А.: Россия для меня это и Сибирь, и Москва. Но главное — люди, одноклассники, с которыми я сидел за одной партой.

Н. Т.: На одной из Ваших фотографий Вы прижимаете к себе медвежонка. Расскажите об этом фото. И каких животных Вы любите? Пишете ли о них?

М. А.: Больше всего я люблю лесную птицу рябчика. Я осенью специально из Москвы приезжаю послушать, как он поет в лесу около Томска. Медвежонок на руках у меня оказался случайно. Он маленький, но уже кусается больно. Сейчас он взрослый медведь. К нему с любовью относятся в одном их охотничьих угодий Сибири.

Н. Т.: Михаил, откройте секрет, над чем Вы сейчас работаете? Что пишете?

М. А.: Так получилось, что я пишу каждый день. Много замыслов. Я пишу не только песенные тексты, где надо для капризной музыки оставлять пространство, но и стихи. В начале 2023 года должна выйти очередная толстая книга.

Н. Т.: У журнала «Приокские зори» большая читательская аудитория. И от ее лица я хочу поблагодарить Вас, Михаил Васильевич, за столь интересную и незабываемую беседу. Что Вы можете пожелать нашим читателям?

М. А.: Друзья, любите близких, будьте терпеливее, внимательнее к ним. Им это необходимо. Я на себе все это испытал.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

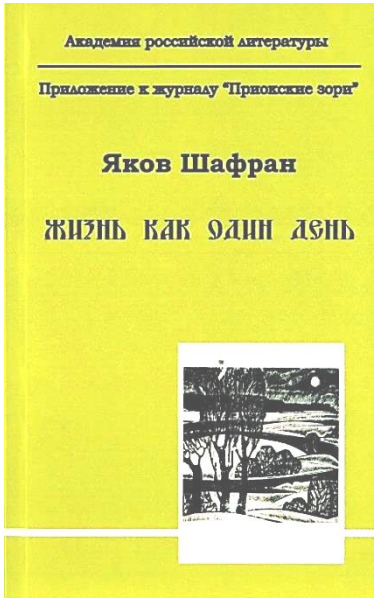
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

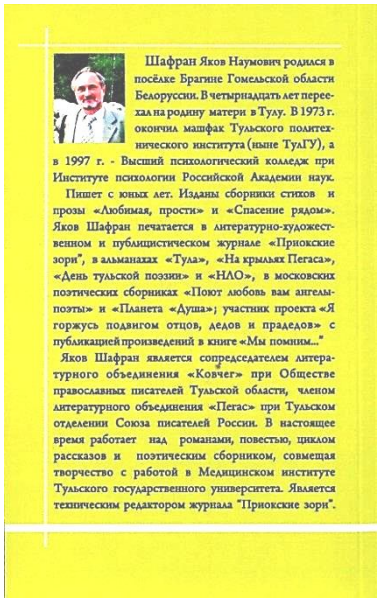
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2021.— № 4. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

2. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2021.— № 2, 3 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

3. *Север*: Литературно-художественный и общественно-политический журнал.— 2021.— № 3 + 4 (опубликованы новеллы Алексея Яшина из цикла «Болдинское межсезонье»).

4. *Донская сотня*. Литературно-художественный альманах (Ростов-на-Дону). Кн. 23.— 2021.— 168 с. (Опубликованы материалы Евгения Скоблова и Алексея Яшина).

5. *Смоленский литератор*.— 2021.— № 4.— 96 с. (Опубликованы материалы Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).

6. *Время Творцов*: Литературный альманах (Смоленск). Кн. 3.— 2021.— 236 с. (Опубликованы материалы Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).

7. *Тарские ворота*: Литературно-художественный альманах.— Вып. 10.— Омск: ИД «Наука», 2021.— 456 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

8. *Смоленский литератор*.— 2021.— № 6.— 103 с. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).

9. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2021.— № 3(128).— 205 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и отзыв Вадимира Трусова на книгу Алексея Яшина «Страна холода»).

10. *Валерий Демидов.* Время дожития. Поэтическая публицистика.— Тула: Полиграфинвест, 2021.— 360 с.

11. *Валерий Демидов.* Время не властно: Поэты и писатели.— Поэзия в образах: Авторский поэтический видеоцикл Валерия Демидова. Вып. 1.— Тула: «Крылья души», 2020.— 71 с. (Комплект книга + видеодиск).

12. *Валерий Демидов.* Время не властно: Святые земли русской.— Поэзия в образах: Авторский поэтический видеоцикл Валерия Демидова. Вып. 2.— Тула: «Крылья души», 2021.— 75 с. (Комплект книга + видеодиск).

13. *Константин Струков.* Осенний листопад: Избранные стихи.— Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020.— 468 с.

14. *Владимир Сапожников.* Последний бой: Проза.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2011.— 230 с.

15. *Татьяна Ерохина.* Двадцать лет счастья: Книга стихов.— М.: Образ, 2011.— 148 с. (Поэтическая серия «Вдохновение»).

16. *Николай Макаров.* Детство, отрочество, юность военного врача Макарова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2021.— 108 с.

17. *Николай Макаров.* Армейские будни военного врача Макарова.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2021.— 204 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 11.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 280 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *На крыльях Пегаса*: Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 19.— Тула: Изд-во PRINT 71, 2021.— 242 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Алексей Яшин.* Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Алексей Яшин.* Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени: Романновеллино (двенадцатая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражы», 2021.— 383 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *На лирической волне*: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори»: Песни, романсы, стихи, статьи, рецензии. Вып. 8.— Тула: Изд-во «Акварiус», 2021.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Тульская сторонка*: Региональный музыкально-литературный альманах: Песни, романсы, стихи, рассказы, очерк. Вып. 9.— Тула: Изд-во «Акварiус», 2021.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр.

журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2023-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Евгений Скоблов

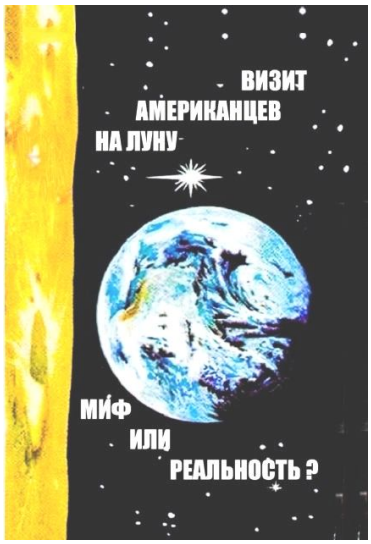
Уважаемые друзья, коллеги!
В рубрике «ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ»
предлагаем вашему вниманию обзор нового коллективного издания

«Визит американцев на Луну: миф или реальность?». Сборник историко-публицистических статей.— [б. м.] : Издательские решения, 2021.— 192 с. ISBN 978-5-0055-6747-5 (ИР по лицензии Ridero 2021). В авторский коллектив сборника вошли известные российские и зарубежные писатели, публицисты и литературные критики: Роман Тишковский, Михаил Лапшин, Алексей Яшин, Александр Тарасов, Хелью Ребане, Евгений Скоблов. В книге размещен раздел «Художественные работы», в который включены картины известных российских художников Евгении Кокоревой и Виктории Просвирниной.

С 2 по 6 декабря 2021 года в Москве в Гостином дворе проводится международная ярмарка интеллектуальной литературы NON/FICTION-23. Книга будет представлена на этой выставке, где ее можно будет приобрести, и уже сейчас она вошла в подборку «Хиты non/fictio№23» интернет-магазина Rideró.

Более подробно с книгой можно ознакомиться по ссылке:
https://ridero.ru/.../vizit_amerikancev_na_lunu_mif_ili.../

Правление и коллектив Академии поздравляет авторов с изданием, желает всем доброго здоровья и новых творческих успехов!



Евгений Скоблов

7 декабря в Бирюзовом зале Дома Ростовых прошло итоговое общее собрание за 2021 год. Расширенный отчет о собрании будет представлен чуть позже. В повестке дня собрания:

1. Выступление председателя Правления АРЛ, главного редактора литературного альманаха «Московский Парнас» Р. К. Тишковского.

2. Итоги творческой деятельности Академии во втором полугодии 2021 года. (Е. М. Скоблов).

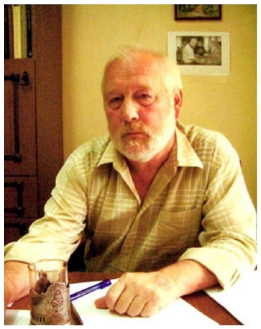
3. Подведение итогов творческих конкурсов, проводимых с участием АРЛ в 2021 году, награждение победителей и участников конкурсов. Презентация итоговых конкурсных изданий (Н. Е. Иванова-Харина).

4. Обсуждение текущих организационно-технических вопросов (Е. М. Скоблов, О. Г. Карагодина).

5. Вручение наградных знаков участникам собрания.

6. Памятная фотосессия (О. Г. Карагодина).

Почетной грамотой награждены члены московского отделения Академии. Решением Правления наград также удостоены члены Академии из регионов Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья. Мы очень рады приветствовать наших добрых друзей, знаменитых и талантливых авторов и издателей из Болгарии, Белоруссии, Словении, США, Таджикистана. Желаем всем добра, здоровья, новых больших успехов в творчестве!



Евгений Скоблов

Дорогие друзья!

Сегодня из издательства получен сигнальный тираж издания «Визит американцев на Луну: миф или реальность?» В период с 2 по 6 декабря 2021 года книга была представлена на Международной книжной ярмарке Nonfiction23 (Москва, Гостиный двор).

Еще раз выражаю благодарность коллегам, членам Академии российской литературы, принявшим участие в подготовке сборника: Михаилу Лапшину, Роману Тишковскому, Хелью Ребане, Александру Тарасову, Алексею Яшину, художникам Виктории Просвирниной и Евгении Кокоревой, и передаю пожелания доброго здоровья и новых творческих успехов!

ОТЧЕТ
о творческой деятельности Академии российской литературы в 2021 году (выдержки)

Творческая деятельность Академии российской литературы (далее — АРЛ) в 2021 году была организована и проводилась в соответствии с законодательством Российской Федерации, рекомендациями руководства МГО Союза писателей России и Уставом организации. В условиях ограничений, связанных с пандемией коронавируса и других трудностей организационного и технического характера, активная творческая деятельность членов Академии московского и региональных отделений, тем не менее, всемерно способствовала достижению достаточно весомых литературных, просветительских и образовательных результатов. Выпуск литературно-художественной периодики, коллективных и собственных художественных и публицистических изданий проводился в соответствии с творческими планами. При непосредственном участии членов Академии были организованы и проведены различные литературные конкурсы, фестивали и иные творческие мероприятия. В течение года большая группа членов Академии принимала личное участие во всероссийских и международных литературных форумах, многие награждены почетными литературными наградами.

Правление Академии сердечно поздравляет всех наших литераторов с успешным окончанием 2021 творческого года, желает крепкого здоровья и новых больших творческих достижений!

Предлагаем вашему вниманию краткий отчет о творческой деятельности Академии за 2021 год.

Приносим извинения за то, что не все события, достижения и издания отмечены в настоящем отчете (полагаем, что для этого понадобилось бы издать небольшую брошюру), напоминаем, что практически о всех достижениях членов Академии мы постоянно информируем на полосе Академии в Интернете.

1. Издательская деятельность.

Периодика и коллективные издания.

— Альманах «Московский Парнас» №№ 4/2020; 1,2,3/2021 г.

(главный редактор Роман Тишковский)

— Журнал «Приокские зори» №№ 4/2020; 1,2,3 /2021 г.

(главный редактор Алексей Яшин)

— Альманах «Донская сотня» №№ 20, 21, 22/2021 — главный (главный редактор Сергей Даштамиров)

— Альманах «Ковчег» № 11/21 г.

(главный редактор Яков Шафран)

— Антология современной публицистики АРЛ

(руководитель проекта Михаил Лапшин)

— Сборник произведений литературно-художественного конкурса «Открытый Космос»

(руководитель проекта Наталья Иванова-Харина)

— Коллективный сборник авторов — членов АРЛ (Е. Скоблов, М. Лапшин, Р. Тишковский, Х. Ребане, А. Яшин, А. Тарасов) по космической проблематике «Визит американцев на Луну: миф или реальность?»

(руководитель проекта Евгений Скоблов)

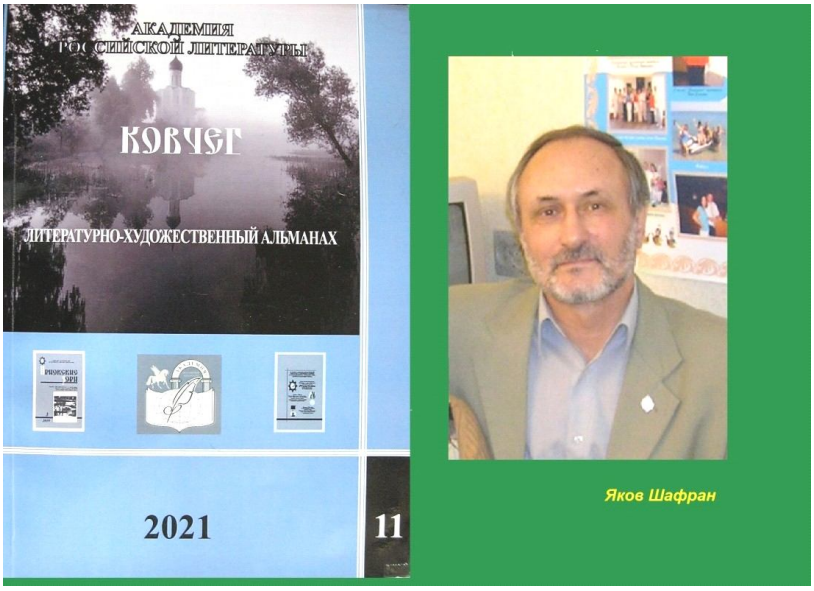
— Члены АРЛ: М. Гольберг (Зайцева), П. Гулдедава, В. Коблов, Л. Сидорова, Р. Тишковский, И. Ильина (Федорова) приняли участие в Справочнике МГО СП России «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало... Энциклопедия».

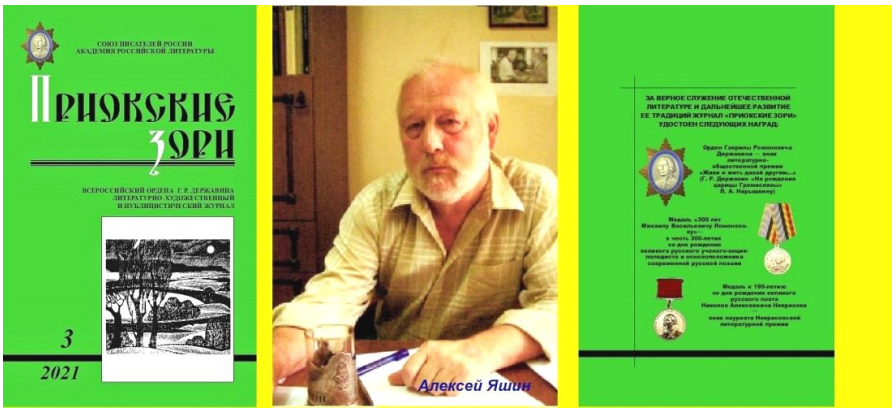
— Собственные издания авторов — членов АРЛ.

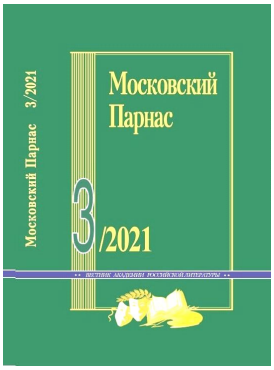
В 2021 году были изданы и представлены в группе Академии в Интернете новые книги наших авторов:

Р. Тишковского, А. Ковалева, А. Мара, Т. Че (Чегловой), О. Карагодиной, Е. Скоблова, М. Гольберг (Зайцевой), Х. Ребане, А. Лысенко, К-А. В. Брзин, Н. Кубенской, А. Тарасова, М. Морозова, И. Руховича, А. Шепеля, Е. Пахомова, Л. Безусовой, Х. Гаюбова, Н. Гай, О. Севрюкова, И. Тимченко, М. Салима, Н. Ивановой (Хариной), И. Ильиной (Федоровой), А. Яшина, а также многих наших больших друзей, талантливых литераторов, не являющихся членами АРЛ, но постоянно присутствующими в творческой сфере Академии.

Правление Академии выражает СЕРДЕЧНУЮ благодарность нашему издателю — председателю Литературного сообщества «НОВЫЕ ВИТРАЖИ» — Марине Юрьевне ЧАЙКИНОЙ за высокое качество, оперативность и художественное оформление изданий Академии и собственных книг авторов — членов АРЛ.







Сообщаем, что из типографии получен тираж очередного № 3/2021 литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС»

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Владимир Еременко сменяет Вячеслава Огрызко
(В «Литературной России» с сегодняшнего дня — новый главный редактор)

Решением совета учредителей В. В. Еременко назначен редактором газеты единогласно от числа присутствовавших на собрании. Протокол для Минюста подписан и заверен надлежащим порядком. В. Огрызко предоставлено пять дней для передачи документов и печати новому главному редактору. ООО «Союз писателей России» является одним из учредителей АНО «Редакция газеты «Литературная Россия». От СП России на собрании присутствовал председатель Союза писателей Николай Иванов.

Иван Тараев

БЕЛОВЕЖСКОМУ СГОВОРУ — 30 ЛЕТ
Информационщики начали готовиться к 30-летию подписания Беловежских соглашений

В Союзе писателей России прошли съемки телекомпании «Мир», во время которых председатель СП России Николай Иванов рассказал как о закулисье Беловежского сговора, так и продемонстрировал уникальные экспонаты, приобретенные им во время работы над романом об этих событиях «Реки помнят свои берега» — пишущую машинку «Оптима», на которой была поставлена точка в истории СССР, и последний флаг роты почетного караула СССР.

Фото Анна А.

Людмила Семенова
ЧЕРКАШИН В МУРМАНСКЕ

Николай Андреевич Черкашин — известный писатель-маринист, автор около семидесяти книг. В конце ноября Николай Андреевич отметил свой 75-летний юбилей. В ноябре же вышел седьмой том из 10-томного собрания сочинений писателя «Студеный флот».

Сегодня, 7 февраля, начались Дни прозы Николая Черкашина на Северном флоте, родном для писателя-мариниста, поскольку сам он когда-то служил в Полярном на 4-й эскадре подводных лодок.

Первая встреча с моряками состоялась на тяжелом атомном крейсере «Петр Великий». Николай Черкашин подарил экипажу свои книги, рассказал о процессе творчества, ответил на многочисленные вопросы, прочитал стихи известного флотского поэта Вл. Тыцких, с которым его связывает давняя дружба. В финале встречи свой песенный привет передала

замечательная исполнительница народных песен Татьяна Семушина. И хотя они прозвучали в записи, моряки приняли их всей душой.

ЖУРНАЛЫ, УЧРЕДИТЕЛЯМИ КОТОРЫХ ЯВЛЯЕТСЯ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ ИЛИ КОТОРЫЕ ВЫХОДЯТ В СТАТУСЕ «ПРИ СОДЕЙСТВИИ СП РОССИИ»

По решению XV съезда три прозаических произведения и пять поэтических подборок в журналах, имеющих данный статус, на Приемной комиссии рассматриваются как отдельные книги.

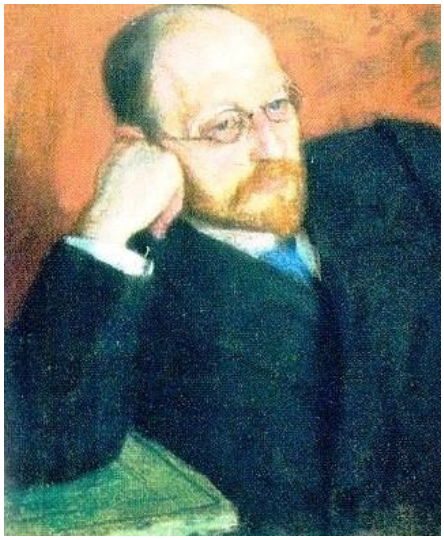
«Александръ» (г. Мичуринск Тамбовской области)
«Бельские просторы» (г. Уфа, Республика Башкортостан)
«Берега» (г. Калининград)
«Волга 21 век» (г. Саратов)
«Врата Сибири» (г. Тюмень)
«Дальний Восток» (г. Хабаровск)
«Двина» (г. Архангельск)
«День и ночь» (г. Красноярск)
«Дон новый» (г. Ростов-на-Дону)
«Краснодар литературный» (г. Краснодар)
«Молодая гвардия» (г. Москва)
«Москва» (г. Москва)
«Наш современник» (г. Москва)
«Огни Кузбасса» (г. Кемерово)
«Подъем» (г. Воронеж)
«Приокские зори» (г. Тула)
«Родная Ладога» (г. Санкт-Петербург)
«Севастополь» (г. Севастополь, Республика Крым)
«Север» (г. Петрозаводск, Республика Карелия)
«Сибирские огни» (г. Новосибирск)
«Сибирь» (г. Иркутск)
«Территория слова» (г. Краснодон, ЛНР).

Список журналов пополняется по мере обработки данных.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЯ — МАРТА 2022 ГОДА

Г. Кордик. Портрет Евдокии Петровны Ростопчиной (1846)

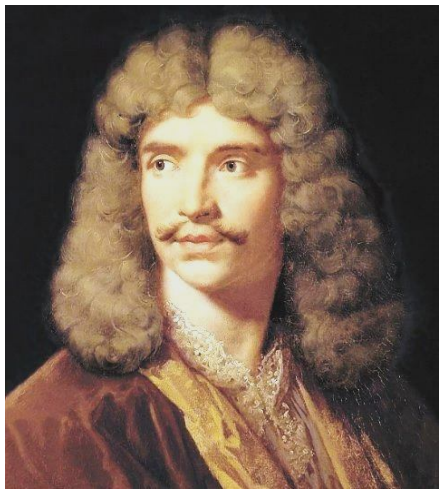
4 января 2022 года исполнилось 210 лет со дня рождения известной русской поэтессы Евдокии Петровны Ростопчиной (1812 — 1858)



Сергей Малютин. Портрет Викентия Вересаева. 1919 г.

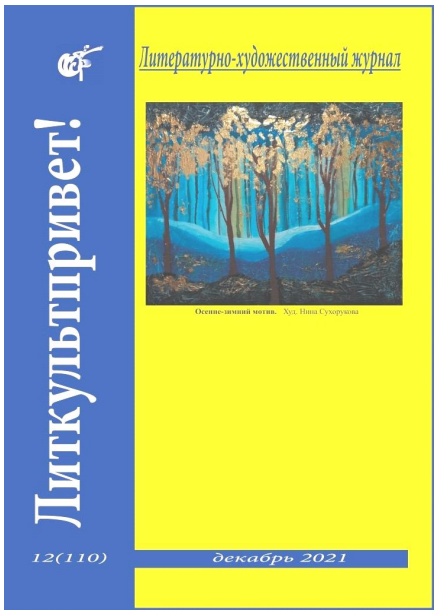
16 января 2022 года исполнилось 155 лет со дня рождения крупного русского и советского писателя и переводчика Викентия Викентьевича Вересаева (Смидовича) (1867 — 1945)

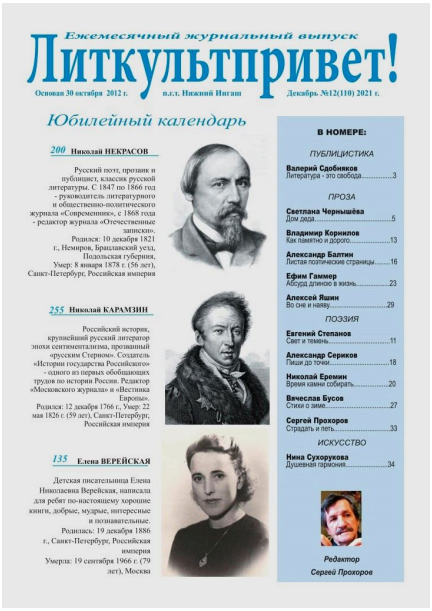
2 февраля 2022 года исполнилось 140 лет со дня рождения ирландского писателя Джеймса Джойса (1882 — 1941), автора романа «Улисс», открывшего новое течение в европейской и мировой литературе XX века



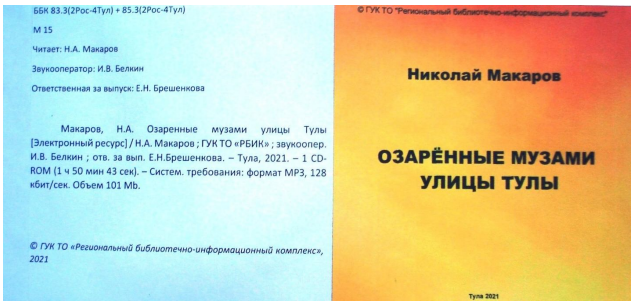
15 января 2022 года исполнилось 400 лет со дня рождения классика французской и мировой литературы, драматурга и основоположника европейского театра Нового времени Жана Батиста Мольера (1622 — 1673)

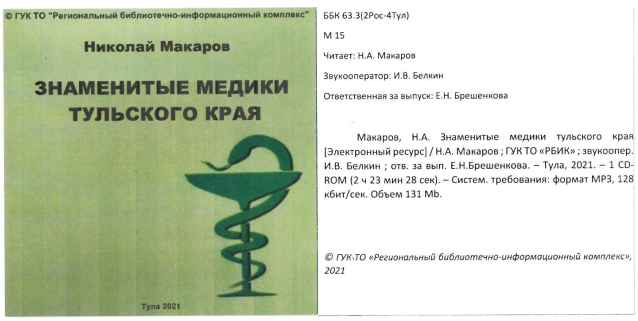
В № 12 (110) 2021-го года литературно-художественного журнала «Литкультпривет!» (глав. редактор С. Т. Прохоров) опубликован рассказ А. А. Яшина «Путешествия на машине времени во сне и наяву».



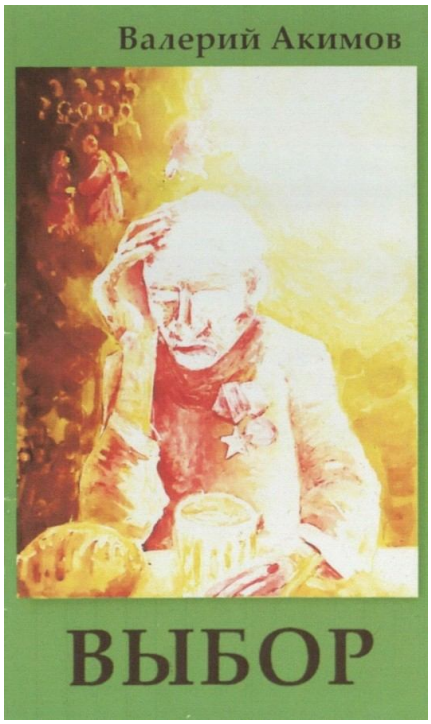


Тульская областная специальная библиотека для слепых выпустила аудиодиски книг «Озаренные музами улицы Тулы» и «Знаменитые медики Тульского края» в авторском исполнении члена Союза писателей России, Российского союза ветеранов Афганистана Николая Макарова.





В 2021-м году у постоянного автора «Приокских зорь» Валерия Акимова вышли две новые книги:



ББК 75(Рос 2= 422.1)5-4б
А 49

Акимов Валерий

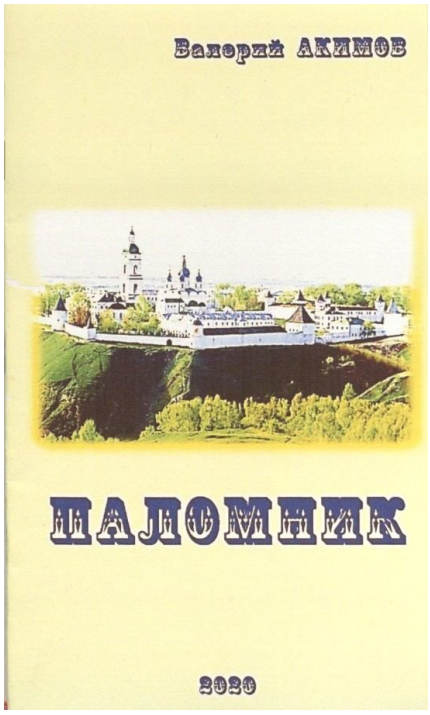
А 49. ВЫБОР (стихи, многократно публиковавшиеся в разных изданиях)

Тип издания / В. Акимов. –
Кисловодск: Изд-во: КВН-49.
- 2021 – 44 с.

В книге Валерия Акимова ВЫБОР представлены стихотворения, каждое из которых было опубликовано не менее десяти раз: в авторской книге, коллективном стихотворном сборнике, альманахе, антологии, хрестоматии, энциклопедии, журнале, газете....

ISBN 9987- 501047-584-3

Акимов В. 2021
КВН-49, 2021.



ББК 84(2Рос=Рус)6
А 39

А 39 Акимов В.
ПАЛОМНИК:
поэма. –
Кисловодск:
Изд-во КВН-49,
2020. – 20 с.

ISBN 978-5-89988-959-2

Поэма «Паломник» написана
Валерием Акимовым в июне 2004 года
в г. Тобольске во время празднования дней
Иоанна Тобольского.
После уроков «Родиноведения»
Анатолия Омельчука
в поэму внесены дополнения.

Фото: Н. Денисов
Обложка: Е. Акимова
Тираж: 300 экз.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) поля файла обычные;

2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;

3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);

2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2022
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2021 ГОД

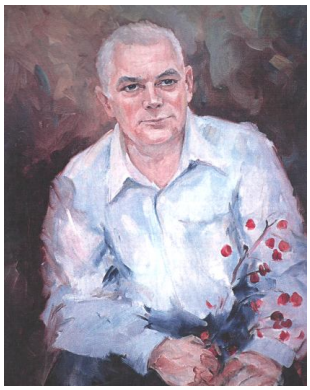
Олег Пантюхин (вручает министр культуры Тульской области Татьяна Вячеславовна Рыбкина)

Мстислав Казанский (второй слева) — после вручения премии

Евгений Асташкин — после вручения премии «Левша» им. Н. С. Лескова

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЛЕВША» ИМ. Н. С. ЛЕСКОВА ЗА ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» ЗА 2021 ГОД

Евгений Иванович Асташкин — в номинации художественной прозы. Удостоен звания лауреата за рассказы, опубликованные в №№ 1, 2, 2021 «ПЗ» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; зам. главного редактора альманаха «Тарские ворота» (Омск), член Союза российских писателей, автор двадцати изданных книг, многих публикаций в российских литературных изданиях, дипломант литературных конкурсов. Живет и работает в Омске.



Николай Николаевич Еремин — в номинации поэзии. Удостоен звания лауреата за опубликованный в № 2, 2021 «ПЗ» цикл стихотворений «Personalia» «Сладкие желания» и за активное участие во всероссийском литературном процессе; выпускник Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей СССР, Союза российских писателей и международного ПЕН-клуба, автор-составитель ряда альманахов серии «Миражист», лауреат и дипломант различных литературных премий, автор собрания сочинений в 6 т., многих других публикаций в журналах и отдельно изданных книг, отмечен литературными наградами. Живет и работает в Красноярске (портрет работы художника Николая Балышева).

Людмила Анатольевна Воробьева — в номинации литературоведения и литературной критики. Удостоена звания лауреата за опубликованные в №№ 1, 3, 4, 2021 «ПЗ» очерки актуального современного литературоведения и за активное участие в белорусском и всероссийском литературном процессе; член Союза писателей Белоруссии, автор трех книг литературной критики и многих публикаций в белорусских, российских и зарубежных литературных изданиях, удостоена ряда белорусских, российских и международных литературных премий и наград. Живет и работает в Минске.

Александр Львович Балтин — в номинации литературной публицистики. Удостоен звания лауреата за опубликованные в №№ 1 — 4, 2021 «ПЗ» очерки к юбилеям выдающихся русских писателей и за активное участи во всероссийском литературном процессе; зав. отделом поэзии журнала «Северо-Муйские огни», член Союза писателей Москвы, почетный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ, автор многих публикаций, лауреат ряда российских, белорусских и зарубежных литературных премий. Живет и работает в Москве.